

Борис Сапожников

БОЛЬШАЯ ИГРА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С19

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *Владимир Гурков*

Сапожников, Борис Владимирович
С19 Большая игра / Борис Сапожников.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2016.— 413, [1] с. (Историческая фантастика.
Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-098276-9

Альтернативный XIX век. Не изобретен порох, но до сих пор существуют гладиаторские бои, и граф Остерман-Толстой, изгнанный из светского общества, зарабатывает на жизнь участием в них. Однажды ему и его товарищам пришлось столкнуться с необычным противником — существами, в чьих жилах течет не только человеческая кровь. Появился новый враг, общий для всех людей, и как это повлияет на Россию, недавно пережившую и в этой реальности Крымскую войну?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 15.06.16.
Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 2000 экз. Заказ № 5005.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Борис Сапожников, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Местъ принца Альберта

54283

Глава 1

ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Лондиниум — старинный город, основанный еще римлянами на берегу реки Темзы. В те незапамятные времена он был самой глухой провинцией, некой Тмутараканью, куда посылали за смертью в порыве гнева своих недругов не сдержанные на язык плебеи, а быть может, и патриции. Кто же знает, каковы они были — те патриции? Вполне возможно, не изъяснялись высоким штилем, как в тех письменных источниках, что дошли до наших дней. Бог весть какими увидят нас потомки лет через полтысячи. И я был уверен, что, глядя на арену гладиаторских боев, они вовсе не изрекали ничего высокопарного, а орали и галдели, подобно громадной стае чаек, вьющейся над свалкой.

Я не любил Лондиниума, как, впрочем, и всего, что так или иначе связано с Британией и всем британским. Особенно же меня раздражал здешний язык. Даже немецкое «гавканье» куда приятнее на слух, нежели местная речь. В каждом немецком слове слышится стальной отзвук мощных боевых машин, готовых смести все живое с поля боя, лязг доспехов германской тяжелой кавалерии, которая немногим уступает этим самым

машинам. У англичан же вечно словно каша во рту. Порой разбирать их бормотание весьма не просто, особенно когда твой собеседник пьян в доску или уже успел сделать хорошую затяжку опиума. И ведь именно с такой публикой мне — графу Остерману-Толстому, сыну героя Революционных войн, чей Егерский корпус штурмовал в составе Коалиционной армии Лютецию Парижскую, — приходилось общаться чаще всего. Конечно, в то время, когда я не развлекал почтеннейшую публику смертельными боями на арене цирка. А с кем еще прикажете общаться лишенному чести, хотя и оставшемуся при ничего не значащем титуле дворянину?

Много лет, после того как меня публично ошельмовали и сломали шпагу над моею буйной головой (предварительно сорвав эполеты, все полученные за несколько лет службы и Крымскую кампанию награды, а после и сам мундир), я кочевал по дорогам Европы вместе с группой таких же изгнанников, чьим ремеслом была война. И только война. Теперь же им стало банальное убийство — да еще и на потребу публике, прикрытое, словно фиговым листочком, словом «игроки».

Теперь нас — гладиаторов — принято было именовать игроками. Как будто от этого менялся смысл нашего кровавого и жестокого дела. Мы развлекали почтеннейшую публику, собирающуюся поглазеть на чужую смерть и чужие страдания на аренах древних цирков, оставшихся еще со времен Римской империи. Или же на специально наспех сколоченных трибунах, возведенных прямо на центральных площадях небольших городов. А для тех, кто попроще, так и вовсе на расчищенных площадках, окруженных вопящей и распадающейся от крови толпой.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

В этот раз судьба занесла нашу команду в столицу Британии — в тот самый Лондиниум. Нас пригласили на Большие игры по случаю сороковых именин возлюбленного королевой и, как следствие, всей Британией принца Альберта. Принца Саксен-Кобург-Готского я ненавидел всей душой, и именно из-за последней трети его длинной фамилии. Ведь именно из-за нее консорт¹ Британии был великим магистром Готских рыцарей, которых я очень хорошо помнил по Арабату. Правда, сам он в Крыму так и не появился, хотя его портреты мы находили в захваченных шатрах новоявленных крестоносцев после страшного боя под Инкерманом.

Эти бессвязные мысли медленно текли в моей голове, пока мы на катере поднимались вверх по Темзе. Я стоял, опершись ногой на фальшборт, глядел на проплывающий мимо громадный город. Да, теперь Лондиниум нельзя назвать глухой провинцией. Пускай он и расположен за много верст от признанного центра Европы — Лютеции Парижской, однако уже давно предъявляет свои права на ее место. И не без оснований.

Достаточно только поглядеть на него, раскинувшегося по карте громадным спрутом, протянувшим вдоль Темзы по обоим ее берегам свои щупальца. Вытянувшего вверх закопченные трубы заводов, кующих промышленную мощь Британской империи. Он разделен на несколько крупных районов, называющихся боро, соединенных линиями метрополитена, поезда которого никогда не останавливаются. Даже под

¹ *Консорт*, или *принц-консорт*, или *принц-супруг*, — супруг правящей королевы, сам не являющийся суверенным монархом в своем праве (за исключением тех случаев, когда он сам является королем другой страны). Титулование — королевское высочество.

рекой проложены сырые тоннели, которые машинисты стараются проскочить как можно скорее, ведь обрушения в них еще не так давно были едва ли не обычным явлением.

— Не стоит так глазеть на их город,— я и не заметил, как ко мне подошел Корень. Впрочем, он ходил почти бесшумно — сказалась пластунская выучка. Я обернулся к нему, но он ответил прежде, чем я успел спросить, почему это мне, собственно говоря, и не поглядеть на Лондиниум так, как мне хочется. Была у него такая скверная и крайне раздражающая привычка.

— Ты волком глядишь,— сказал он,— будто ненавидишь весь этот город и каждого, живущего в нем.

— А что, если так оно и есть?

— Местным этого показывать не стоит.

Корень указал мундштуком своей неизменной трубки на сына хозяина катера — совсем еще мальчишку, крепко держащего румпель. Он кидал на меня совсем недружелюбные взгляды. Сказать по чести, мне было на это наплевать. Даже если задираться начнет — тем лучше, будет на ком зло сорвать. Его папаши, иногда выглядывающего из кочегарки, я ничуть не опасался. Мне не нравилось находиться в самом сердце ненавистного врага всего русского. Быть может, лондиниумские обыватели и не были мне врагами, как и большая часть населения Британии, однако их страна — другое дело. Не было у России врага более коварного, подлого, а главное — последовательного, нежели Британия.

— Нам перед ними еще драться,— заметил Корень, начиная аккуратно набивать трубку.

— Уж точно не перед ними,— покачал головой я.— Выступать мы будем вон там,— указал я на монументальную громадину Лондиниумского Колизея.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Его было видно почти из любой точки города — даже лес труб промышленных районов не загромождал этот памятник истинно британскому тщеславию. Здешний Колизей почти в полтора раза превосходил знаменитый римский, но все равно Олимпийские игры проходили только там. Это было главным условием барона де Кубертена, возродившего их в современном виде и ставшего первым и пока еще бессменным председателем Олимпийского комитета.

— Туда обывателей не допустят, — объяснил я. — Даже худшие места достанутся зажиточным купцам или армейским офицерам.

— А этим где развлекаться? — удивился Корень.

— Слушать в здешних кабаках — они пабами называются — трансляции по радио. Да и по всему городу откроют арены поменьше, но там будут сражаться игроки не нашего уровня.

— Вон как ты заговорил, — рассмеялся Корень. — Прямо прет от тебя господской спесью. Забыл, поди, как мы начинали и где.

— Не забыл, — ответил я. — Совсем не забыл.

Выгородка из веревок, едва сдерживающая орущую толпу, и неизменная грязь под ногами. Очень быстро земля становится грязью во время схваток игроков — даже в самые жаркие дни засушливого лета. Она легко напивается кровью, становясь жирной, будто чернозем, и липнет к одежде и коже так, что кажется, ее и не отмыть никогда.

— Тарас все еще не в форме после той заварухи у немцев, — сказал наконец Корень. Он явно пришел ко мне не затем, чтобы вести беседы о том, как я гляжу на Лондиниум. — Он храбрится, вид держит, но на

каждой тренировке видно, как ему больно. Надо его доктору толковому показать.

— Показывал уже,— с досадой отмахнулся я.— И знаю, что с Тарасом все совсем не так гладко, как ему хотелось бы. В Гамбурге врач сказал, что Тарасу нельзя выступать, как минимум, пару месяцев. Тот здоровяк-немец ему не только ребра попортил — он ему потроха все отбил напрочь. Внутренних кровотечений не было, по крайней мере тогда, но Тарас должен себя беречь.

— Так чего ж ты его с нами потащил?! — пыхнул трубкой Корень. Лицо его исказилось от гнева, густые, как и положено всякому уважающему себя заporожцу, усы встопорщились, будто у разъяренного кота.

— Он себя на тренировках не бережет,— пожал плечами я.— Да и что мне было делать? Бросить в Гамбурге, выдав его часть призовых, так, что ли? Надолго бы ему хватило тех денег, как ты думаешь? — Страсть к мотовству, присущая нашему рукопашному бойцу, была отлично известна всем в группе.— И где бы мы нашли так быстро другого рукопашника, а? Тарас даже не в форме даст сто очков форы любому игроку из тех, что могли нам предложить ланисты в Гамбурге. Ты бы хотел в нашу группу немца?

— Хватит уже,— пробурчал Корень,— совсем ты меня заклевал. Но выводить сейчас Тараса на бой — это ж убийство.

— Вот и присмотри за ним,— ответил я.— И я тоже буду приглядывать.

— Будет у тебя время приглядывать, как же.

Тут запорожец был прав на все сто. Тяжелому бойцу, если придерживаться старинной классификации,

гопломаху¹, во время боя вовсе не до того, чтобы приглядывать за рукопашным бойцом. Пускай у Корня тоже будет немало забот, но он все-таки намного быстрее меня и сможет при случае хоть чем-то помочь Тарасу.

Катер причалил к Гладиаторской пристани, расположенной ближе всего к Колизею. Я расплатился с его хозяином, воняющим гарью и виски мистером Смитом, и моя команда сошла на берег. Наше долгое путешествие по морю, а после — вверх по Темзе закончилось.

Я сходил последним, придирчиво осматривая по привычке всех своих бойцов.

Первым быстро, пружинисто шагал карабинер Армас Мишин — здоровяк с песочного цвета волосами и роскошными усами, каким, наверное, завидовал втихомолку даже Корень. Был он родом из Ингерманландии, вся родня его служила солдатами или унтерами в разных полках Российской империи. Он тоже начинал службу не где-нибудь, а в недавно организованном Карабинерном батальоне. Как и за что он оттуда вылетел, оказавшись среди игроков, конечно же, предпочитал не распространяться.

Почти не отставал от него стрелок Вахтанг Ломидзе по прозвищу Князь, стриженный под бокс молодой

¹ *Гопломах*, *Hoplomachus* (от греч. *hopla* — вооружение, *machein* — сражаться), — происходит от одного из трех самых первых типов гладиаторов, который назывался самнитом (как представитель пленных из Самнии) и в давние времена дрался с галлом и фракийцем. Это самый тяжелый и сильный из всех гладиаторов, обладает самым тяжелым снаряжением. Он вооружен большим щитом и мечом, а его основная тактика — защита.

картлиц с неизменной парой легких арбалетов за спиной. Как он управляется с ними во время боя, я до сих пор ума не приложу. Однако умудряется же каким-то образом, раз прошел уже в моей команде не один десяток игр. И почти никогда он не получал ранений, разве что самые пустяковые.

Третьим, слегка вразвалку, обычной своей походкой, шагал Тарас Гладкий — рукопашный боец. Он брил голову, как будто стараясь оправдать фамилию, и отказывался отпускать оселедец, чтобы придать себе сходство с запорожцами, какими их представляют обыватели. Он нес на плече мой тесак, делая вид, что не замечает его весьма серьезного веса. В этом был весь Тарас — никогда не показывать никому: ни публике, ни товарищам по группе, — что тебе бывает тяжело или больно. Он настолько не любил жаловаться, что врачам приходилось иногда из него информацию едва ли не клещами вытягивать. Порой до смешного доходило. Поначалу рядом с ним стоял я или Корень. Мы рассказывали врачу, какие именно травмы получил наш рукопашный боец после очередной схватки. Руководствовались при этом тем, что сумели заметить во время боя. Только угрозой не выпустить в следующий раз на арену можно было заставить Тараса говорить, но и тогда он выкладывал далеко не все.

— Спасибо, что захватил мой тесак, — кивнул я Тарасу, удерживая его за локоть. — Ты как?

— Драться смогу, — важно кивнул тавричанин свежеебритой головой, — и больше столько ударов не пропущу.

— Ты смотри, здесь медкомиссия строгая, — решил немного пострадать его я. — На играх для принца

должны быть только здоровые бойцы. Если ты что-то от меня скрываешь, то лучше сразу расскажи.

— Да все хорошо со мной! — резче, чем следовало, ответил мне Тарас. — Говорю же, жить буду и драться завтра смогу. Что еще надо?

— Надо, — не отпуская его локтя, произнес я, — чтобы ты на своих ногах потом с арены ушел.

— Да хватит уже! — вспыхнул Тарас, рывком освобождаясь, хотя если бы я не отпустил его, то вырваться он вряд ли бы смог. — Я в полном порядке. Сколько еще раз мне надо повторить, чтобы это дошло до тебя, командир?

— Не дерзи мне, Тарас, — осадил его я. — Я отвечаю за всех и должен быть уверен в каждом, кто завтра выйдет на арену Колизея.

— Во мне, стало быть, ты уже не уверен? — взбрыкнул тавричанин. Он даже голову наклонил, будто бодливый бычок.

— Уверен, — успокоил его я, — но проверить никогда не вредно, верно? — Я подмигнул ему, пытаюсь шутки. И сразу понял — мне это не удалось.

Тарас кивнул в ответ, но ничего говорить не стал. Он, осторожно ступая, спустился на каменную пристань и отошел к остальным бойцам моей группы.

— Зря ты Тараса так завел, — покачал головой Корень, проходя мимо. — Он теперь на тебя дуться будет, словно дитя малое.

— Я его еще и завтра заведу как следует перед боем, пускай позлее будет.

— Хочешь, чтобы побыстрее с врагом разделался, без лишних движений?

Я только кивнул в ответ — Корень снова угадал мои мысли, даже не задавая наводящих вопросов. Мы

слишком хорошо знали друг друга, чтобы нуждаться в них. Была у Тараса еще одна страстишка. Начиная в цирке, как и многие игроки-рукопашники, он был склонен к мелким эффектам, рассчитанным на зрителя. И далеко не всегда понимал, когда они уместны, а когда нет. Именно из-за нее он и пропустил те несколько ударов от противника в Гамбурге, что едва не отправили его на больничную койку. Но если Тараса хорошенько разозлить перед боем, то он мгновенно забывал обо всей театральности и начинал вымещать накопившееся зло на противнике. Это мне и было от него нужно в предстоящей схватке. Желательно начинать злить тавричанина загодя, потому что он был человеком по натуре спокойным.

Когда Корень сошел на берег, я закинул на плечо принесенный Тарасом тесак и, кивнув на прощание Смиту и его сыну, последовал за своими людьми.

От пристани до окружавших Колизей казарм была всего пара кварталов, однако стоило отойти от нее на десяток шагов, как к нам заспешил патрульный бобби. Немолодой уже полисмен был грузным, что ничуть не сказывалось на его резвости, только лицо с каждым шагом наливалось кровью.

— Стойте-стойте! — загодя закричал нам он. — Вы кто такие, чтобы шататься по городу с оружием?

— Городовые всюду одинаковы, — философски изрек Князь. — Ведь знает же, шельма, кто мы такие, а все равно бежит уже за взяткой.

— О чем это вы тут сговариваетесь?! — еще громче закричал бобби, конечно же не понявший ни слова из того, что сказал Ломидзе. — Не смей болтать здесь на вашем варварском наречии при носителе власти.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Да уж, картлиец был прав на все сто. Мы много поколесили по Европе, разве что за Пиренеями не бывали. Всюду мелкие представители власти, будь то таможенные чиновники или вот лондиниумские бобби, были похожи, словно яйца из одной корзинки. Всем надо было только сакраментального «тащить и не пущать».

— Мистер,— выдал я наилучшую из своих улыбок, явно польстив простому полисмену,— разве вы не видите, на какую пристань Темзы мы вышли? Я и мои друзья игроки, приглашенные их величествами на Большие игры в честь юбилея принца Альберта.

— Их высочества принца,— поправил меня ворчливым тоном бобби.— Предъявите приглашение.

Я опустил тесак, упрятанный в кожаный чехол, уперев его широким концом в мостовую, вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, украшенную гербовой печатью.

— Все честь по чести, мистер,— заявил я, протягивая приглашение бобби, а пока тот возился с ним, водя по бумаге не слишком чистым пальцем, вытянул из кармана полновесную крону и отдал ее в обмен на приглашение.— Быть может, вы, мистер, могли бы оказать услугу и проводить нас до казарм, чтобы в дальнейшем у нас не было недопонимания с представителями лондиниумской полиции?

— Казармы — это как раз край моего участка,— важно кивнул бобби, пряча монету,— и я всегда рад оказать небольшую услугу гостям нашего королевства.

Так поступить было проще, чем терять время, показывая бумагу каждому встречному полисмену.

Теперь мы уверенно шагали по улицам Лондиниума вслед за сияющим не хуже полученной монеты бобби. Однако прошли все равно немного. На сей раз нас

остановил мой, можно сказать, старинный знакомый. Я не видел его со времен Крымской кампании и, сказать по чести, не желал встречаться с ним еще столько же. Но высокий паладин Ордена вырос перед нами, словно соткавшись из знаменитого на весь мир лонидиниумского смога. Сэр Галахад — один из четверых известных мне рыцарей Ордена — носил звание паладина. Это подтверждали корона и одна звездочка на погоне, сплетенном из кольчужного полотна. Он был данью рыцарской традиции Ордена, члены которого давно уже сменили доспехи на куда более практичные в наше время мундиры. Те сильно отличались от большинства британских мундиров — у того же сэра Галахада он больше всего напоминал длинный плащ с пелериной, украшенной на левом плече золотым аксельбантом. Шею прикрывал горжет — также сильно отличавшийся от офицерского, ведь он, в первую очередь, должен был защищать от клыков и когтей тварей, с которыми чуть ли не ежедневно приходилось сталкиваться рыцарям Ордена.

— Рад, что вы откликнулись на приглашение и решили поучаствовать в турнире, — несколько церемонно произнес Галахад. Немолодой паладин разговаривал так, будто жил во времена легендарного основателя Ордена — сэра Томаса Мэлори, большого поклонника легенд о короле Артуре. — После него у меня будет к вам небольшое дело.

— После игр я постараюсь как можно скорее покинуть Британские острова, сэр, — ответил я. — Простите, но я не собираюсь задерживаться здесь дольше необходимого и злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Граф, — остался верен своей церемонности сэр Галахад, несмотря на то что мои слова ему явно при-

шлись не по душе,— я понимаю, что вы не слишком любите британское гостеприимство после Севастополя, однако я вынужден буду настоять на вашей задержке. Не хочу распространяться пока о сути дела, скажу лишь, что предложение будет сделано всем командам и отдельным игрокам, кто останется на ногах после турнира.

Провожавший нас бобби вытаращился на меня. Конечно, нечасто увидишь настоящего графа во главе команды игроков. Обычно аристократы предпочитали держаться подальше от подобных сторон жизни, хотя, конечно, на трибунах их было всегда достаточно. Но чтобы самому в игроки пойти? Это было даже не исключением, а нонсенсом. И таким вот нонсенсом был я. Наверное, бобби думал, что продешевил,— с графа можно было бы получить и полфунта, а не жалкую крону¹.

— Рад, что вы заранее уверены в нашей победе, сэр,— усмехнулся я.

— Я отлично помню, граф, что вы сделали с предыдущим владельцем этого тесака,— кивнул на мое зачехленное оружие сэр Галахад, улыбнувшись в густые усы.

И на меня словно повеяло крымской жарой и влажным ветром с Черного моря. Под ногами уже не грязная лондиниумская мостовая, а пыльная земля Таврического полуострова. Напротив же высится, закрывая бьющее в глаза солнце, могучая фигура с громадным тесаком на плече.

¹ *Крона* — монета в 5 шиллингов. Один фунт стерлингов равняется 20 шиллингам.

— Я провожу игроков до казарм,— произнес, развеивая наваждение, сэр Галахад,— в ваших услугах более надобности нет, полисмен.

Бобби только плечами пожал — возвращать мне крону он явно не собирался. Равно как и я даже не думал требовать ее обратно — мелочным никогда не был. У бобби, скорее всего, семья, которую еще кормить надо, и жалованье явно невелико.

— Ждите неприятностей от их высочества,— заявил неожиданно сэр Галахад, пока мы шагали оставшееся до казарм расстояние.— Кто-то уже сообщил ему о вашем приезде, граф, и он постарается расквитаться с вами за гибель Готских рыцарей под Арабатом.

— Поэтому вы, сэр, решили проводить нас самостоятельно? — понял я.

Галахаду даже кивать не пришлось — ответ был очевиден.

— Не думайте, что я оказываю вам дружескую услугу,— решил все же внести ясность сэр Галахад,— вы просто будете нужны Ордену после игр.

— Почему же обязательно после?

— Я бы забрал вас и до них, но кто же позволит Ордену сорвать Большие игры в честь сорокалетнего юбилея нашего возлюбленного принца.

В голосе явственно слышалась изрядная доля мрачного сарказма.

Мы распрощались уже у самых казарм. Пару раз по широкой улице подозрительно близко к нам следовали вместительные кебы. В таких находились обычно по пять-шесть человек, и не раз мне доводилось слышать истории о том, как именно в них разъезжали по городу налетчики, нападающие даже на казначейские кареты. Или модные в последнее время анархисты,

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

готовые швырнуть алхимическую бомбу хоть в королеву, хоть просто в толпу побольше.

— Будете на трибунах, сэръ? — спросил я у Галахада на прощание.

— Нет, граф, — покачал головой тот. — Я предпочитаю театр или оперу. Крови мне на работе вполне хватает.

Мы крепко пожали друг другу руки. Несмотря ни на что я уважал паладина, хоть он и был моим смертельным врагом в Крыму.

А вот Корень моих настроений отнюдь не разделял. Стоило только сэру Галахаду повернуться к нам спиной, как бывший запорожец проводил его ненавидящим взглядом и одними губами послал несколько проклятий.

— Остынь, — положил я ему руку на плечо, снова уперев тесак широким концом в мостовую.

— Из-за этой сволочи казачьи войска распустили, — сквозь зубы процедил Корень.

— Они только повод дали, а казаков распустил по домам все-таки наш царь-батюшка, и никто иной. Не было бы Ордена в Крыму, нашли бы другой повод, уж поверь мне.

— И что, мне теперь с ним целоваться прикажешь, — похоже, присутствие паладина злополучного Ордена повлияло на Корня куда сильнее, чем я мог подумать. — Что б ты там ни говорил про причины-поводы, а не тебя и не твоих родных эта сволочь обвиняла в том, что мы со зверьем лесным якшаемся и бабы наши от волков да медведей приплод несут.

— Поверь, друг, — усмехнулся я. — В Европе все уверены, что так оно и есть. И не только про казаков такое думают, а про всех нас, русских.

Корень в этом не видел ничего смешного. Он освободился от моей руки и, опередив остальных бойцов группы, зашагал к казармам.

Я снова передал тесак Тарасу. Тот опять сделал вид, что мое оружие ничего не весит. Сам же я направился к распорядителю казарм, гордо носящему звание главного кастеляна, оставив группу до поры в холодном предбаннике казарм. Без разрешения кастеляна внутрь нас никто не пустит.

Перед комнатой, занимаемой распорядителем, ставшим в одночасье самым незаменимым человеком, толклись такие же, как я, командиры групп. Очередь образовалась внушительная. Кое-кого я знал лично по играм, других доводилось видеть на плакатах, а о третьих только слышать. Однако куда больше знаменитых игроков, привезших свои команды в Лондиниум, чтобы почтить кровопролитием юбилей британского принца-консорта, меня заинтересовал черноволосый и горбоносый карфагенянин. Сначала я принял его за кавказца — их было немало среди игроков. Однако никто на Кавказе не поклоняется Баал-Хаммону — жестокому божеству древности, главному в пантеоне Нового Карфагена. А именно его хорошо знакомый всем знак — солнечный диск с шестью лучами — карфагенянин то и дело нервно сжимал в потной ладони.

— Их высочество теперь, наверное, лопнет от собственной значимости, — усмехнулся стоявший неподалеку от меня игрок, одетый в несколько старомодный сюртук, какие были популярны в дни его молодости. Я знал этого человека по плакатам и газетным статьям, освещавшим знаменитые игры, но лично видел впервые — Камиль Фабер, один из самых известных игроков Франции. Ничего удивительного в том, что его

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

команду пригласили в Лондиниумский Колизей. — На его юбилей приехали из самого Карфагена. Кто бы мог подумать, что даже язычники почтут его персону своим вниманием.

В словах Фабера было столько же яда, сколько и французского акцента. Говорил он намеренно громко, чтобы его расслышал горбоносый карфагенянин.

— Интересно, — продолжал изгаляться Фабер, — кому же выпадет честь сразиться с язычниками?

— Молись своему богу, — обернулся к нему карфагенянин, — чтобы не тебе. Иначе я сам выпотрошу тебя, как свинью, а голову замариную и в банке привезу домой. В моем роду у многих есть такие трофеи, но головы человека из-за горы нет ни у кого. Когда мы в последний раз брали такие трофеи, их принято было еще насаживать на пики и заливать смолой. Они не сохранились до наших времен — вы очень скоро портитесь на нашей жаре.

— Славно он тебя отбрил, — хлопнул побледневшего Фабера по плечу рыжий здоровяк, одетый в короткий пиджак и традиционную юбку шотландских горцев. Этого игрока я знал лично. Приходилось несколько раз сталкиваться с его командой, состоящей из уроженцев Высокогорья, на Малых играх, где бои шли затупленным оружием и до смерти не дрались. Звали горца Эбнезекер Макадамс. — Витиевато, конечно, я бы проще высказался.

— Это потому, — не остался в долгу Фабер, — что вы, шотландцы, двух слов по-английски внятно произнести не можете.

— Это да, — ничуть не обиделся горец. — С болтовней туговато — обычно за нас говорят наши палаши. — И он выразительно похлопал по корзинчатой

гарде висящего на поясе оружия. Хотя я знал, что на арене он отдает предпочтение другому шотландскому мечу — двуручному клеймору.

— Я буду молиться, чтобы мне выпал жребий сражаться с тобой, язычник,— произнес человек с лицом аскета, сошедшего со средневековых миниатюр. Вот его я не знал, и даже видеть нигде не приходилось.

— Много таких, как ты, сложили головы на Пиренейских перевалах,— хищно улыбнулся карфагенянин.— Твоя голова станет отличным трофеем.

Я слушал обычную перепалку. Она была чем-то вроде традиции всех игроков. Как выяснилось, ее придерживались даже по ту сторону Пиренеев. Сам я в нее никогда не вступал. Сначала стеснялся других, а после это как-то вошло в привычку. Тем более что многие командиры из присутствующих в импровизированной приемной кастеляна придерживались той же тактики.

Прождать мне в быстро пустеющей приемной пришлось не более четверти часа. Я вошел в небольшой кабинет кастеляна — собственно говоря, это и кабинетом назвать было нельзя. Просто выгородка из общей комнаты, сделанная из листов фанеры. Внутри нее за столом восседал, упиваясь собственной важностью, невысокий человек самой плюгавой внешности. Но в первую очередь мое внимание привлек клерк, сидевший за спиной кастеляна, за неким подобием компактной школьной парты. Он что-то старательно писал, высунув от усердия язык. Наверное, именно эта нарочитость и привлекла мое внимание. Не понимал я хоть убей, что надо было писать или переписывать именно сейчас. Да еще и язык этот высунутый — все слишком наигранно.

— С кем имею честь разговаривать? — преувеличенно вежливо поинтересовался у меня распорядитель.

— Граф Остерман-Толстой, — представился я. — Командир группы игроков из Российской империи, вот приглашение.

Я сразу же выложил на стол бумагу с гербовой печатью. Кастелян был немало удивлен моим внешним видом. Он-то ожидал увидеть вовсе не одетого в хороший клетчатый костюм и котелок джентльмена, да еще и представившегося графом, а по крайней мере казака в черкеске, если вовсе не заросшего по самые брови бородой мужика в лаптях и косоворотке. Он придиричиво изучил приглашение, надолго остановив глаза на абзаце, где говорилось о бесплатном проживании всей группы в казармах при Колизее. А после развел руки, вид при этом имея самый сожалеющий.

— Увы, граф, но для вашей команды уже не найдется места в казармах. Вы, наверное, видели неожиданных гостей аж из самого Карфагена? Вот им-то и достались ваши места. Могу от себя предложить хорошую гостиницу, она находится всего в полуквартале от Колизея, и цены там вполне умеренные.

И вот тут себя проявил фальшивый клерк в сером сюртуке. Он ловко перегнулся через парту, оторвавшись от письма, и принялся что-то яростно нашептывать на ухо кастеляну. Лицо при этом у клерка было очень злое — с таким обыкновенно отчитывают тупых и нерадивых подчиненных. С каждым словом, произнесенным клерком (что удивительно, я, хоть и стоял довольно близко к столу распорядителя, ни единого не услышал), кастелян бледнел все сильнее и то и дело кивал, будто китайский болванчик.

— Простите,— выдавил он наконец, когда клерк откинулся обратно на своем жестком сидении,— я вас... эммм... спутал... Понимаете ли, столько людей... всем нужно место в казармах, а они, знаете ли, не резиновые.

Он сунул руку в ящик стола, порывлся внутри и извлек оттуда массивный ключ, протянул его вместе с приглашением.

— Понимаю,— кивнул я, глядя на человека в сером сюртуке. Тот и не думал больше маскироваться под клерка — сидел, сложив руки, переплетя длинные пальцы.

Задерживаться дольше необходимого я в импровизированном кабинете распорядителя не стал. На выходе меня проводили завидующими взглядами другие командиры. Я так спешил, что не спрятал в карман пиджака ключ, врученный мне кастеляном. Им же вряд ли светит такой — придется довольствоваться номерами в той самой гостинице, о которой говорил распорядитель, или же совать ему взятку, чтобы получить такой же ключик. Еще неизвестно, что выйдет дешевле.

Нашей команде выделили седьмую казарму. Она была рассчитана ровно на пять человек — по давней традиции именно столько бойцов может быть в одной команде, не больше. Говаривали об отчаянных храбрцах, сорвиголовах, выходивших на арену в одиночку против полных команд, но они остались лишь в легендах — на моей памяти таких уже не было. По крайней мере тех, кто остался бы после этого жив или, тем более, вышел победителем. Уж об этом-то точно раструбили бы на весь мир газеты. После окончания Крымской кампании они долго еще смаковали позор России

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

и с удовольствием перечисляли унижительные условия, на которые пошел наш новый император, лишь бы закончить войну поскорее. Однако это наскучило европейскому обывателю достаточно быстро. И теперь печатные издания сосредоточились на играх и игроках — больше ничего значимого в мире не происходило. Жизнь текла размеренным чередом — не ожидалось ни войн, ни катаклизмов, ни бурь, и единственным развлечением для всех стали наши бои на аренах по всему миру. Быть может, барон де Кубертен был прав, и состязания игроков позволят покончить с войнами и прочими конфликтами навсегда.

Пять коек с небольшими тумбочками, в которых мы нашли постельное белье. Одна уборная и душевая. Я подробно объяснил команде, как пользоваться хитрой системой с двумя кранами, из которых льется горячая и холодная вода, и отдельно остановился на том, что если кому-то необходимо побриться, то надо набирать полную раковину воды, заткнув ее специальной пробкой.

— Мы живем в благодатном краю, — закончил я свою короткую лекцию, — хотя бы потому, что нам не надо экономить воду.

— И они еще называют нас неумытыми, — рассмеялся Армас, — а сами, наверное, моются только в Чистый четверг.

Тарас же провел рукой по внушительной щетине на лице и бритой наголо голове — ему придется туже всех. А перед выходом на арены все мы должны выглядеть наилучшим образом — это наипервейшая заповедь всякого игрока. Никому не интересны зачуханные, грязные, обросшие убийцы. Игрок должен быть, в некотором роде, больше чем обычным человеком, а

как будто идеалом его. Иначе чем же мы будем отличаться от простых убийц, каких можно встретить и на большой дороге, и в неблагополучном квартале родного города.

— Ладно,— решил я.— Не будем мучиться бритьем перед играми — крови на арене достаточно прольем. Завтра с утра идем в цирюльню.— Приунывший было Тарас сразу повеселел.— А сейчас всем отдыхать — из казармы никто не выходит.

— А ужин как же? — возмутился тавричанин.— Ты не забыл, командир, что мы в прошлый раз ели еще на пароходе.— Про то, что завтрака по понятным причинам не будет, он упоминать не стал.

Я вынул из кармана часы — да уж, самое время поужинать.

Ближайшая харчевня располагалась на первом этаже довольно большой гостиницы, почти все номера которой были заняты игроками из разных стран. Видимо, про нее говорил распорядитель. Я увидел тут гораздо больше знакомых лиц, чем в приемной кастеляна. За дубовыми столами ели и пили многие, против кого мне приходилось выходить в Малых играх. Наша кровавая работа объединяла людей, хотя друзьями обзаводиться в других командах было как-то глупо. В любой момент твой друг может оказаться врагом в смертельной схватке.

Свободный столик для нас нашелся легко. Правда, за ним сидела пара игроков, не знакомых мне, однако против нашей компании они ничего не имели. Мы разговор заводить с ними не стали, просто поели за одним столом, только заказав вместе большой кувшин пива. Ничего крепче ни мы, ни они не пили. С похмелья выходить на арену — это уже форменное самоубийство.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Расплатившись строго по счету, я поднялся со стула. Команда сразу последовала за мной.

Спал я в ту ночь, как всегда перед игрой, как убитый. Вот только почему-то в этот раз мне впервые за несколько лет приснился Крым.

Заметки на полях

КРЫМСКИЕ СНЫ

Они занимают большое место в моей жизни. Наверное, даже слишком большое для снов. Но только они дают пускай и эфемерную, но хоть какую-то надежду получить ответы на мучающие меня уже не первый год вопросы. Потому что больше никто этих ответов мне дать не спешит.

Я почти ничего не помню из событий, последовавших за нашим поражением под Арабатом. Не помню я и суда — только какие-то плохо сочетающиеся друг с другом отрывки вроде оглашения смертного приговора через расстрел и последующей его замены лишением чести, всех наград и чинов воинских.

Первое отчетливое воспоминание как раз связано с эшафотом, как будто звон ломающейся над головой шпаги привел меня в чувство окончательно.

И только сны позволяют мне возвращаться в те дни страшных боев под Арабатом, последующего плена и странного судебного процесса надо мной, о котором я ничего не могу выяснить, как ни стараюсь.

В ту ночь в Лондиниумском Колизее ко мне пришел сон о плене. Он был настолько явный, что утром я чувствовал запах прелой соломы из тюфяка и отголоски боли от ран, полученных в последнем бою за Арабат, когда союзникам наконец удалось сломить отчаянное сопротивление моего батальона.

Наверное, именно загадочное появление сэра Галахада стало причиной этого сна. Потому что во сне я увидел наше с ним знакомство. И это несколько разочаровало меня утром — ведь я и так неплохо помнил тот день, первый день моего плена.

Сэр Галахад пришел ко мне уже ближе к вечеру. Он как-то по-хозяйски огляделся в мазанке, куда меня поместили, а после запросто уселся на единственный стул. Я же, чтобы не показаться совсем уж невежей, сделал вид, что сажусь, опираясь спиной на горячую стену.

— Не утруждайтесь, граф,— отмахнулся визитер.— Ваше здоровье пускай и вне опасности, но не стоит напрягаться лишний раз без нужды. Меня зовут сэр Галахад, и я паладин Ордена. Вы, наверное, слышали о нем?

— Доводилось,— ответил я, снова опускаясь на тюфяк. Сил у меня, несмотря на почти полный день отдыха и уход врачей, не было.— Но удивлен видеть вас здесь. Что могло привести паладина Ордена на фронт? Разве вы не даете присягу держаться в стороне от войн мирских владык, сосредоточившись на вашей войне с вырожденками?

— Вы знаете о нас больше, чем многие,— в голосе сэра Галахада послышалось уважение.— Но именно подозрение в том, что Российская империя использует вырожденков в этой войне, заставило меня присоеди-

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

ниться к штабу фельдмаршала лорда Раглана. Я должен самым тщательным образом провести расследование, чтобы предоставить как можно больше фактов грядущему мирному конгрессу.

— А вы считаете себя уже победителями в этой войне? — спросил напрямик я.

— Да,— так же прямо ответил он.— Союзники уже победили. Севастополь пал. Вы этого, наверное, не знаете.— Я знал, но не стал перебивать сэра Галахада.— Ваш царь скончался, а новый делает все, чтобы остановить эту бессмысленную войну. Боевые действия уже прекращены, скоро последует перемирие и обмен военнопленными.

А вот это уже было для меня большой новостью. Пока жив был его императорское величество Николай Павлович, можно было уверенно говорить, что война будет вестись воистину до последней капли крови, а вот в цесаревиче я лично так твердо уверен не был. И, видимо, мои опасения оправдались целиком и полностью.

— Мирный конгресс по итогам этой войны не за горами.

— А вы на нем хотите выступить с неопровержимыми доказательствами того, что русские — не более чем полужвери.

Во мне отчего-то начала закипать злость на этого человека. Явился сюда доказательства собирать байкам и страшилкам, которыми пугают детишек за границей. После этого конгресса от России, наверное, и памяти не останется, а нас, русских, просвещенные европейцы начнут травить по лесам, будто в самом деле дикое зверье.

— С этим вы пришли ко мне?

— Нет,— покачал головой сэра Галахад.— Я вижу перед собой человека вполне грамотного и образованного, чтобы разговаривать со мной на одном языке. Таким чистым произношением могут похвастаться далеко не все жители Альбиона. Однако вы, именно как человек образованный, просто не можете отрицать очевидных фактов.

— Например?..

Я намеренно не закончил фразу, давая паладину возможность продолжить. Однако сэра Галахад вместо этого пустился в пространные объяснения:

— Согласно легенде, наш Орден был создан после того, как римляне покинули Британию, уйдя с Адриана вала. Рыцари короля Артура, объединившись за Круглым столом, решили, что для борьбы с кельтами, постоянно смешивавшими свою кровь с кровью животных, нужна сила,— и этой силой стал Орден. А полулюдей-полузверей стали с тех пор звать вырожденками, и неважно, кем они были — кельтами, бриттами или саксами, что вскоре приплыли с материка. У нас нет никакого святого покровителя, потому что дела наши тайны и жестоки. Мы принимали участие в Крестовых походах, но лишь для того, чтобы бороться с вырожденками, каких было много в армии у того же Саладина, несмотря на запрет ислама на подобное кровосмешение.

— Я неплохо знаком с историей вашего Ордена, сэра Галахад,— не слишком вежливо прервал его я.— Моим любимым местом в Крестовых походах было противостояние вашего предка или человека, носившего то же имя, что и вы, и воина по прозвищу Лев, сражавшегося в армии Саладина. Того, что был на две головы выше любого человека и обладал силой, ловкостью и жестокостью этого зверя.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

— Тогда вы должны как никто понимать опасность, что несут выродки всему миру, граф!

— Но я не понимаю, при чем тут мы, русские. Со времен Крещения у нас никто не балуется подобным кровосмешением. Князь Владимир Святой сжигал целые города в назидание, если в их стенах находили выродков. Поверьте, после таких мер их у нас осталось не больше, чем в любой цивилизованной стране, скажем в Британии или во Франции.

— Уверен, что стоит проверить ваших казаков. Они внушают весьма серьезные опасения.

Ну вот мы и добрались до сути — драгоценного зерна нашей беседы. Я бы рассмеялся, если бы не слабость от ран. Мне и дышать-то было больновато.

— Зря вы улыбаетесь, граф, — видимо, тень эмоций все же отразилась на моем лице, — с выродками нельзя шутить. Вы же знаете, должны знать, к чему привели эксперименты доктора Моро! Я видел вырезанные патрули и целые заставы — это результат действий ваших казаков. Ни один человек не способен так легко пробраться во вражеский стан, сделать свое дело и скрыться незамеченным. Их кровь явно не чиста.

— Вы уверены, мистер, — мне почему-то совсем расхотелось называть его по имени, — что нет таких людей во всем мире? Что дело именно в крови животных, текущей якобы в венах казаков, а не в их выучке?

— Да, граф, уверен — целиком и полностью.

— Тогда, быть может, стоило бы проверить гуркские полки вашей собственной армии? Или зуавов маршала де Сент-Арно, хотя я сам могу подтвердить, что у последних кровь самая что ни на есть человеческая. Мне пришлось с ними столкнуться в самом начале обороны Арабата. Никакими особенными качествами,

которые отличали бы их от людей, эти зуавы не обладали. За всех, впрочем, не поручусь.

Я с удовольствием наблюдал за тем, как породистое лицо сэра Галахада бледнеет от гнева. Однако уж чем-чем, а воистину британской уравновешенностью он обладал в полной мере. Лишь заливающая лицо мертвенная бледность выдавала его. Он дал мне договорить, не став перебивать. Не уверен, что поступил бы так же, окажись на его месте. После того как я замолчал, сэр Галахад поднялся на ноги.

— Мне жаль, — только и проронил он и вышел, не прощаясь. Впрочем, и вошел он, не поздоровавшись.

Поднялись все на следующее утро затемно, как всегда перед схваткой. Почти сразу, едва только умывшись, каждый занялся своим оружием. Наверное, точно так же поступает каждый игрок. Ведь уже очень скоро — спустя считанные часы — от этого самого оружия будет зависеть твоя жизнь и жизни твоих товарищей.

Князь и Армас разобрали свое стрелковое оружие, разложив его на кусках промасленной ткани, и внимательно оглядывали каждую деталь, протирая, смазывая или же просто откладывая в сторонку. Армас отдельно возился с катушками, проводами и спиралями своего карабина. Не знаю уж, много ли он понимает во всей этой машинерии с электрикой. По мне так для этого, как минимум, инженерное образование необходимо, однако карабин его еще ни разу не подводил — это факт. И меня он устраивает целиком и полностью. Картлиец-стрелок же перебирал детали своих арбалетов, проверял болты и тетивы, долго возился с механизмом взведения.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Стальную руку — мощную, как паровой молот, — Тарас также разобрал. Несмотря на то что деталей в ней было поменьше, ухода она требовала куда большего, ведь постоянно подвергалась физическому воздействию. На ней красовалось не меньше двух десятков зарубок — память о принятых ударах вражеских мечей и сабель, и это только самые свежие, которые появились после очередного серьезного ремонта.

Корень сидел отдельно, наводя блеск на свои кинжалы и ножи. Их у него было намного больше, чем я забрал вчера. Не сомневаюсь, что он сумел припрятать парочку. Длинная и тяжелая шашка его до поры лежала отдельно в ножнах — ею он всегда занимался в последнюю очередь и с особой любовью.

Я же снял чехол со своего тесака. Иначе это оружие назвать было сложно. Я не представлял, как классифицировать его. Меч, алебарда, боевой топор или бердыш. Рукоятка у него короткая для древкового оружия, но длинная для обычного боевого топора. Широкое и тяжелое лезвие крепится к ней в двух местах. Одной рукой его надо держать между ними, что особенно удобно, когда принимаешь вражеские удары. Лезвие само необычной формы и явно выковано было когда-то на заказ. Ни у одного известного мне образца холодного оружия ничего подобного просто нет. Прямое и длинное, как у опасной бритвы, с острым шипом на обратном конце, которым я не раз вполне удачно пользовался в схватках. Из-за весьма внушительной толщины лезвия оружие получилось тяжелым — без серьезной физической подготовки им долго не помашешь.

Но самым главным достоинством моего тесака был его устрашающий внешний вид. Порой одного взгляда

хватало противнику, чтобы живо представить себе, во что может превратить его такое вот жуткое оружие. Сам помню подобные чувства, когда под Арабатом его вынул из чехла предыдущий владелец, вызвавший меня на поединок.

Особого ухода тесак не требовал. За все годы, что я им владею, точить его режущую кромку приходилось всего несколько раз. Конечно, после каждого боя на ней оставались зарубки разной глубины, однако заровнять их никакого труда не составляло. И все это надо было делать уже после боя, а перед ним я только вынимал тесак из чехла да проходил по всему его хищному лезвию промасленной тряпичей.

Я глянул на карманные часы — до вызова на арену оставалось около часа.

— Сворачиваемся,— велел я команде.— Все, кому нужно в цирюльню, за мной.

Суеверный Армас никогда не брился перед схваткой, как и многие игроки, считая, что так спугнет удачу, а потому даже не отвлекся от своей возни с карабином. Я прощал ему подобные вольности, зная, что в бою он услышит каждое мое слово и беспрекословно подчинится ему. Корень провел ладонью по щетине, однако счел ее недостаточной для того, чтобы бриться. А вот Вахтанг с Тарасом тут же принялись спешно собирать свое оружие. Не прошло и пяти минут, как они были готовы отправиться со мной в город.

Цирюльню я заметил, когда мы ходили ужинать. На ее вывеске красовался джентльмен с роскошными усами, но почему-то с наголо обритой головой. Из-за этого он был очень похож на Тараса. Тавричанин уделил особое внимание вывеске, когда мы подошли к цирюльне.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

— Ну прям как с меня писано,— усмехнулся он, сняв шляпу и проведя ладонью по бритой макушке.

Внутри оказалось сразу три свободных кресла, что подходило как нельзя лучше. Хозяин цирюльни обрадовался нам, будто родным.

— Чего желают достойные джентльмены? — спросил он, подсакивая к нам с отменной резвостью.

— Джентльмены желают побрить лица,— ответил я, без церемоний усаживаясь в кресло,— а один из нас еще и голову.

— Конечно-конечно,— засуетился хозяин цирюльни.— Проходите, присаживайтесь. Все будет сделано по высшему разряду, не будь я мастер Эбнер Гриффин.

Не прошло и минуты, как на нас троих накинули хрустящие простыни, откуда-то, словно по волшебству, появились еще два мастера и целая толпа obsługi. В медных тазах исходила паром горячая вода. На столиках раскладывали инструменты, сделавшие бы честь инквизиторам Святого престола, зловеще поблескивающие в ярком свете электрических ламп. Нам намылили лица, а Тарасу сразу еще и макушку, предварительно хорошенько пропарив раскаленными полотенцами. И тут принялись за работу мастера. Только Корень умел управляться с заточенными стальными игрушками столь виртуозно, как они. Наши лица почти не поворачивали — мастерам не приходилось ни просить об этом, ни вертеть за нос, и уж тем более, обошлись без огурцов. Цирюльники буквально танцевали вокруг нас, движения их были быстрыми и отточенными — редко у каких игроков я видел подобные. А как только бритье было закончено, нас обдали целыми облаками разнообразных душистых ароматов, среди которых я

узнал неизменно модный среди игроков «Ахилл и Гектор», и почти театральными движениями сорвали белые покрывала. Качество работы можно было оценить в очень больших зеркалах, и у самого придирчивого клиента оно бы не вызвало нареканий.

Я расплатился с хозяином цирюльни, накинув немного за качественное, а главное, быстрое обслуживание. Правда, после этого денег осталось впритык — только на обязательный взнос и хватит, ведь земля на британских кладбищах достаточно дорогая, а именно на это и шли деньги из обязательного взноса. Хоронить игроков бесплатно никто не собирался.

В казармы мы вернулись как раз вовремя. Забрав оружие, я запер за своими бойцами дверь, по дороге закинув ключ кастеляну. На сей раз никакой очереди не было. Да и выгородку разобрали — распорядитель сидел в углу большого помещения. Исчезла и парта вместе с клерком в сером сюртуке.

К помещениям перед самой ареной мы подошли, когда маятник на вершине Колизея отсчитывал последние минуты перед началом первой схватки. Распорядитель арены, одетый куда в более новый мундир, нежели кастелян, с золотым галуном и роскошным аксельбантом, выделил нам места. Теперь начиналось самое сложное в нашем деле — ожидание.

На то, чтобы сменить обычную одежду на боевую, уходит максимум пятнадцать минут, да и то если не особенно торопиться. Сложных костюмов ни у кого в моей команде нет. Никто из нас не страдал любовью к излишней вычурности, как некоторые другие игроки. Корень носил обычный чекмень казака-запорожца с серебряными газырями — такими видят едва ли не всех нас, русских, за границей. Армас не расставался с

егерским мундиром, дополненным только кожаными наручами да наплечниками, крепящимися поверх портупей, удерживающей мощную батарею его карабина. Ломидзе же отдавал предпочтение одежде далекой родины — короткая куртка картлийца была украшена газырями, рукава и у нее, и у нательной рубахи высоко закатаны. На руках — перчатки с обрезанными пальцами, чтобы легче было выхватывать болт и перезаряжать арбалеты, не поранившись при этом о тетиву. Портупея у него была не столь мощной, как у Армаса, ведь крепился к ней только внушительных размеров колчан, из которого торчали оперенные болты. В похожую куртку, только без газырей, облачился и Тарас — с моей помощью прицепил железную руку, проверил ее, повертев запястьем, сделал пару быстрых выпадов. Еще в казарме он сменил туфли на прочные ботинки со стальными носами и шипами на подошве — очень удобная обувь в рукопашной схватке. Я тоже расстался со своим костюмом и надел куртку с меховым воротником, крепкие штаны и сапоги, оставшиеся еще со времен службы в армии. С тех же пор остался и не раз чиненный кожаный нагрудник, в некоторых местах укрепленный сталью. Многие тяжелые бойцы носят закрытые шлемы, однако я предпочитал не сужать обзор во время схватки — ведь от этого зачастую зависела моя жизнь и судьба всего боя. Никогда не знаешь заранее, кому из бойцов придется прийти на помощь.

Мы переоделись, еще раз проверили оружие. Теперь оставалось ждать. Только ждать.

По старинным правилам, придуманным задолго до барона де Кубертена, игрок — тогда он еще честно назывался гладиатором — не должен знать двух вещей: как идет схватка и кто будет его противником. Поэто-

му мы сидели в закрытом помещении без окон и дверей, в которое не проникал ни единый звук. Сидели в расслабленных позах, всем своим видом показывая, что нам наплевать на тянущееся бесконечно ожидание. И перед кем красовались — непонятно. У каждого внутри творилось черт знает что. Кишки как будто льдом заливало, и они отказывались спокойно лежать в брюхе, непрерывно извиваясь, доставляя при этом самые неприятные ощущения.

Сколько не жди — дверь всегда открывается внезапно. Медленно железные створки поползли в разные стороны. Я первым подхватил оружие и направился к выходу. Так заведено — на арену командир всегда выходит первым.

Сделал несколько шагов по арене. Ее уже успели убрать после предыдущего боя. Под сапогами скрипел новенький чистый песок. Мне не надо было оборачиваться, чтобы узнать — бойцы шагают следом, строясь в привычную линию, а точнее шеврон. На полшага сзади слева и справа от меня — Корень и Тарас. На флангах — Армас и Вахтанг. Оружие у всех наготове, но пока опущено. Ведь врага не видно.

Трибуны встретили нас криками и свистом. Конечно, мы, русские, никогда не в чести у британцев. Но пусть их свистят — с нас не убудет. А оскорбительных выкриков все равно не слышно, да и не поймет их никто в команде, кроме меня.

Я остановился первым, закинув на плечи тесак. Врага все еще не было видно, и потому я прислушивался к радостным крикам комментатора.

— Вот они, воины русского царя, жестокие варвары, противостоявшие Британской империи в Крыму! — надрывался он.

Я чувствовал, для нас заготовлено нечто особенное — бой по злободневным мотивам недавней войны.

— Они готовы до последней капли своей крови оборонять форпост на берегах Черного моря — Севастополь! И вот их противник! — Голос комментатора такой громкий, что, кажется, сейчас сорвется в надрывный крик. — Вас, леди и джентльмены, ждет новый сюрприз этого вечера!

На поле медленно выезжали закованные в броню всадники. Очень хорошо знакомые мне всадники.

— Эта пятерка не профессиональные игроки! Это воины ордена Готских рыцарей, принявшие приглашение их Великого магистра, нашего возлюбленного принца Альберта Саксен-Кобург-Готского, участвовать в играх по случаю его сорокового дня рождения!

Я позавидовал мощи легких комментатора. Выдать такую длинную фразу на одном дыхании — это во истину достойно уважения.

— Русские против Готских рыцарей! Мы представляем для вас, леди и джентльмены, реконструкцию сражения под Севастополем! Вы своими глазами увидите истинный триумф цивилизации над варварством!

Я смотрел на этих закованных в сталь с головы до ног всадников — и на самом деле как будто вернулся в прошлое. Под ногами песок, так похожий на крымскую мелкую пыль, а передо мной разворачивается пятерка Готских рыцарей. Длинные копья подняты вверх, на каждом трепещет баннер с личным гербом. Доспехи не сверкают на солнце — ведь Лондиниум день и ночь затянут туманом и смогом. Но и в этом тусклом свете они производят впечатление. Щитов нет, вместо них укрепленный левый наплечник, какой не возьмет и стрела из баллисты. На поясах длинные мечи,

рукоятки торчат едва ли не из-под мышек. Кони тоже закованы в сталь по самые глаза.

Вообще-то считается неприличным устраивать поединки пеших и конных воинов, однако никаких правил против этого нет, а значит, нынешнее наше избиение, учиненное во славу Великого магистра Готских рыцарей, ничем не грозит устроителям игр. Да и были бы правила, напрямую запрещающие подобное, на них наплевали бы с высокой колокольни. Есть люди, которые сами устанавливают правила игры, и уж точно принц-консорт одной из самых сильных держав современного мира относился к таковым.

— Я так понимаю,— спокойно произнес Корень,— сейчас нас будут убивать.

— Как и всегда,— ответил я, даже не повернув голову в его сторону.

Сейчас моим вниманием владели враги. Они пустили коней шагом, потом медленной рысью, неспешно набирая скорость для смертоносного удара тяжелыми копьями, и только за полсотни сажений сорвались в галоп.

Первым «заговорил» карабин Армаса. Пули зашелкали по броне несущегося на него рыцаря — вроде бы без цели и результата, совершенно хаотично. Но я знал — наш стрелок не просто так тратит драгоценный заряд батареи — он прощупывает броню врага, причем в самом прямом смысле. Ищет в ней уязвимые места, куда можно будет всадить пулю.

Почти тем же занимался сейчас и Вахтанг. Вот только, в отличие от ингерманландца, уроженец Картли и не думал стоять на месте. Он рванул в сторону, уходя с линии атаки разогнавшегося Готского рыцаря. Арбалеты его выстрелили синхронно, выпустив во врага пару болтов, отскочивших от брони нагрудника.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

А вот Тарас с Корнем ринулись напрямиком на врага. Миг — и оба проскочили мимо меня парой смертоносных вихрей. Еще миг — и оба подскочили почти синхронно, будто договорились заранее. Движения Корня были столь быстры, что я попросту не замечал их — для этого надо было внимательно следить, а не краем глаза. Я успел разглядеть только слетевшую с головы запорожца папаху. Зато Тараса мне было видно очень хорошо. Разогнавшись, тавричанин прыгнул вперед и вверх. Я отлично знал этот прием, ему обучил Тараса сам легендарный Виктор Зангиев по прозвищу Красный Циклон. Обе ноги тавричанина, обутое в тяжелые ботинки с подбитыми сталью подошвами, врезались в нагрудник Готского рыцаря. Треск позвоночника несчастного всадника мне, наверное, почудился — ведь я никак не мог услышать его. Высокая задняя лука седла не помогла рыцарю удержаться на коне. Комично взмахнув ногами, он полетел на землю, рухнув с грохотом и лязгом стали. А следом прямо на него приземлился Тарас и обрушил на шлем несчастного свой стальной кулак.

Всадник, несущийся на меня, не обратил на это внимания. Наверное, и не увидел. Смотровая щель в его шлеме была совсем невелика. Он скакал прямо на меня, опустив копьё, и торжествовал. Потому что не может пеший воин, даже с устрашающего вида тесаком в руках, противостоять закованному в сталь Готскому рыцарю. Он уже видел в своих мечтах, как наконечник копья пробивает мою грудь и окровавленный выходит из спины, и я оказываюсь наколот на него, словно бабочка на булавку. Но я не оправдал его надежд. Скинув с плеч тесак, я плавным движением ушел в сторону и присел, пропуская наконечник копья над левым

плечом. И тут же рванулся вперед — навстречу врагу, вскидывая оружие.

Время словно замедлило свой бег. Я во всех деталях успел разглядеть узорчатую резьбу на доспехах моего врага. Тело делало все само — без участия разума. Сейчас в нем не было никакой надобности. Широкий уродливый клинок моего тесака мучительно медленно приближался к лошадиной шее. Он врезался в нее, легко разрезая не особенно толстую броню, защищающую ее. Я пробовал выпрямлять ноги, напрягая руки до боли — жуткой, чудовищной, разрывающей каждый мускул. И вот клинок преодолел сопротивление стали и плоти — конская голова отделилась от шеи, а клинок продолжил свой полет. Ему мало крови, он хочет еще. Он врезается в горжет рыцаря, легко разрубает его, отделяя теперь уже человеческую голову от тела, казалось бы, безо всякого сопротивления. Но мои мускулы говорят — да что там, они просто орут! — об обратном. В этот раз от них потребовалось просто невероятное усилие. Однако результат превосходит все ожидания. Две головы — человеческая и конская — летят, медленно вращаясь и обильно поливая все вокруг кровью. Тело коня, еще не понимающее, что уже мертво, делает по инерции несколько шагов и валится на песок арены. А тот стремительно начинает впитывать кровь.

Я снова огляделся, чтобы узнать общую ситуацию. Но моего вмешательства не требовалось нигде. Схватка оказалась очень короткой.

Тарас все еще сидел на трупе Готского рыцаря, шлем которого был разворочен несколькими могучими ударами. Корень стоял с совершенно безучастным видом, как будто валяющийся у его ног закованный в

сталь воин никакого отношения к нему не имел. Горжет рыцаря был пробит аккуратным, хирургически точным ударом, и сверкающий нагрудник пачкала кровь. Еще один рыцарь даже после смерти не покинул седла — из забрала шлема торчал арбалетный болт. Конь остановился, более не понукаемый острыми шпорами, и всадник держался на его спине только благодаря высоким лукам седла. Армас же буквально изрешетил шлем, горжет и верх нагрудника своего врага пулями. Наверное, почти все они отскочили от прочной брони, не причинив вреда рыцарю, но нашлись одна или две, что не расплющились, а пробили-таки доспехи. Он выпал из седла, зацепившись ногой за стремя, и теперь конь волочил его по песку.

Я посмотрел на отсеченную голову моего врага. Она вывалилась из шлема, и я легко узнал в помертвевших чертах аскетичное лицо воина, сказавшего, что будет молиться, чтобы Господь свел его в схватке с карфагенянином. Однако кое-кто распорядился совсем иначе — и я сомневался, что к этому приложил руку Всевышний, скорее уж люди вроде клерка в сером сюртуке.

А после взгляд мой привлекло движение в королевской ложе. Августейшие особы сидели достаточно близко, чтобы как следует видеть арену, и с арены их тоже было отлично видно. Я без труда узнал во вскочившем на ноги немолодом уже человеке, одетом в парадный мундир, украшенный многочисленными орденами, принца Альберта — можно сказать, виновника торжества. О его желудочно-кишечной инфекции благодаря газетам знал весь мир, и я был уверен, что сегодня из-за нас он заработал очередное несварение. Сейчас же принц-консорт Британской империи стоял

прямой, как палка, и глядел на нас с такой ненавистью, что я понял — Лондиниум, да и острова в целом надо покинуть как можно скорее. Ведь царственные особы зачастую весьма мстительны, а мне вовсе не хотелось пробовать на вкус месть принца Альберта.

Глава 2

В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

Меньше, чем сэра Галахада, хотелось видеть только подосланных любителями серых сюртуков наемных убийц. Хотя что-то мне подсказывало — очень скоро я могу изменить свое мнение, и изменить кардинально. Паладин Ордена встретил меня у самой кассы, где я старался как можно быстрее получить деньги за победу в схватке и уже прикидывал, как бы поскорее добраться до порта и купить билеты на материк. Лондиниум меня более никоим образом не привлекал. Вот только у сэра Галахада был иной взгляд на эти вопросы, и вряд ли он придется мне по душе.

— Я бы тоже не задерживался в Лондиниуме на вашем месте, граф,— кивнул он, как всегда обойдясь без приветствия,— однако вам все же придется остаться.

— Что же задержит меня?

Я уже пересчитал бумажные фунты и упрятал их в портмоне. Осталось только нанять катер до порта. Быть может, посчастливится поймать того же Смита — владельца «Авроры», хваставшего, что она у него самая быстрая на всей реке. А если не удастся, то

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

прыгать в метро, хотя в его подземельях я вряд ли буду чувствовать себя так же спокойно, как на воде.

— Пара небольших пунктов в приглашении на турнир,— заявил сэр Галахад.— Они были включены туда по просьбе Ордена, и его высочество решил нам в ней не отказывать. Правда, их не включили в краткий текст приглашения, разосланного всем предполагаемым участникам, но вы всегда могли ознакомиться с его полным вариантом в любом посольстве, консульстве и даже торговом представительстве Британии. К тому же в каждом приглашении была сделана специальная ссылка на то, что текст его не полный.

Я почувствовал, что меня зажимают стальные челюсти капкана.

— Думаю, в суде мы смогли бы выиграть,— протянул я.

— Не исключаю такой возможности,— кивнул Галахад,— однако сколько он будет длиться — неизвестно. У вас хватит призовых на услуги адвоката? Они у нас чертовски дорого дерут даже со своих, а уж с иностранца — и вовсе три шкуры.

— И для чего вам понадобились игроки, которые переживут схватки? — сдавшись, поинтересовался я.

— Об этом вы узнаете завтра, граф, а сегодня я приглашаю вашу команду отдохнуть вместе с другими игроками в обители Ордена,— он сделал вид, что собирается уходить, но неожиданно обернулся и добавил: — И, кстати, мы пригласили к себе далеко не всех, а только лучших из тех, кто пережил игры. Неудачники, растерявшие бойцов, нас не интересуют.

Мои бойцы без особого энтузиазма восприняли перспективу остаться в Лондиниуме, и я отлично понимал их. Вот только рота королевских гвардейцев,

ненавязчиво окружившая казармы Колизея, и несколько вместительных кебов говорили сами за себя. Удрать по-тихому не получится, а прорываться с боем через половину британской столицы — глупее ничего не придумаешь. Мы, конечно, все профессиональные бойцы, но бунт поднимать никто не собирался. Не было среди нас новых Спартак, да и быть не могло. Ведь мы давно уже не были рабами-гладиаторами — мы были вольными игроками хотя бы с иллюзией свободы выбора. Правда, даже иллюзий нам часто не оставляли — вот как сегодня, например.

Я глядел на ровные ряды алебардистов в красных мундирах, стальных кирасах и шлемах-капеллинах¹ с треугольными забралами. Между ровными рядами взводов замерли, стоя на колене, арбалетчики, одетые в вареную кожу поверх тех же мундиров и капеллин, но без забрал. Свое мощное оружие они держали опущенным, но я был уверен — на то, чтобы взвести его и дать слитный залп, у них не уйдет много времени.

— А я думал, они медвежьи шапки носят,— удивился простодушный Тарас, глядя на окруживших казармы солдат.

— На парадах и прочих церемониях — носят,— заверил его я.

— Значит, кое от кого ждут все-таки сопротивления,— хищно усмехнулся, подкрутив длинный ус, Корень.

— Не ждали бы,— заметил Вахтанг,— не стали бы и солдат сюда сгонять.

¹ *Капеллина*, или *шапель*, — общее название наиболее простого вида шлемов в виде металлических колпаков с полями.

— Зачем мы им только понадобились? — развел руками Армас.— Если даже не лаской, так таской хотят себе заполнить.

— А вот можешь спросить у него,— махнул Корень рукой на рыцаря Ордена, стоявшего ближе всего к кебам.— Он тут явно отвечает за то, кого пропустить в город, а кому с ними ехать.

Форма этого рыцаря отличалась от той, в которой ходил Галахад. Она больше походила на мундир французского королевского гвардейца — то же сочетание синего и белого цветов и горжет позолоченный, без красного креста Святого Георгия. Сам рыцарь был моложе Галахада, и что-то неуловимое отличало его от уроженцев Альбиона. Стоило же подойти поближе, как я расслышал в его речи отчетливый французский акцент.

— Граф Остерман-Толстой? — поинтересовался он больше для проформы, когда я с командой подошел достаточно близко.

Я кивнул, но ничего говорить не стал.

— Маркиз Лафайет,— представился рыцарь Ордена, протягивая мне руку в перчатке.

Никогда не понимал этого обычая. Или уж не подавай руки, если так холодно, или потрудись перчатку все же снять. Но в чужой монастырь не лезут со своими уставами, а потому я пожал протянутую руку.— Я тут вроде распорядителя, слежу, чтобы кому следует достались кебы. Ну и чтобы наши жулики с вас платы не взяли, если потребуют, знайте, за все заплачено Орденом. Не давайте этим пройдохам ни пенни,— он похлопал по черному борту ближайшего кеба.— Вот этот — ваш, кебмен знает, куда ехать.

— Благодарю,— кивнул ему я и велел команде забираться во вместительное нутро кеба.— Я так понимаю,

вы француз, и явно не из местного капитула Ордена. Должно случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы не просто собрали рыцарей из других стран, но еще и игроков привлекли на не особенно добровольных началах.

Лафайет быстро улыбнулся мне, как будто я отпустил какую-то смешную шутку, от чего его тонкие усики дернулись, словно жили собственной жизнью. Но сказал он только:

— Вам все расскажут в резиденции. Поверьте, сэръ Томас не станет держать вас в неведении дольше необходимого.

Он кивнул мне и тут же обратился к следующему подошедшему игроку. Уже садясь в кеб, я узнал в нем горбоносого командира карфагенян. Тот был недоволен сложившейся ситуацией, и приветливая улыбка на лице маркиза Лафайета вряд ли могла хоть как-то исправить дело.

Кеб оказался весьма хорош — нас совсем не трясло, пока мы катили по мостовой к неведомо где расположенной резиденции Ордена. Окошки в кебе были плотно занавешены, но вряд ли из соображений секретности, скорее всего, просто для того, чтобы хоть как-то оградить пассажиров от вечного лондиниумского смога. Эфемерная, конечно, защита, но лучшей все равно нет.

— Теперь нас всех будут проверять — не выродки ли? — В голосе Корня звучала злость, казалось, сейчас рядом со мной сидит волк и глухо рычит, оскалив клыки.

— Вряд ли, — покачал головой я. — Проверять бы если что начали еще до игр. А то выходит как-то некрасиво. Если выродки окажутся среди победителей,

вряд ли это удастся скрыть. Да и оружие у нас не забрали, значит, мы в крайнем случае сможем подороже продать свои жизни.

— Уж я на кровь не поскоплюсь,— пообещал Корень.

— Говорю тебе, вряд ли до этого дойдет,— попытался успокоить его я.

— А тогда для чего всю эту канитель устроили?

— Да откуда мне знать? — развел руками я. — Но если бы все было как ты говоришь, то нас бы вряд ли далеко от казарм увозить стали. Там бы на месте и устроили... — Я сделал неопределенный жест рукой, сам слабо представляя, что такого могли бы устроить британцы.

Но Корня мои слова не убедили. Весь оставшийся путь мы проделали в тяжком молчании. Болтать не хотелось никому. И усталость после боя, пускай и короткого, но очень выматывающего, наваливалась, и неизвестность давила ничуть не меньше.

Когда кеб, наконец, остановился, мы быстро покинули его. Все держали руки на оружии, хотя это и могло обеспечить нам уйму неприятностей. Однако перед массивными дверьми большого особняка, во дворе которого нас высадили, стоял только высокий старик в мундире Ордена, правда, с золотыми звездочками и короной на погонах из кольчужного полотна. Лицо его, украшенное аккуратно подстриженной, но весьма густой седой бородой, было весьма суровым и, похоже, иного выражения попросту не ведало.

— Не стоит делать столь угрожающих жестов, господа,— произнес он. — Здесь, в обители Ордена, у вас нет врагов. Я — сэр Томас Мэлори, магистр Ордена, и, предупреждая возможные вопросы,— да, прямой потомок нашего основателя.

Я бегло переводил сказанное им на русский, чтобы понимали остальные бойцы команды. Последние слова сурового старца вызвали неподдельное удивление Тараса.

— А я думал, им нельзя... того, семью заводить, целibat этот, или как его там?

— Здесь не католическая страна,— объяснил ему я,— и даже священникам можно жениться, как у нас, если только не черноризец, но у них монахов и монастырей нет вовсе.

— Все в нашем роду служат Ордену, а первенец мужского пола по традиции нарекается Томасом — в честь основателя.

— Это весьма интересно, сэра Томас, но, быть может, вы расскажете, для чего пригласили нас в обитель, да еще и в столь ненавязчивой манере?

— Несколько позже,— преспокойно ответил тот.— Не хочу повторять всем прибывающим одно и то же, а пока мы ждем остальных приглашенных, вы можете располагаться в любых комнатах на втором этаже особняка. Раз вы первые, то выбирайте вольно, никакие ни за кем не закреплены. Только прошу не занимать более двух — именно столько выделено на каждую команду.

— Думаю, мы обойдемся и одной,— кивнул я сэру Томасу.

Мы прошли в особняк, а магистр Ордена остался стоять, будто прижизненный памятник самому себе.

Комнаты на втором этаже оказались не похожи на монастырские кельи, а походили на удобные номера в не самых дешевых, хотя и не роскошных гостиницах. Каждая была рассчитана только на трех человек, но я был уверен, что мы вряд ли надолго задержимся тут.

Мы расположились в комнате, однако никто вещей распаковывать не стал. Все ждали развития событий, и ночевать в особняке Ордена никому не улыбалось.

— Интересно, а пожрать дадут? — спустя четверть часа задал вопрос Тарас. — У меня уже в брюхе бурчит. Сколько мы без еды, командир?

— На обед не приглашают, как видишь, — Корень был злее осы и явно хотел сорвать свой гнев на ком угодно, хотя бы и на товарище по команде. — И в харчевню пожрать вряд ли отпустят.

— Тут Корень прав, — перехватил инициативу я, не давая разгореться ссоре. — Придется потерпеть пока, но вряд ли нас собрали тут, чтобы уморить голодом.

— С этих станется, — буркнул Тарас. — Накормят овсянкой — и весь сказ, а русскому человеку овсянка та — что за еда? Тьфу, и думать не хочется. Сейчас не пост, чтобы жидкой кашей питаться.

— А то ты посты соблюдаешь, — рассмеялся Армас. — Мы же все время в дороге или от ран оправляемся, ни один батюшка ничего нам не скажет за мясо в пост.

— Ну вот! — хлопнул себя по ляжке Тарас. — А тут голодом морят, хуже чем в монастыре, ей-богу. А ты еще говорил, командир, что здесь монастырей нету. Да эта Британия, провалилась она на дно морское, хуже всякого монастыря будет!

— Хватит шуметь, — оборвал нас Корень. — К нам идут.

Уже не один раз мы слышали звук шагов по коридору, но до этого запорожца он не настораживал. А я привык доверять его чутью. Все притихли, и меньше чем минуту спустя в нашу дверь вежливо постучали.

— Входите,— сказал я, однако визитер предпочел только отворить незапертую — ключей нам не выдали — дверь и остаться на пороге.

Им оказался высокий старик в синей ливрее с вышитым напротив сердца крестом Святого Георгия. Он вежливо склонил голову и обратился к нам на безукоризненном английском:

— Магистр Мэлори приглашает его сиятельство графа Остермана-Толстого на совещание.

— Прежде чем уйти,— заявил я,— должен знать, накормят ли моих людей.

— Я пришлю слугу, чтобы он проводил ваших людей в трапезную,— тем же ровным тоном произнес визитер,— там для всех приготовлен стол. Вам же подадут легкие закуски на самом совещании, а после него вы вольны будете присоединиться к своим бойцам.

— Благодарю,— кажется, при общении с дворецким — а кто это еще мог быть? — я невольно перенял его церемонный тон.— Идемте.

Машинально оправив костюм, я последовал за ним. Кабинет для совещания располагался на первом этаже, в глубине особняка. В большом помещении главенствовал стол. Невероятных размеров сооружение, занимающее большую часть свободного пространства. На столешнице его помещался подробный план Лондиниума с тянущимися вверх башнями Вестминстера, Тауэра и Биг-Бена, а еще искусно выложенными кирпичными трубами многочисленных заводов. Под ними раскинулись дворцы королевской фамилии, дворянские особняки, похожие на сундуки купеческие дома и целое море домов попроще. Я сразу обратил внимание, что один район города отделен от остальных — его опоясывала красная лента, уложенная вдоль улиц. Я не был боль-

шим знатоком Лондиниума, а потому мог понять лишь, что отделенный район никак нельзя отнести к богатым да и вообще хоть сколь-нибудь благополучным.

Вокруг стола собралась весьма пестрая компания. Мы разглядывали друг друга с неподдельным интересом. В каждом из пяти собравшихся тут, не считая знакомых уже мне рыцарей Ордена, я легко опознал профессионального игрока, а точнее капитана команды, что неудивительно. Я был самой непримечательной личностью, разве только офицер в красном мундире с незнакомыми мне нашивками рода войск мог бы состязаться со мной в этом качестве. А вот остальные трое выглядели крайне экзотично.

Конечно, тут присутствовал горбоносый карфагенинин, одетый, как и я, в дорожный костюм, но длинная, тщательно завитая борода и смуглое лицо, не потерявшее природного загара даже в здешнем климате, привлекало взгляд. Рядом с ним стоял другой уроженец Пиренейского полуострова, вот только был он не карфагенинином, а баском. На лице его было настолько злобное выражение, что казалось, он готов вцепиться в глотку всякому, кто не так глянет на него. Даже в помещении баск вопреки правилам хорошего тона не расстался с кепкой, лихо заломленной за ухо на манер берета. Хотя что мог баск знать о хороших манерах — карфагенине держали их, как и иберов, на положении полурабов, если не совсем рабов, и баски служили им лишь для одной цели — убивать.

Рядом с этой парочкой стоял уроженец Дальнего Востока — китаец или японец, я не слишком часто встречал выходцев оттуда и потому не мог определить точно. Одевался он вполне европейски, но желтоватый оттенок кожи и разрез глаз не скрыть под пиджаком и

брюками. Да и костюм был ему не слишком по нраву, он привык к совсем другим, не так сковывающим движения. Это читалось едва ли не в каждом его произвольном движении.

Последним был уроженец Нового царства — египтянин с бритой головой и заплетенной в косу бородкой. Он старался держаться равно далеко от всех нас, будто боялся подцепить заразу. Его кожа имела бронзовый оттенок, за который женщины так любят солдат колониальных войск. На бритой голове — ни единого волоска, так чисто не брили даже в лучших цирюльнях Лондиниума. Элегантный песочного цвета костюм египтянин носил с легкостью настоящего денди, значит, он был выходцем из высших каст и, скорее всего, получил образование за границей. Весьма необычно для командира игроков — в Новом царстве эта профессия не числилась среди особо почетных.

Вместе с уже знакомыми мне рыцарями Ордена стояла молодая женщина, красивое лицо которой отнюдь не портили строгость и слегка поджатые губы, как будто она отовсюду ждала подвоха. Одета женщина была в более свободный вариант орденского мундира и носила корсаж поверх нижней рубашки, подчеркивающий ее привлекательные формы. Вот только заглядываться на них не стоило. Ледяные взгляды, которыми она ода-ривала всех, чьи глаза задерживались дольше дозволенного приличиями, говорили лучше всяких слов.

— Итак, господа, мы наконец в сборе, — начал речь сэр Томас Мэлори. — Я сразу хочу принести вам извинения за тот несколько неудобный способ, которым пришлось воспользоваться, чтобы пригласить вас в нашу обитель. Однако иного выхода у нас просто не было. Надеюсь, вы поймете это, когда я поведаю все. Но пока

давайте представимся друг другу, ведь далеко не все тут знакомы. Начну с себя и моих братьев по Ордену.

Короткий кивок в сторону сэра Галахада:

— Сэр Галахад — паладин Ордена.

Следующий — в сторону Лафайета:

— Маркиз Эдмон де Лафайет, рыцарь Ордена из французского капитула.

Теперь настала очередь единственной дамы.

— Леди Изабо д'Аржий — рыцарь Ордена.

Мэлори сделал особое ударение на слове «рыцарь», чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений.

— Я уже представился всем вам, когда встречал у дверей особняка, а потому прошу вас назвать свои имена или прозвища, под которыми вы выходите на арену. Тут уж что кому удобнее.

— Магарбал, сын Гамилькара, — сообщил всем карфагенянин, подкрутив пальцами один из многочисленных завитков своей бороды, — чей род восходит к Гильгамешу, царю Ура. А этот недостойный рядом со мной — раб Аузибар, капитан принадлежащей мне команды бойцов.

— Хидзиката Тосидзо, — коротко поклонившись, выпалил единой фразой японец — или китаец, кто ж их разберет, — воин сегуна и императора. Капитан отряда Волков Мибу.

Я понял едва ли половину из сказанного, но уточнять не стал.

— Яхмос ап Фта, — с каким-то певучим акцентом выдал египтянин, — имею честь возглавлять команду игроков из Нового царства.

— Граф Остерман-Толстой, Иван Александрович, — высказался я, — честь имею, русский игрок. Как и вся моя команда.

— Капитан Рэнделл Беннет,— последним представился британец в красном мундире,— корпус ее величества Королевской морской пехоты.

— Вот и отлично,— положил обе руки на край стола Мэлори.— Теперь перейдем к делу, сразу и без отлагательств. Если есть проголодавшиеся, сейчас слуги принесут вино и закуски, а я пока, с вашего позволения, господа, начну. Наш Орден создан для борьбы с вырожденками — людьми, смешавшими свою кровь с кровью животных. Они существуют с древних времен и, увы, по сей день. Думаю, в каждой из стран сталкивались с этой проблемой в том или ином ее проявлении. На Британских островах, благодаря усилиям Ордена, нам почти удалось покончить с вырожденками, мы даже оказывали помощь нашим братьям во Франции. Однако нам нанесли удар под дых, если использовать боксерскую терминологию.

Тут двери отворились, и в кабинет вошли трое слуг. Двое катили довольно большой стол, сервированный обещанными закусками, третий же торжественно нес поднос с несколькими бутылками вина.

Мы прервались, пока слуги не покинули кабинет — никто к еде даже не притронулся, все ждали продолжения. Мэлори, в свою очередь не бросивший и взгляда на столик и поднос с вином, только сильнее навалился на стол.

— Вы все, скорее всего, знаете из газет о докторе Моро и экспериментах по переливанию крови, а также о стремительном закате его карьеры и бегстве из Лондиниума. Эта история в свое время не без помощи Ордена, сразу скажу, облетела весь мир. Мы считали, что сбежавший доктор нигде не найдет помощи после того, в чем был совершенно справедливо обвинен. Вот только никто и подумать не мог, что он вовсе не поки-

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

нул город, а укрылся в Уайтчепеле, где преспокойно продолжил свои эксперименты.

— И как удалось обнаружить эту новую лабораторию, если ее спрятали так хорошо? — спросил Яхмос ап Фта. Из-за акцента казалось, что он не говорит, а запекает строфы молитв или псалмы во славу своих богов.

— Отличный вопрос, — прищелкнул пальцами Мэлори. — Несколько недель назад в Уайтчепеле начались убийства. Сначала на них никто внимания не обратил, потому что гибли только — короткий взгляд в сторону Изабо д'Аржий, как будто сэр Томас извинялся перед ней за то, что должен сказать, — проститутки. Их смерть — слишком частое явление в районе, подобном Уайтчепелу, поэтому полиция занялась ими очень поздно, когда количество жертв перевалило за десяток, а пронюхавшие обо всем газетчики начали трезвонить на каждом углу о Джеке-потрошителе. Еще позже Скотленд-Ярд обратился к нам. Уже после того, как их коронеры обнаружили на телах жертв следы укусов. Укусов, нанесенных нечеловеческими зубами. Но было уже слишком поздно. Мы вошли в Уайтчепел, и это скверно для всех нас закончилось.

Заметки на полях

ВЫРОДКИ

Этих существ во все века люди боялись и истребляли — так гласит официальная версия. Но достаточно вдуматься в историю и хоть немного внимательней почитать самые обыкновенные

сказки, и перед нами открывается совсем другая картина.

Те, кого зовут вырожденками, вовсе не были редкостью в древние времена, а кое-где, например на Дальнем Востоке среди хунхузов и конных бандитов, до сих пор процветают обряды смешивания крови. И мало где вырожденки становились париями или изгоями, а если уж быть совсем точным, то до распространения римской культуры, а вслед за ней христианства, нигде. Более сильные, ловкие, умелые бойцы всегда ценились, а что по их жилам вместе с людской течет кровь сильных животных, дела никому не было.

До римлян. Полагающиеся на дисциплину и мощь всего легиона, а не отдельных его воинов, римские полководцы впервые встретились с вырожденками, или тогда еще полукровками, как их называли ученые мужи Античности, в Галлии. Вместе с друидами римляне уничтожили почти всех полукровок — слишком сильными врагами те были, чтобы оставлять их на подчиненных землях. Так повелось во всех завоеванных могучим Римом территориях вплоть до Британских островов.

С распространением христианства на вырожденков — так их стали звать именно первые христианские проповедники — началась настоящая охота. Ведь они были сильнейшими воинами языческих племен, бросавших вызов новой религии, не желавших подчиняться им. Для борьбы именно с ними создавались рыцарские Ордена, которые после отправились нести знамя веры на Восток и освобождать Гроб Господень из рук сарацин.

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

Уже к началу XVIII столетия от вырождков почти не осталось и следа, разве только на совсем уж Дальнем Востоке, среди упоминавшихся уже хунхузов с конными разбойниками, терроризирующих Китай. Но тут древнюю легенду решили воплотить в жизнь люди вроде доктора Моро, считавшие, что таким образом смогут улучшить человеческую породу. До поры они работали открыто и даже публиковали результаты своих исследований в научных журналах, их обсуждала университетская профессура. Пока ушлый журналист не проник в лабораторию доктора Моро под видом лаборанта. А после опубликовал все, что увидел там, в одном из ведущих лондонских изданий, да еще и снабдив свой рассказ подтверждающими его жуткими фотографическими снимками.

Это стало настоящим взрывом. Лабораторию Моро разгромила толпа. Досталось и другим занимающимся похожими вещами ученым, кое-кто едва ноги унести успел, а кое-кто и не успел, застигнутый врасплох разъяренными и обезумевшими от страха людьми. Погромы произошли во многих университетах. Бывало, народ набрасывался даже на студентов, которые не давали никакого повода для нападений. Часто он и не нужен был.

Так же быстро, как закипели, страсти схлынули. Тогда все взгляды были обращены на Восток — ждали, чем завершится кризис с Турцией и начнется ли новая война, на сей раз против варварской России. Об ученых позабыли, а они, как оказалось, продолжали свою работу.

— **И** вы решили, что игроки помогут вам в выполнении миссии? — поинтересовался капитан Беннет, на лице его было написано неприкрытое презрение ко всем. — Вам стоило только обратиться к нам, Королевской морской пехоте, и мы покончили бы с тварями из Уайтчепела в считанные часы. Кстати, еще не поздно поступить именно так.

— Увы, капитан, — развел руками сэр Томас, — но поздно. Я уже обращался к вашему командованию, и мне выделили только вашу пятерку, заверив, что вас будет более чем достаточно. Добавили, что Орден и без того просит слишком многого, ведь войска лондонского гарнизона уже и так блокируют Уайтчепел со всех сторон. Именно поэтому я обратился за помощью к устроителям игр.

— Почему выбор пал именно на нас? — опередив меня, задал вопрос Яхмос ап Фта. — Не стоило ли британские проблемы решать руками британцев? На играх остается достаточно команд с ваших островов и подчиненных вам территорий.

— Одни из них остались на второй и третий день игр. Другие понесли потери. Вы еще не знаете, но Камиль Фабер был тяжело ранен и вряд ли увидит завтрашний рассвет, его команда лишилась двух игроков. Макадамс погиб вместе со всей командой, они сражались с чернокожими из французских колоний — командой капитана Филибера. Я имел кое-какие виды на его зуавов, но из них выжили только двое, включая самого Филибера. Также я рассчитывал, скажу честно, на Готских рыцарей, однако их судьба незавидна. Команда погибла в полном составе.

— Его высочеству испортили все игры, — усмехнулся капитан Беннет, но при этом так нехорошо гля-

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

нул на меня, что мне показалось на миг — он точно знает, что испортил все виновник торжественных игр. — Возможно, он завтра даже не появится в своей ложе, сошлется на здоровье, и нашей возлюбленной королеве придется отдуваться за него.

— Слабый правитель, — полные губы Магарбала скривились в откровенно презрительной усмешке, — не может даже торжества по случаю своего дня рождения высидеть до конца.

Беннет явно хотел ответить на эту ехидную реплику, однако перепалку в зародыше остановил сэр Томас, негромко, но как-то весьма выразительно хлопнув ладонями по столешнице.

— Мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать достоинства правителей, — произнес он.

— Раз уж дошло до обсуждений, то я бы хотел поинтересоваться, — высказал я наконец то, что хотел, — сколько нам заплатят? Скажу сразу, я и мои люди за дармовое угощение от Ордена умирать не станем, — я намеренно говорил грубо, подчеркивая полную свою приземленность в этом вопросе. — Вам нужны наши профессиональные качества там, — я указал на отмеченный красной линией район на плане Лондиниума, — их придется приобрести. Вы не Магарбал, а мы — не ваши рабы, сэр Томас, чтобы вы запросто отпращивали нас в район, полный вырождаков и одному Господу ведомо кого еще. Не знаю, как остальные мои коллеги, но я готов отправиться туда лишь за соответствующую оплату, и она должна быть достаточно щедрой. Ведь всем, думаю, известно, что мы зарабатываем деньги не только на аренах.

Этот факт не было принято афишировать, но только лучшие команды могли позволить себе зарабаты-

вать лишь гастрольями по большим аренам. Остальным же приходилось выкручиваться любыми способами. Самые неразборчивые участвовали в конфликтах между крупными бандами, но до такого мало кто опускался. Кто-то прибивался на время к циркам, принимая участие в их представлениях. Другие шли в армию — профессиональных игроков с именами со времен Древнего Рима были рады видеть инструкторами по рукопашному бою. Иногда нанимались целыми командами на выполнение особенно щекотливых заданий, в которых не желали участвовать на официальном уровне правительства государств. Также игроки были востребованы в роли телохранителей. В общем, нам не впервой было зарабатывать себе на жизнь, проливая кровь отнюдь не на арене.

Мэлори обвел взглядом собравшихся и по выражениям лиц понял — все, пожалуй, кроме капитана Беннета, полностью разделяют мою позицию по этому вопросу. Офицер Королевской морской пехоты одарил всех очередной презрительной улыбкой.

— Никто из нас не испытывает патриотического порыва и не спешит умирать за вас, — пропел Яхмос ап Фта. — Все мы привыкли получать выгоду от предприятий, в которые ввязываемся. Вольно или невольно.

— Мои люди — слишком ценный товар, — поддержал Магарбал. — Я растил их, кормил, тратил деньги на обучение, и они еще не отработали вложенное.

Судя по алчному взгляду Магарбала, отработать вложенные деньги его рабам точно не удастся. Сэр Томас обводил нас недоумевающим взглядом. Похоже, требование оплаты никак не входило в его планы.

— Орден располагает определенными фондами, — голос сэра Томаса впервые прозвучал неуверенно. —

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

К тому же я обращусь к лорд-мэру и Ассамблее — прежде они никогда не отказывали Ордену в просьбах. Даже денежных. А пока, если вам будет довольно моей долговой расписки на сумму, которую вы сочтете достаточной...

— У вас есть имущество, чтобы покрыть этот долг? — тут же встрял Магарбал, который был из всех нас самым прожженным дельцом. Что в общем-то не удивительно.

— Этот особняк принадлежит семейству Мэлори уже почти пятьсот лет,— тон сэра Томаса стал ледяным. Он не привык, чтобы его перебивали,— и я заложу его, если понадобится, чтобы расплатиться с вами, господа, по распискам. Вам этого довольно?

— Вполне,— тон Магарбала можно было счесть примирительным, однако в нем слишком явственно звучали победительные нотки. Лицо сэра Томаса побелело от едва сдерживаемого гнева.

— Мне будет довольно и вашего слова, сэр Томас,— заявил я, чтобы хоть немного разрядить накалившуюся обстановку.— Но я бы хотел узнать у вас еще одно. Почему Орден обратился к нам за помощью, не располагая фондами для оплаты? У вас было достаточно времени, раз вы пригласили сюда вашего брата из французского капитула, но почему только его одного? Где остальные рыцари Ордена с Британских островов?

Молчание повисло в кабинете на несколько томительных секунд. Сэр Томас сверлил меня взглядом, как будто желал таким образом заставить отказаться от вопроса. Но он был задан и требовал ответа.

— Если вам нужно подтверждение того, о чем вы давно уже догадались,— севшим голосом произнес Мэлори,— то я скажу вам. Здесь вы видите всех рыцарей

Ордена — не только в Британии, но и в мире вообще. Нас осталось всего четверо, и потому Орден не может без посторонней помощи справиться даже с угрозой, возникшей в одном районе Лондиниума. Нам почти удалось одолеть выроdkов, и как только исчезла угроза — в нас отпала необходимость. Нас перестали финансировать, люди больше не желали вступать в Орден, ведь неясно было, чем нам теперь заниматься. Более того, все сквозь пальцы глядели на опыты ученых вроде Моро, позволяя им безнаказанно проводить свои эксперименты по умышленному созданию выроdkов.

— Уж не вы ли приложили руку к разоблачению лаборатории Моро в Лондиниуме? — улыбнулся Яхмос ап Фта.

— Да,— коротко бросил Мэлори, которого не радовала эта тема разговора.

А вот маркиз Лафайет подмигнул нам из-за его спины и сделал короткий жест левой рукой, будто намеревался отдать честь. Стало ясно, кто был тем самым ушлым журналистом, скрывавшимся под личиной фальшивого лаборанта.

— Надеюсь, все вопросы решены, господа? — обратился к нам сэр Томас. Никто ничего говорить не стал.— Отлично. Значит, сегодня вы погостите у нас в особняке, а завтра с первыми лучами солнца мы отправимся в Уайтчепел.

— Я так понимаю,— едва ли не впервые после представления подал голос Хидзиката Тосидзо, японец, или китаец,— что вы не знаете, с чем мы столкнемся там.

— Только в самых общих чертах,— ответил Мэлори.— Я могу сказать, что в Уайтчепеле нас ждет много крови и смертельная опасность.

Наверное, сон в ту ночь был навеян схваткой с Готскими рыцарями на играх. Стоило мне коснуться головой подушки, как я тут же оказался среди жаркой крымской пыли. Но на этот раз на окраине Арабата, и передо мной стояли два офицера британской армии и рыцарь в доспехах.

Мы встретились в двадцати саженьях от первых домов Арабата и наших укреплений. Британцы выглядели подлинными завоевателями в своих красных мундирах, а рыцарь даже не соизволил поднять забрала, что было просто оскорблением. Однако я до поры решил не реагировать на него.

— Граф Остерман-Толстой, подполковник Егерского корпуса, — представился я, щелкнув разбитыми каблуками ботинок. — С кем имею честь разговаривать?

— Капитан Чэдлер, — ответил офицер постарше с начинающими седеть бакенбардами, скрывающими почти все лицо. — Тридцать восьмой пехотный полк.

— Лейтенант Коупленд, — кивнул следом офицер помоложе, с лицом чисто выбритым, но уже изрядно изборожденным морщинами, — Королевский осадный корпус.

Значит, ребята первого штурмовали нас уже шестой день кряду, а второго забрасывали снарядами из баллист, катапульт и скорпионов каждое утро и вечер, как по расписанию.

— Конрад фон Эрлихсхаузен, — все же поднял забрало рыцарь, явив миру широкое лицо, украшенное черной как смоль бородой-эспаньолкой и аккуратными усами, — комтур ордена Готских рыцарей.

Говорил он по-немецки, но я его отлично понимал, так как владел этим языком. Не в совершенстве,

конечно, но достаточно, чтобы понять, кто мне представляется.

— Раз мы познакомились, господа,— кивнул я,— то давайте вы сразу изложите свои требования, я их отклоню, и все вернется на круги своя.

— Не вернется,— отрезал, переходя на английский, Готский рыцарь, говорил он с весьма характерным акцентом, который при других обстоятельствах можно было бы счесть даже смешным.— Больше ничего не вернется на круги своя. Сдавайтесь сегодня, у вас час на раздумья. Если не сдадитесь, мои рыцари втопчут вас в грязь.

— Всегда уважал вас,— кивнул я Конраду,— за прямую манеру выражаться. Никаких дипломатических экивоков. Все кристально ясно.

— Как будто мы иначе изложили бы требования,— как-то обиженно буркнул капитан Чэдлер.— Мы — люди военные и всей этой дипломатии чужды.

— Какая уж тут дипломатия,— рассмеялся я так, будто находился в кругу друзей,— когда ваши люди штурмуют мои позиции дважды в день. Вы случайно не шотландец? А то, говорят, только им присуще такое упрямство.

— Тридцать восьмой не привык уступать врагу,— гордо ответил Чэдлер,— и в этом мы можем дать фору в упрямстве самым твердолобым шотландцам.

— Вы, верно, не слышали меня, граф,— вновь вступил в разговор Конрад, который не привык к тому, чтобы его почти игнорировали.— Не солдаты капитана Чэдлера, а мои рыцари атакуют вас ровно через час.

— Я отлично слышал вас, рыцарь,— кивнул ему я,— не надо повышать голос. Мы с капитаном верные

Глава 2. В ГОСТЯХ У ОРДЕНА

враги уже не один день, а это сродни некой дружбе, не так ли? — Чэдлер кивнул, разгладив пальцами бакенбарды. — Вы же в этом плане человек мне вовсе не знакомый. Через час мы узнаем друг друга в бою, а пока дайте перекинуться еще парой слов с капитаном.

И вот тут рыцарь допустил громадную оплошность или попытался спровоцировать меня, уж не знаю. Он шагнул вперед, сжав пальцами в латной перчатке воротник моего мундира.

— Я пришел оказать вам честь, предложив сдать-ся, — прорычал он мне прямо в лицо, — но вижу, что вы просто неблагодарная свинья и не заслуживаете подобной милости. Я прикончу вас! Кони моих рыцарей втопчут ваши трупы в эту пыль!

— Смелое утверждение, рыцарь, — ничуть не смутился я, даже не попытавшись освободиться из его железной хватки. — Капитан, а ничего подобного командир французских жандармов не говорил?

Лицо Чэдлера замерло. Он поджал губы и, шагнув вперед, положил руку на наплечник рыцаря.

— Успокойтесь, — произнес он. — Не стоит ронять себя в глазах наших врагов.

Конрад повернул к нему покрасневшее от гнева лицо. Однако ничего больше говорить не стал. Он разжал железную хватку и, не прощаясь, направился к своему коню, которого держал под уздцы оруженосец. Уже поставив ногу в стремя, он обернулся ко мне и ткнул пальцем.

— С этой минуты ровно час. Я не отступаю от данного слова.

Я разгладил смятый на груди мундир, хотя вряд ли это могло сильно улучшить мой внешний вид после нескольких дней непрерывных боев.

— Жду вас ровно через час, герр Конрад, постарайтесь не опаздывать.

Рыцарь вскочил в седло, лязгнув доспехом, и, не дожидаясь оруженосца, поскакал к позициям британцев.

— Зря вы его так разозлили, граф,— покачал головой лейтенант Коупленд.— Теперь он точно никого не пощадит.

— Как будто в спокойном состоянии эти господа склонны к милосердию,— усмехнулся я.

— Лучше бы вам сдаться,— тяжело вздохнул Чэдлер.— Честное слово, вы нравитесь мне, граф, но сдержат гнев Готских рыцарей будет просто невозможно. За жандармов, кстати, французы на вас крепкий зуб теперь имеют. Но всем ведь известно, что при первом штурме Арабата войсками генерала Пелисье здесь еще находилось достаточно войск барона Врангеля. Сейчас же вас там не больше батальона, да и то сильно потрепанного.

— Я могу только процитировать нашего славного генерал-фельдмаршала Суворова-Рымникского,— усмехнулся я.— Воюют не числом, а умением.

Глава 3

УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

В желудке Тараса постоянно бурчало — наверное, из-за отсутствия завтрака второй день подряд. Наш рукопашник виновато косился в мою сторону, но ничего не говорил. А эти звуки, отлично слышные в тем-

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

ноте кеба, жутко раздражали. Хотя того, что меня нервировало кроме этого, было еще ой как много.

Конечно же, вчера сэр Томас рассказал нам далеко не все. Уже сегодня утром, перед тем как рассаживаться по знакомым вместительным кебам, магистр Ордена подозвал к себе всех капитанов и Магарбала заодно. Хозяин команды заявил, что не бросит своих людей — те, мол, слишком дорогое имущество, чтобы оставлять его без присмотра.

— Кроме выроdkов, в Уайтчепеле остались люди, — заявил магистр, — мне неизвестно, сколько из них заражены, поэтому убивать придется всех.

— Это значит, женщин и детей тоже в расход? — зачем-то уточнил Магарбал, при этом губы его сложились в хищную улыбку.

— Всех — это значит всех, — мрачно произнес Мэлори. — Решение жестокое, но необходимое. Только так можно бороться с этой болезнью, не дав ей перерасти в настоящую эпидемию.

— Разве выродки заразны? — удивился я. — Никогда не слышал, чтобы о них говорили как о болезни.

— Неизвестно, на ком именно проводились эксперименты, — ледяным тоном заявил сэр Томас, — а потому мы и не знаем, кто из выживших — выродок. Это может быть ребенок в колыбели, но он проявит свои дьявольские способности, а что еще хуже — в его потомстве будут такие же выродки. Вот что я имею в виду, говоря об эпидемии.

— Теперь понятно, — проговорил-пропел Яхмос ап Фта, — почему среди нас нет тех, кого вы считаете представителями цивилизованных стран. Мало кого можно купить, чтобы они убивали беременных женщин и младенцев в колыбельках.

Меня неприятно резанули его слова, как и офицера британской морской пехоты, ведь египтянин поставил его вровень с нами. Однако у офицера хотя бы есть фиговый листок патриотизма, которым он всегда может прикрыть свои деяния. А вот мне прикрываться нечем. Ну да и бог с ним, куда уж дальше падать — из подполковников в капитаны команды игроков? Хорошо хоть родители не дожили до моего шельмования и лишения чести.

Уже внутри кеба я рассказал своим бойцам обо всем. Никого новость не обрадовала.

— Так что же, командир, детей резать станем? — мрачно произнес Тарас, и в животе его в первый раз за это утро что-то буркнуло. Казалось, даже чрево бунтует против такого поворота событий.

— Будем убивать выродков и тех, кто нападет на нас, — ответил я. — С остальными пускай британцы сами разбираются — мы и так им оказываем большую услугу, пускай и за деньги.

— А найдутся разве такие, кто детишек резать станет? — удивился Тарас.

— Такие выродки, — усмехнулся я невесело, — всегда находятся.

Разговаривать дальше совсем не хотелось, и единственными звуками в кебе остались те, что издавало чрево Тараса. Ехали мы достаточно долго, а в полной тишине терпеть вынужденное бездействие оказалось очень сложно. От нечего делать я отодвинул в сторону занавеску на окошке кеба и стал глядеть на улицу. Но и там ничего интересного не было. Грязные стены домов перемежались с перекрестками. Фонари чем дальше, тем реже горели. По улицам уже шагали первые прохожие — шли на службу, начинающуюся еще

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

затемно. Встречались бобби в синих плащах и шлемах. Они, позевывая, прогуливались по своим участкам патрулирования с дубинками в руках.

Первых солдат в красных мундирах я увидел минут за десять до того, как мы подъехали к воротам Уайтчепела. Сначала они сменили бобби, но после их стало все больше и больше. И вот уже не видно обывателей, улицы перекрыты, и только кебы пропускают дальше. Несколько раз наш кортеж останавливали, но стоило кебмену протянуть офицеру внушительную бумагу со свисающими печатями, как нам тут же давали проехать.

Остановились мы перед большой баррикадой, которой Уайтчепел был отгорожен от остального Лондиниума. По эту ее сторону расположилось не меньше взвода солдат — алебардщиков и арбалетчиков, но в первых рядах стояли воины, одетые в кирасы, с тяжелыми щитами. Такие почти не использовались на поле боя, зато были весьма эффективны в уличных столкновениях. Мне очень не хватало хотя бы десятка таких ребят в Арабате — держать оборону между тамошними мазанками.

— Ты погляди, что за клоунов сюда привезли, — рассмеялся унтер, командующий арбалетчиками, толкнув другого унтера — в капеллине и при алебарде. — Рыцари, видимо, совсем умом тронулись после прошлого раза...

Но договорить он не успел — из кеба выбрался сэр Томас, и все разговоры тут же стихли. Мэлори подошел к командиру солдат — офицеру, прошедшему не одну битву, судя по украшавшим его лицо шрамам.

— Мистер Джонс, доложите обстановку, — попросил сэр Томас.

— Дважды за время вашего отсутствия из района пытались прорваться,— сообщил тот.— Один раз просто толпой навалились, но тогда их отбили легко. Второй раз затейливее поступили. Погнали впереди женщин и детей. Вот только не знали, наверное, с кем имеют дело. Моим парням плевать, в кого болты всаживать, а до алебардчиков толпа не добралась.

Все мы покинули кебы, и на нас откровенно пялились — ведь игроки перед выездом переоделись в костюмы для арены. Не в цивильном же виде по Уайт-чепелу щеголять. А боевые костюмы, как бы кричаще ни смотрелись, были, в первую очередь, удобны и не стесняли движений. Так что выглядели мы — любодорого. И моя команда смотрелась на фоне карфагенян или японцев — все же японцев, я это выяснил у сэра Томаса,— не слишком экстравагантно. Ну и морские пехотинцы капитана Беннета почти не отличались от остальных солдат в красных мундирах.

Особенно выделялись, конечно, тяжелые бойцы. Среди карфагенян это был громадного роста негр. Выше пояса — голый, несмотря на довольно холодную погоду. Лишь на плечах его красовались кожаные накладки, топорщащиеся стальными шипами,— скорее украшение, чем реальная защита. Руки он сложил на украшенной серебряным черепом длинной рукояти тяжелого кривого меча, похожего на турецкий ятаган, каким его рисуют на картинках в детских книжках. Правда, японец мог переплунуть кого угодно. Он был довольно высок для представителя этой нации, одет в доспехи, состоящие из кирасы и набедренников, а на голове красовалась целая грива выкрашенных в ярко-красный — вырви-глаз! — цвет волос, очень похожая на львиную. Из нее торчала пара коротких рогов, непо-

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

нятно кому раньше принадлежавших, а прикрывала она какой-то шлем, но без забрала. На плечах воин держал двустороннюю секиру, выглядевшую столь же зловеще и внушительно, как мой секач или тяжелый кривой меч негра.

Рыцари Ордена остались в своей обычной форме, к которой добавились только посеребренные легкие наручи и поножи с хитрым узором, возможно шифром их званий, а быть может, просто украшением. Хотя Изабо д'Аржий обходилась и кожаными. А вот вооружение у них — куда затейливей нашего. Сэр Томас и сэр Галахад были с тяжелыми драгунскими палашами, которыми весьма удобно рубить не только с седла, но и в пешем строю. Изабо д'Аржий с маркизом Лафайетом — со шпагами, предназначенными скорее для того, чтобы накалывать врага, однако и рубить ими при желании можно. Но не это оружие привлекло мое внимание — в конце концов, как профессиональный игрок я нередко встречал самые экзотические образцы. А вот то, что рыцари Ордена носили за спиной, вызывало подлинный интерес и даже восхищение. Кое о чем мне приходилось только слышать, а электрическое ружье, которым был вооружен сэр Галахад, и вовсе казалось чем-то из разряда легенд. Лафайет перехватил обеими руками тяжелый арбалет с узкими дугами из стальных пластин, украшенный серебряными накладками с вьющимся узором, который складывался в слова Писания на латыни. У Изабо д'Аржий арбалетов была пара, как у нашего Князя, но куда лучшего качества. Такие запросто делают по три-четыре выстрела за считанные секунды, и вряд ли их перезарядка занимает много времени. Сам сэр Томас нес катушечное ружье с длинным стволом, обвитым медной и стальной проволокой, — мощное оружие, спо-

собное нашить человека или выродка сталью ничуть не хуже арбалетов Изабо д'Аржий, а быть может, и с куда большей эффективностью.

— Итак, господа,— обратился к нам сэр Томас,— сейчас войдем в Уайтчепел. Будем вместе двигаться по Хай-стрит до больницы. Скорее всего, именно там расположена лаборатория доктора Моро. Стоит ждать самого ожесточенного сопротивления. Если вдруг потеряетесь во время схватки с врагом, постарайтесь снова выйти на Хай-стрит и двигайтесь к больнице. Вы не пропустите ее — самое большое здание во всем этом Богом проклятом квартале.

Он перевел дыхание, помолчал пару секунд и выкрикнул так громко, как только смог:

— Да поможет нам Бог! — А после обернулся к офицеру, командующему оцеплением: — Разберите баррикаду — входим.

Когда мы гуськом — команда за командой — проходили мимо провожавших нас взглядами солдат в алых мундирах, один из них — тот самый унтер, что называл нас клоунами,— шептал вслед: «Да поможет вам Бог, парни. Да поможет вам Бог».

Заметки на полях

СНОВА КРЫМСКИЕ СНЫ

Я никогда не мог понять подлинной природы этих снов. В них я как будто пребывал не только в своем теле.

Я видел атаку Готских рыцарей на наши позиции глазами Конрада фон Эрлихсхаузена — не

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

просто видел, я переживал ее. Я ненавидел выстроившихся среди мазанок Арабата солдат и особенно их наглеца-командира, стоящего закинув на плечи уродливый секач.

А в другую ночь я вел своих егерей в атаку на Федюхины высоты во время битвы на Черной реке. Я оборачивался к ним и весело кричал: «В ад за мной — шаго-ом! Арш!» И мы шли весело, под песни, а французы обрушивали на нас настоящий шквал ядер из баллист с катапультами и саженных копий из скорострельных скорпионов.

На третью же мои егеря наступали вместе с полком пикинеров при Инкермане, стреляя на ходу во врага. В ответ в нас летели стрелы из длинных луков, что запускали из-за стройных шеренг красномундирной пехоты лучники в зеленой форме. Все ближе и ближе красные солдаты — их уже можно разглядеть в прорези треугольных забрал стальных капеллин. Еще мгновение — и начнется рукопашная схватка.

Вот только я никоим образом не мог участвовать в этих трех сражениях, не говоря уж обо всех остальных странностях. Что же это такое? Что за непонятные шутки играет со мной мой собственный разум?

Мы вошли в Уайтчепел, но в первые четверть часа не встретили никого. Никакого ожесточенного сопротивления, о котором говорил Мэлори. Даже тренированные глаза Корня — бывалого пластуна, не растерявшего привитых с детства навыков, — не заметили ничего подозрительного. Видимо, несколько попыток прорыва, стоивших местным обывателям немалой

крови, заставили их уйти в глубь района и не высовывать оттуда носа. Но как долго это продлится — неясно.

Следы тех самых прорывов, о которых говорил командир державших кордон солдат, мы увидели сразу за баррикадой. Несколько десятков изрубленных трупов, многие изувечены до такого состояния, что нельзя было понять, кому какая конечность принадлежит. Иные же из-за давки превращены толпой почти в бесформенные куски окровавленного мяса. И тем страшнее выглядели в этих грудях остекленевшие человеческие глаза: они, казалось, с немым укором смотрели на нас, проходивших мимо.

Однако эта картина быстро вылетела у меня из головы. Сейчас было куда больше насущных проблем, чтобы заострять внимание на чем бы то ни было, не относящемся напрямую к нашему делу.

Вот только мы шли и шли по Хай-стрит — достаточно широкой улице, чтобы не надо было тесниться или шагать гуськом, — а враг и не думал показываться. Это привело к неизбежному: все несколько расслабились, нельзя же быть в напряжении больше получаса. Начались разговоры: шагать в молчании, пожалуй, тяжелее, чем держать себя в постоянной готовности к схватке.

С гривой красных волос здоровяк-японец, который легко нес на плече свою секиру, склонился над шагающим впереди Хидзикатой Тосидзо и произнес несколько коротких фраз на их родном языке. Хидзиката повернулся в мою сторону.

— Сингэн интересуется, что это у вас за оружие? — спросил он у меня.

Я заметил, что при разговоре Хидзиката не улыбался, как делали большинство китайцев, с которыми мне

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

приходилось общаться, даже достаточно высокопоставленных. Они говорили, что дело в непривычной артикуляции, но отчего-то не верил им. И теперь нашел подтверждение своим сомнениям: вряд ли японский и китайский языки настолько не схожи, что артикуляция сильно разнится.

— Я называю его просто секач,— пожал плечами я.— Он достался мне как трофей после схватки.

— У такого оружия должно быть собственное имя,— теперь Хидзиката говорил за себя, а не переводя слова здоровяка по имени Сингэн.

— Предыдущий хозяин мне его не сказал,— пожал плечами я и тут же понял, что зря это сделал.

Я носил секач, уложив его на плечи, и те успели основательно затечь, а теперь отозвались на движение довольно сильной болью.

— Понимаю,— кивнул, снова без лишних улыбок, Хидзиката, и взгляд его сказал мне обо всем.

Я знал, что он не совсем верно угадал развитие событий, однако не стал рассказывать ему, как все было на самом деле. Какая кому разница, собственно говоря.

Хидзиката обернулся на ходу к изнывающему от любопытства Сингэну и выдал несколько быстрых фраз. Я лично считал, что он обойдется и парой слов. Однако Сингэн и не подумал успокаиваться. Он снова что-то спросил у Хидзикаты, и тот опять повернулся ко мне. Оказывается, я ошибался, и Сингэн ничего не спрашивал — он выдал парочку пожеланий.

— Сингэн говорит,— сообщил мне Хидзиката,— что оружие явно не переделано под вас, а так как это точно штучная работа, то его стоило бы изменить именно под ваши руки, тогда им будет намного удобнее работать. И еще Сингэн выражает надежду, что он

встретится с вами на арене. Ему бы очень хотелось узнать, каков ваш секач в действии.

— Я благодарю Сингэна за совет и последую ему при первой возможности. А что до его пожелания, думаю, он скоро увидит мой секач в работе.

Вот тут мы с Хидзикатой вежливо улыбнулись друг другу. Шутка была не ахти, но вежливость — превыше всего.

И тут нам всем стало не до разговоров.

Засаду враг устроил грамотно: заманил поглубже в район, долго не показывался на глаза, пока мы не расслабились, и только после этого принялся палить. И все же обмануть наших разведчиков не удалось. Буквально за несколько мгновений до того, как обрушился ливень стрел и арбалетных болтов, замерли Корень и лучница из команды капитана Беннета. Казак вскинул над головой левую руку с зажатым в ней кинжалом — и все тут же остановилось — этот сигнал был знаком каждому. А сразу после этого вокруг нас разверзся ад.

Из слуховых окон, со вторых и редких третьих этажей приземистых домов Хай-стрит по нам открыли огонь из арбалетов. Болты засвистели в воздухе. На балконы выскочили лучники, уже натягивающие тетивы. И к болтам тут же присоединились стрелы.

Наши стрелки не остались в долгу. Быть может, мы и расслабились из-за долгого отсутствия врага, но совсем уж бдительности не потеряли. Лучница британской команды, вооруженная настоящим чудовищем или творением гения — тут как посмотреть — с несколькими плечами разной длины, одни даже расположены перпендикулярно остальным, выстрелила трижды с такой невообразимой скоростью, что и мое-

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

му тренированному глазу оказалось сложновато заметить эти движения. Ее поддержал второй стрелок британцев, чье катушечное ружье выдало серию электрических импульсов, швыряя во врага пулю за пулей. Да уж, вооружены британцы оказались по высшему разряду, и выучка не подкачала.

Вот только мои парни, равно как и все остальные, вовсе не выглядели серыми посредственностями на их фоне. Почти одновременно щелкнули арбалеты Ломидзе, отправив двоих врагов на тот свет. Армас же стрелял с колена, не особенно выбирая цели,— сейчас от бойцов с катушечным оружием требовался огонь на подавление. Они были нашей тяжелой артиллерией — точности особой никто не требовал. Но врагов было слишком много, а нас — слишком мало для этого.

Однако одним обстрелом враг, конечно же, не ограничился. Тем более что тот не принес никаких плодов. Никто из нас не был даже легко ранен, в то время как атакующие сами понесли потери, и немалые. Все-таки мы сильно превосходили в выучке обитателей Уайтчепела. Из многочисленных закоулков, улочек или переулков, отходящих от Хай-стрит, подобно мелким речушкам и ручейкам, на нас бросились новые враги. Люди и те, кого называли вырожденками. Последних было достаточно сложно разглядеть: двигались они действительно с нечеловеческой скоростью. Мчались длинными прыжками, припадая к земле на все конечности, далеко обогнав людей в рваных куртках, длиннополых пальто и полувоенных френчах. Выродки первыми врезались в нас.

Конечно, мы уже не стояли к тому моменту плотной группой, разбившись на привычные пятерки команд, где каждый привык прикрывать товарища. Пер-

вого выродка встретил стальным кулаком Тарас. Он врезал ему с такой силой, что полуживотное рухнуло на разбитую грязную мостовую с проломленным черепом. Тут уж никакая звериная кровь не спасет. Следующий попытался напасть на перезаряжающего арбалеты Вахтанга, но на его пути встал Корень. Шашка и кривой кинжал замелькали с невероятной скоростью, распластывая выродка, во все стороны полетели ошметки шерсти и кровавые брызги.

Тяжелые бойцы — и я в их числе — пока даже не вступали в схватку. Не было надобности: пока со всем отлично справлялись стрелки и прикрывающие их бойцы полегче нашего. О них, словно о волнолом, разбивались атакующие враги. Но я отлично понимал, что продлится это недолго. До появления первых серьезных противников, которых никогда не было принято гнать на убой в передних шеренгах. И они не заставили себя долго ждать. Вот только это оказались вовсе не выродки, а вполне серьезные бойцы в кирасах и закрытых шлемах.

Они клином промчались через толпы напирających на нас врагов и врезались в наши боевые порядки. Хотя порядками их можно было считать сугубо условно. Двое навалились на Корня с Тарасом, к ним тут же присоединилась еще парочка, а следующие кинулись уже на стрелков. Тогда за дело пришлось браться уже мне.

Я шагнул навстречу врагам. Первый тут же кинулся на меня, считая неуклюжим из-за тяжелого секача. Распространенная ошибка — никому не удалось повторить ее дважды. Он больше опасался тяжелого лезвия моего секача и потому пропустил быстрый удар рукоятью по ребрам — сбоку, там, где кираса за-

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

щищает не так хорошо, как кажется. Враг сжался всем телом, став совершенно беззащитным. Вот тут-то я и пустил в дело лезвие секача.

Второй враг выскочил прямо из-за валящегося на мостовую первого, пытаюсь укрыться за телом уже мертвого товарища. Длинный меч его, который было удивительно видеть в этих трущобах, метил мне прямо в лицо. Я припал на колено и рубанул противника по ногам — труп мне тут совершенно не мешал. Когда поднялся, враг уже валился на товарища с перерубленными конечностями. Я добил его, просто опустив сверху секач. Тот врезался в бойца узкой острой кромкой, легко разрубив кирасу на груди и глубоко войдя в тело, сокрушая ребра.

Следом, откуда ни возьмись, на меня налетел выродок. Лохматая тварь, больше напоминающая вставшего на задние лапы пса. Длинные когти ее целили в лицо. Я едва успел вскинуть секач, перехватив выродка в полете. Мощные челюсти клацнули в паре вершков от моего лица, с длинных клыков стекала слюна. Напрягши все силы, я почти борцовским приемом кинул его через себя и опустил сверху секач. Он перерубил тварь надвое, рухнув, словно лезвие гильотины — изобретения времен неудавшейся революции во Франции, введенного республиканскими властями, которое вместе с разводами было решено оставить и при реставрированных Бурбонах.

Неожиданно выдалась короткая передышка — никто не пытался пустить мне кровь, и я быстро огляделся по сторонам. Потерь мы не понесли, что уже хорошо. Громадный Сингэн одним ударом своей секиры вскрыл грудину врагу в кирасе, и тут на него откуда-то со второго этажа прыгнул выродок. Освободить оружие

японец не успевал, и никто, кроме меня, не видел грозящей ему опасности. Я мог только кричать, но вряд ли бы он меня услышал и тем более понял. Оставалось быть невольным свидетелем первой гибели в нашем отряде. Но не тут-то было. Как уж Сингэн почуял грозящую опасность, я просто не представляю, однако отреагировал на нее вовремя. Не успевая освободить секиру, он отпустил ее рукоять и, развернувшись всем телом, врезал пудовым кулаком прямо в морду твари. У японца не было никаких особых приспособлений для усиления удара, да они и не были ему нужны. Удар кулака оказался настолько сокрушителен, что выродок, перекувырнувшись пару раз в воздухе, рухнул прямо к моим ногам. Мне оставалось только добить его. На миг наши с Сингэном взгляды встретились, и он коротко кивнул мне. Я ответил тем же.

У моих бойцов дела обстояли не хуже. Вот только на Корня неся громадных размеров выродок, больше всего напоминающий вставшего на задние лапы медведя гризли. Правда, лицо у него было почти человеческое, что пугало куда сильнее размеров и длинных когтей. Армас вскинул карабин и всадил в тварь не меньше пяти пуль, но они не остановили, а лишь раззадорили выродка. Врезавшаяся в бок стрела тоже не принесла особого результата.

— В сторону! — крикнул я своим людям. — Уходите!

И они послушались, потому что привыкли в бою выполнять мои приказы. Я успел вскинуть секач в защитной стойке, как тут же громадный выродок врезался в меня.

Я пролетел несколько десятков саженей, выбил спиной какой-то дверной проем. Тот оказался, на мое счастье, довольно хлипким, но несмотря на это удар

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

вышиб у меня воздух из легких. Я покатился по грязному полу — больших сил стоило удержать в руках секач. Длинная рукоять его так и норовила выскочить из пальцев. Я чудом справился с этой задачей и почти сразу вскочил на ноги, снова закрывшись широким лезвием. И это спасло мне жизнь. Могучий удар выродковой лапы пришелся точно на его середину. Он едва не выбил оружие из моих рук — спасли рефлексy опытного игрока. Я не стал противиться силе этого толчка и дал ей увлечь себя, быстро переступив ногами, будто в танце повернулся, усиливая ответный удар. И обрушил секач на выродка. Вот только сокрушительным он не оказался. Выродок закрылся могучим плечом с ловкостью бывалого уличного бойца. Широкое лезвие секача оставило глубокую рану, однако повалить врага не удалось, на что я очень рассчитывал. И противник тут же атаковал.

Стоящий на задних лапах, он просто рухнул на меня, стараясь погresti под своей немалой тушей. А вот это была очень большая ошибка. Я успел припасть на колено и выставил перед собой секач, уперев его рукоятью в пол. Медведеподобный выродок обрушился на него всем своим немалым весом. Такого чудовищного рева я не слышал ни разу, и был он тем страшнее, что в нем отчетливо слышались человеческие интонации. Словно медведь и человек кричат в унисон.

Напрягшись всем телом — каждая мышца в нем отозвалась на усилие болью — я начал вставать, заваливая тяжелую тушу выродка в сторону. Он дергался, пытаясь соскочить, но слишком сильно насадил себя на секач собственным весом. Наконец упал на пол. Я встал над ним и, пошире расставив ноги, навалился на рукоять секача, вдавливая его в тело выродка. Он

закричал снова, еще сильнее — так, что у меня мурашки по коже побежали. Но я продолжал давить — и это было моей ошибкой. Слишком сосредоточился на этом и пропустил удар когтистой лапы. Выродок едва задел меня, даже голенища сапога не разорвал, но тем не менее повалил на пол. Я упал рядом с ним, по-прежнему не выпуская рукояти секача. Лезвие просто выворотило из тела выродка. Он вскричал в третий раз. На остатки свободной куртки, что была надета на него, хлынула кровь. Тварь орала теперь не переставая, но медленно начала подниматься.

Я опередил ее, вскинув оружие. Выродок замер на секунду, стоя на четвереньках, и тут же ринулся на меня, низко опустив голову. Так атакуют, наверное, медведи, не поднимаясь на задние лапы. Ничего подобного я, несмотря на внешний вид моего врага, просто не ожидал. И в очередной раз выручили рефлексy. Быстрый удар навстречу — шип в основании лезвия секача врезался прямо в удивительно человеческое лицо выродка, разворотив нижнюю челюсть. На шею потоком хлынула кровь. Рев стал больше похож на невнятное хрипение, а после тварь и вовсе сбилась на болезненный кашель.

Выродок припал на руки, как будто они разом отказали ему. Но я был готов к тому, что это всего лишь уловка, да и церемониться с ним уж точно не собирался. Он не смог или не сумел закрыться от моего удара. Лезвие секача вошло в шею, правда, не под самым удачным углом. Металл заскрежетал о кости черепа. Выродок окончательно упал передо мной ниц, будто я был его божеством. Наверное, со стороны это смотрелось даже эффектно — вот только свидетелей, увы, не было.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

Я вскинул над головой секач и обрушил его на мощный крестец. Кости затрещали, тварь зашлась в новом приступе кашляющего рева и распласталась по полу. Но я был уверен в том, что она все еще жива. Выродки всегда отличались невероятной живучестью. Шагнул влево и, широко замахнувшись, рубанул по толстой шее — раз, другой, третий. Выродок при каждом ударе судорожно всхлипывал, видимо уже не способный издавать иные звуки. На пятом ударе он затих, а на шестом голова наконец отделилась от тела.

Я упер конец секача в пол, по которому разливалась здоровенная лужа крови. Сам, наверное, сейчас был больше похож на усталого мясника у недоразделанной туши. Но много времени на отдых позволить себе не мог. В считаных саженях от меня продолжался бой.

Закинув на плечо секач, я вышел из дома через тот же пролом, в который влетел. Моя схватка со здоровенным выродком вряд ли заняла много времени, однако на улице успел сгуститься туман, да такой, что казалось, будто я нырнул в кринку с молоком. Звуков схватки слышно не было. Прошел несколько шагов до середины Хай-стрит, но не встретил никого — ни друзей, ни врагов. Лишь пару раз споткнулся о чей-то труп. Склонившись над одним, увидел, что это один из жителей Уайтчепела, из тех, что напали на нас.

Я как раз выпрямлялся, когда на меня из тумана выскочил такой же. Во френче и при красном офицерском кушаке. Похоже, враг сам не ожидал тут наткнуться на кого бы то ни было. Он замер на секунду — и это стоило ему жизни. Ударил его концом рукояти секача, разворотив лицо. Противник отшатнулся, инстинктивно прижав к нему обе руки. Он даже

не заметил смертельного удара, сокрушившего его ребра.

Я вернулся к краю улицы, помня наставление сэра Томаса и его слова про то, что больницу ни с чем не спутаешь. Не пропустить бы ее теперь в таком тумане. Почти на ощупь нашел ближайший указатель на доме. Сверившись с ним, понял, что иду в правильном направлении, и двинулся дальше.

Перехватили меня на каком-то перекрестке. Сразу пять фигур выступили из молочного тумана. Знакомые уже лондиниумцы — во френчах, рабочих куртках и длинных пальто. За их спинами маячили другие — и я был уверен, что кое у кого из них в руках заряженные арбалеты. Руководил ими долговязый мужик в возрасте, лицо его «украшала» многодневная щетина, а зубов во рту оставалась едва ли треть. Зато на голове красовался цилиндр с красной лентой. В правой руке главарь сжимал длинную кавалерийскую саблю — неплохо для отребья.

— Какой красавец нам попался, парни, — усмехнулся он, скривив рот в неприятной усмешке.

Это все, что он успел сделать, потому что я не собирался ждать развития событий. Бросился в атаку — один на толпу врагов. Это то, чего от меня уж точно никто не ждал. Но главная заповедь любого бойца, а уж игрока так в первую очередь: удиви врага — и ты получишь над ним преимущество. Сейчас отребье, что окружало меня, ждало, что стану защищаться или вовсе побегу. Я же вместо этого напал на них.

Первым же ударом я срубил главаря в цилиндре — он даже саблю вскинуть для защиты не успел. Следующим — снес голову ближайшему врагу. Третьим — повалил наземь сразу двоих, разворотив одному ребра.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

Я ворвался в толпу врагов, нанося удары направо и налево. Теперь главное — двигаться, прорываться вперед, не дать этому отребью опомниться. Будь на их месте профессиональные солдаты или даже вчерашние рекруты, я был бы уже мертв, но эти ребята слабо представляли себе, как следует драться. Они толкались, мешали друг другу, никто и не думал прикрывать арбалетчиков. Я раскроил череп здоровяку, пытавшемуся взмахнуть цепом, но ему все время мешали толпящиеся рядом товарищи. Бойца в кирасе и шлеме с забралом, врезавшись в него всем телом, повалил на мостовую и прикончил быстрым ударом. И тут меня достали-таки сзади.

Видимо, нашелся кто-то поумнее остальных. Я каким-то шестым чувством профессионального игрока ощутил опасность и успел отреагировать. Чудом — мышцы на разрыв! — отбил удар сабли и врезал врагу лезвием секача в лицо. В боях на арене, даже в самых жестоких, старался избегать этого приема — уж очень безжалостный он был. Среди игроков не принято уродовать противников. Но сейчас я находился не на арене и сдерживаться не собирался. Враг повалился мне под ноги — лицо его превратилось в кровавое месиво, глядеть на которое особого желания не было.

И тут, словно плотину прорвало, — на меня накинлись со всех сторон. Я рванулся к ближайшей стене, чтобы хоть тыл себе прикрыть. Срубил одного бандита с красной повязкой на рукаве. Этот цвет был отличительным для напавших на нас. Еще одного сбил с ног, но добивать не стал, проскочил мимо и прижался спиной к холодному камню стены. Так я чувствовал себя намного спокойней.

Враги остановились на секунду, окружив меня плотным полукольцом. Они ждали новых неожиданных действий, но я слишком устал, чтобы удивлять их. Отчаянно хотелось опереться на секач. Мои легкие напоминали кузнечные меха, требующие все больше воздуха. Враги вокруг продолжали толпиться, мешая друг другу, но самое главное — они не увидели новой угрозы.

Два стрелка с арбалетами в руках вылетели из тумана, оставаясь размытыми фигурами, — настолько быстро двигались. Выстрелы их казались перещелкиванием странных механических птиц. Короткие болты врезались в бандитов, убивая одного за другим. Те обернулись навстречу опасности, не зная, что это была лишь прелюдия.

— Вниз! — раздался сильный голос сэра Галахада, и я невольно припал на колено, хотя вряд ли мне грозила опасность.

А следом за окриком затрещал электрический ток. Где-то в тумане словно зажглось небольшое холодное солнце, злое и лохматое, как уличный пес, вокруг него танцевали угловатые отростки. Кто-то из бандитов закричал, кто-то бросился в сторону, но было уже поздно. Злое солнце сорвалось со ствола ружья сэра Галахада и врезалось в них.

Я прикрыл рукой глаза. В нос ударил противный запах горелой плоти. В голову пришла абсолютно идиотская ассоциация с пережаренной свининой. Пару секунд ничего не видел. Когда же зрение прояснилось, то подумал, лучше бы мне на это не смотреть. Я ко многому привык за Крымскую кампанию, но не к такому. Трупы валялись на грязной мостовой, исходя дымом, который постепенно смешивался с уличным туманом. Лишь несколько бандитов остались на ногах.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

Один быстро удирал и вот-вот должен был скрыться в переулке. Щелкнул арбалет — и он повалился наземь, короткий болт торчал между лопаток. И это как будто стало сигналом для остальных. Бандиты бросились врассыпную. Двое побежали в мою сторону, я машинально вскинул секач и рубанул ближайшего. Лезвие вскрыло ему грудь — из глубокой раны торчали обломки ребер. Второй опомнился, наверное, от вида жуткой раны, нанесенной моим оружием. Он вскинул ржавый палаш, который сжимал в руках, и ринулся на меня. Я шагнул в сторону, отбил клинок рукоятью и врезал ногой по голени противника. Он упал на колени, оружие вылетело из рук, зазвенело по мостовой. Прикончить его было делом одной секунды.

Переступая через трупы, я подошел к стрелкам. Теперь смог наконец разглядеть их как следует. Ими оказались Изабо д'Аржий и Вахтанг Ломидзе. Князь был занят тем, что вытаскивал болты из тел убитых. У Изабо еще оставался основательный запас боеприпасов, нужды потрошить трупы у нее не было. Вот только надолго ли хватит болтов — непонятно. Ведь мы сейчас воюем с целым районом Лондиниума.

Из тумана вышел сэр Галахад. Электрическое ружье в его руках исходило дымком, и он напомнил мне тот, что поднимался над изжаренными телами бандитов. Под ноги сейчас лучше было не глядеть.

— Рад видеть вас, граф, — кивнул мне сэр Галахад. — Если честно, после нападения той твари мы списали вас со счетов.

— Зря, — усмехнулся я. — Одной твари маловато будет, чтобы прикончить меня, хотя, скажу честно, пришлось туговато. А сейчас я думал, мне конец, с таким количеством врагов не справиться.

— Командир,— подошел ко мне Ломидзе.— Хорошо, что ты живой. Надо будет поскорее остальным об этом рассказать, а то у команды боевой дух упал.

— А как вообще случилось, что вы разделились? — спросил у него я, машинально переходя на русский. Английского Ломидзе не понимал.

— Бой был,— пожал плечами Вахтанг.— Нас все сильнее обстреливать стали, а толпа — уж очень хорошая мишень. Да и тварей много полезло — и мелких, и здоровых, вроде той, что тебя утащила. Вот я и прибил к этим. Тяжко с ними, командир, я ж по-ихнему ни бельмеса, а они по-нашему тоже.

— Теперь проще будет,— усмехнулся я и обернулся к сэру Галахаду: — Продолжаем идти к больнице? Планы не поменялись?

— Основная группа будет атаковать больницу с главного входа,— ответил тот,— а нам предстоит ударить в тыл. Больница соединена с моргом при церкви Всех Святых подземным ходом. Он считался большой инновацией в свое время — до того покойников возили на каталках через улицу, что не слишком нравилось народу.

— И вы думаете, что этот ход не охраняется? — покачал головой я, весь скепсис был написан у меня на лице.

— Конечно, охраняется,— отмахнулся сэр Галахад.— Согласно первоначальному плану, туда должны были проникнуть рыцари Ордена, пока остальные отвлекают врага атакой на главный вход. Но теперь обстоятельства изменились, и сэр Томас приказал мне возглавить группу для проникновения через подземный ход. Это было как раз перед тем, как схватка и обстрел разделили нас.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

Интересную, оказывается, роль нам отвели рыцари в этом деле. Отвлекающий удар по основным силам врага, покуда они преспокойно будут заходить ему в тыл, да еще и через подземный ход. Как бы скептически я ни относился к этой идее, но понимал — тоннель вряд ли охраняется так же хорошо, как главный вход в больницу.

Мы без приключений добрались до обнесенной невысокой оградой церквушки, в которой наскоро отпевали умерших в больнице. На той стороне Хай-стрит уже шел настоящий бой — уж эти-то звуки я ни с чем не спутаю. Звенела сталь, раздавались крики — человеческие и не очень, громко щелкал чей-то тяжелый арбалет, наверное маркиза Лафайета. Периодически надо всем этим поднимался жуткий рев, и мне не хотелось знать, что за глотка может издавать его.

Около церковной ограды околачивались несколько бандитов с красными повязками в длинных плащах и картузах. Все вооружены драгунскими палашами. Руководил ими воин в мятой кирасе и шлеме с забралом, на плече его покоился двуручный меч с удивительно широким клинком. Надо обладать впечатляющей силой, чтобы рубиться с таким монстром.

— Этот в кирасе — выродок, — предупредил меня сэр Галахад, — и весьма живучий. Я в одного такого же всадил заряд из своего ружья, и тогда его батарея была куда полнее, чем сейчас, но он выдержал.

— Прикончил пару таких своим секачом, — пожал плечами я, — умирают точно так же, как остальные. Прикройте меня, — добавил, — а я разберусь с этим бандитом в доспехах.

— Чего делать-то? — спросил у меня Ломидзе, когда я, снова забыв о том, что он ни бельмеса не понимает по-английски, уже собирался рвануть вперед.

— Прикрой меня,— бросил я, но тут мне на плечо легла рука сэра Галахада.

— Погодите,— сказал он.— Вы слишком устали после двух схваток.

— И что вы предлагаете?

Конечно, в словах паладина Ордена был резон. Я дышал уже очень тяжело, и восстановить дыхание никак не удавалось, секач наливался свинцовой тяжестью все сильнее с каждым пройденным шагом. С трудом представлял себе, как буду драться сейчас с выродком в доспехах, ведь боевой выучкой твари сильно превосходили обычных бандитов, в чем я убедился еще во время первого столкновения. А если этот окажется еще и живучим, то мне придется очень туго.

— Вот это,— в левой руке сэра Галахада сверкнуло стекло шприца.— Вам лучше не знать, откуда получают этот экстракт, но эффект у него потрясающий, правда, действует не очень долго.

— Колите уже,— отмахнулся я, расстегивая воротник.

Я знал о подобных штучках. Они были запрещены среди игроков наравне с кокаином, популярным веществом из Колумбии, и морфинами, привозимыми из Китая. Действия этого экстракта хватало как раз на один бой, однако после того, как оно проходило, на человека было страшно смотреть. Особенно неприятным был тремор, из-за которого не удержишь меч. Но сейчас придется чем-то жертвовать, с проблемами вроде дрожи рук буду разбираться позже.

В шею вошла неприятно длинная и холодная игла, сэр Галахад нажал на поршень, впрыскивая мне экстракт. Тут же сердце застучало в два раза быстрее, кровь скорее побежала по жилам, руки снова налились силой. Я покрепче сжал рукоять секача.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

— Прикрывайте, — бросил я сэру Галахаду и Изабо и повторил для Ломидзе на русском: — Прикрывай! И кинулся в атаку.

Вовремя среагировать на меня успел только воин в кирасе, как я и думал. Он единственный развернулся в мою сторону, вскидывая двуручный меч. Остальные только вытаскивали оружие из ножен, а в них уже полетели болты арбалетов Ломидзе и Изабо д'Аржий. Парни в длинных плащах повалились на грязную мостовую. Еще один попытался высунуться из-за ограды с арбалетом в руках, но тут же получил болт между глаз и завалился обратно.

Все это я отмечал краем глаза — привык как капитан команды следить за обстановкой на арене. В первую очередь меня занимал мой противник. Воин в кирасе держал двуручник в оборонительной позиции, он не был сторонником неожиданных действий. Я ударил его, используя всю силу замаха и разогнавшегося тела. Враг принял лезвие моего секача на свой клинок и легко удержал его. Да, это точно был выродок — ни одному человеку не под силу повернуть нечто подобное. Ответный толчок отшвырнул меня на несколько вершков. Я едва удержался на ногах. Но противник и не думал давать мне передышку — он бросился в атаку. Наше оружие столкнулось раз, другой, третий, издавая длинное и протяжное гудение вместо обычно описываемого в рыцарских романах звона. Четвертый удар врага уронил меня на колени — только так я смог, хотя и с огромным трудом, удержать в руках секач. Отчетливо понимал, пятого — не пережить. Клинок вражеского меча взметнулся к затянутому смогом и тучами небу. Но я не стал глядеть на него — он меня не интересовал. Рванулся всем телом в сторону, уходя

в короткий пережат, и тут же, не поднимаясь с колен, рубанул выродка снизу вверх по ребрам. Лезвие секача легко пробило не самого лучшего качества кирасу, кое-где основательно запятнанную ржавчиной. А вот дальше вышла заминка.

Мой секач, легко сокрушавший броню Готских рыцарей, то оружие, которым я отсек голову всаднику и коню единым ударом, застрял. Он неглубоко вошел в тело выродка и наткнулся на непреодолимое препятствие. Однако и враг замер на несколько секунд, как будто не ожидал такого поворота событий. Это дало мне драгоценное время. Что может быть важнее в бою? Я надавил изо всех сил на рукоять секача, стремясь если не вогнать его поглубже в тело врага, то хотя бы повалить того на мостовую. И мне это удалось! Неловко взмахнув руками, выродок с лязгом и грохотом упал мне под ноги. Я же сумел встать и упереться ногой ему в бок, теперь уже прилагая усилия для того, чтобы освободить свое оружие. Вышел секач из тела на удивление легко — с неприятным чмокающим звуком.

Я отступил на полшага, давая ошеломленному выродку чуть подняться, и тут же обрушил на его голову лезвие секача. Замах был широким, удар вышел очень удачный. Рубанул почти отвесно и должен был развалить шлем твари на две части, да и череп под ним тоже. Но не тут-то было. Нет, шлем — тоже не лучшего качества — раскололся, как гнилой орех, а вот череп оказался куда крепче. Мой секач, конечно, не отскочил от него, но всего лишь оставил неглубокую рану на уродливой шишковатой голове выродка.

В какой-то жуткий миг я в мельчайших подробностях разглядел его. Каждая безобразная черта запе-

чатлелась в памяти. Редкие волосы, торчащие пучками среди шишек, покрывающих череп. Несимметричное, угловатое, похожее на смятый комок бумаги лицо — если это вообще можно назвать лицом. Но самыми страшными были глаза — не красные, как написали бы в дешевом романе, не зеленые, как в легендах и мифах, но бесцветные, как будто на меня глядела вытащенная на берег рыба. Отвратительное зрелище. Из разрубленной моим секачом шишки на рожу твари стекала водянистая кровь, густо перемешанная с гноем и черт знает чем еще.

Но, несмотря на жуткую внешность, передо мной был человек — быть может, и выродок, но человек и боец. Он не стал, словно зверь, кидаться, пытаясь сграбастать, вцепиться в горло зубами. Нет, он вскочил-таки на ноги и обрушил на меня свой меч. Я отбил его могучий, хотя и весьма неумелый удар. Он больше полагался на силу, нежели на мастерство, которого у него не было вовсе. Но и силы хватало с лихвой. Возможно, я справился бы с ним, будь в лучшей форме, однако скоро действие вколотого экстракта пройдет, и секач снова нальется свинцовой тяжестью. Вот тогда мне точно конец. Значит, надо закончить бой прежде.

Отбил второй удар, что стоило больших усилий. Выродок вошел в азарт и рубил изо всех сил, а уж этого ему было не занимать. От третьего я уклонился, сделав вид, что разрываю дистанцию, и этим легко спровоцировал врага. Он кинулся на меня, а я, вместо того чтобы податься назад, быстро шагнул ему навстречу. Потрясенный таким нехитрым маневром выродок даже заметить не успел моего удара. Длинный шип, торчащий в основании лезвия секача, врезался в незащищенное горло противника. И тут, наконец,

сталь не встретила никакого сопротивления — горло у твари было, как и положено, мягким. Враг кашлянул кровью, выплюнув ее темный сгусток мне под ноги, но умирать пока что не собирался.

Воспользовавшись заминкой, я снова изо всех сил рубанул его по голове, замахнувшись так широко, как только смог. Выродок отлетел на пару саженей, растянувшись на грязной мостовой прямо поверх проткнутого стрелой трупa. Зарубка на шишковатой голове осталась куда более внушительной, чем после первого моего удара, но она ничуть не походила на смертельную рану. Подтверждая это, выродок начал медленно подниматься. Похоже, мои удары контузили его — он, что называется, «поплыл». Движения замедлились и стали какими-то нескладными, словно он в единый миг позабыл, как надо шевелить рукой или ногой. Но все равно тварь была жива. После двух мощных ударов по голове. Это просто невероятно, сложно поверить, что такое вообще возможно.

И тут в висок твари впился арбалетный болт. Он вошел глубоко в череп, заставив уродливую голову сильно дернуться. Выродок замер на мгновение и повалился обратно на труп бандита в длинном плаще. Признаков жизни тварь вроде бы не подавала. Однако я для верности, подойдя поближе, несколькими ударами отрубил ей голову. Кажется, даже медведеподобному уроду сделать это было легче, чем ей.

Закончив с неприятной и тяжелой работой, оперся на секач. Навалилась невероятная усталость. Кажется, ничто не заставит меня поднять голову, а уж о том, чтобы сделать хоть один шаг, и речи быть не может. Тем не менее я отлично понимал, что придется как-то справляться с этим переутомлением — дел у нас тут было по горло.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

Я едва обратил внимание на подошедших ко мне товарищей. Почти не слушал, что говорит сэр Галахад. Кажется, он восхищался моими боевыми талантами или что-то в этом роде. Наверное, в другой момент я был бы польщен, но сейчас все съедала всепоглощающая усталость. С огромным трудом поднял голову и спросил у сэра Галахада, кто же застрелил выродка.

— Леди Изабо,— ответил тот.— Она первой успела воспользоваться возможностью.

— Опередила она меня,— произнес мрачный Ломидзе, как будто дополняя сказанное паладином Ордена. Он подошел немного позже, снова собирал стрелы, застрявшие в телах убитых врагов.— Да и арбалеты у нее получше моих будут, я бы, может, и не попал бы с такого расстояния, да еще и навскидку стреляя. Эта барышня чертовски метко бьет. Не хотел бы против нее на арене оказаться.

— Вам надо двигаться, граф,— потряс меня за плечо сэр Галахад.— Вытяжка, что я вам дал, коварное вещество. Оно скверно влияет на сердце, если податься апатии, которая приходит, когда кончается возбуждающее действие.

В тот момент я подумал, что стоило бы попробовать схватиться с выродком и без всяких инъекций. Однако случившегося уже не изменить, как ни жалею, и раз сэр Галахад говорит, что надо двигаться, то стоит прислушаться к его словам.

Я с трудом выпрямился, перестав наваливаться на секач, будто он был моим костылем, и сделал первый неуверенный шаг. Он дался очень тяжело. Однако следующий оказался несколько легче. Следующий — еще легче. Потом совсем уж легко, как будто свинцовая усталость таяла с каждым энергичным движением.

Совсем она, конечно, никуда не делась, но кровь быстрее побежала по жилам, и вскоре я мог легко поддерживать темп движения остальных.

Тем более что никто никуда не торопился. Сэр Галахад шел почти крадучись, согнув спину и выставив перед собой зловеще потрескивающий ствол электрооружья. Толку от такого перемещения было немного, ведь топотали мы все очень громко. Подкованные каблуки сапог и туфель стучали сначала по каменной мостовой, а после — по ступенькам, ведущим в церковь. Сэр Галахад открыл стволом электрооружья и без того наполовину распахнутую створку дверей и уже собирался шагнуть внутрь, когда я остановил его, положив руку ему на плечо. Не знаю уж, что мной двигало в тот момент, но я сказал:

— Лучше мне идти первым. Только у меня есть холодное оружие, а вы прикрывайте мне спину.

И, не дав сэру Галахаду возразить, первым вошел в церковь. В полумраке, царившем внутри, смутно виднелись длинные ряды скамей и кафедра священника. Я медленно шагал по широкому центральному проходу, держа секач наготове, хотя это и стоило мне известных усилий. Руки то и дело принимались мелко подрагивать, и, чтобы успокоить этот неприятный тремор, приходилось напрягать их посильнее, как можно крепче сжимая пальцы на стальной рукояти секача, покуда те не начинали болеть.

Главный зал мы миновали без происшествий, прошли мимо кафедры проповедника и нырнули в небольшую заднюю дверь с лаконичной надписью «Морг». За ней появилась длинная пологая лестница, спускаться по которой было не слишком удобно. Ступеньки оказались длинными и невысокими, а потому мне никак

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

не удавалось подстроить под них шаги и я постоянно боялся споткнуться.

Ни лестница, ни подземный коридор не охранялись.

— Странно это все,— пробурчал сэр Галахад.— Не нравится мне. Слишком легкомысленно, оставить второй вход незащищенным.

— Наш противник вполне мог полагаться на тех ребят, что ошивались перед церковью. Ведь с ними был выродок, которого весьма сложно убить.

— Не сложнее, чем любого другого,— не согласился со мной паладин Ордена,— и он был только один. А мы, если все верно, сейчас идем напрямиком в лабораторию доктора Моро.

— Вот и спросите у него за безалаберность,— усмехнулся я, правда, и сам понимал, что шутка неуместная.

Пустые больницы и школы всегда вызывают у меня чувство страха. Страх иррационального, ничем не подкрепленного, однако слабее от этого он не становится. Вот и теперь мы шагали по покинутой больнице, повсюду были видны следы разгрома, как будто тут прошла толпа вандалов. Каталки сдвинуты к стенам, чтобы освободить проход. Местами на полу валялось разорванное постельное белье, по которому не раз протоптались грязными сапогами. Иногда под ногами хрустело стекло многочисленных разбитых ампул и шприцев. И никого. Ни единого человека внутри.

Зато снаружи кипело сражение. Оказавшись в полуподвале, окна которого выходили на фасад больницы, мы все замерли на несколько минут, прижавшись к грязным стеклам. Через разводы никогда не счищавшейся грязи видели смутные картины боя, а что не

видели, то дополнялось звуками. Весьма зловещими звуками. Крики людей, лязг стали, топот ног, снова крики и заглушающий все нечеловеческий рев. Оторвались мы только тогда, когда в мое окно влетел арбалетный болт длиной в добрый аршин, разбив стекло на сотню осколков, чудом не поранивших мне лицо. Болт вонзился в деревянную раму, засев в ней.

— Там мы ничем помочь не сможем,— произнес сэр Галахад, отодвигаясь от своего окна, пока туда тоже что-нибудь не прилетело.— Надо двигаться дальше.

Как будто без него это не было всем понятно. Но оторваться от сражения, пускай и едва видимого за грязевыми разводами, было очень сложно.

Выйдя из полуподвала, мы поднялись по первой же лестнице наверх. В этот раз она оказалась нормальной — идти по ней мы могли, не опасаясь упасть при каждом шаге.

— Что за дьявольщина тут творится? — снова начал бурчать сэр Галахад.— Пустота и тишина — вовсе не этого я ожидал от логова доктора Моро.

— Отсюда все вывезли,— ответил я,— разве не ясно по следам? Вывозили в большой спешке, скорее всего, начали сразу после вашего первого появления. Поняли, что раз Орден вышел на них, то уже точно не отвяжется, и решили как можно скорее покинуть Лондиниум, а возможно, и ваши острова.

— Да вы прямо гений сыска,— недовольно бросил мне сэр Галахад,— мигом просчитали нашего противника.

— Тут не надо быть семи пядей во лбу,— отмахнулся я. Уставшему и злому на весь свет, мне было плевать на политесы.— Вы спугнули доктора, и вряд ли мы за-

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

станем его здесь. Скорее всего, он покинул лабораторию первым.

Однако в этом я как раз ошибался. Доктор Моро был еще тут, как и его таинственный покровитель. В этом убедились очень скоро. Осматривая больницу, мы оказались у окон, выходящих на заднюю часть здания. Они располагались прямо над черным входом, которым пользовались врачи и сестры милосердия, чтобы покинуть больницу не через всегда заполненный людьми приемный покой. Он выходил на достаточно широкую улицу, где смогла разместиться черная карета, запряженная парой лошадей. Не кеб, а именно старомодная карета. На козлах сидел кучер, сучающе помахивая длинным кнутом, как будто его вовсе не касалось, что в считанных саженях от него идет сражение.

Прыгать из окна на крышу кареты, конечно, никто из нас не стал. Вместо этого мы зашагали дальше по коридору и почти сразу услышали голоса. Два человека говорили на повышенных тонах. Мы быстро, но стараясь шуметь как можно меньше, двинулись в том направлении, откуда доносились голоса. Не прошло и пары минут, как очутились в небольшой галерее, рядом с широкой лестницей, ведущей на первый этаж. Ее ступени оказались такие же, как у той, что в церкви. Наверное, для того, чтобы удобнее было идти, держа в руках носилки. А внизу препирались двое — седой человек в клетчатом дорожном костюме, комкающий в руках шляпу, и высокий тип. По выправке я сразу узнал в нем военного, пускай и одетого в обычный костюм. Он ровно держал спину, правая рука будто пришита к бедру — значит, офицер, привык поддерживать саблю. Однако вооружен он был вовсе не саблей. Из-за левого плеча торчал ребристый ствол электро-

ружья, судя по всему, немалого веса. Он то и дело под-дергивал ремень левой ладонью.

— Вы просто не можете так поступить со мной, полковник! — надрывался седой в дорожном костюме. Именно его голос мы услышали первым — так громко он кричал. — Это бесчеловечно! Я работал на вас, служил верой и правдой и что получаю теперь?! Вы бросаете мои записи, когда Орден буквально ломится в наши двери!

— Да, доктор, — отвечал ему куда тише и спокойнее военный, названный полковником, — именно так я и поступаю. Я уже говорил вам, все самое ценное мы уже вывезли. Оборудование, самые ценные записи. Остались только вы.

— Я всегда знал, что вам плевать на меня как на личность, но вы можете в последний раз поступить как человек, а не как... Я даже не знаю кто... — обрушился с праведным гневом на него доктор Моро. — В этих работах вся моя жизнь! Вся, понимаете! Я не могу просто так расстаться с ними... Я не знаю, смогу ли восстановить их... И не делайте вид, будто это вас не касается! Вы отвечали за безопасность, и ваши люди не уследили за подопытным, который сбежал и принялся резать женщин. Именно это привлекло к нам новое внимание и привело ко всему этому.

Доктор махнул рукой за спину.

— Это был прискорбный инцидент, — ответил полковник с отменным равнодушием, — и виновные понесли наказание.

— И это вы талдычите мне с тех пор, как подопытный сбежал, — взревел, иначе не скажешь, доктор Моро. — Да плевать на то, что вы лично поубивали тех бандитов, что не прикончил подопытный.

Глава 3. УАЙТЧЕПЕЛЬСКАЯ БОЙНЯ

— Все мы допускаем ошибки, доктор,— пожал плечами полковник.— *Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis, in errore perseverare.*¹ Вы же продолжаете упорствовать, доктор, хотя далеко не глупец, и понимаете, что ваша жизнь куда важнее ничтожной части бумаг.

— А вы не боитесь, что, попав в руки Ордена, они сыграют свою роль,— теперь Моро перешел на почти театральный шепот.— Там ведь не идиоты сидят, да и получить они смогут теперь кого угодно. Талантливых ученых в Лондиниуме достаточно.

— Вы столько распинались про свой шифр,— усмехнулся в ответ полковник,— что я вам просто не верю. Сами же утверждали, что лишь вы в состоянии понять содержимое записок. И довольно споров, доктор. Вы верно сказали, что Орден уже стучится в наши двери. Точнее, они уже у нас на пороге.

Мы рванули по лестнице вниз. Стрелки вскидывали на бегу оружие, но все опоздали. Полковник сорвал с плеча электроружье и выстрелил первым, заставив нас остановиться, а после и вовсе рухнуть ничком. Один, второй, третий импульс смертоносного электричества врезались в лестницу, сжигая перила, заставляя дымиться ступеньки под нашими ногами.

Первой, как ни странно, отреагировала Изабо. Она почти с пола буквально взвилась в воздух, описав замысловатую дугу, сделала акробатический пируэт,

¹ «Каждому человеку свойственно ошибаться, но никому, кроме глупца, не свойственно упорствовать в ошибке». Из речей («Филиппики») римского государственного деятеля, писателя и оратора Цицерона (Марк Туллий Цицерон, 106—43 гг. до н. э.).

достойный арены лучших цирков. Легко, словно перышко, опустилась на перила, замерев на мгновение, вскинула оба арбалета и выстрелила в полковника. Однако тот сумел каким-то чудом увернуться от болта. Тот лишь разорвал рукав его дорожного костюма. Полковник вскинул ружье и отправил три импульса подряд в нашу сторону. Один врезался прямо под ноги Изабо, испепелив перила. Но девушки там уже не было. Она исполнила еще один красивый пируэт в воздухе, приземлившись прямо за спиной замершего в ужасе доктора Моро. Один удар рукояткой арбалета — и доктор повалился на пол без сознания.

Мы скатились с лестницы — я чувствовал каждую ступеньку, врезавшуюся мне в ребра. Ломидзе встал на колено и выстрелил дважды, но не столь метко, как Изабо. Оба болта из его арбалетов врезались в дверной косяк, не причинив выбегавшему из больницы полковнику никакого вреда.

У самой двери полковник вдруг стремительно обернулся, вскинул электроружье. В этот раз он целился не в нас. Его целью стал доктор Моро, которого подняла на ноги Изабо. Она же и отшвырнула несчастного экспериментатора, будто тряпичную куклу, и тут же сама кинулась в противоположную сторону, уходя от пары электрических импульсов.

Полковник выругался сквозь зубы и выскочил-таки на улицу. Почти следом за этим раздались щелчки кнута и резкий задорный свист, а потом и бодрый перестук копыт. Карета отправилась в путь по улицам Уайтчепела, и я отчего-то не сомневался, что она легко минует все заслоны, закрывающие район.

Мы выбежали из больницы, но лишь для того, чтобы проводить карету взглядами. Угнаться за ней, ко-

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

нечно, было невозможно — нечего и думать. Сэр Галахад вскинул свое электроружье и в бессильной ярости выпустил вслед удаляющейся карете серию импульсов, полностью опустошив батарею. Но карета была слишком далеко — ни один из них не достиг цели.

— По крайней мере доктора вы заполучили, — произнес я, хотя отлично понимал, мои слова — слабое утешение.

Глава 4

МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

Доктора Моро пришлось едва ли не на руках нести. Он обмяк и не желал шевелиться, ноги у него подкашивались, а шея не желала держать голову. Доктор как будто постарел в единый миг лет на десять, превратившись в совершенную развалину. Он едва шагал, навалившись на плечо сэра Галахада, которого окружали все мы, ведь паладин Ордена не мог пользоваться оружием. И из-за висящего на нем Моро, и потому, что аккумулятор электроружья разрядился полностью.

Больница была такой же пустой: ни людей, ни выродков нам больше не встречалось. В приемном покое остановились, снова взяв оружие на изготовку, но шума боя уже не было слышно. Я жестом велел остальным ждать, а сам, удивляясь собственной глупости, медленно двинулся к двери с секачом наперевес. Открывалась она вовнутрь, и потому я остановился на

несколько секунд, прикидывая, как бы лучше управиться с тяжелой на вид створкой. Это и спасло мне жизнь или, по крайней мере, здоровье уж точно.

Могучий удар секиры сорвал одну из створок с петель. Она завертелась и с грохотом рухнула на пол. А следом в приемный покой ворвались игроки, возглавляемые Томасом Мэлори. Света было уже достаточно, чтобы разглядеть нас, и потому мы только наставили друг на друга оружие.

— Ваш план сработал, сэр Томас,— произнес я.— Мы захватили доктора Моро.

Тут к нам подошли сэр Галахад, волочащий доктора Моро, и Изабо д'Аржий с Ломидзе.

— Вы отлично справились с задачей,— кивнул он нам, хотя слова эти были адресованы, конечно, в большей степени именно сэру Галахаду.

Тут мимо него прошел, бесцеремонно отодвинув его плечом, карфагенянин Магарбал. За ним следовал зверообразный баск, правда не Аузибар. Легкий доспех раба был поврежден в нескольких местах, кое-где на повязках проступали кровавые пятна. О судьбе капитана команды я предпочел не задумываться.

— Так из-за этого старого гриба я потерял половину команды и лучшего капитана, какого можно найти во всем Новом Карфагене? — прохрипел Магарбал.— Выглядит не слишком впечатляюще.

— Этот человек создал тех выродков, что перебили половину вашей команды, Магарбал,— заметил маркиз Лафайет. Он выглядел уставшим, как и все, однако на тонких губах не увядала обыкновенная его ехидная усмешка.— Или вы представляли себе хирурга-вивисектора, которого мы оторвем от работы, и он предстанет перед нами в заляпанном кровью фартуке?

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

— Да плевать мне на него,— Магарбал сплюнул на пол прямо под ноги Моро.— Надеюсь, вашего поместья хватит, чтобы покрыть мои убытки. Я сегодня же выставлю счет вашему Ордену.

— И он, уверен, будет длиною в милю,— усмехнулся беспечный или кажущийся таковым маркиз.

Магарбал смерил его яростным взглядом, похоже, он был вовсе не в восторге от шуток Лафайета. Отвернулся и зашагал обратно на улицу, махнув своим рабам. От команды басков остались всего два человека — тот, кто сопровождал его, и молодой совсем парень с длинным блочным луком за спиной. Последний заметно прихрамывал, хотя ран на теле видно не было.

Остальные команды тоже понесли сильные потери. Мы с Ломидзе, забыв обо всем, тут же направились к стоящим отдельной группкой товарищам. Я был приятно удивлен, когда увидел всех живыми и здоровыми, даже Тараса, за которого опасался больше всех. Наш рукопашный боец держался за ребра, лицо его сильно побледнело и в едва пробивающихся через завесу смога лучах тусклого лондиниумского солнца казалось белым, как у покойника. Гладкий, конечно, по привычке пытался держать фасон, но это получалось у него очень уж натужно. Левая рука Корня была наспех перевязана бинтом прямо поверх черески, но крови на нем видно не было, и сам запорожец говорил об этом как о досадной мелочи.

— Да не рана это вовсе,— отмахивался он, правда, здоровой рукой,— а так, пустяки.

— Ты Тараса из себя не строй,— мне трудно было выдерживать строгий тон, я был слишком рад тому, что никто из моей команды не погиб,— или мне тебе

нотацию сейчас при всех прочесть о том, как из-за таких мелочей бойцам потом руки отнимают.

Тавричанин при этих моих словах прикрыл рот левой рукой, но я успел заметить, что тот растянулся от уха до уха в довольной улыбке. Корень, конечно же, тоже заметил ее.

Армас вышел из боя без единой царапины — стрелков всегда прикрывали надежно.

— Тяжелый боец-египтянин и легкие — у японцев и карфагенян — погибли, прикрывая нас,— сообщил мне.— Так что теперь на тебя, командир, хозяин карфагенян будет очень зол.

— Да пошел бы он к своему Баалу,— отмахнулся я.— Он уже собирается выставить счет Мэлори за потери в команде.

Терпеть не мог такого отношения к людям. Рабство — вещь отвратительная в самой своей сути. У нас ведь в России богатые помещики точно так же выставляют команды из своих крепостных, покупают и продают их, будто скот. Я никогда не дрался против таких команд — свободный игрок знает, ради чего рискует и проливает свою кровь. Крепостной же дерется за своего хозяина, за человека, который сидит на трибуне и подсчитывает барыши с кровавых денег. Или же наслаждается собственным самолюбием при виде побед его команды, хотя сам из себя при этом не представляет ровным счетом ничего. Отвратительнее же всего были истории о том, что выживших игроков из проигравших команд хозяева запарывали насмерть — ведь те не оправдали надежд. А наградой крепостным игрокам служили дешевые кабаки да девицы, такие же крепостные. Наверное, даже рабовладельцы вроде Магарбала лучше относились к своим командам, ведь те для них

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

были вложением серьезных денег и должны были, в первую очередь, приносить прибыль, оправдывая инвестиции. А потому скотски обращаться с ними никак нельзя — быстро прогоришь, оставшись в одних долгах.

— Главное — у нас потерь нет,— хлопнул я по плечу Армаса.— И сегодня мы, наконец, покинем Британские острова.

— Давно пора,— кивнул Корень.— Загостились мы тут уже.

— Сегодня беру билеты на первый же пароход — и плывем через пролив.

Но прежде мы прошлись по всей больнице.

Я подошел к сэру Томасу поинтересоваться, когда можем покинуть оцепленный район, на что он ответил:

— Сначала мы должны убедиться, что в больнице не осталось выродков. Уайтчепел будут прочесывать уже солдаты Лондиниумского гарнизона, а вот с больницей надо покончить нам — я не имею желания допускать их сюда.

Слова Мэлори как-то не вязались с логикой. Своих британских солдат он пускать в больницу не хотел, а вот игроков, надерганных, что называется, с миру по нитке, призывал тщательно осмотреть ее. Как будто хотел нам показать что-то — быть может, саму лабораторию доктора Моро. Вот только для чего ему это надо? Неужели хочет, чтобы своими глазами увидели место работы вивисектора и окончательно убедились в том, какой угрозе сегодня противостояли.

Мы следовали за сэром Галахадом, по-прежнему волочащим на себе доктора Моро. Однако старый вивисектор уже достаточно пришел в себя, чтобы показывать дорогу. Я слышал, как он утверждал, что выродков, которых он сам называл подопытными, в

больнице не осталось. Говорил доктор негромко, но в странной тишине, висящей в помещениях, которая поглощала все звуки, каждое слово звучало удивительно отчетливо.

— Всех, кто у меня был, выставили на улицы, чтобы не дать вам прорваться сюда,— говорил доктор,— или хотя бы задержать подольше. И подопытные с этой задачей справились отлично.

— Да уж,— усмехнулся маркиз Лафайет,— особенно бронированные гориллы, охранявшие вход. С ними пришлось немало повозиться.

— Это на данный момент вершина моей работы — лучшие образцы,— в голосе Моро звучала гордость.— Надеюсь, они прикончили многих из вас.

При этих словах Магарбал треснул кулаком по стене с такой силой, что рассадил в кровь костяшки пальцев. Я почти слышал, как он скрипит зубами. И мне показалось, что карфагенянин относится к своим рабам вовсе не так, как хочет показать. Слишком сильно переживает гибель бойцов. Да и тот факт, что он отправился вместе с ними. Все говорит о том, что игроки команды для него — не просто удачное вложение денег. Как бы он ни старался показать обратное.

— Вы слишком неумело дерзите нам,— спокойным тоном произнес сэр Томас.— Вам не удастся вывести никого из равновесия и тем самым избежать позорной смерти на виселице. Будьте уверены, все ваши ученые коллеги узнают о вашей судьбе из газет.

Эти слова произвели чрезвычайно сильное впечатление на доктора Моро. Он снова обвис на руках у сэра Галахада, почти перестав шагать. Паладин Ордена выругался сквозь зубы и поудобней перехватил доктора, крепче сжав пальцы на поясе его брюк.

Лаборатория доктора Моро не производила особого впечатления. С первого же взгляда становилось ясно, что отсюда вынесли все, представляющее хотя бы малейший интерес, оставив нам лишь пустой стол, оснащенный кожаными ремнями, да несколько наборов жутковатого вида хирургических инструментов. Доктор явно хранил тут большую часть своих записей, и в чемодан, который нес сейчас маркиз Лафайет, попали, конечно же, далеко не все из них. Листы, исписанные мелким аккуратным почерком, валялись в лаборатории там и тут. Похоже, они разлетелись, когда Моро заталкивал их в чемодан.

— Теперь проводите нас туда, где вы держали выродков,— тут же поторопил доктора сэр Томас, однако слова его уже сильно запоздали.

Все игроки набились в не слишком просторную лабораторию. Листки один за другим ненавязчиво перекачывали в карманы и за пазуху.

Заметки на полях БОЛЬШАЯ ИГРА

Наверное, больше всего на свете мы любим играть — в самые разные игры. Разве не вся наша жизнь в конце концов игра — большая игра, игра в жизнь. Сильные мира сего представляют себя опытными кукольниками, дергающими за ниточки марионеток. Те, кто стоит за ними — если предположить, что таковые все же существуют,— считают их фигурами в своей хитрой шахматной партии. Все многочисленные тайные

общества: масоны, иллюминаторы, тамплиеры, розенкрейцеры,— кого только нет, и все это лишь воплощение нашей главной страсти — страсти к игре. И неважно, по большому счету, что выигрывает или проигрывает один человек, или какая-нибудь организация, или даже государство, главное, что люди удовлетворяют свое желание играть. Рисковать. Делать ставки — и ждать результата с замиранием сердца.

Из этой страсти и родилась Большая игра. Та самая, козырными валетами или тузами в которой выступают бойцы на аренах. Большая игра игроков. Ведь так просто воспользоваться задекларированной Кубертенем и поддержанной всеми странами, вошедшими в Олимпийский комитет, экстерриториальностью игроков, их правом свободно пересекать границы любых государств и носить оружие в городах, если только это не было прямо запрещено законом. Например, в том же Лондинisme мы имели право на свободное ношение оружия только до тех пор, пока не зарегистрируемся на арене Колизея, да и то только лишь при наличии приглашения на игры. Однако далеко не всюду законы были настолько строги. В той же Лютеции Парижской игроки свободно разгуливали по городу, открытонося оружие, часто даже не спрятанное в чехлы. В столице Французского королевства этим обычаем весьма гордились.

И как в таких условиях не использовать игроков в Большой игре разведок. Для чего нужны обычные шпионы, живущие нелегально и опасющиеся разоблачения в любой момент, зачем забрасывать кого-то за границу, снабжая «легенда-

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

ми» и несколькими комплектами фальшивых документов, если всегда есть игроки. Да, почти все команды или напрямую работали на разведки своих государств, или тем или иным образом с ними сотрудничали. Мало кто был профессиональным шпионом — для этого мы слишком на виду, однако, если нас просили о помощи, отказывать было не принято.

Я не знаю, как так получилось, что наша команда отделилась от остальных. Вроде бы все вместе шли по Хай-стрит, и тут вдруг туман сгустился настолько, что протянутую руку не разглядеть. Мы все замедлили шаг, а после и совсем остановились.

— Точно так же, как перед нападением вырождков,— протянул Корень, правой рукой он уже вытаскивал из ножен саблю.

— Что с зарядом? — не оборачиваясь, спросил я у Армаса.

— На пять выстрелов — не больше.

— У меня полный колчан,— опередил мой вопрос Ломидзе.

В таких ситуациях все становились чем-то похожи на Корня. Отвечали на вопросы раньше, чем я успевал их задать. Наверное, это и означает быть командой.

Мгла начала рассеиваться — из нее постепенно проступали очертания домов по обе стороны Хай-стрит. Тогда-то мы и увидели врагов. Я ничуть не удивился, когда нам навстречу из тумана вышла пятерка в красных мундирах — бойцов морской пехоты капитана Рэнделла Беннета. Поверх формы на всех были легкие доспехи. Возглавлял пятерку сам капитан, на голове его красовалась капеллина с забралом, закрывающим лицо.

Двуручный меч он держал на изготовку. Рядом натягивала сложный блочный лук с несколькими тетивами молодая женщина — единственная, кто из доспехов предпочитала только кожаные наручи и наплечники. А вот стрелок с катушечным ружьем был одет в прочную кирасу со стальными оплечьями, стальные же поножи и шлем, правда оставляющий лицо открытым. Мое внимание привлекло сердце, изображенное на кирасе второй женщины в команде Беннета. За это я про себя окрестил ее бубновой дамой. Дамой, вооруженной шпагой и длинным кинжалом. Кроме кирасы, она носила кожаные наплечники, набедренники и поножи, лишь на коленях укрепленные стальными пластинами. Бритоголовый, как и Тарас, рукопашник британцев походил на профессионального боксера — мундир на груди распхнут, левая рука стальная и, судя по конструкции, протез, а на костяшках сжатых в кулак пальцев правой руки поблескивал кастет.

Они шли нарочито медленно, показывая свою силу, заставляя нас сразу признать поражение и сдаться на милость победителю. Даже Беннет, и тот опустил свой двуручный меч. Бубновая дама сунула кинжал за пояс и надела на голову легкий шлем, быстрым движением застегнув ремешок под подбородком. Лучница поигрывала тетивами, будто струны на диковинной арфе перебирала. Стрелок с катушечным ружьем закинул его ребристый ствол на плечо. Рукопашный боец разминал пальцы правой руки, сжимая и разжимая кулак.

Не знаю, как это случается каждый раз, но бой начинается, когда команда противника переступает некую невидимую черту. Нас разделяет еще добрая сотня саженей, а битва уже идет. Битва характеров.

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

Мы чуть ли не в ногу шагнули навстречу врагу. Британцы мигом отбросили показушную ленцу, собрались, вскинули оружие. Мы прошли ровно пять шагов навстречу друг другу, а после наш бой начался уже по настоящему.

Легкие бойцы сорвались с места, сразу перейдя на бег. В тусклом свете газовых фонарей, горящих через один, сверкнули клинки. Трижды выстрелила лучница британцев, прежде чем сорваться с места. Выстрелы слились в один — так быстро она натягивала и отпускала тетивы. Длинная стрела пробила бедро Армасу, тот рухнул на мостовую, но тут же разрядил свой карабин, даже не попытавшись подняться. Я не понял, в кого именно попали его пули, если вообще попали хоть в кого-нибудь. Вниманием все сильнее завладевал тяжелый боец, шагающий мне навстречу. Я не видел его лица за глухим забралом, однако был уверен — это капитан Беннет. Он поднял меч, перехватив его обеими руками. Я же, наоборот, закинул секач себе на плечи и шагал с нарочитой ленцой. Никак иначе мне было не скрыть усиливающуюся дрожь в руках — последствия принятия чертова экстракта, что вколол сэр Галахад. Теперь, как бы крепко я ни сжимал пальцы на рукояти, тремор не ослабевал.

Краем глаза заметил Корня, ринувшегося в атаку на британскую лучницу. Та выпускала в него стрелу за стрелой, но он либо ловко изворачивался, либо отбивал их стремительными ударами сабли и кинжала. Ломидзе уже плясал затейливый танец с легким бойцом врага, не подпуская его к лежащему на мостовой Армасу, одновременно не давая прицелиться британскому стрелку, постоянно находясь у него на линии огня, но ускользая буквально в последнюю секунду перед выстрелом.

Мы же с Беннетом, не торопясь, шагали друг на друга. Я ждал момента, когда он ринется на меня, провоцировал его на атаку. Намеренно уступал инициативу — ведь не шахматы, где белые начинают и выигрывают. Если ты заведомо уступаешь врагу и знаешь это, часто лучше подождать, отдать ему инициативу, а самому ждать удобного момента для контратаки. Но Беннет не был профаном и действовать наобум не спешил. Вот только очень скоро мы приблизимся к тому моменту, когда выждать станет невозможно. Либо оба остановимся в нескольких вершках друг от друга, либо у одного нервы не выдержат раньше, и он атакует. Пока же мы шагали навстречу, приближаясь к той черте, за которой выбора уже не остается.

Рукопашники сцепились друг с другом, обмениваясь ударами, круша ребра, стараясь заблокировать стальную руку противника своей и ни в коем случае не разрывать дистанцию. Корень добрался-таки до британской лучницы. Пара взмахов его клинками — и на грязную мостовую пролилась первая в нашей схватке вражья кровь. Лучница повалилась ничком. Но почти одновременно с этим Тарас пропустил сокрушительный удар в лицо — классический хук, ломающий кости черепа и выбивающий зубы. Кастет довершил дело, превратив лицо тавричанина в кровавую маску. Он отшатнулся, позволяя врагу врезать теперь уже стальной конечностью. Больше я в ту сторону старался даже мельком не глядеть. Заметил только, как туда рванул Корень, перепрыгнув через тело лучницы.

Я сорвался с места — нервы не выдержали. Прыгнул на врага, высоко вскидывая секач для мощного первого удара. Он легко отбил его и тут же контратаковал. Я подставил секач под удар меча, блокируя в

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

самом основании клинка, не давая тому набрать силу. Навалился всем весом. С полсекунды постояли, упершись друг в друга, однако передать никому не удалось, и мы почти одновременно отпрыгнули, разрывая дистанцию. Беннет опередил меня, атаковав первым. Я отбил удар секачом, но ответить не успел. Очень устал, у меня слишком сильно дрожали руки. Беннет рубанул меня снова — я отскочил на полшага. Тогда он быстро сократил дистанцию. Я не стал отступать снова. Сам рванул на него, входя в клинч, наваливаясь всем весом. Типичный прием усталых игроков, но что поделать — выбора у меня не было.

Движения левой руки британца я не заметил, но отреагировать все же успел. Почуял неладное тем самым шестым чувством, что развивается у каждого игрока, обостряясь во время схваток. Я вышел из клинча за мгновение до того, как Беннет ударил меня зажатым в пальцах левой руки коротким ножом. Тот лишь проскрежетал по стальной пластине, которой был укреплен нагрудник. Беннет не ожидал такого поворота событий, он сильно «клюнул» вперед, подавшись всем корпусом, на миг потеряв равновесие. И этой секунды, даже мельчайшей доли ее, мне оказалось достаточно. Я уже не успевал перехватить секач обеими руками, но в этом не было нужды. Рванул навстречу врагу, но уже не для того, чтобы войти в клинч. Широкий клинок моего секача устремился точнехонько к шее Беннета — и ни увернуться, ни подставить свой меч тот уже не успевал. В этот момент я отчетливо видел глаза моего врага. Они были широко распахнуты — опытный боец Беннет понял, что уже почти мертв. Мы глядели друг другу в глаза в последние секунды его жизни. Ровно до того мига, когда мой клинок отсек ему голову. Я едва

удержал набравшее приличную инерцию оружие одной рукой. Голова Беннета скатилась с плеч — в лицо мне щедро плеснуло кровью. Я ощутил ее соленый привкус на губах.

С трудом нашел в себе силы, чтобы подняться на ноги. Замер, навалившись на секач. Если сейчас появится враг, он может брать меня голыми руками — сил для сопротивления не осталось ни малейших. Однако стоило только окинуть взглядом округу, как я понял — схватка закончилась.

Корень с Ломидзе наскоро перевязывали Армасу простреленную ногу. Тарас неподвижно лежал на грязной мостовой — вражеский кулачный боец добил его, раскроив череп стальной рукой. Вокруг того, что было головой тавричанина, растекалась лужа крови.

Ни один из британцев не остался в живых. Один болт из арбалета Ломидзе торчал из лба стрелка — он вонзился на полвершка ниже кромки шлема. Второй — из нарисованного на кирасе бубновой дамы сердца. Он вошел глубоко — только оперение торчало, а значит, можно быть уверенным, что она мертва. Горло кулачного бойца было располосовано кривым кинжалом Корня, а красный мундир на правом боку пропитался кровью.

Я кое-как доковылял до Тараса. Тот был уже мертв — с такими ранами не живут. Опустился рядом с ним на колени, чтобы хоть глаза закрыть. Однако и этого сделать не удалось — найти их в том месиве, в которое превратили лицо Тараса удары врага, не представлялось возможным.

Прости меня, Тарас Гладкий, тавричанин, не сумел я уберечь тебя. Не сумел.

Не без помощи Корня снял с руки стальную конструкцию — она вернется в школу Зангиева в Москве.

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

Закинув на плечи секач, я медленно заковылял дальше по Хай-стрит к выходу из проклятого Уайтчепела. Корень и Ломидзе, помогая сильно хромавшему Армасу, шли рядом.

Напади на нас сейчас враг — вряд ли кто смог бы оказать серьезное сопротивление. Разве что неутомимый Корень. Запорожец легко нес на одном плече стальную руку, подставляя второе Армасу. Слава Богу, до карантинного поста добрались без происшествий, а там нас уже ждали.

Баррикада все еще была на месте, равно как и бойцы за ней. Арбалетчики навели на нас свое оружие из-за спин тяжелых бойцов со щитами. Однако стрелять не спешили. Мы вышли из тумана, и выделявшийся среди красных мундиров синим орденским сэр Томас Мэлори махнул нам рукой. Нас пропустили на другую сторону баррикады. Ломидзе с Корнем помогли Армасу присесть прямо на нее. Я же привалился к ней спиной, стирая с лица выступившую испарину.

— Что стряслось, граф? — спросил у меня сэр Томас. — Ваша и британская команда пропали, когда проклятый Господом туман снова сгустился. А теперь из него выходите только вы.

— Выродки, — я мог говорить только короткими фразами, усталый мозг отказывался работать. — Напали на нас из тумана. Мы еще смогли отбиться, потеряли только кулачного бойца. А что с другими — не знаю. Когда туман рассеялся, я видел лишь трупы выродков и тех людей, что дрались с нами. С красными повязками.

— Странно, — вывернулся из-за спины Мэлори молодой человек, каким-то образом сумевший просочиться мимо солдат, — вон у того казака куртка разрезана

бритвенно острым клинком. Вряд ли такой может быть у обитателя Уайтчепела. Но даже если допустить это, то почему нет следов когтей и клыков?

— Мистер Холмс,— сверкнул на него глазами Мэлори,— я сам видел, как эти люди дрались с вырожденками на Хай-стрит и позднее — у парадного входа в больницу. И то, что на них нет следов когтей и клыков, еще не уличает графа Остермана-Толстого во лжи.

— Я только высказываю свои предположения,— тут же возмутился юноша по фамилии Холмс.— Разве не для этого меня направили к вам консультантом?

— Будь моя воля, мистер,— отмахнулся от него Мэлори,— я бы и близко вас не подпустил к этому делу. Но на меня надавили сверху — видимо, у вашей семьи неплохие связи. Вот только это вовсе не означает, что я обязан терпеть ваши выходки.

— Давление — это заслуга моего старшего брата Майкрофта,— честно ответил Холмс,— и я за это весьма ему благодарен. Что же до нападок, то если бы не они, никто не приблизился бы к Уайтчепелу, и убийца, прозванный газетами Джеком-потрошителем, продолжал бы творить свои жуткие дела на его улицах.

Тут Мэлори пришлось признать поражение. Он снова сверкнул глазами на Холмса, но ничего ему говорить не стал. Мне же оставалось только поразиться наблюдательности юноши и его удивительному умению делать выводы из мелких, на первый взгляд, не слишком много значащих деталей.

Следуя за Мэлори, я добрался до кеба и вместе с остальными бойцами моей команды отправился обратно в особняк Ордена.

— Если хотите, можете гостить у меня сколько угодно,— напоследок сказал сэр Томас.— В особняке

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

никто не потревожит вас, а сегодня же всех бойцов осмотрят и окажут первую помощь врачи. Если понадобится, то можете рассчитывать на полный курс лечения за счет Ордена.

— Еще недавно вы собирались особняк закладывать, чтобы расплатиться с нами,— нашел откуда-то в себе силы на шутку я,— а теперь обещаете бесплатное лечение.

— Того, что найдено в лаборатории доктора Моро, вполне хватит, чтобы убедить самых твердолобых в реальности угрозы выродков. Да и происшествие в Уайтчепеле подольет масла в огонь.

— Теперь золото польется на вас рекой,— откуда-то нашлись силы еще на одну шутку.

— Цена только оказалась слишком высока,— покачал сидящей головой сэр Томас.

Естественно, задерживаться в Лондиниуме дольше необходимого я бы не стал. Собирался провести в особняке Ордена времени не больше, чем надо, чтобы переодеться, наплевав даже на обещанные деньги. Однако ранение Армаса спутало все планы. Пришлось отдаться в руки приглашенным эскулапам. В особняке имелись несколько отличных операционных и большая палата, в которой врачи осматривали легкораненых. Дольше всего возились с Армасом. Еще в Уайтчепеле мы обломали стрелу, пробившую ему бедро, однако вытаскивать не решились, опасаясь занести в рану заразу. И теперь нашему карабинеру вырезали остатки древка, чистили и плотно перевязывали рану. С остальными справились быстро — даже ранение Корня особых хлопот у врачей не вызвало. Ему только поменяли повязку да посоветовали поменьше нагружать руку несколько недель. Я и переводить слова врача Корню не стал.

Как только Армасу позволили покинуть больничное крыло особняка, тут же приступили к сборам. Мы как раз переодевались, когда Корень поднял голову, оторвавшись от завязывания шнурков на туфлях, и сказал:

— Сюда идут. Снова тот старик.

Я поднялся на ноги, что стоило мне куда больших усилий, чем хотелось бы. В дверь постучали, я открыл — на пороге действительно стоял старый дворецкий.

— Его сиятельство графа Остермана-Толстого магистр сэр Томас Мэлори просит в личный кабинет,— произнес он.— Я провожу вас, ваше сиятельство.

— Собирайтесь,— велел я своим людям,— как только вернусь, мы уходим.

В кабинете сэр Томас оказался не один. Я был очень сильно удивлен, увидев сидящим на гостевом стуле знакомого молодого человека по фамилии Холмс. Не стоит, наверное, добавлять, что удивлен неприятно.

Холмс поднялся из кресла и протянул мне руку.

— Мой брат Майкрофт просил передать глубочайшие извинения вам и вашей команде за инцидент, произошедший в Уайтчепеле. Он настаивает, что это была инициатива неустановленных частных лиц, а вовсе не действия правительства ее величества,— совершенно неожиданно для меня произнес он.

Сначала очень хотелось наговорить в ответ грубостей и не подать молодому человеку руки. Однако относительно легко, пускай и не без некоторого труда, смирил эмоции. Я крепко пожал протянутую руку мистера Холмса, и тот сжал мою ладонь в ответ столь же сильно.

Ничего говорить я намеренно не стал.

Мы с Холмсом усадились на гостевые стулья. Теперь пришла очередь сэра Томаса. Он поднялся на ноги, слегка нависнув над нами обоими, и произнес:

— Я так понимаю, вы предпочтете оплату наличными банковскому чеку?

Я кивнул в ответ. Тогда Мэлори вынул из ящика стола несколько пачек новеньких пятифунтовых банкнот.

— Здесь условленная плата и еще небольшая премия за то недоразумение с Беннетом и его командой,— сказал он, подвигая пачки ко мне.

Я не стал пересчитывать их — сразу сунул за пазуху. Внутренний карман пиджака приятно распух от денег. Давненько не испытывал столь положительных эмоций — несмотря ни на что.

— А здесь билеты на пароход до Кале,— Мэлори переместил по столу в мою сторону незапечатанный конверт,— однако я не советовал бы пользоваться этим видом транспорта.

— Спасибо за заботу,— натянуто улыбнулся я,— но отчего вы решили дать мне такой совет?

Мэлори повернулся к Холмсу, ожидая объяснений именно от этого молодого человека.

— Именно этого от вас ждут,— заявил тот.— Вы тут же, этим же вечером, покинете особняк Ордена, отправившись на первом попавшемся пароходе через Пролив.

— Мне кажется, это не самая дурная идея, мистер.

— Потому-то в порту вас и будут ждать,— прищелкнул пальцами Холмс,— а уж в его толчее затеять драку — нет ничего проще. И в любом случае вы окажетесь в проигрыше. Если пустите в ход свое оружие,

дадите властям повод арестовать вас и отправить на вечную каторгу.

Тут с молодым человеком было не поспорить. В том числе поэтому я и не стал ничего говорить. Ждал, что Холмс скажет дальше, предоставляя ему инициативу. Мэлори решил придерживаться той же тактики.

— Если вы спросите моего совета, то лучше всего вам ехать в Кройдон по недавно открывшейся надземной железной дороге.

— Кройдон? — не понял я.

— Это лондиниумский воздушный порт, — объяснил Холмс. — Дирижабли оттуда ежедневно отправляются во все столицы мира. Есть регулярное сообщение с Московом и Санкт-Петербургом. Более того, я могу точно сказать вам. Через три часа в небо поднимется русский дирижабль «Россия». Он быстрее всего доставит вас на родину.

— С чего вы взяли, что я так спешу домой? — усмехнулся я, хотя выглядела моя улыбка до крайности натянуто.

— Просто привел пример, — развел руками Холмс. — В Лютецию отправляется через три с половиной часа «Граф Цеппелин», конечным пунктом его маршрута будет Кельн-на-Шпрее. Я могу привести еще несколько рейсов, однако они не столь удобны. Либо придется сильно торопиться, и все равно велик будет риск опоздать, либо надо будет ждать до завтрашнего утра.

— Спасибо, конечно, за советы и за помощь.

Я поднялся из-за стола и встал так, чтобы обращаться сразу и к Холмсу, и к сэру Томасу одновременно:

— Но я хотел бы знать, зачем вы помогаете мне? Простите великодушно, но я не слишком верю в вашу бескорыстность в этом вопросе.

— На вас напали солдаты ее величества,— объяснил Холмс,— мне удалось это доподлинно выяснить. Я сообщил об этом моему брату Майкрофту — а он далеко не последний человек в правительстве. Тот был до крайности взволнован моими выводами. Так как мой брат в некотором роде занимается тем, что решает вопросы на самом высоком уровне, то в этот раз он посчитал, что этих проблем можно избежать самым простым способом. А именно не дав вас спровоцировать той самой группой лиц, пока не установленных, которая стоит за махинациями на играх в честь дня рождения принца, а также ответственна за стычку между вашей командой и морскими пехотинцами капитана Беннета.

Мэлори лишь развел руками, всем своим видом показывая, что он полностью полагается на этого молодого человека со всеми его связями в правительстве.

— Что ж,— кивнул я,— благодарю вас, господа. Меня ждут мои люди. Я обещал им, что сегодня мы покинем Лондиниум тем или иным способом.

Сначала не хотел пользоваться советами этого мистера Холмса — слишком уж правильно звучали его слова. Если бы меня хотели заманить в ловушку, то как раз стоило бы подкинуть такого вот умника, который дал бы хороший совет. Однако я вовсе не думал о таком виде транспорта, как дирижабль. Регулярные рейсы они начали совершать совсем недавно и, хотя по скорости перемещения сильно превосходили поезда с пароходами, были не столь популярны. Пассажиров взять могли намного меньше, а превратностей судьбы в небе было куда как больше, чем на земной тверди или водной хляби. Крупных крушений пока не происходило. По крайней мере настолько серьезных, чтобы о них

написали в газетах. Но заметки о вынужденных остановках тех или иных рейсов в прессе мелькали регулярно.

Не прошло и десяти минут, как слуги закрыли за мной и командой дверь особняка. Я не стал брать кеб. Вовсе не из-за скупости — денег теперь у нас было более чем достаточно. Просто до ближайшей станции надземной железной дороги оказалось рукой подать. Правда, пришлось вскарабкаться на приличную высоту по шатким лестницам — железная дорога проходила не просто по земле, как я думал сначала, а над нею в самом прямом смысле. Рельсы были проложены в пяти саженях над мостовой, и бегали по ним не паровозы, а электрические вагоны, из-под колес которых сыпались целые созвездия искр.

— Боязно в эту дуру лезть,— заметил Ломидзе.— Армас, что скажешь, током электрическим нас не убьет всех?

За показной веселостью картлиец прятал страх. В этом не было ничего удивительного, потому что даже мне проще было выйти на арену к диким тиграм, нежели шагнуть в подкативший вагон. Я ведь видел, как он раскачивается на рельсах, отлично слышал надсадный скрип тормозов, когда он подъезжал к остановке. Машинально глянул вниз — очень не хотелось бы лететь в этом вагоне на мостовую. Вроде бы и не очень высоко, но шансы выжить невелики. На арене с тиграми они уж точно выше.

— Вряд ли убьет,— спокойно ответил Мишин,— пол деревянный, а дерево ток проводит плохо. Имеется и дополнительная резиновая изоляция — сработано на совесть.

Тут из вагона донесся мелодичный перезвон, призывающий нас поторопиться.

— Вперед, — махнул я рукой и первым, подавая пример, как на Федюхиных высотах, шагнул в вагон. Команда последовала за мной — без колебаний, что меня очень порадовало.

Как бы ни трясся вагон, как бы жутко ни кренился на каждом повороте, но двигался он очень быстро и на остановках стоял мало. Сумерки еще не успели спуститься на Лондиниум, когда мы покинули поезд, выйдя на станции «Кройдон». Я высыпал пригоршню мелочи в деревянный короб с надписью «Такса за проезд». В подсчет особо не вдавался. Но если и переплатил, то не сильно.

Уже в сумерках мы спустились со станции и направились к воздушному порту. Тот представлял собой не самое презентабельное зрелище — ему явно было не потягаться по размаху с портом морским, а монументальностью зданий — с железнодорожными вокзалами. Воздушный порт состоял из нескольких небольших домиков, сиротливо приютившихся на краю обширного летного поля, больше всего похожих на лес строевых сосен. Я не бывал в Сибири, на границу с которой ссылали на вечное поселение, и не видел легендарной тайги, однако уверен, она чем-то похожа на это летное поле. Многочисленные причальные мачты были увенчаны сероватыми сигарами дирижаблей. Пустых почти не было.

— Это на такую высоту карабкаться, — задрав голову, попытался оценить расстояние до верха мачты Корень. — Этак мы и до утра не успеем.

— Значит, надо быстрее шевелить ногами, — потопил его я.

После разговора с Мэлори и Холмсом я сильно нервничал — куда сильнее, чем стоило бы. Особенно

меня тревожили задержки во времени. Самым большим зданием оказался аэровокзал. Там я быстро узнал насчет билетов на «Россию» и купил на всех третий класс — не из соображений экономии, а потому, что только так можно было взять одну каюту на всех. Разделять команду я не хотел. Кассир подозвала звонком носильщика с тачкой. Его услуги входили в стоимость билета любого класса, поэтому мы с радостью сбросили с себя все вещи. Молодой человек в форме и кепи долго пялился на чехлы с оружием, однако от вопросов решил воздержаться, и я был ему за это весьма благодарен. Он толкал тачку с такой скоростью, как будто от этого зависела его жизнь. Видимо, оружие и весь наш внешний вид произвели на юношу сильное впечатление.

Выяснилось, что карабкаться по лестницам до самого верха причальной мачты не было надобности. Внизу нас ждала кабина подъемника, куда молодой носильщик выгрузил и вещи. Он же закрыл за нами дверцу и нажал на рычаг. Раздался мелодичный перезвон колокольцев — подъемник медленно поехал вверх. Пол под ногами начал мелко подрагивать, а через некоторое время я почувствовал, что кабина слегка качается из стороны в сторону. Ощущение оказалось не из приятных.

— Если на высоте будет сильный ветер, нас может сорвать и унести к чертовой матери, — пробурчал Корень. — Не хотел бы я кончить так, особенно после всего, что тут было.

— Подъемник движется внутри мачты, — объяснил ему Армас, который был у нас знатоком разнообразной машинерии. — Я читал про такие — вибрация и раскачивание неизбежны при движении. Однако опас-

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

ности нет никакой из-за устройств, которые называются уловители. На испытании инженер, придумавший их, сам перерубил канат подъемника, и при этом платформа осталась на месте.

— Это глупее, чем рубить сук, на котором сидишь, — заявил Ломидзе. — А ну как эти его уловители не сработали бы?

— Он все рассчитал и провел не одно предварительное испытание, — ответил Мишин таким тоном, будто с малым ребенком разговаривал, — прежде чем показывать свое изобретение на публике.

— Ну раз так, — пожал плечами Ломидзе, — то, конечно, можно быть спокойным.

Наша кабина остановилась. Дверь открыл молодой человек в форме корабельного стюарда, только вместо неизменных на флоте штурвалов у него на лацканах красовались крылья.

— Ваши билеты, — улыбнувшись, попросил он, а проверив их, кивнул на наши вещи. — Положите багаж вот сюда, его заберут и доставят в багажное отделение. А вас прошу следовать за мной — я провожу в каюту и расскажу о распорядке на нашем воздушном корабле.

Никто из корабельных носильщиков не проявил ни малейшего интереса к нашей поклаже — видимо, и не такое таскать приходилось. Они быстро покидали наши вещи на небольшие тачки и укатали багаж куда-то внутрь небесного гиганта.

Мы же последовали за стюардом. Тот ни на мгновение не замолкал. Он рассказал об истории постройки «России», об устройстве ее — внутреннем и внешнем, отдельно остановился на строгом распорядке дня, который касался только пассажиров третьего класса.

Вряд ли его приходилось придерживаться людям, выложившим кругленькую сумму за билет и обитающим в каютах на одного. Стюард наговорил еще уйму всего, но в голове у меня почти ничего не отложилось. Я слишком устал и хотел лишь одного — добраться до кровати, пускай это будет и подвесная койка, и уснуть поскорее.

Распрощавшись со стюардом у дверей каюты, я сунул ему всю оставшуюся мелочь и захлопнул дверь. Только в этот момент понял, что уже несколько месяцев не слышал столько русских слов. Мы колесили по Европе, общаясь только друг с другом. Изредка — с другими русскими командами, которые встречались на разных играх. Бойцы не слишком разговорчивы, а тут парень без умолку трещал на языке родных осин не меньше десяти минут. Как же я, оказывается, отвык от звуков родного языка. Да уж, хорошо, что мы возвращаемся домой.

Едва найдя в себе силы скинуть одежду, я рухнул на кровать, оказавшуюся вовсе не подвесной койкой. Вытянулся под колючим одеялом и почти мгновенно уснул — еще до того, как дирижабль отчалил от мачты.

В этот раз мне приснился граф Толстой. Наверное, причиной тому стала трескотня стюарда на русском.

Передо мной стоял высокий, крепкого сложения поручик. Он разглядывал меня так же откровенно и оценивающе, как и я его. Однако затягивать молчаливую паузу не стал. Подкрутив левой рукой ус, правую он протянул мне, представившись:

— Поручик-баллистарий граф Толстой, Лев Николаевич.

Глава 4. МЕСТЬ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА

Я крепко пожал ему руку. Несмотря на неловкость в первые мгновения нашего знакомства, он мне почему-то сразу понравился.

— Ваши егеря будут прикрывать мои орудия во время атаки на Трактирный мост, верно? — поинтересовался он. — Вы понимаете, тут такой хаос творится, что сам я уже перестал понимать хоть что-то. Сначала сообщили, что с моими орудиями пойдет тяжелая пехота штабс-капитана Мишкова, а по прибытии оказалось, что все ударные части забрал себе генерал Реад для атаки на Федюхины высоты, и стало непонятно, кто будет защищать моих баллистариев.

— Без защиты не останетесь, — усмехнулся я. — Реад передал Липранди всю легкую пехоту, включая моих егерей.

— Но это же нонсенс, полковник, — всплеснул руками граф. — Даже мне — поручику-баллистарию — ясно, что тут, на мосту, нужнее ударные части, чтобы прорвать вражескую оборону и закрепиться на том берегу Черной.

— Командованию всегда виднее, поручик, — осадил его я, хотя полностью разделял мнение молодого офицера, но ему об этом знать вовсе не обязательно, — а наше дело, как бы это банально ни звучало, ходить в атаку за веру, царя и Отечество.

— И лить за них кровь без всякого толку, — буркнул себе под нос поручик.

— В вас силен дух вольнодумства, — наставительным тоном сказал ему я, — а он не приветствуется в армии. И не только в русской, но и во всякой иной, даже в сардинской.

Я указал на высоты Гасфорта, занятые как раз войсками этого небольшого королевства.

— Полковник,— тяжело вздохнул Толстой,— вы же видите, что творится вокруг. Нас бьют, и бьют сильно, а хуже того, бьют обидно. Когда, скажите на милость, мы терпели такие позорные поражения, как в эту кампанию? В моей батарее служат еще нижние чины, что совсем юношами брали Лютецию Парижскую во времена Революционных войн. У них молодые спрашивают, как же так, почему нас бьют, а они ничего внятного ответить и не могут. Дрались прежде славно, что же теперь в нас сломалось, полковник?

— Я здесь вовсе не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы, поручик,— заявил я и сам удивился, насколько жалко прозвучали мои слова.— Выводите свои баллисты на позиции и постарайтесь подавить сардинцев на Гасфортовых высотах. А мои егеря прикроют вас, уж будьте уверены.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Довольно-таки средняя Азия

Глава 1

В НЕМИЛОСТИ

Летное поле и воздушный порт в Москове выглядели еще менее впечатляюще, чем лондиниумские. Причальных мачт не было — немногочисленные грузовые и пассажирские дирижабли швартовались прямо к вбитым в твердый грунт мертвым якорям. Они зависали над выделенными им местами, сбрасывая вниз несколько десятков прочных канатов, а причальная команда споро вязала прочные узлы, швартуя дирижабль. Представляю себе, каково приходится этим дюжим ребятам в ветер.

Но нам повезло — погода выдалась просто отличная. Все пассажиры «России» радовались, покидая вечно затянутое дымом из сотен фабричных труб небо Лондиниума. Нас лишь раз всерьез потрясло, когда мы пересекали Ла-Манш. Шквалистый ветер заставлял дирижабль плясать в небе, вызывая у многих приступы морской болезни. Единственным ограничением во время шквалов был запрет выходить на открытую палубу. Оно и понятно — сдует же в единый миг. В остальном же мы, как и в любое время, вольны были гулять по всему небесному кораблю. Вот только делать это особого

желания ни у кого не возникало — всем вполне хватало коротких вылазок на завтрак, обед и ужин. А пассажиры первого класса и немногочисленных люксов и вовсе предпочитали их пропускать, заказывая еду прямо в каюты.

Во время первой же остановки я вместе с командой спустился на землю. Было это в Страсбурге — городе, который столько раз переходил из рук в руки во время многочисленных войн германских княжеств с Францией, что уже не понять, чего в нем больше — французского или немецкого. На его улицах было полно офицеров французской армии в неприятно знакомой мне синей форме с красными штанами. Они любезничали с молодыми дамами, позванивая шпорами и ножнами сабель, и глядели свысока на всех, одетых в штатское.

Я спустился на землю, взяв с собой всю команду, для того чтобы раз и навсегда закрыть один неприятный вопрос. Я был уверен, что никто из моих парней не оставит прихваченные в лаборатории доктора Морро листки с записями на дирижабле — слишком уж те были ценны.

Наняв прямо на летном поле фиакр, велел извозчику везти нас на ближайший пустырь. Тот недоверчиво поглядел на усевшуюся к нему в коляску компанию крепких парней и уже хотел было отказаться ехать куда-либо, но я предупредил это его желание.

— Держи,— бросил ему золотую гинею. Мой французский был куда лучше английского — все же я учил этот язык с детства и в семье мы часто общались и друг с другом и с прислугой именно на нем.— Думаю, этого достаточно, чтобы убедить тебя, что мы не грабители.

Извозчик попробовал золото на зуб, быстро спрятал монету за пазуху и щелкнул вожжами. Лошадка его резко зацокала подковами. Ехать далеко не пришлось — фиакр недолго попетлял между домов и остановился на самом краю глухого пустыря. Наверное, он видал немало темных дел, и под завалами мусора, если покопаться в них хорошенько, можно найти не одно тело, а то и расчлененные части нескольких. Вот почему для задуманного мной пустырь подходил идеально.

Мы выбрались из фиакра, и я повел команду в глубь пустыря. Сильно, конечно, забираться не стал — смысла не было. Намеренно пропустил всех немного вперед, а сам остановился и глянул на бойцов так, как, бывало, смотрел на своих солдат еще до Крымской кампании.

— Обыскивать никого не буду,— заявил я.— Просто прошу вас как моих бойцов — людей, привыкших доверять мне во всем. Выкиньте сейчас под ноги все, что вытащили из лаборатории доктора Моро. Не буду никого уговаривать и делать выводов из ваших поступков,— добавил я, стараясь быть как можно лаконичней, чтобы никому не показалось, что я на самом деле начал всех уговаривать.— Хочу, чтобы вы поняли одно. У меня есть веские причины уничтожить все, найденное в лаборатории.

И я первым, подавая остальным пример, вынул из-за отворота пиджака сложенную в несколько раз пачку листов и уронил ее себе под ноги. Почти сразу за мной так же поступил и Армас. Ингерманландец, ни слова не говоря, вытащил из-за спины аккуратно перевязанную пачку и бросил ее поверх моей.

— Ну раз ты так говоришь, командир,— легко расстался и со своими трофеями Ломидзе.— Тебе видней, в конце концов.

— Это ты вещи Тараса прошерстил, значит,— мрачно глянул на меня исподлобья Корень.

— Ты от меня не отстал,— ответил я ему в тон. Слова его, и то, как они были сказаны, мне совсем не понравились.

Однако противиться Корень не стал. Швырнул свою пачку листов поверх всех. Ни спирта, ни керосина у меня с собой припасено не было, и я пожалел об этом, когда принялся разжигать получившуюся кучу бумаги. Слежавшиеся, пропитавшиеся потом листы разгорались с трудом, да и порывистый ветер, напоминающий о шквалах над Ла-Маншем, вовсе не помогал. И все же через некоторое время бумага начала корчиться и съеживаться в охвативших ее языках пламени. Опасное знание погибло навсегда — по крайней мере какая-то его часть.

Заметки на полях КОМАНДА

Наверное, каждый капитан команды игроков может с уверенностью сказать, что собрал вокруг себя очень интересных людей. Даже спроси вы это у карфагенянина, вроде Магарбала, у которого вся команда — его рабы, он и то с упоением будет рассказывать о каждом из них. Конечно, так, словно о лошадях хорошей породы или охотничьих соколах, однако для людей, уверен, слов он найдет куда больше.

Глядя на своих бойцов, я вижу не только людей, вместе с которыми выхожу на арену, кому, не за-

Глава 1. В НЕМИЛОСТИ

думываясь, готов доверить свою спину. Иначе в команде и быть не может. Я часто задаюсь вопросом, кто из них связан с нашей разведкой? И не могу дать однозначного ответа — каждый очень интересный человек.

Взять хотя бы Корня — мы с ним плечом к плечу еще с Крымской. Вместе прошли Крым, Рим и медные трубы, но могу ли я с уверенностью сказать, что знаю его? Конечно же, нет! И дело не только в том, что запорожец очень закрытый человек, «вещь в себе». Порой мне кажется, он знает обо мне куда больше, чем хочет показать, но иногда это знание прорывается. В коротких усмешках или брошенных взглядах. В репликах, сказанных вроде бы невпопад, но с неким не ясным мне смыслом. Иногда Корень явственно ждет от меня какой-то реакции, а я просто не могу взять в толк, чего же именно он от меня хочет, и выглядит это крайне глупо.

Покойный ныне Тарас Гладкий тоже был далеко не таким простым, каким хотел показаться. Однако на профессионального разведчика походил мало — он плохо умел скрывать эмоции и был подвержен перепадам настроения. Если бывал сильно не в духе, мог резать правду-матку, не задумываясь о последствиях.

Ломидзе все время хочет показаться таким недалеким уроженцем картлийского села или в крайнем случае пригорода, однако говорит он слишком грамотно. Это выдает Вахтанга с головой. В Тифлисской губернии, на территории которой живет большинство народов Кавказа и Закавказья, так говорить, а уж тем более читать

и писать умеют единицы. К тому же Ломидзе просто виртуозно обращается с оружием, и научиться чему-то подобному он мог только будучи родом из привилегированного сословия. Так что прозвище Князь вполне может оказаться его подлинным титулом.

А уж об ингерманландце и говорить не приходится. Я наводил о нем справки, узнавал у офицеров полка, где служил Армас. Всегда несложно найти общих знакомых, которые представят тебя такому же, как и ты, офицеру — ветерану Крымской кампании. В полку Армаса звали Тихоней — он не был замечен ни в каких нарушениях по части дисциплины, однако в тихом омуте, как известно... Из-за этого Мишина побаивались даже унтера званием постарше.

Никаких доказательств против кого бы то ни было из команды у меня, конечно же, не было, и я мог подозревать всех разом, но, что называется, за руку никого не ловил. Хотя, сказать по чести, не особенно и старался. Некоторых знаний лучше избегать. Быть может, начни я копать поглубже, расспрашивать своих армейских знакомцев, я бы выяснил куда больше. Однако всякий раз, задавая себе вопрос: «А надо ли это делать?», уверенно отвечал: «Нет, не надо».

Итак, Москов встретил нас приятной погодой. Большая часть пассажиров вывалила на открытую палубу, чтобы поглазеть на портовых рабочих, тянущих вниз наш дирижабль ничуть не хуже паровой лебедки, какой было оборудовано летное поле в том же Страс-

бурге. Наконец «Россию» крепко привязали к земле и сигнальщик поднял над головой зеленый флаг.

— Это значит,— сообщил всем услужливый стюард,— что нам разрешена посадка. Сейчас подкатят трап.

Не прошло и пяти минут, как показался трап. Он представлял собой широкую пологую лестницу, закрепленную на низкой паровой машине, пыхтящей будто самовар на колесах. То и дело из бортов ее били тугие струи раскаленного пара.

— Выглядит этот ваш трап как-то очень опасно,— произнесла дама, внимательно наблюдающая за конструкцией, медленно ползущей по ровному летному полю.

Признаться, я был склонен разделить это ее мнение.

— О нет, что вы,— тут же вступился за жутковатый агрегат стюард,— это совершенно безопасно.— Пар в котле машины имеет не столь высокую температуру, чтобы доставить кому-либо малейшие неприятности.

Дама поглядела на молодого человека с явным сомнением, однако вступать с ним в полемику посчитала ниже своего достоинства.

В непосредственной близости от дирижабля трап сбавил ход и полз теперь едва ли быстрее хромой черепахи. Пар почти перестал бить из его бортов. Подползя вплотную, трап остановился. Выскочившие матросы тут же принялись крепить его к фальшборту, чтобы пассажирам было удобнее покидать дирижабль.

Тут вдруг невидимый, записанный на пленку оркестр грянул задорный марш, и на открытую палубу вышел капитан «России». Одетый в роскошный белоснежный мундир, щедро украшенный золотым позументом, при форменной фуражке и раззолоченной

тлости, он не походил на небесного волка. В общем, и не должен был. Его задача, по большей части,— производить хорошее впечатление на пассажиров. Главная обязанность — в любой момент иметь уверенный вид.

— Господа,— звучным, хорошо поставленным, как у оперного певца, голосом произнес он,— рад был принимать вас на борту моего дирижабля и жду вас снова. Приятного вам возвращения на твердь земную.

Все принялись наперебой благодарить его, кто-то даже разразился аплодисментами, их подхватили остальные, и вот уже едва ли не вся открытая палуба «России» рукоплескала капитану. Я слабо понимал, откуда такая реакция. Присоединяться к хлопающим не стал, как и вся моя команда. Мы, игроки, вообще не слишком любим аплодисменты, потому что слышим их обычно перед тем, как начать резать друг друга на куски.

Не сговариваясь, мы двинулись к трапу. Матросы в чистых фланелевых робах улыбались нам на прощание, но как-то натянуто. Видно было — это их обязанность, и она им почти в тягость.

Мы спустились по трапу первыми. Лишь когда я уже ступил на землю, первые пассажиры застучали каблуками по ступенькам — основательно капитану поаплодировали.

Идти долго по летному полю не пришлось. Не успели мы добраться до здания воздушного вокзала, а к нам уже подлетел лихач на двухколке. Лихо подкрутив ус на гусарский манер, он обратился к нам с традиционным: «Эх, прокачу!».

— Маловат твой шарабан будет для всех нас,— отмахнулся я,— да еще и с вещами.

Глава 1. В НЕМИЛОСТИ

Поняв, что мы все вместе и будем искать экипаж соответствующего размера, лихач не стал приставать. Он тронул конька вожжами и покатил к длинной череде спускающихся с трапа пассажиров.

Но и нам долго шагать на своих двоих не пришлось. Увидев нашу компанию, подъехал извозчик на куда более внушительной пролетке. Не сговариваясь, я кинул ему несколько шиллингов — уверен, ушлый малый найдет, где их разменять по выгодному курсу.

— Значит, так, — не давая извозчику и рта открыть, заявил я, — сначала вези нас в гостиницу, которую обычно предлагаешь всем, кто не знает, где остановиться в Москве. А после поедем еще по одному адресу.

— Тогда накинуть бы, барин, — нудным тоном принялся выпрашивать извозчик, — а то эвон, даже не знаю, сколь вас катать придется.

— Недалеко будет, — махнул ему рукой я. — Езжай давай — приказчик гостиничный тебе накинет за постояльцев.

Извозчик наш был не лихачом, а обыкновенным ванькой, хоть и с номером на спине и даже с фонарем, выключенным по дневному времени. Отсюда и нудность его, и желание выпросить побольше. Сразу понятно — деревенский. Сбежал в город за длинным рублем, а достаются горемычному разве что копейки, да и те редко.

Несмотря на подобные мысли, бродившие в моей голове, накидывать ваньке не стал — никогда не питал жалости к людям. Профессия быстро от нее отучивает.

Гостиница, куда привез нас ванька, оказалась именно такой, какой я себе ее представлял. Не роскошный «Метрополь», но и не совсем уж клоповник — глаз все-таки на извозчика был наметанный.

— Выгружайтесь,— скомандовал я своим, кидая Корню несколько золотых гиней.— Займите пару номеров, и до вечера все свободны. Только сильно не напивайтесь.

Я проводил взглядом команду, без помощи носильщиков затащившую вещи в гостиницу, и хлопнул ваньку по плечу.

— Теперь вези на Николо-Песковскую,— велел ему,— я скажу, где остановиться.

— Ну вы хватили, барин,— всплеснул руками извозчик,— это ж, почитай, через весь город ехать. Накинули бы еще монетку аглицкую, а?

— Вези! — рыкнул я на него, начиная терять терпение, и ванька тут же повиновался — сразу понял, что везет барина серьезного, с таким шутики плохи.

Катать меня кругами ванька не стал — понял, что чревато будет. От гостиницы, где поселились, до нужного мне небольшого особняка на Николо-Песковской улице ехать было от силы четверть часа. Ванька управился за десять минут — не больше. Наверное, я сильно испугал его своим командным окриком. Выбираясь из коляски, все же кинул ему флорин — тот как раз остался у меня один. Сильно удивленный этим поступком, не ожидающий никакой премии, ванька даже поблагодарить забыл. Да мне и дела не было до его благодарности. Я подошел к двери особняка и трижды стукнул молотком по медной табличке.

Стоять перед дверью пришлось с минуту, если не дольше. Внутри дождались, пока извозчик отъедет подальше, а после слегка дрогнула занавеска на окне. Я не был профессиональным разведчиком, но подобные мелочи замечать привык. Наконец мне открыли — на пороге стоял знакомый угрюмый детина в ливрее

Глава 1. В НЕМИЛОСТИ

слуги, сидящей на нем хуже, чем седло на корове. Он не стал спрашивать, к кому я и назначено ли мне, — сразу посторонился, и я в очередной раз подивился почти кошачьей плавности его движений. Не хотел бы встретиться с ним на арене.

Детина проводил меня на второй этаж — прямиком в просторный кабинет. Особнячок изнутри выглядел привычно пустым и нежилым. Хотя на полу и не было пыли, а медные рожки газовых фонарей и дверные ручки надраены, как на корабле. Все это создавало впечатление, что в доме только регулярно проводят тщательную уборку, а не живут. Все вещи стояли ровно на тех же местах, как и в мой предыдущий визит, а с тех пор миновало больше полугода.

И кабинет ничуть не изменился — в нем всегда царила полутьма, на стенах горели рожки с зачерненными колпаками, а окна были день и ночь закрыты тяжелыми бархатными шторами. Главенствовал надо всей обстановкой громадный стол, обитый темно-бордовым бархатом, под стать ему были и стулья, и кресло хозяина кабинета, и пара массивных книжных шкафов. Человек на фоне всей этой помпезной мебели просто терялся, хотя вроде бы щуплым он вовсе и не был.

Хозяин кабинета выглядел обыкновенным — самым рядовым человеком, на которого глянешь в толпе и тут же взгляд отведешь. Не цепляется за него глаз. В кабинете его можно было заметить лишь тогда, когда он сам того хотел. В этот раз он стоял у окна, а взгляд мой постоянно упирался в пустое кресло. Как будто хозяин кабинета должен был появиться там, стоит мне только отвернуться.

— Давненько вы не радовали меня своим появлением, граф, — произнес голос, который шел, казалось, от

складок тяжелых штор.— Да и письма ваши меня, скажу откровенно, не слишком радовали.

— Простите уж великодушно,— развел руками я,— чем, как говорится, богаты.

— Граф, вам не идет это мещанское лицедейство,— отмахнулся хозяин кабинета.— Мы договорились о сотрудничестве, вы обещали нам помощь, и я не вижу результатов. Вы привезли бумаги доктора Моро? Они у вас?

— Нет,— покачал головой я.— Я собрал их у всей команды, и мы вместе сожгли то, что удалось заполучить в лаборатории Моро.

— Вы очень смелый человек, граф. Иногда я просто поражаюсь вашей смелости.

Хозяин кабинета, наконец, повернулся ко мне лицом. Я отметил про себя, что он удивительно похож на человека в сером сюртуке. Было нечто неуловимое, что роднило всех, связанных с разведкой, при отсутствии какого-либо внешнего сходства.

— Вы бросаете вызов смерти на арене. Однако вам мало этого риска, вы готовы вступить в конфликт с теми, чьей силы не знаете и близко. Скажите мне, почему вы так поступили, граф? Была ли это глупость или вы пытаетесь таким образом фрондировать, доказываете нам, что не подчиняетесь?

— Я просто слишком хорошо видел результаты,— ответил я.— И не хочу, чтобы какой-нибудь из районов Москва или Питера превратился во второй Уайт-чепел, по которому бродят выродки, готовые вцепиться в горло всякому. Вот почему я уничтожил все бумаги Моро, что попали в руки ко мне и моим бойцам.

— Но вы понимаете, граф, что теперь Россия отстает от Европы в этих исследованиях на годы.

Глава 1. В НЕМИЛОСТИ

— И слава Богу. Если нечто подобное Уайтчепелу появится в Лютеции Парижской или Кварт Хадаште, меня это не обрадует, но и не сильно огорчит.

— Насчет Московы с Питером я вас понял,— прервал меня хозяин кабинета.— Честно говоря, такой исход был вполне закономерен, именно поэтому я был против привлечения вашей команды. Однако шанс победить на играх в честь принца Альберта и отличиться там настолько сильно, чтобы вас заметили представители Ордена, имелся лишь у вас. Весьма прискорбный факт.

Я всем видом постарался показать, что никакой вины за собой не вижу, и говорить ничего не стал.

— У нас будет новое задание для вас, граф,— продолжил хозяин кабинета.— Как только вы восполните потерю, вам надлежит отправиться в Бухару, где присоединитесь к посольству графа Игнатьева. В Бухаре будут проводиться Большие игры в честь нового правителя — Музаффара. Игры, конечно, не столь впечатляющие, как в Лондиниуме, однако они для нас будут куда важнее, потому что на этих играх пытаются заправлять англичане через Ост-Индскую компанию. Как и все правители на Востоке, Музаффар склонен к жестоким и кровавым играм. Ваша задача — произвести на него наилучшее впечатление. Это даст нам преимущество в переговорах с новым правителем, на которого пока не оказывает влияния никто, хотя стремятся многие. В Бухаре пересеклись интересы России и Британии, Карфаген также желает урвать свой кусок. Победа в играх, конечно, не гарантирует нам союза с Музаффаром, но сделает его более чем реальным.

— Вы вручаете мне ключ к успеху миссии в Бухаре после того, что случилось в Лондиниуме? — Изображать искреннее удивление мне не пришлось.

— Мы можем быть в вас полностью уверены,— был ответ.— Именно благодаря лондиниумским событиям мы остановили свой выбор в этом деле на вас. К тому же вы отправляетесь далеко не в самое приятное путешествие, можете считать его опалой или немилостью с нашей стороны.

— Перед тем как я отправился в Лондиниум, вы обещали мне приоткрыть завесу тайны моего прошлого,— решил я напомнить хозяину кабинета,— и вы ничего не говорили тогда о бумагах доктора Моро.

— Вы еще имеете наглость напоминать мне об обещаниях? — рассмеялся тот.— Вы не принесли ровным счетом никакой прибыли и рассчитываете получить от нас что-либо? Это уже верх наглости, граф, ей-богу, не ожидал от вас ничего подобного.

Сказать, что сорвался, было бы ложью или, по крайней мере, сильным преувеличением. В тот момент отлично осознавал, что делаю, и понимал, что руководит мной гнев. Я стремительно преодолел разделяющее нас расстояние и, прежде чем хозяин кабинета успел хотя бы поднять руку, чтобы защититься от меня, схватил его за грудки. Легким ударом впечатал его в стену, все крепче сдавливая в пальцах лацканы пиджака.

— Вы уже трижды давали мне слово,— прохрипел я прямо в лицо хозяину кабинета.— В этот раз сказали, что откроете мне хотя бы часть информации вне зависимости от результата. Считали, что я живым не выберусь из Лондиниума? А вот хрен вам! Я жив и из Бухары вернусь. Уж будьте покойны на сей счет.

Дверь за моей спиной распахнулась — я почувал, как в кабинет врывается ливрейный слуга.

Глава 1. В НЕМИЛОСТИ

— Когда вернусь из Бухары,— произнес я, отпуская хозяина кабинета,— то получу от вас все ответы. Уж будьте покойны на сей счет.

Не знаю, откуда ко мне пристала эта присказка.

Я обернулся вовремя, как раз когда ливрейный слуга подбегал ко мне. Он действовал стремительно — обманный финт правой и почти следом быстрый выпад, кулак целил мне в печень. Такой удар вполне мог оказаться смертельным. Я переступил с ноги на ногу, словно в танце, и пинком отправил в короткий полет один из массивных стульев. Ливрейный с ловкостью, казалось бы недоступной человеку такого телосложения, перепрыгнул его и обрушился на меня всем весом. Он попытался нанести удары обеими руками одновременно слева и справа. Я пригнулся и ухватил его за ливрею. Теперь осталось лишь помочь детине самому впечататься в стену буквально в аршине от хозяина кабинета. Каким образом он сумел, подобно змее, извернуться всем телом и даже удержаться на ногах, я просто не представлял. Лишь чудом мне удалось уйти от его ответного удара. Я лихо перескочил через массивный стол, опрокинув на пол еще один стул. Детина ринулся на меня, секунда — и он твердо стоит обеими ногами на том самом столе и готовится к новому прыжку на меня. Я отпрыгнул назад и врезал по столу ногой. Каким бы массивным он ни был, но сильно пошатнулся от моего удара. Детина удержался на нем, однако прыгать не рискнул.

— Довольно! — громогласно гаркнул хозяин кабинета, я не ожидал, что он умеет не только говорить непривычным приглушенным тоном, но и кричать.— Прекратите! Слезай со стола,— уже тише бросил он детине в ливрее.— А вы, граф, убирайтесь вон. Вернетесь из

Бухары, и мы поговорим о вашем прошлом. Но теперь прощайте, я вас более не задерживаю.

— Честь имею,— щелкнул я на военный манер каблуками.

Не знаю уж, из-за чего именно, но в ту ночь по возвращении моем из особняка на Николо-Песковской мне приснился сон о сражении. Виновато ли в том мое поведение в кабинете с плотными шторами и притушенными газовыми светильниками на стенах или просто так сложилось, точно я сказать, как всегда, не могу. Никакой ясности, если речь заходит о моих крымских снах, нет и в помине.

Я только закрыл глаза в гостинице, заснув, едва голова коснулась подушки, и тут же перенесся на несколько лет назад. Снова шагаю на правом фланге моего батальона, точно знаю, что за нашими спинами ребята Толстого тащат свои баллисты и скорострельные скорпионы, и с тревогой жду, когда же враг откроет по нам огонь.

Дождался — и куда скорее, чем хотелось бы!

Первое ядро из вражеской баллисты ударило в землю с сильным недолетом. Оно подскочило пару раз и подкатилось почти под ноги первым из моих егерей. К чести их, никто с шага не сбился.

— Арбалеты! — крикнул я, чтобы подбодрить солдат. С оружием в руках, как известно, мужчина чувствует себя намного уверенней. — Молодцами у меня!

Первое ядро было пристрелочным. За ним полетело второе и почти сразу третье. Вражеские баллистарии строили «треугольник ошибок», о котором рассказал мне перед битвой граф Толстой. Быть может, сардинцы и не были искусны в обращении с осадными

машинами, но их позиция на Гасфортových высотах все же очень сильна. Наши наступающие войска у их баллистариев как на ладони. Я отлично понимал это и готовился к худшему — ведь всегда лучше разочароваться в пессимистичных ожиданиях.

Баллистарии построили-таки чертов треугольник — чугунные ядра посыпались нам на голову настоящим дождем. Однако целили сардинцы все больше в орудия, движущиеся у нас за спиной. Увернуться от летящего сверху ядра для моих егерей особого труда не составляло. Конечно, не всегда, и мой батальон нес потери — чугунные шары пропахивали борозды в рядах солдат, оставляя корчиться на земле раненых, часто с оторванными или перемолотыми страшным ударом руками и ногами. Шагавшему рядом со мной унтеру — дядьке с лихо закрученными усами — ядро разможило грудь, в мгновение ока превратив ее в кровавое месиво. Он рухнул как подкошенный, успев только просипеть: «Иисусе». Уверен, он был мертв еще до того, как тело упало на землю.

— Вперед, орлы! — гаркнул я. — Шагай веселей!

Я нес какой-то бред — даже сам не понимаю, откуда брались эти идиотские выкрики, но они помогали. Черт меня побери, они — помогали! Мои егеря подобрались, перестали кидать то и дело беспокойные взгляды на небо, откуда прилетали чугунные подарки сардинцев. Унтера подхватывали мои выкрики, ловили за шиворот солдат помоложе, когда те спотыкались или вовсе падали на четвереньки и их тошнило от страха и от вида боевых товарищей, превращенных ядрами в кровавые блины. Их тащили вперед, заставляя шагать, до тех пор пока они не приходили в себя достаточно, чтобы идти самостоятельно.

И тут по нам ударили из арбалетов и луков. Солдаты сардинцев намеренно принялись стрелять с предельной дистанции, чтобы внести как можно больше смятения в наши ряды. Им это удалось. Наступление на Трактирный мост замедлилось — передовые колонны едва шагали вперед, укрываясь за громоздкими мантилетами, собранными перед битвой. Пока в них не было надобности, деревянные щиты катили между шеренг, а теперь выставили, защищаясь таким образом от стрел и арбалетных болтов, которыми щедро осыпали нас сардинцы. Вот только те же самые мантилеты сделали нас крайне уязвимыми для осадных орудий. Ядра посыпались на наши головы, казалось, с удвоенной скоростью.

Ко мне примчался вестовой от графа Толстого.

— Господин поручик вас к себе просят,— выпалил он, хватая ртом воздух в промежутках между словами.— Дело срочное.

— Корень, остаешься за меня,— бросил я верному своему спутнику, и запорожец молча кивнул, подтверждая, что услышал и понял.

— Веди,— сказал я вестовому, и тот, не оглядываясь, бросился обратно, а я за ним.

Мы пробежали почти несколько сажений, низко пригибая головы. Мимо нас шагали солдаты моего батальона, а после — еще одного егерского, которому, как и моему, выпало в этом бою прикрывать орудия.

Прибежав вместе с вестовым, я дождался воинского приветствия от графа и еще пары офицеров баллистари, стоявших рядом, и первым обратился к ним:

— Что у вас? Только быстро.

— Нас выбивают, как куропаток,— с яростным напором выпалил Толстой.— В батареях уже до полови-

ны солдат в расход списать пришлось. Если так и дальше пойдет, некому будет стрелять из всех наших баллист и скорпионов.

— Мы тоже несем потери,— отрезал я ледяным тоном, стараясь голосом и всей манерой поведения несколько остудить пыл графа.— Если вы вызвали меня лишь для того, чтобы сообщить о потерях, то впредь прошу такими мелочами не беспокоить.

— Полковник,— схватил меня за плечо Толстой,— постойте, простите, я, видимо, разнервничался и веду себя как курсистка. Но если мы продолжим наступать так же, как сейчас, то мои слова окажутся правдой. Надо что-то предпринять, пока нас тут не перестреляли, как на утиной охоте.

— Так начните стрелять в них сами, черт вас побери! — стряхнул его руку с плеча я.— Вы же баллистами — боги войны.

— Невозможно,— заявил один из товарищей Толстого, также поручик, только выглядевший немного постарше и говоривший с заметным остзейским акцентом.— Угол возвышения не позволяет стрелять по сардинцам на высотах Гасфорта.

— Нам никак не обстрелять их,— подтвердил граф.— Мы здесь для атаки на мост и укрепления перед ним.

— Значит, вражеские орудия целиком и полностью на нас,— кивнул я.— Вот только инициатива будет нарушением плана сражения, который довели до всех нас.

— Да вы понимаете не хуже моего, полковник,— снова вспылал Толстой,— что по плану этому мы шагаем ровными рядами на тот свет!

— Предлагаете мне нарушить приказ? — усмехнулся я, однако одного взгляда на лица офицеров балли-

старии было достаточно, чтобы понять — им сейчас вовсе не до смеха.— Предприму все, что возможно.

Я первым отдал честь, хотя это и противоречило уставу, и бросился бежать обратно к своим егерям.

— Корень,— выпалил я сразу, как только добрался до своего батальона,— мухой к Тевкелеву, скажи, дело важное.

Казак умчался — только пыль из-под каблуков. Надеюсь, он скоро обернется вместе с Тевкелевым. Майор, командир 5-го батальона, шедшего сразу за моим, был человеком невысокого роста и удивительно проворным. Как и я, он предпочитал идти в бой пешим, понимая, что верхом представляет собой просто идеальную мишень.

Пока же Корень не вернулся вместе с ним, я бегло осмотрел нашу позицию. Продвижение почти остановилось, войска едва ползла по крымской пыли — теперь солдаты уже десятками гибли под смертоносным обстрелом. Многие мантилеты были разбиты ядрами, и бойцы передовых отрядов лишились какой бы то ни было защиты.

Это уже больше смахивало на истребление — и устроило его наше командование, от чего на душе становилось как-то совсем гадко.

Тевкелев прибежал, едва не обгоняя Корня, мундир майора был разорван в нескольких местах и густо забрызган кровью, но, судя по всему, чужой. Я даже не стал спрашивать, что с ним случилось,— не до политесов.

— Майор, нас истребляют,— заявил я с ходу, похоже ничуть его не удивив.— Если сейчас же что-либо не предпримем, то можно смело рыть себе могилы тут же, чтобы сардинцам облегчить работу.

— Наше командование и так облегчило им ее, как только можно,— бросил в ответ Тевкелев.— Что вы конкретно предлагаете, полковник?

— Бросок вперед всеми нашими егерями, поддержим копейщиков у моста, а там подтянутся и орудия за нами.

— Оставлять орудия без прикрытия,— пожал плечами Тевкелев,— за это по голове не погладят.

— Выбора у нас нет,— отрезал я,— и времени на сомнения тоже. Здесь — смерть верная, а там,— я ткнул пальцем вперед, в сторону Трактирного моста, перед которым застряла наша пехота,— риск хоть и смертельный, но все же. Решайтесь, Тевкелев, вы со мной?

— Командуйте, полковник,— казенным голосом, отдавая мне право на принятие решения как старшему чином, ответил Тевкелев.

— Тогда ведите своих егерей за мной, майор,— кивнул я.

Низко нагибая голову, Тевкелев умчался обратно, а я развернулся к спокойно шагавшему рядом с нами Корню:

— Передай всем офицерам батальона мою команду. Бегом к мосту, поддержать копейщиков, обстреливать предмостные укрепления.

— Слушаюсь,— махнул рукой, изобразив воинский салют, запорожец и снова умчался.

Не прошло и пяти минут, как мои егеря, послушные команде, перешли на бег, обгоняя вооруженных копьями и бердышами товарищей. Оба батальона пробежали мимо топчущейся на месте пехоты и еще через пять минут разворачивались в стрелковые шеренги перед земляными укреплениями сардинцев.

— Стрелять без приказа! — крикнул я, хотя и знал, что особой надобности в этой команде нет — все мои офицеры свое дело знают тугу.

Первая шеренга егерей опустилась на колено, одновременно со второй, оставшейся стоять, вскинув тяжелые арбалеты. Несколько сотен рук разом нажали на спусковые скобы, отправляя в короткий полет шелестящую смерть. Болты со стальными наконечниками врезались в опешивших от нашего стремительного маневра, особенно неожиданного после нескольких часов неспешного марша и топтания на месте, сардинцев. Я впервые тогда увидел их вблизи. Передовые в темно-синих или черных, не разобрать, мундирах, кирасах и кольчугах с гребнистыми морионами держат алебарды. Офицеры щеголяют в широкополых шляпах, украшенных невообразимого размера плюмажами из черных перьев. Стрелки вооружены арбалетами и действуют точно так же, как мои егеря, шеренгами отправляя в нашу сторону болты с потрясающей скоростью. В слаженности действий сардинцам не отказать.

Вот только у егерей есть одно неоспоримое преимущество — третья шеренга. Как только две выпускают во врага болты, вторая тоже опускается на колено, давая третьей вступить в бой. И тогда лучники третьей шеренги вскидывают оружие и посылают во врага град длинных стрел с тяжелыми наконечниками. Те впиваются в тела вражеских арбалетчиков, легко пробивают броню пехотинцев. Особенно меткие лучники бьют в офицеров, хотя это не приветствуется в войсках. Но я отдал приказ вражеских командиров по возможности выбивать — быть может, и бесчестно, зато эффективно. И очень надеюсь, что среди британцев, французов или сардинцев не найдется кого-то столь же умного.

Как только лучники опускают свое оружие — тут же встает вторая шеренга, егеря всегда славились быстротой перезарядки. И во врага летит новый рой тяжелых болтов со стальными наконечниками. На столь небольшом расстоянии от них не спасет и прочная рейтарская кираса, а уж о броне пехотинцев и говорить не приходится.

По нам стреляют в ответ — сардинцы выучены отменно, да и, когда от расторопности зависит твоя же жизнь, всякий станет шевелиться куда скорее. В нас летят болты, выбивая егерей первой шеренги. Они валятся в крымскую мелкую, словно мука, пыль, быстро напитывая ее своей кровью. Их место в строю тут же занимают стрелки второй шеренги — для этого им надо сделать только короткий шаг вперед и опуститься на колено. Но как тяжело сделать этот один-единственный шаг...

Ободренные нашим примером еще два батальона егерей подбегают к предмостным укреплениям. Наплевав на мантилеты, они принимаются обстреливать сардинцев. Те не выдерживают нашего напора и подаются назад.

Это ли послужило сигналом для нашей пехоты или же ее командирам надоело топтаться на месте, кто знает? Однако стоило сардинским алебардистам отступить от земляного укрепления, как пехотинцы ринулись в атаку. Не пошли, а именно ринулись. Не сломав строй, прежними, почти как на параде, ровными шеренгами солдаты побежали на врага. Офицеры — рядом с ними, подбадривая их и лихо размахивая саблями. Начиналась настоящая молодецкая потеха — не то, что странное топтание на месте, происходившее до того. Строй сломали только казаки — непривычные к

шагистике запорожцы в чекменях со стальными или серебряными газырями лихо взбегали на земляной вал и схватывались с отступающими алебардистами. Схватки их были короткими, но предельно яростными. Казаки старались подобраться к врагу вплотную, чтобы тот не мог использовать древковое оружие, и отчаянно рубили противника саблями, а часто в ход шли длинные ножи. Казаки били алебардистов в незащищенные броней места, валили их наземь и резали горло. Те отступали, стараясь держать дистанцию, но в тесноте предмостного укрепления получалось это не слишком хорошо. Из-за спин алебардистов стреляли арбалетчики, посылая в казаков один болт за другим. Под чекменями запорожцы носили, в лучшем случае, легкие кольчуги, да и то через одного, а они вовсе не спасали от выстрела почти в упор, и казаки валились на трупы алебардистов.

Из моих егерей стреляют теперь только лучники — остальные замерли, уперев приклады арбалетов в землю. Солдаты батальона Тевкелева — бойцов у него больше — глубже зашли врагу во фланг, поэтому продолжают бить из арбалетов, не опасаясь задеть никого из своих.

Вскоре до укреплений добираются пехотинцы в зеленых мундирах и легких кирасах. Первые ряды вооружены бердышами на короткой рукоятке, которыми орудовать куда проще, чем алебардами, а за их спинами высятся длинные копья. Солдаты опускают их разом, заставляя казаков припадать едва ли не к самой земле, а солдат с бердышами — горбить спины. Лес в одно мгновение превращается в ошетинившегося ежа. И этот еж наступает на сардинцев, медленно перебираясь через земляные укрепления. Строй, конечно,

ломается во многих местах, но это уже не имеет значения. Враг разбит и отступает на правый берег к трактуру, от которого получил название каменный мост через Черную речку. Дорога на Телеграфную гору и Гасфортовы высоты открыта!

Глава 2

КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

Проснулся я на следующее утро в удивительно хорошем настроении. Несмотря на то что отлично знал, чем закончилось дело на реке Черной. Куда лучше той атаки я помнил наше тяжкое отступление, брошенные на Телеграфных высотах орудия, обстрел приободрившихся нашим отходом сардинцев.

Отчетливей всего помнится мне ужас в глазах генерала Липранди — потомка карфагенских басков, покинувших родину и осевших в России при Петре I. Прибыл вестовой от Реада с сообщением, что его тяжелая бригада пошла на штурм Федюхиных высот и Реад требует нашей помощи. Ровно с тем же требованием к Реаду Липранди отправил вестового за десять минут до этого. Именно тогда всем стало ясно — мы проиграли битву на Черной. И сразу же Липранди, обещавший до того накормить всех в своем корпусе сардинами, раз мы так хорошо сардинцев бьем, приказывает играть отступление. Гасфортовых высот без тяжелой пехоты, оставшейся у Реада, нам не взять, а гибнуть на Телеграфной горе и дальше смысла нет.

Мы завязли в перестрелке с пехотой сардинцев, но очень скоро сюда подтянут их кавалерию, да еще усилят ее британцами или французами, и тогда нам всем точно амба.

Я понял, что снова проваливаюсь в сон, и тряхнул головой, прогоняя его окончательно. Проснулся, как обычно, не первым. Корень уже сидел на своей кровати, почесываясь спросонья, — неистребимая привычка за порождца, чаще ночевавшего в стогах, нежели в постели. Не спал и Армас — он в одном исподнем прошествовал к выходу из нашего номера. И только Ломидзе дрых как убитый, отвернувшись от первых солнечных лучей к стене и поплотнее закутавшись в одеяло.

— Силен наш Князь поспать, — усмехнулся Корень, — неужели совесть чистая?

— Все может быть, — зевнул я и выбрался из кровати.

Часов в номере не было, но, судя по тому, что солнце показалось из-за горизонта, мне стоило поторопиться. В Борцовской слободе, куда я собирался сегодня, был установлен весьма строгий распорядок дня, и вставали там еще затемно, даже летом.

— На сегодня свободны все, — объявил я Корню, прежде чем отправиться вслед за Армасом в общую уборную приводить себя в порядок перед поездкой. — Но быть готовыми завтра же покинуть столицу.

— И куда мы теперь отправляемся? — без особого интереса спросил Корень.

— В Бухару, — ответил я. — Там будут проводиться Большие игры по случаю восшествия на престол нового хана — наше посольство хорошо платит вперед за участие в них.

— Будём тамошним показывать силу русского оружия, — понимающе кивнул Корень, однако мне пока-

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

залось, будто за этими его словами звучит некий не до конца понятный мне подтекст.

— Вроде того, — согласился я, выкинув сомнения из головы, и вышел из номера.

Прокатиться до Борцовской слободы — вотчины знаменитого в прошлом, да и сейчас не забытого Виктора Зангиева — оказалось делом не дешевым. Если прошлый визит в Москов, когда мы вместе с Гладким навещали школу, обошелся мне в двугривенный за дорогу туда и обратно, да еще и с ожиданием, то в этот раз пришлось заплатить пятнадцать копеек. Иначе никто ехать за город не рядился.

— Транваи это все, барин, — объяснил мне по дороге в слободу словоохотливый извозчик, — будь они неладны. — Он хотел было плюнуть через левое плечо, словно отгоняя нечистую силу, но понял, что так и меня оплевать недолго, и сдержал порыв. — На них через весь Москов, почитай, можно за полушку проехать. А что прикажете нам делать? Это лихачи летают. Им все нипочем, каждый будочник заплачен на полгода вперед, возят парочки да господ из театров с ресторациями. А по нам, честным, — он сделал ударение на втором слогe, — ванькам, энти самые транваи ой как ударили. Сколько уже нашего брата ушло. Кто в ломовики подался, а кто и вовсе до дому. Да почти все не с прибытком, а с долгами, едва-едва по недоимкам перед хозяевами извоза рассчитавшись. А иные так и просто бегут, бросив все, — не крепостные, чай, с приставами искать не будут.

Вот так я узнал, что неизбежный прогресс бьет по людям часто куда сильнее, чем войны и потрясения. Интересно, а в Лондиниуме кебмены тоже подняли цены, когда по всему городу пустили электрическую

надземку? Ведь она куда удобней и быстрее трамваев, на которые жаловался мне горемычный ванька.

Накидывать извозчику за горемычность все равно не стал — не в моих правилах. Он и так с меня содрал весьма приличную сумму.

Борцовская слобода была выстроена вокруг большого крытого манежа, где проводились тренировки. Однако сейчас, пока еще тепло и осень не вступила окончательно в свои права, Зангиев выводил учеников бороться на свежем воздухе. Боролись они сейчас прямо на лугу за крайними домами слободы. Одетые лишь в набедренные повязки, словно борцы Древней Греции или Рима, молодые ребята валяли друг друга по зеленой еще траве, отрабатывая приемы. Другие уже с минимальной защитой обменивались тяжелыми ударами, стараясь как можно быстрее отправить противника в нокаут. Все это, конечно, под присмотром старших учеников. Соперничали еще несколько пар с железными руками, кулаки и локти которых были покрыты каучуком во избежание серьезных травм. Хотя сразу видно, что даже с такими мерами предосторожности вполне можно лишиться зубов или остаться со сломанным носом, а то и парочкой ребер. Именно поэтому эти пары тренировались под наблюдением самого Виктора Зангиева.

Он ничуть не изменился с нашей прошлой встречи. Расставшись с идиотским гребнем волос на голове и совершенно невозможной бородой, Зангиев выглядел обыкновенным уроженцем Кавказских гор, пускай и в возрасте, но сохранившим отличную форму. Я знаю, что он мог дать фору иным молодым бойцам. В общем-то — многим из них.

Мы общались запросто, называя друг друга по именам, несмотря на мое глубокое уважение к этому чело-

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

веку. Зангиев был не просто ланистой, готовящим живое мясо для многочисленных арен и борцов для цирков, он любил своих учеников и выпускал только тех, кого сам считал готовыми для смертельного риска или красивой борьбы на публику. Многие оставались в слободе и учили новых мальчишек, при этом ни разу не побывав на арене. Как говаривал Зангиев: «У некоторых куда лучше получается учить других, чем бороться самим».

— Виктор,— окликнул я борца, подходя к нему на тренировочную поляну.

Зангиев сразу же обернулся, приказав жестом остановиться двум бойцам, азартно лупцевавшим друг друга.

— Иван,— обрадовался он мне вполне искренне.— Какими судьбами в наши Палестины? И отчего один пришел, без Тараса?

В глазах опытного ланисты горел огонек беспокойства — пока еще беспричинного.

— Ты прости, Виктор, но я в этот раз с дурными вестями.

Ничего больше не говоря, положил на землю перед ним завернутую в чехол стальную руку, принадлежавшую раньше Тарасу. Конечно, он далеко не с этим агрегатом покинул слободу — тогда рука у него была хуже и намного проще конструкцией. Однако я решил, что раз первую боевую руку Гладкого все равно не вернуть, то та, что была на нем в день смерти, заменит ее ничуть не хуже.

— Где лежит Тарас?

— На лондиниумском кладбище.

Я коротко пересказал Зангиеву всю историю — от травмы, полученной Тарасом в Гамбурге, до его гибели на улицах Уайтчепела. Конечно, в подробности не вда-

вался — смысла впутывать в эту историю еще и старого ланисту не было никакого.

— Он был одним из лучших у меня, — с теплотой, свойственной лишь родителям, произнес после короткого молчания Зангиев, — и потенциал для развития был еще о-го-го. — Помолчал, глядя на чехол у себя под ногами, будто в нем лежала не стальная рука, а тело самого Тараса Гладкого. — Ты пришел только для того, чтобы вернуть мне оружие Тараса?

В вопросе подразумевалось продолжение, но озвучивать его Зангиев не стал. Это был весьма прозрачный намек, однако мне срочно нужен был рукопашный боец в команду, и лучше, чем в Борцовской слободе, мне его нигде не найти.

— Завтра уезжаю в Бухару на Большие игры, и принять в них участие можно только с полной командой. Я уважаю тебя, Виктор, и если ты не дашь мне бойца, я уеду несолоно хлебавши. Никаких претензий к тебе у меня нет и быть не может.

— У меня к тебе тоже, Иван, — неожиданно ответил Зангиев. — Тарас был моим учеником, но тебя в его смерти я не виню. Если боец погибает, значит, он в этом виноват. Только он сам, и никто, кроме него.

Он легко закинул на плечо увесистую стальную руку и обернулся к замершим старшим ученикам.

— Продолжать тренировку без экипировки, — велел он, и никто спорить не стал, парни тут же принялись снимать конструкции. — Поддубный, остаешься за меня, отрабатываете полную тренировку. После берите молодых и побегайте с ними в эту британскую забаву. Ты ее правила лучше моего знаешь.

— Понял все, — кивнул успевший уже обзавестись густыми усами парень с растрепанными черными как смоль волосами. — В лучшем виде оформим.

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

— Бросай эти уличные замашки, Ванька,— тут же осадил его, хлестнув гневным взглядом почище, чем плетью, Зангиев.— Ты не первый год живешь у меня в слободе, а никак не вытравишь из себя эту гниль.

Усатый парень тут же стушевался и, кажется, покраснел. За его спиной послышались сдавленные смешки остальных учеников. Мой тезка показал им внушительный кулак — и все притихли. На эту угрозу Зангиев никак не отреагировал по вполне понятным причинам — драки в слободе только приветствовались.

Зангиев отвел меня в небольшой домик, который занимал сам. Семей он так и не обзавелся, и за домом присматривала мать одного из мальчишек, что жила тут же в слободе. Все ученики Зангиева были выходцами из весьма небогатых семей — другие редко шли в борцы. Многих родители отдавали в слободу, чтобы не кормить лишний рот, а другие сами приходили вместе с детьми. Мастеровым и крестьянам — в общем, людям, привычным к какому-либо делу,— тут всегда были рады. Гнали взашей только тех, кто ничего делать не желал, да еще пьяниц не жаловали. Оно и понятно. Зангиев правоверный мусульманин и в этом вопросе строго следует букве Корана.

— Водки у меня в доме нет,— заявил он, садясь за стол и приглашая меня занять место напротив,— так что помянем Тараса добрым словом. После расскажешь мне, как он дрался.

Я кивнул и ничего говорить не стал — слушал Зангиева.

— У меня сейчас только трое готовы к выпуску, но, честно скажу, ни одного я не хотел бы отправлять на арену. Тем более в Бухару. Там не схалтуришь — придется насмерть драться. Я был там еще с первыми

посольствами к хану Насрулле, пришлось драться против лучших его бойцов, и драться насмерть. Без крови в Бухаре никакое зрелище даже годным не считается. Половину отряда мы зарыли тогда на кладбище для христиан, землю под которое нам выделил сам хан Насрулла.

— Больше мне пойти не к кому, Виктор.

Я постарался, чтобы слова прозвучали не так, будто я пытаюсь давить на Зангиева.

— Двое из троих, Иван,— после минутного молчания произнес Зангиев.— Посмотришь на их поединок и сам решишь — подойдет ли тебе один из них.

— Вот этот разговор мне нравится,— усмехнулся я.— Можешь для начала мне про них рассказать?

— Одного ты должен был уже заметить — это Иван Поддубный, лучший ученик в моей школе. Хороший парень с Полтавщины — с самой польской границы. Силач, каких поискать, но не сказал бы, что он подходит для игры. Ему больше по нраву цирковая борьба. А вот про второго мало что сказать могу. Его привел пристав, он многих беспризорников водит ко мне в школу. Но этот был особенным. Он знает приемы какой-то монгольской борьбы и умеет применять их весьма эффективно. Вот только, когда его привел пристав, парень был настоящим волчонком, двух слов по-русски связать не мог. Я только через месяц узнал, как его зовут. Имечко, скажу тебе, язык сломаешь. Дорчжи. Какими судьбами очутился у нас, он так и не рассказал. Да и не расспрашивал я его особо об этом. Молчит и молчит. Пристав говорил, что парень попался на воровстве, но сумел раскидать приказчиков в магазине и даже городовому такого тумака отвесил, что бедолага отлеживался три дня. Вот и определил его ко мне. Не захотел на Урал отправлять.

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

— Хороший человек твой пристав,— кивнул я.— С демидовских рудников на Урале никто не возвращается.

Такова была суровая правда. Тот, кто отправлялся по приговору суда на рудники, принадлежащие уже несколько сотен лет семье Демидовых, никогда не возвращался обратно. Тяжкая работа с утра до ночи, скверная еда в таких количествах, чтобы быстро не помер и мог работать, и главное, близость границы с Сибирским царством этому никак не способствовали.

Зангиев поднялся на ноги, сделал мне знак следовать за ним. Мы вышли на ту же поляну, где отработывали приемы его ученики. Руководил ими Поддубный, которого, похоже, просто распирало от осознания собственной значимости.

— Остановились,— велел Зангиев, не повышая голоса, однако услышали его абсолютно все и тут же прекратили тренировку.— Иван, Дорчжи, берите стальные руки. Я хочу поглядеть на ваш поединок.

Остальные ученики расступились, давая место Поддубному и его оппоненту. Я пригляделся к этому самому Дорчжи. Парень был примерно того же возраста, что и его противник, однако уступал в росте и телосложении — правда, не сильно. Хорошо развит физически, торс бугрился мускулами, что можно было легко разглядеть. Кроме безрукавки и свободного кроя штанов, на Дорчжи не было никакой одежды. Голову он брил, оставляя лишь длинную косу на затылке. Я слышал, что в его народе в косу вплетают остро отточенные куски стали и используют ее как оружие. Правда, не сильно верил в эти байки — мало ли что болтают про жителей столь дальних земель.

Надев стальные руки, бойцы разошлись на некоторое расстояние. Оба шагали почти вприпрыжку, пружиня

жинисто, разогревая мышцы ног. Оба играли плечами отнюдь не на публику, не перед кем тут было красоваться, а чтобы размять так спину. Разойдясь, оба приняли боевую стойку и ждали только команды Зангиева начинать.

— Вперед,— негромко сказал ланиста, и бойцы тут же сорвались с места.

Схватка их была короткой, но показала мне обоих почти со всех сторон. Поддубный сделал ложный выпад стальной рукой, вроде бы целя в лицо Дорчжи, сам же явно собирался повалить его наземь. Он сильно оттолкнулся обеими ногами и ринулся на врага, при этом позабыв о том, что собирался бить. Дорчжи легко отвел в сторону его стальную руку, тут же нырнул под нее и врезал изо всех сил по ногам Поддубного. Подножка вышла на славу — Иван не сумел удержать равновесие и предпочел прыгнуть вперед. Он ловко перекатился через плечо, вскинул стальную руку в защитном жесте. Вовремя! Дорчжи не собирался упускать возможности для атаки. Обе стальных конструкции звонко лязгнули друг о друга, рассыпав целый сноп искр. Поддубный снова оттолкнулся обеими ногами от земли — и прямо из полуприседа бросился на Дорчжи. На сей раз ему удалось ухватить того за пояс левой рукой. Он приподнял Дорчжи на пару вершков, а после попытался повалить его наземь. Однако пропустил удар левой от монгола. Раз, другой, третий — кулак Дорчжи врезался в ребра Поддубного, но тот как будто не обращал на удары никакого внимания. Он отшвырнул Дорчжи от себя, едва не сбив того с ног, и бросился очертя голову в новую атаку. Но лишь для того, чтобы налететь на вовремя выставленную стальную руку Дорчжи. На этот удар, усиленный еще и его же собственным натиском, Под-

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

дубный уже не мог не обратить внимания. Он буквально переломился пополам, задохнувшись, словно весь воздух разом вылетел из его легких. Дорчжи поспешил развить успех — кулак левой руки его врезался точно в скулу Поддубного, рассадив ее до крови. Тот быстро ударил в ответ — стальной рукой Поддубный наотмашь врезал Дорчжи. Не закрытое каучуком металлическое предплечье угодило точнехонько в живот Дорчжи — теперь уже он согнулся пополам, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. И без остановки Поддубный добивал его левой — прямо по зубам. Вот только и дальше развивать успех не стал, вместо этого отступив на пару шагов назад.

— Довольно,— заявил Зангиев.— Иван и Дорчжи, вы свободны на сегодня. Остальные заканчивают тренировку по расписанию.

Мы вернулись в дом, занимаемый Зангиевым, и уселись за стол. Только после этого он спросил у меня:

— Так кого ты берешь, Иван?

— Дорчжи,— не задумываясь, ответил я.— У него и внешность более экзотичная, так что лучше подойдет для боев на арене.

— В Бухаре монгольской физиономией ты никого не удивишь,— усмехнулся Зангиев.

— Мы все-таки больше по европам гастролируем, а там монголы — редкость и дикость. Придумаем костюм поэффектней — и вся публика наша.

— Но дело ведь не только в этом.

Проницательности Зангиева я мог только позавидовать, он как будто видел меня насквозь.

— Поддубный не создан для боев на арене — цирковой борец из него выйдет отличный. Быть может, он еще прославит твою школу на весь мир, Виктор. А если

я его возьму с собой — не протянет и первого боя. В нем нет жестокости, он начал по-настоящему драться, только сильно получив от Дорчжи по морде. Да и то не стал добивать его, хотя мог бы. Уверен, окажись в такой же ситуации Дорчжи, он бил бы Поддубного до тех пор, пока тот не рухнул бы.

— Хочешь сказать, у Дорчжи достаточно жестокости для игрока?

Зангиев задавал этот вопрос больше для проформы — ответ был отлично известен ему самому.

Через четверть часа умывшийся и приведший себя в порядок после тренировки Дорчжи стоял перед нами в доме Зангиева. Парень переоделся, сменив безрукавку и шаровары на просторную крестьянскую рубаху и порты. Обувь он не носил, предпочитая оставаться босиком.

— Дорчжи,— обратился к нему Зангиев,— этого человека зовут граф Остерман-Толстой, и он капитан команды игроков. Я готовил тебя, можно сказать, для этого часа, однако гнать из школы не собираюсь. Присоединиться к команде графа или нет — решать тебе.

— А что стало с рукопашным бойцом в вашей команде? — напрямик спросил у меня Дорчжи.

— Он погиб,— так же прямо ответил я, глядя парню в глаза.— И теперь ищу ему замену. В нашем деле тяжело дожить до седых волос.

— В моей семье никто до них не доживал,— ответил Дорчжи, криво усмехнувшись.— Учитель,— обратился он к Зангиеву,— я поеду с графом и буду драться в его команде.

— Ступай же, Дорчжи,— кивнул Зангиев.— Надеюсь, ты прославишь мое имя на аренах Европы.

Вещей у Дорчжи, как я и думал, было немного. Тарас уезжал со мной из слободы примерно с таким же

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

узелком, который легко помещался у него на коленях. Правда, в тот раз нам пришлось идти пешком — денег на извозчика до Москова у меня не было. И вместе с нами шагал Корень, всюду сопровождавший меня в первые месяцы, после того как начали собирать команду.

Извозчик всем видом своим демонстрировал, что он умаялся ждать «барина», и надо бы накинуть ему за это самое ожидание еще несколько копеек. Когда же понял, что денег от меня не дождется, завел прежнюю шарманку:

— Барин, долго вы проторчали в той слободке. Я бы за это время успел троих свезти куда им надобно.

— Послушай,— не выдержал я.— Мы с тобой рядились за одну цену — ты знал, что меня придется в слободе ждать. Так что не жалуйся теперь на горемычную судьбу. Раньше думать надо было.

Извозчик обиделся и промолчал всю оставшуюся дорогу до Москова, что меня вполне устраивало. А вот молчаливость Дорчжи совсем не порадовала — парня как будто вовсе не интересовали перемены, произошедшие только что в его жизни. И поэтому беседу пришлось начинать мне, хотя вышло это довольно неловко.

— Не буду лезть в твою жизнь, Дорчжи,— сказал я,— но все-таки должен знать человека, которого беру себе в команду. Я видел тебя в бою, но это далеко не все, согласишься?

— И чего вы хотите от меня, граф?

Дорчжи был ошеломительно прямолинеен.

— Для начала, чтобы ты назвал меня командиром, можно капитаном.

— Хорошо, капитан.

Продолжать он явно не собирался.

— Сперва тебя следует переодеть,— заявил я.— В Москве первым делом отправляемся в магазин готового платья. А после надо сделать тебе стальную руку для боев. На все про все у нас один день — завтра команда уезжает в Бухару.

— Ты привез ланисте стальную руку бойца, который был до меня, почему было не отдать ее мне?

— Сразу видно, что раньше ты бился только тренировочными конструкциями, которых у вас от силы десятков на школу. Настоящая стальная рука — это конечность рукопашника, ни больше ни меньше. Она делается под определенный рост, длину руки, объем мускулов, ширину плеч. Оружие Тараса тебе бы не подошло. Конечно, по-настоящему хорошей стальной руки за один день не подобрать, но того, что найдем сегодня, вполне хватит для тренировок с командой. А уж в Бухаре сделают ту руку, которая подойдет тебе как нельзя лучше.

— Ты много вкладываешь в меня денег, капитан,— усмехнулся криво Дорчжи.— А если я не оправдаю вложенного?

— Даже если просто переживешь первый бой, оправдаешь. В первом бою редко кому удастся принести хоть какую-то пользу команде, главное, как я уже сказал, пережить его — не дать убить себя более опытному врагу в первые секунды.

— А каким был твой первый бой?

— Очень... странным. Я еще не был игроком, когда пришлось сразиться с опытным бойцом-тяжеловесом.

— Это как?

— Это было в Крыму, у Арабата. Враг решил обезглавить нашу оборону и спровоцировал дуэль между

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

командирами осаждающих и осажденных. Вот только хитрым британцам было невдомек, что барон Врангель уже отступил по Феодосийской дороге, а защищать Арабат остался только мой батальон егерей при поддержке всего лишь взвода тяжелых бойцов. Вот тогда-то мне и пришлось встать на защиту чести от бывшего барона и драться на дуэли с профессиональным игроком.

Моя история вызвала у Дорчжи интерес. В глазах его загорелся огонек, и он повернулся ко мне вполоборота, желая услышать продолжение. И я решил не обманывать моего будущего боевого товарища, тем более что до Москова трястись еще не меньше часа. Извозчик, видимо, решил взять измором, услышав мои слова о том, сколько всего надо успеть за один день, и пустил лошадку медленным шагом, так что плелись мы не сильно быстрее пешеходов. Но на меня этот трюк никакого впечатления не произвел — времени на все вообще-то было даже с избытком.

Это было похоже на один из крымских снов. Я пересказывал Дорчжи историю моего поединка с Дерекком Лэйрдом, игроком настолько знаменитым, что даже я, в те годы далекий от спорта, был наслышан о нем, и как будто снова перенесся в те времена. На зубах у меня закрипела едва прозрачная вездесущая крымская пыль. Прохлада позднего лета в Москве сменилась невероятной крымской жарой. В воздухе повис отчетливый запах Гнилого моря, Сиваша. От него тогда было не избавиться никак. Привкус гнили чувствовался со всем: в пище, воде, разговорах. Особенно разговорах, а точнее — переговорах с осаждавшими нас британцами.

Первое время переговоры вел сам барон Врангель — победитель турок на Чингильских высотах, человек безусловной храбрости. Он любил разыгрывать из себя эдакого недалекого остзейского барона, попросту не понимающего дипломатических хитростей оппонентов. Однако на дуэль его спровоцировать все-таки удалось, правда, для этого британцам пришлось перейти все нормы элементарных приличий, скатившись до прямого оскорбления и ничем не прикрытого обвинения в трусости. Я отлично помню прямую спину барона, его отточенные движения, когда он сорвал с правой руки перчатку и швырнул ее под ноги британскому офицеру. Когда красномундирная сволочь подняла ее, на лице противника расплылась полная довольства улыбка.

Однако на следующее утро на бой с выбранным британцами поединщиком вышел я, а не барон Врангель. Командующий же покинул Арабат с большей частью войск, воспользовавшись тем же правилом, что и британцы. Сам он, раненный на Чингильских высотах в ногу, еще недостаточно восстановился, чтобы драться. Да и возраст, откровенно говоря, Карла Карлыча был не тот.

Заметки на полях ВЛИЯНИЕ ИГРОКОВ НА ДУЭЛЬНЫЙ КОДЕКС

Барон де Кубертен и не представлял, когда решил возродить игры Древнего Рима, как и на какие сферы жизни это может повлиять. Одним из

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

ярчайших примеров этого можно считать изменения в дуэльном кодексе. Если человек, вызвавший или вызванный на поединок, не желал сам принимать в нем участие, то он мог обратиться к профессионалу, то есть игроку, чтобы тот заменил его. Конечно, за это брали очень хорошие деньги — ведь умирать задаром никому не хочется. И все равно большинство это не останавливало — ровно по той же самой причине. В очень скором времени дуэли превратились, по меткому замечанию газет, в настоящее противостояние кошельков. Уже не надо быть отменным фехтовальщиком самому — достаточно хорошенько заплатить игроку, и тот отстоит в поединке твою честь и достоинство. Лишь самые верные традициям прошлого предпочитали сражаться сами, зачастую умирая от руки более опытного, жестокого и расчетливого противника.

Существовал и ряд ограничений. К примеру, офицеры должны были почти всегда драться сами. За них могли выступать другие, но только если это были товарищи по полку — таким образом, считалось, поддерживается дух боевого товарищества среди офицерского корпуса.

Именно этим и решили воспользоваться британцы, когда провоцировали на дуэль барона Врангеля.

Я вышел к означенному часу за пределы Арабата. В условленном месте, почти посередине между нашими позициями, меня ждали британцы. Они были удивлены, увидев не барона Врангеля, однако виду постарались не подать и сохранили показное хладнокровие.

Было их трое — офицер, оскорблявший барона на переговорах, его секундант и здоровяк в красном мундире, сидящем на нем как седло на корове. На плече последний держал жуткое оружие, которое иначе как секачом и не назовешь. В нем легко можно было опознать профессионального игрока — британцы давно продумали провокацию против барона. За один день такого страшила в Крыму уж точно не найти.

— Простите, сэр,— обратился ко мне секундант,— но где же бросивший вызов генерал-майору Ричу офицер?

— Барон Врангель отбыл вечером предыдущего дня,— не моргнув и глазом, ответил я.— Как старший офицер, оставшийся в Арабате, я буду драться за него. Вчера, насколько я помню, ни одна из сторон не настаивала на личном участии в дуэли, поэтому я как секундант вправе заменить барона. Ведь для чего же еще нужны секунданты, не правда ли, сэр? — усмехнулся я.

Секундант генерал-майора Рича побледнел от гнева, однако крыть ему было нечем. Британцы уже нашли замену для своего дуэлянта, и у них никак не вышло бы настоять на личном участии барона Врангеля.

— Ну что ж,— кивнул секундант генерал-майора Рича,— тогда мне остается только представить вам нашего бойца, который заменит на дуэли генерал-майора. Это — Дерек Лэйрд, лейтенант армии ее величества.

— Я знаю лишь одного Дерека Лэйрда,— заявил я,— и он — профессиональный игрок.

— Временный патент офицера армии ее величества,— улыбнулся мне секундант.— У главнокомандующего армией ее величества в Крыму лорда Раглана достаточно их — для особых случаев.

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

Что ж, в подготовке британцев мало кто может превзойти, они никогда не полагаются на исконно наш русский авось, и уж точно от британца не услышишь «и так сойдет». Особенно в делах такой важности, как дуэль с командующим армией.

Всемирно известный игрок Дерек Лэйрд, ныне временный лейтенант армии ее величества, спокойно прошел мимо секунданта. Тот поспешил отойти в сторону, он держался как можно дальше от нашей схватки. Я бы тоже отступил, да только мне-то как раз деваться уже некуда.

Я человек не самого хлипкого телосложения, однако до Лэйрда далеко. Он выше меня ростом на полвершка и почти на столько же шире в плечах. Налитые силой мускулы его бугрятся под тонкой тканью красного офицерского мундира. Головного убора он не носит, равно как и перевязи под шпагу. Саму шпагу заменяет то жуткое оружие, что Лэйрд несет на плече.

— Хочу сказать сразу, мистер, — произнес он густым, хорошо поставленным басом, — ничего против тебя лично я не имею. Тут дело только в деньгах.

Ему ничего отвечать не стал — нечего передо мной исповедоваться, я не поп, в конце концов.

Вместо этого вынул из ножен саблю, отшвырнув их подальше, встал в фехтовальную позицию, всеми силами показывая, что готов начинать поединок. Враг атаковал тут же. Он не стал ничего демонстрировать — сразу, скидывая с плеча свой секач, нанес удар. Быстрый и сокрушительный, который должен был разрубить меня на две части или, по крайней мере, разрубить тело до пояса. Я был готов к этой атаке — слишком хорошо понимал, с кем имею дело. Да и уйти от удара было несложно. Я не стал подставлять под

тяжелый клинок саблю — бессмысленно. Словно в танце, переступил несколько раз, уходя с линии движения, слегка отклонил корпус в сторону, чтобы уж точно разминуться с широким лезвием.

Лэйрд отлично контролировал свое оружие — не стал доводить удар, понимая бессмысленность этого дела. Он атаковал снова, не давая мне передышки, на этот раз направив широкое лезвие по горизонтали, стремясь разрубить меня уже в поясе. Вот тут я рискнул парировать выпад. Толчок был столь силен, что отдался резкой болью в плече, однако я сумел отбить широкое лезвие секача в сторону и, использовав силу вражеского движения, оттолкнулся и разорвал дистанцию.

Лэйрд тут же ринулся на меня, снова нанося мощный вертикальный удар. Я не стал разрывать дистанцию, уходя от лезвия секача. Прыгнул врагу навстречу, стремительно атаковав его. Клинок моей сабли метнулся к животу Лэйрда — и тот был вынужден уже сам изворачиваться, а не бить. Делать это он умел не очень хорошо. Отточенное ночью моим денщиком до бритвенной остроты лезвие распороло мундир на боку Лэйрда и пустило ему кровь. Рана, конечно, смешная, вряд ли я даже мышцы задел, но весьма неприятная.

Воспользовавшись возможностью, уже я перешел в атаку. Отбивать быстрые удары сабли секачом весьма неудобно — это оружие создано для того, чтобы крушить кости и рубить плоть. На это и делал ставку мой противник, на это же сделал ставку и я сам. Обрушил на Лэйрда град стремительных ударов и выпадов, нанес несколько столь же легких, но неприятных ранений. По красному мундиру расплывались темные пятна — кровь текла из полудюжины ран на руках, ногах и корпусе Лэйрда. Но тот не обращал на них внима-

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

ния. Он двигался столь же ловко и быстро, как и в первые мгновения нашей схватки, легко обращаясь с тяжелым секачом, словно тот ничего не весил.

Мы плясали в крымской пыли танец смерти и стали. Звенели, сталкиваясь, клинки, рассыпая снопы искр. Увертывались от ударов, парировали их и били в ответ, не задумываясь. Мы превратились в двух диких зверей, схватившихся не на жизнь, а на смерть, — только инстинкты и жажда крови, застывшая разум. Только звон двух клинков и остро отточенная смерть.

Очередной удар Лэйрда был столь силен, что я отлетел на пол-аршина и, не удержавшись на ногах, покатился по мелкой крымской пыли. Она забилась в рот и, что куда неприятней, в глаза. Прежде чем отплеиваться, я провел левой рукой по глазам, чтобы хоть как-то очистить их от пыли. Не слишком помогло — лишь размазал грязь по лицу и добился того, что глаза защищало от пота. Однако заметить атаку врага я успел вовремя. Не вставая, перекатился через плечо, уходя от удара, и почти вслепую ткнул саблей в ответ.

И тут в дело вступил его величество случай — клинок сабли распорол правую руку Лэйрда от предплечья по самого плеча. Затрещала ткань красного мундира, по руке его хлынула кровь, пальцы рефлекторно разжались, выпуская рукоять секача. Он удержал оружие одной левой, но ни о какой атаке уже речи идти не могло. Я тут же кинулся на него, нанося удар по оружию. Мне снова повезло — Лэйрд как раз перехватывал секач поудобней и не сумел отбить моего выпада. Более того, клинок отсек ему большой палец у самого основания и распорол запястье. Лэйрд выпустил оружие. Оно упало в крымскую пыль. Бой был окончен.

Игрок выпрямился, встал, опустив руки, по которым стремительными ручейками стекала кровь, собираясь у ног в небольшую лужицу. Он ждал моего последнего удара — того самого, что оборвет его жизнь. Вот только я тоже ничего не имел против него, да и дрался уж точно не за деньги. Мне не было никакого резона убивать Лэйрда. Более чем достаточной наградой стали покрасневшие от ярости лица генерал-майора Рича и его секунданта.

— Возвращайся к своим нанимателям,— сказал ему я.— Мне твоя жизнь без надобности. Я победил и отстоял честь своего командующего.

Лэйрд совершенно неожиданно для меня опустился на колено и неловкими движениями поднял с земли свое оружие.

— Ты сохранил мне жизнь,— произнес он,— и теперь заberi мое оружие, чтобы я смог взять его с твоего трупа.

Лэйрд встал на ноги и протянул свой секач.

— Это будет не так просто сделать,— заявил я, принимая оружие.

— Достойный враг для игрока,— усмехнулся Лэйрд,— лучшего не придумать, уж поверь мне.

— И что же? — спросил у меня Дорджи, слушавший историю как замороженный.— Все так и было?

Уже и извозчик сидел чуть ли не вполоборота, едва следя за пустынной дорогой на Москов. Похоже, моя история пришлась по душе и ему.

— Может быть, кое-где и приукрасил,— пожал плечами я,— но в целом не сильно отступил от истины.

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

— Я слышал, что Дерек Лэйрд погиб в Крыму,— удивился Дорчжи,— а по вашим словам выходит, что вы его пощадили.

Он не то чтобы не верил мне, просто хотел во всем разобраться — внести ясность.

— Он и погиб,— ответил ему я,— но в следующем бою при штурме Арабата.

— В бою? — еще сильнее удивился Дорчжи.— Разве игроки ходят в бой?

— Когда приходится, становятся в строй с простыми солдатами или едут вместе с офицерами. Но с Лэйрдом дурную шутку сыграли сами наниматели, припомнив ему временный патент лейтенанта.

Не прошло и пяти минут, как извозчик остановил уставшую от долгой дороги лошадку.

— Все, господа хорошие,— заявил он,— вот Москов, так что извольте вылезать.

— Все как рядились,— кивнул я, выскакивая из повозки.

Приятно было размять ноги после долгой поездки. Дорчжи не отстал от меня.

Вместе мы поспешили к остановке трамвая, вагон которого уже показался из-за поворота. Садясь в него, я обернулся и глянул в ту сторону, где остался извозчик. Тот сплунул под копыта лошади и, тронув ее вожжами, отправился подальше от остановки. Здесь-то много клиентов не наловишь уж точно. Про себя, наверное, он ругал трамваи на чем свет стоит.

Купить в магазине готового платья костюм и пару рубашек для Дорчжи труда не составило. Развитая фигура его была все же самой что ни на есть стандартной. Тем не менее после магазина готового платья отправились напрямик к моему знакомому еврею-порт-

ному, чтобы как следует подогнать костюм по фигуре.

— Для чего это, капитан? — возмутился Дорчжи, когда мы вышли из магазина и поехали вовсе не за оружием.

— Игроки в моей команде должны выглядеть самым лучшим образом, — отрезал я не терпящим возражений тоном. — С первых же твоих премиальных мы справим уже нормальный костюм, который сошьют по твоим меркам. А пока придется довольствоваться тем, что имеешь.

— Да мне и так хорошо.

— Это потому, что ты не привык носить нормальные костюмы, — усмехнулся я. — Вот когда наденешь костюм, уже подогнанный старым Шмуэлем, тогда поймешь, насколько удобнее его стало носить.

Дорчжи пришлось смириться — он быстро понял, что я своих решений не меняю.

Я оценил преимущества электрических трамваев перед извозчиками. Теперь мне стало ясно, почему они постепенно вытесняют ванек. При почти одной скорости передвижения — ваньки в отличие от лихачей никогда не гнали лошадей — поездка выходила в разы дешевле. Да еще и без торга и вечного извозчичьего нытья о том, что хорошо бы и накинуть хоть копеечку или хоть денежку, а то хоть бы и полушку. В трамвае же все просто. Вошел, занял место, на выходе оплатил проезд кондуктору — и никакой лишней суеты.

Старик Шмуэль был классическим еврейским портным — за это он мне и нравился. Я ходил к нему подгонять повседневные мундиры, он же сшил и мой единственный парадный, в котором лишь раз показался в свете на балу в честь отбытия нашего корпуса в Крым. Шмуэль ютился со своим огромным семейством в под-

Глава 2. КРАСНЫЙ ЦИКЛОН

вале богатого дома, на первом этаже которого находилась его портняжная мастерская. Жилище его с виду было убого, жена и дети, да и сам Шмуэль одевались опрятно, но очень бедно. Так сразу и не скажешь, что он один из самых преуспевающих портных в Москве.

В мастерской Шмуэля всегда было удивительно светло — на чем он никогда не сэкономил, так это на освещении. Внутри обычно горели несколько газовых ламп. Но когда вошли, в глаза нам с Дорчжи ударил свет столь резкий и неприятный, что оба рефлекторно прищурились и прикрыли их рукой.

— О, ваше сиятельство, ваше сиятельство,— услышал я знакомый чуть надтреснутый голос старого Шмуэля,— вы простите за это маленькое неудобство, я сменил газовые лампы на электрические. Они светят ярче и не оставляют осадка на тканях, вот только денег стоят немалых — и приходится разоряться на электричество, а оно тоже, знаете ли, чего-то да стоит.

Шмуэль подошел к нам и низко поклонился мне. За его спиной маячили двое сыновей — ребята довольно крепкого телосложения. Они не раз отбивали мастерскую отца во время еврейских погромов, случавшихся в южной столице империи с завидной регулярностью. Оба состояли в нелегальном отряде еврейской самообороны и с дубинкой обращались куда лучше, чем с иглой.

— Я так понимаю, что на этом молодом человеке надо подогнать только что купленный костюм,— произнес Шмуэль.— Нет ничего проще. Хотя, конечно, стоило бы сразу обратиться ко мне. Я бы пошел куда лучше, и уж точно подгонка бы не понадобилась.

— Мне слишком дорого время,— ответил я.— И подберите Дорчжи костюм для арены, что-нибудь в монгольском стиле.

— Для какого бойца? — оживился, почуяв реальную выгоду, куда большую, чем от простой подгонки готового платья, Шмуэль.

— Рукопашного.

— Стало быть, правую руку оставляем открытой. Или молодой человек левша?

— Правша, — тут же ответил Дорчжи.

— Отлично, — потер руки Шмуэль. — Мальчики, — обернулся он к сыновьям, — проводите молодого человека в примерочную. Мне нужны его мерки, и как можно скорее. Когда закончите с ними — пускай поглядит на нашу коллекцию костюмов для рукопашных бойцов.

— Я составляю компанию Дорчжи, — заявил я.

— Ну конечно-конечно, ваше сиятельство, — заулыбался Шмуэль, — как я могу отказать вам.

В общем, у Шмуэля мы провели куда больше времени, чем в магазине готового платья. В итоге Дорчжи подогнали его цивильный костюм и подобрали тот, в котором он будет драться на арене. Последний меня не слишком устраивал, потому что состоял только из широких штанов, подпоясанных кушаком, и мягких сапог, оставляя торс Дорчжи открытым. Однако это стало своеобразным компромиссом. То, что нравилось мне, никак не устраивало молодого монгола, а с его мнением мне приходилось считаться — ведь в конце концов драться-то в этом костюме ему, а не мне. Самому же Дорчжи не нравилось ничего из предложенного сыновьями старого Шмуэля.

— Я привык драться почти без одежды, — говорил Дорчжи. — Борцовский костюм у нас почти не стесняет движений, не то что это.

— У тебя на родине, наверное, вовсе голышом дерутся, — усмехнулся я.

— Так лучше всего,— на полном серьезе ответил Дорчжи,— раны легче обрабатывать, и в них с одежды не попадает грязь. С голым торсом драться у нас вполне нормально.

Мне удалось настоять на свободных шароварах, вроде тех, о которых Гоголь писал, что они шириной во все Черное море, и мягких сапогах. Даже от натальной рубашки Дорчжи отказался наотрез.

Пока мы ехали на трамвае в оружейную мастерскую подбирать Дорчжи стальную руку, он спросил у меня, отчего Шмуэль живет так скромно — почти в нищете, хотя явно преуспевает.

— Евреи, видимо, не добрались до твоих краев,— ответил я,— и, что такое погром, ты тоже не знаешь.— Дорчжи отрицательно покачал головой.— А вот в Москве значение этого слова отлично известно. Евреев не любят по многим причинам и считают, что они живут лучше за счет остальных. Ну а если душа справедливости требует, то русский человек идет громить евреев, и власти этому не то чтобы потворствуют, но мер против погромщиков не предпринимают. Так уж повелось на Руси, что во всем всегда виноваты евреи и немцы. Но немцев сейчас бить опасно. Их достаточно среди военных и чиновников, так что можно получить серьезный отпор. С евреями все проще. Они сильно поражены в правах, и единственной защитой их остается показательная бедность. Зачем грабить того, у кого ничего нет?

В оружейной мастерской мы провозились ничуть не меньше, чем у старого Шмуэля. Стальная рука — это не сабля и даже не арбалет, это устройство куда сложнее и индивидуальней. Это в Древнем Риме гладиаторам достаточно было защитить левую руку бронзовым доспехом, начинающимся на плече и

закрывающим пальцы,— современному рукопашному бойцу требуется куда более хитрая конструкция. Она состоит из ременной «упряжи», которая крепится на спине, и собственно стальной руки. Но вариантов этой самой руки есть множество — все зависит не только от длины рук и ширины плеч игрока, но и от стиля его боя. А потому первым делом в мастерской Дорчжи отвели на задний двор и попросили отработать несколько ударов по деревянному манекену. Он обернулся на меня, прося разрешения, и я кивнул. Про себя же подумал, что стоит напомнить парню: он уже не ученик и разрешений ему уже никаких не требуется.

Оружейник глядел на быстрые выпады и удары, которыми Дорчжи осыпал манекен, и, наконец, сделал ему знак остановиться.

— Полностью стальная рука вашему бойцу без надобности,— заявил он,— и никаких встроенных паровых молотов. Все это будет для него только обузой. Он силен, но в первую очередь быстр, и именно это его качество следует укрепить сталью.

Мне оставалось только кивнуть. Я видел, как дерется Дорчжи с Поддубным. Видел, как молодому монголу мешает стандартная стальная рука — она слишком тяжела для него, сковывает быстрые движения, портит технику.

Мастер-оружейник погладил лысину и кивнул нам обоим, чтобы возвращались внутрь. Покопавшись недолго среди обширных запасов, он вынес несколько легких образцов стальных рук. После Дорчжи снова вышел на задний двор и теперь обрабатывал манекен уже будучи вооруженным. Мы остановили выбор на конструкции максимально облегченной — от плеча до локтя она была сделана из прочной кожи, укрепленной в нескольких местах металлом, но больше декоративно, под лок-

тем скрывался механизм, компенсирующий отдачу от ударов, болты его были видны и снаружи. А ниже локтя конструкция была полностью стальной — несколько гибких сочленений, также служивших не только для усиления удара, но и для компенсации отдачи, заканчивались мощным литым кулаком, не имеющим никаких анатомических подробностей. С внешней стороны конструкция защищена стальными пластинами с золотой гравировкой по краю — знаком мастера, сделавшего ее.

Оружейник подогнал кожаную «упряжь» по торсу Дорчжи, и тот на проверку сделал еще несколько быстрых ударов. Конечно, далеко от идеала, но к конструкции парню надо привыкнуть, а на это уйдет не одна тренировка и не один пресловутый седьмой пот.

Траты на экипировку Дорчжи были весьма существенны, но все же не пробили существенной дыры в бюджете моей команды. Тем более что дорогу до Бухары оплачивали мои наниматели. Вечером в гостиницу прибыл курьер с подорожной, выправленной для капитана команды и четверых игроков, согласно которой нам разрешено было пересечь южную границу империи, а также отдельно указывалось, что все наши передвижения и проживание в гостиницах и на постоялых дворах будут оплачиваться за казенный кошт. Для этого мне было разрешено выдавать расписки, но не более определенной суммы за один раз.

— Живем,— усмехнулся Корень, когда я пересказал ему суть врученной подорожной.— Давненько нас так славно не снаряжали в поход.

— Потом ведь все равно за каждую копейку спросят,— пожал плечами Армас.

— Это если будет с кого спрашивать,— с неистребимым оптимизмом заявил Корень.— В Бухаре драки

такие, что легко можем все в землю лечь, и тогда уже никто с нас ничего не спросит.

Тот же курьер привез билеты на поезд до Нижнего Новгорода — железную дорогу туда проложили только в этом году и вроде бы собирались продлевать, строя грандиозную Индо-Волжскую железнодорожную ветку, которая свяжет Россию чуть ли не с Афганистаном. Быть может, именно по этой причине и налаживали отношения с Бухарским эмиратом — ведь его земель эта дорога уж никак не минует.

Поезд отправлялся нынче вечером, что меня вполне устраивало. Сборы наши были недолгими — команда уже сидела на чемоданах, хотя я и обещал отправку только завтра. Мы покинули гостиницу и сразу на двух извозчиках — в этот раз я разорился на лихачей, чтобы уж точно не опасаться опоздания, — отправились на вокзал. Спустя полчаса все расселись в вагоне, полностью заняв одно купе с двумя лавками, стоящими друг напротив друга. На лучшие места наниматель решил не разоряться. А еще через пять минут паровоз выдал долгий прощальный гудок и, громыхнув сцепками вагонов, начал медленно набирать скорость.

Наше путешествие в Бухару началось.

Глава 3

В БУХАРУ

Из Москва в Нижний на дорогу уходит около трех суток, и поезд все время движется почти без остановок. Самая продолжительная из них — не боль-

ше получаса. За это время пассажиры вываливают из вагонов, заполняя перроны. Тот, что «чистый», предназначенный для занимающих первый класс пассажиров, по традиции отгорожен от остального пространства для публики попроще цепью солдат. Караул потел в зеленых мундирах и высоких киверах с длинными султанами, вытянувшись во фронт под звуки оркестра, наигрывающего задорные мелодии. Тут же для пассажиров первого класса имелся и свой буфет с расторопной прислугой и непомерно задранными ценами. Нам же приходилось довольствоваться деревянными киосками, в которых торговали пирогами, блинами, пивом и квасом. Кое-где даже наливали дешевое вино, а то и водку. За прилавками стояли, как правило, либо толстые бабы в цветастых платках с таким хабалистым характером, что разговаривать с ними было просто невыносимо, либо уроженцы Средней Азии, норовящие постоянно обвесить, обжулить или обмануть со сдачей. Правда, и бабы в платках были столь же вороваты — тут уж, как говорится, слов из песни не выкинешь.

Натаскивать к бою Дорчжи в пути было невозможно. Потеря времени, столь ценного в преддверии важного и весьма сложного турнира, меня раздражала до крайности. Но поделать с этим ничего не мог, пришлось просто смириться и утешать себя надеждой на то, что уж на палубе парохода мы все наверстаем. Да еще и в сложных условиях, что очень важно. Утешение, надо сказать, весьма сомнительное, ну да ничего — иного в тот момент просто не оставалось.

Ехали мы всю дорогу молча. Команда у меня подобралась из людей не слишком разговорчивых и уж о прошлом друг друга точно не расспрашивающих. Даже

золотая ладанка, или, как назвал ее сам Дорчжи, пайцза, висящая на шее у молодого монгола, никого особо не заинтересовала. Он скрывал ее под одеждой. И понятно почему — испещренная письменами, отлитая из золота, она, наверное, стоила приличных денег. Для поездного и перронного воришки так просто целое состояние. Однако на одной из станций, где нам меняли паровоз, стояла особенно сильная жара, и Дорчжи неосторожно расстегнул несколько пуговиц на рубашке. Это произошло еще в вагоне, где духота была такая, что казалось, ты вдыхаешь чей-то пот, — настолько им пропитался воздух. Выйдя на перрон, Дорчжи позабыл о пуговицах — ведь там духота была ничуть не меньшей. Он принялся, как и все мы, быстро разминаться, чтобы заставить кровь скорее бежать по жилам. Когда делал наклоны, золотая пластинка выскочила из-за расстегнутого воротника рубашки и повисла свободно на крепком шнурке. Уверен, что не только я и бойцы команды заметили ее, хотя Дорчжи быстро опомнился и сунул ее под рубашку.

По возвращении в вагон расспросов ему было уже не избежать.

— Занятную штуку ты на шее носишь, — как бы невзначай сказал я, — только осторожней с ней будь.

— На такую много кто позариться может, — кивнул сидящий рядом со мной Корень. — Золото, оно, как ни крути, а всегда в цене.

— За пайцзу я убью любого, — отрезал Дорчжи, и в голосе его лязгнул металл. — Это все, что осталось у меня от матери.

— Я понимаю, как она дорога тебе, — кивнул я, но Дорчжи перебил меня:

— Откуда тебе это знать, капитан? Разве ты сирота?

— Уже — да, — спокойно ответил я. — Моя мама умерла родами, и я ни разу не видел ее лица, а отец ушел из жизни три года тому назад. Но это не имеет значения. Я отлично понимаю ценность для тебя этой золотой пластинки. Ты попался на воровстве, хотя мог бы продать ее и купить столько еды, сколько не унес бы в руках.

— И это притом, что тебя бы бессовестно обманули, — добавил Армас. — Если продать ее по истинной цене, уверен, ты смог бы питаться отнюдь не впроголодь несколько лет. И на крышу над головой хватило бы.

— Так что впредь будь осторожней с этой твоей пайзой — или как ее там? — подвел итог я. — За нее тебе, не задумываясь, пустит кровь любой вор.

Нападение не заставило себя ждать. Дорчжи прижали в тамбуре вагона уже на следующей остановке поезда. Нас мастерски оттерли от него какие-то затесавшиеся в толпу молодчики крепкого телосложения, одетые крестьянами. А сразу трое пронырливых типов в дешевеньких костюмчиках заскочили в вагон следом за Дорчжи. Нам же пришлось поспешать в соседний и запрыгивать в него едва ли не на ходу.

— Армас, Вахтанг, не дайте никому занять наши места, — на ходу принялся я раздавать команды, будто на арене. — Корень, за мной!

Мы как можно быстрее протолкались через вагон, в котором пассажиры занимали места и ругались, обнаруживая на своих прежних других людей. Временами доходило до потасовок. Однако мы, решительно работая локтями, упорно двигались к своей цели. Минув два тамбура, оказались в нашем вагоне. Армас с Князем поспешили к купе, в котором мы сидели прежде, и тут же принялись чуть ли не силой освобождать

наши места. Правда, спорить с ними ни у кого желания не возникало — слишком уж опасными ребятами выглядели оба. Мы же с Корнем двинулись к тамбуру, где Дорчжи противостоял типам в дешевых костюмах.

— Нож нужен? — на ходу тихо спросил у меня Корень.

— Давай,— кивнул я, протягивая снизу руку так, чтобы это не было слишком заметно, и тут же в ладонь мою ткнулась изогнутая костяная рукоять — Корень, конечно же, знал ответ на свой вопрос раньше, чем задал его.

Я не стал совать нож за пояс — все равно мне его очень скоро придется пустить в ход.

Мы распахнули двери тамбура — и взглядам нашим предстала такая картина. Дорчжи загнали в угол, на лице парня начали наливать багрянцем будущие синяки, он явно оказывал врагам сопротивление. И весьма умелое. Нападавших было больше троих. К типчикам в дешевых костюмах присоединились несколько фальшивых крестьян. Сейчас пара здоровых парней, что оттирала нас на перроне, держала крепко Дорчжи, прижимая его спиной к стенке тамбура. Двое из трех типов в дешевых костюмах валялись на полу. Один без сознания, второй стонал, держась обеими руками за сломанную ногу. Штанина его стремительно пропитывалась кровью. Третий же шарил по груди Дорчжи, стараясь найти золотую пластинку. Еще один из фальшивых крестьян стоял у двери тамбура, чтобы распахнуть ее в нужный момент. А вот караульных бандиты не выставили, что было большой ошибкой с их стороны.

Ни я, ни Корень ничего говорить не стали — зачем слова, когда собираешься вступить в драку. Это только книжные герои произносят монологи, стоя лицом к

лицу с врагом. Как будто это время нельзя потратить с куда большей пользой. Например, всадить нож в спину одному из держащих Дорчжи фальшивых крестьян.

Корень ловко отработанным ударом перерезал горло бандиту. Я же ударил второго «крестьянина» — не столь эффектно, зато надежно. Длинное кривое лезвие пробило легкое, заставив грабителя надсадно кашлянуть кровью. Он отпустил Дорчжи и начал оседать на пол. Убитый Корнем бандит повалился мешком, без толку зажимая страшную рану на горле. Меж пальцев его ручьями струилась кровь.

— Бери того, что у двери, — кивнул я Корню на последнего оставшегося фальшивого крестьянина.

Дорчжи тоже не растерялся. Он врезал локтем в лицо типчику в костюме, который только что шарил у него за пазухой. Я тут же перехватил типа за воротник пиджака и сильно приложил спиной на противоположную стенку тамбура.

— Слушать сюда, — рыкнул я ему прямо в лицо. — Хочешь жить?

Тип в дешевом костюме преувеличенно активно принялся кивать головой, став похожим на китайского болванчика.

— Передай другим поездным вора, чтобы оставили нас в покое, — произнес я спокойным тоном. — Следующих уже никто щадить не будет.

Я обернулся к Корню, стоявшему ближе всех к двери тамбура, кивнул ему. Слов не понадобилось — запорожец быстро справился с простеньким замком на ней и распахнул настежь. Поезд ехал достаточно быстро, и в тамбур ворвался поток горячего воздуха.

— Выбрасывайте эту падаль по одному, — велел я Корню и Дорчжи, и те споро принялись за дело.

Один за другим полетели на насыпь трупы фальшивых крестьян, за ними — двое типчиков в дешевых костюмах. Тот, что был без сознания, так и не очнулся и молча отправился на насыпь, а вот второй орал, словно его резали. Конечно, Корень и Дорчжи не особенно с ним церемонились, стараясь только в крови не испачкаться.

— Сам прыгать будешь или выкинуть? — участливо спросил я у последнего бандита.

— Сам, — снова закивал китайским болванчиком тот.

Мне пришлось его лишь слегка подтолкнуть в нужном направлении. Перекрестившись перед прыжком, жулик ухнул с поезда — только его и видели.

— Теперь понял, чем чревата может быть твоя неосторожность в следующий раз? — высказал я Дорчжи, но этим и ограничился. Незачем и дальше пилить парня, точно сварливая жена.

Дорчжи кивнул и ничего отвечать не стал. Да и что тут скажешь? Он осознавал, что виноват, и понимал, что все могло обернуться для него куда хуже, не поспей мы вовремя.

Дорчжи быстро привел в порядок одежду, однако с лицом, на котором уже наливались будущие синяки, ничего не поделать. Но раз ничего не исправишь, то лучше смириться и вернуться в вагон в максимально приличном виде. Что мы и сделали. Благо в крови никто сильно не испачкался и даже в лужи, натекшие от жулика со сломанной ногой и трупов фальшивых крестьян, не наступил.

Купе наше занимали Армас и Вахтанг. Они едва скрывали свое беспокойство. Еще немного — и оба ринулись бы в тамбур, выяснять, что же там произошло.

— Не было проблем с нашими местами? — как можно непринужденной спросил я у Армаса.

— Никаких,— ответил тот.

— Те, кто занимали их, только увидели мою рожу и тут же сбежали,— усмехнулся Вахтанг.

— Решили не связываться с витязем в тигровой шкуре,— поддержал шутку Корень, преспокойно усаживаясь на свое место.

Я бросил взгляд на Дорчжи — парень держался молодцом, и не скажешь, что только что на его глазах прикончили несколько человек. Он и сам имел прямое отношение по крайней мере к одному серьезному увечью. И трупы выкидывал с отменным равнодушием. Однако, как долго оно продлится, я сказать не мог. Бывало, что и опытных бойцов накрывало, что уж говорить о парне, вряд ли прежде участвовавшем в чем-то подобном сегодняшней потасовке в тамбуре. С другой стороны, это даже полезно для него — неплохой урок перед грядущими боями на арене в Бухаре. Уж там-то крови будет предостаточно, а о жестокости и говорить не приходится.

Несмотря на мои опасения, Дорчжи вел себя вполне спокойно, он даже задремал, когда солнце скрылось за горизонтом и дневная жара немного спала. Сон постепенно сморил и остальных, и вскоре вагон привычно наполнился храпом и посапыванием. Я сложил руки на груди и прикрыл глаза, казалось, лишь на секунду, чтобы открыть их снова среди крымской пыли и жары.

Наверное, этот сон мне навела жуткая духота, стоявшая в поезде. Скорее всего, именно так чувствовал себя Конрад фон Эрлихсхаузен — тот самый Гот-

ский рыцарь, которого я спровоцировал перед атакой на Арабат. Он искренне и яростно ненавидел меня, точно так же искренне и яростно, как и всех славян. Он считал нас низшей расой, Untermensch, которых следует уничтожить, а тех, кто пригоден для простейшей работы, обратить в рабов. Тем более что многие из крестьян, трудящихся на полях России, и не поймут разницы — ведь они рабы своих господ и лишь сменяют одного хозяина на другого.

Вот с таким настроем шел в бой благородный рыцарь Конрад фон Эрлихсхаузен. Он облачился в полный тяжелый доспех, изготовленный лучшими оружейниками Нюрнберга. Конь его был закован в латы ничуть не легче и потому галопом мог проскакать не больше полусотни метров. Как раз столько, сколько нужно, чтобы набрать силу для таранного удара, перед которым не устоит ничто. Щита Конрад не носил. Его заменял утолщенный левый наплечник, из-за которого левой рукой рыцарь мог только держать поводья. Ну да больше и не надо. На поясе его висели ножны с длинным мечом, однако это больше дань традиции и рыцарственности. В бою Конрад больше полагался на тяжелую булаву и длинное копьё со стальным наконечником.

Взбравшись с помощью оруженосцев на коня, Конрад захлопнул забрало и привычно вдохнул запах металла, разогревшегося на жару. Он любил его, потому что всегда напоминал о Крестовых походах против богопротивных сарацин. Конечно, Конрад не участвовал в них, но любил воображать себя одним из бесстрашных крестоносцев, несущих истинную веру в те земли, от которых отвернул Господь свой лик.

Сквозь узкую щель забрала он отчетливо видел врагов, выстроившихся на окраине деревни. Им никак

не устоять перед мощью Готских рыцарей. Славян сомнут в единый миг, растопчут копытами могучих коней. И помощь британцев не понадобится вовсе.

Конрад поднял копьё, призывая своих людей к атаке. Тут рядом протрубил сигнальный горн. Рыцари пустили коней медленным шагом. Неотвратимой поступью, будто сама судьба, надвигались они на позиции русских. Вот перешли на быстрый шаг по новому звуку горна. Третий напев его стал сигналом перейти на рысь, набирая разгон для страшного таранного удара, который не выдержит ни одно построение. И вот лишь сто метров разделяют Готских рыцарей и славян. Конрад отлично видит квадратные щиты и островерхие шлемы тяжелых бойцов, за ними поблескивают на солнце хищно изогнутые лезвия бердышей. Всадники переходят в галоп под звуки сигнального горна. Как одно, разом опускаются копыта.

Удар!

Но он оказывается не столь сокрушительным. Русские обманули! Они не желают честно сражаться. Длинные копыта пробивают фанерные щиты, которыми загорожена примитивная баррикада. Во все стороны летят обломки бердышей и того хлама, из которого баррикада была сложена. Рыцари врываются на единственную широкую улицу Арабата — их кони устали и уже не могут нестись прежним галопом. Да и зачем? Ведь врага нет!

— Разворачиваемся! — выкрикнул Конрад фон Эрлихсхаузен, почуявший особым воинским чутьем ловушку. Он еще не понимал, что именно придумали чертовы русские, но осознал главное — надо как можно скорее вырваться из тесноты Арабата.

Вот только сделать этого ему не дали!

Арбалеты ударили из окон домов — тяжелые болты разили без промаха и без пощады. Распахнулись двери, и оттуда выскочили солдаты с бердышами, тут же обрушив их на замешкавшихся рыцарей. Они напирали на всадников с флангов, группами по пять-шесть человек выходили из мелких переулков, отходящих от единственной улицы Арабата. А с фронта атаковали тяжелые бойцы — на этот раз настоящие, а не бутфорские. Они теснили всадников массивными щитами, стараясь поразить коней под ними быстрыми ударами боевых топоров. Готские рыцари побросали бесполезные копья и отбивались мечами и булавами. Вот только толку от их действий было мало — зажатые с флангов, теснимые с фронта, они не могли даже отступить толком. Не могли развернуть коней в тесноте единственной улицы Арабата.

Это не было боем — это было избиением. Трупы Готских рыцарей валялись на еще дергающиеся в конвульсиях тела их коней. Спасти удалось лишь троим — тем, кто скакал последними. Один рыцарь, страшно израненный болтами и ударами бердышей и топоров, вырвался из этой кровавой бани. Конь под ним спотыкался — получил не меньше ранений, чем всадник. Несчастное животное сделало лишь пять шагов и повалилось в пыль, принявшуюся с жадностью впитывать кровь. Чудом вырвавшиеся из схватки оруженосцы в доспехах куда легче тех, что носят полноправные Готские рыцари, подхватили старшего брата ордена и забросили его на спину одной из многих лошадей, лишившихся всадников.

Никто не преследовал отступавших немцев, которым так и не пришли на помощь британские войска. Лишь четверо вернулись в лагерь осаждающих.

Рыцарь умер от ран в тот же день, не дожив до заката. Рыцарем этим был Конрад фон Эрлихсхаузен.

Заметки на полях СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Раскинувшееся на многие версты пространство занимает несколько крупных ханств — остатки Золотой Орды и народности, некогда подчинившиеся ей. Сильнейшими среди ханств можно назвать Хивинское, Кокандское и Кундузское, однако надо всеми ими возносится древняя Бухара. Город столь старый, что пережил не один десяток династий. Он знал Саманидов, Караханидов и Хорезмшахов, чьи имена вряд ли вспомнят даже нынешние правители эмирата. Лишь учителя в медресе вбивают их в бестолковых учеников. Без особого, впрочем, толку. Зато помнят великого Чингисхана, который въехал верхом на коне в соборную мечеть города, обозначив в нем свое владычество. С тех пор его имя предано проклятию в Бухаре.

В пятнадцатом веке Бухара снова становится столицей государства — Бухарского ханства, позднее ставшего эмиратом, однако оставшимся ханством по своей сути. Здесь человек не стоит ничего, если он не может постоять за себя. Здесь правят сила и беззаконие. Здесь можно покупать и продавать людей столь же свободно, как и всякую скотину. Иногда скотина еще и стоит дороже. Здесь на улицах пляшут дервиши,

едва прикрыв чресла набедренной повязкой и то и дело пуская изо рта пену. Здесь женщины прикрывают лица и тут же продают свои тела за бесценок. Здесь дворцы возносятся над лачугами нищих — мусульманские беи и татарские мурзы осыпают жен и любовниц золотом, не задумываясь о том, что в считанных саженьях от их домов люди мрут с голоду как мухи.

В остальных ханствах ситуация не слишком отличается, однако там куда меньше золота и куда больше нищеты. Потому ханы Коканда и Кундуза признавали главенство Бухары. Конечно, пока еще существовало Кундузское ханство, десять лет назад покоренное Дост-Мухаммедом, объединившим несколько ханств в государство, получившее название Афганистан. Хива, славящаяся своими рабскими рынками, где можно было купить и могучих эфиопов с черной, как смола, кожей, и славян с русыми волосами, и персов, и арабов, и кого угодно. Здесь проводили кровавые игры каждый день — в бойцовских ямах люди гибли ради удовольствия публики, проливая на потеху свою кровь.

Весь этот регион, как вступил в Средневековье, в то время будучи кое в чем даже более развитым, чем Европа, так и застрял в этом периоде на многие сотни лет, не двигаясь вперед ни на единый шаг. И это всех вполне устраивало — и владык, и владельцев беев с мурзами, а у простого люда никто, как водится, ничего и не спрашивал.

В Нижнем Новгороде мы почти без задержки пересели с поезда на пароход. Новенький колесный ко-

рабль под названием «Баян» стоял у пристани, попыхивая изредка паром из трубы, но, кажется, больше для вида. Я был уверен, что машина его остановлена на профилактику. Принадлежал пароход обществу «По Волге» и ходил из Нижнего прямиком в Астрахань. Такой маршрут устраивал меня как нельзя лучше, ведь именно в Астрахани наша команда должна присоединиться к эскорту посольства в Бухаре.

Справившись в кассе общества, на какое число и время назначено отплытие «Баяна», я узнал, что отчалит он назавтра ровно за час до полудня. Полтора дня отдыха после почти трех суток сидения в вагоне, где даже ноги толком не вытянуть, были для всей команды настоящим подарком. Я купил билеты в кассе, выбрав для нас пару кают второго класса. На самые роскошные тратиться не стал — все же разбрасываться деньгами не стоит. Кто знает, что ждет нас в Бухаре? Но и покупать третий класс, а это по сути гамаки в больших кубриках, где яблоку негде упасть, не захотел. Все-таки мы команда игроков достаточно хорошего уровня и можем себе позволить приличные места на пароходе.

— Сегодня отдыхаем,— объявил я команде, ожидавшей меня на пристани неподалеку от кассы общества.— Наш пароход отходит завтра в одиннадцать утра.

— И что будем делать, командир? — спросил у меня Корень.

— Для начала надо прилично поесть, пока никто из нас язву не заработал на поездных харчах, а потом... — Я развел руками. Мол, кто во что горазд.— Денег, кому надо, выдам.

Корень переглянулся с Ломидзе. Оба были теми еще ходоками, и, бывало, даже я присоединялся к их

загулам в недорогих рестораничках, где они сводили с ума провинциальных барышень рассказами о кровавых схватках на аренах по всему миру. Любимой игрой их была такая. Они просили понравившуюся им девушку, которую удалось уже усадить за столик, называть город, куда она хотела бы попасть больше всего. Как правило, девичьи фантазии не отличаются оригинальностью и чаще всего звучат названия вроде Лютеции Парижской или, в крайнем случае, Рима, у особенно желающих выделиться на фоне подруг фантазии хватало на вторую столицу Двуетной монархии — Константинополь. Конечно, во всех этих городах нам довелось побывать и сражаться на их аренах, и далеко не худших. О чем Корень с Ломидзе, ну и я, когда присоединился к ним, с упоением рассказывали впечатлительным провинциалкам. Но после Лондиниума у меня не было желания играть в подобные игры.

— Дорджи,— постаравшись не слишком исковеркать имя парня, обратился к нему Корень,— идем с нами. Командир, сколько выделишь на... эту, как ее... — Он прищелкнул пальцами, пытаясь вспомнить, что я ему говорил в свое время.

— Культурную программу,— усмехнулся я, отсыпав в подставленные ковшиком ладони запорожца рубля три серебром и медью — сдачу с империаала, которым я заплатил за наш проезд до Астрахани.— Вполне хватит обоим,— кивнул я, убирая кошелек.

— Ну не особо разгуляешься на эти-то деньжищи,— быстро пересчитал монеты Корень.

— Вот и правильно,— осадил его вечно недовольный этими самыми «разгулами» Корня и Ломидзе Армас.— Нечего деньги просаживать на кабаки и женщин.

— А для чего тогда вообще драться на арене? — задал риторический вопрос философским тоном Ломидзе, приняв при этом вид совершенно романтический и разрушая обычный свой образ недалекого кавказского человека. — Зачем проливать свою кровь, если не тратить заработанное на вино и женщин?

Мишин отвернулся от них, всем видом стараясь показать, что ничего общего иметь с этой парочкой не желает.

— В этот раз без тебя, командир? — спросил Корень, хотя ответ ему был заранее известен.

Он и не стал дожидаться его, а обернулся к Дорчжи:

— Так что ты решил, парень? Ты с нами или в гостиницу коротать вечер с командиром и Армасом?

Дорчжи глянул на меня, будто прося разрешения, и я посчитал, что сейчас лучший момент, чтобы напомнить, как изменилось его положение.

— Запомни, Дорчжи, — сказал ему я, — ты больше не ученик. Ты человек свободный и имеешь право распоряжаться своей жизнью так, как тебе угодно. Я капитан твоей команды, но это не значит, что ты должен передо мною в чем-то оправдываться или просить разрешения. Теперь твоя жизнь только в твоих руках, понятно?

— Да, — неуверенно произнес Дорчжи и обернулся к Корню с Вахтангом: — Да, я с вами.

— Наш человек, — хлопнул его по спине Князь, и вместе они направились вверх по деревянному настилу прочь с пристани.

— Где встречаемся, командир? — спросил у меня Корень, прежде чем последовать за ними.

— Вон, — махнул рукой я на ближайшее здание, возвышавшееся над пристанью, — в том доходном

доме. Думаю, там будет пара номеров. Я сниму. Ключ оставляю у управляющего, так что не сильно шумите, когда будете возвращаться.

— На выезд с цыганами ты нам денег не дал,— пожал плечами Корень.

— Вы и сами не хуже цыганского табора шорох наводить умеете,— усмехнулся я.

Управляющий домом, оказавшийся к тому же его хозяином, нормально отнесся к моей идее оставить у него ключ для загулявших товарищей.

— Это нынче у нас затишье,— произнес он с какими-то мечтательными нотками в голосе,— а вот придет время ярмарки, тогда всем тесно станет. А у меня бессонница от возраста развилась давно уже,— добавил он,— так что пускай приходят хоть в полночь-за полночь. Главное, чтобы других жильцов не будили.

За это я поручиться не мог, однако уверил хозяина небольшого доходного дома в том, что мои товарищи будут вести себя исключительно тихо. Он не поверил мне, но виду не подал.

— Послушай, Армас,— сказал я Мишину, повернувшись к нему, вставать и даже садиться никакого желания не было,— а что ты делаешь со своей частью выручки за победы? Корень с Вахтангом все, что не прогуливают, держат у меня и на эти деньги покупают какое-нибудь понравившееся им оружие. Думаю, в Бухаре оба обзаведутся какими-нибудь новыми игрушками. Гладкий, царствие ему небесное, отправлял большую часть семье, куда-то в Таврическую губернию. Он мне как-то говорил даже название своего села, но я позабыл. Ему оттуда письма слали постоянно — вся деревня на него молилась буквально. Родственники дома новые справляли, свадьбы играли

остальным на зависть, скотину заводили новую — богатели, в общем. Я им отправил всю его долю за Лондиниумские игры и то, что после было. А вот, что ты со своими деньгами делаешь, я ума не приложу. Сколько раз задавался этим вопросом, но ответа на него у меня нет.

— Я с тобой уже почти два года, командир, — усмехнулся в усы Мишин, — а ты только сейчас решил меня об этом спросить.

В тоне его не было ни капли осуждения — только удивление. Я в ответ лишь плечами пожал. А что мне еще оставалось? Он был прав на все сто.

— В банк я деньги кладу, — сказал Мишин. — У меня длительные вклады под небольшой процент в нескольких банках. И в наших, и в зарубежных. Когда придет время закончить карьеру, я возьму эти деньги и куплю на них хутор в родных местах. Свиней заведу и кур, женюсь на вдовушке, если Бог даст, еще и детей приживу.

Я был обескуражен его словами. Да что там — у меня просто слов не было. Конечно, Армас человек приземленный, и мечты у него вроде бы самые что ни на есть простые, но какие-то совсем уж стандартные, будто штампованные с одного клише. Свой хутор, свиньи, куры и теплая вдовушка под боком — что еще нужно, чтобы достойно встретить старость?

— Послушай, — наконец, произнес я, — но ведь скопленного, даже под низкий процент, уже хватит и на хутор, и на свиней, и на сватовство к достойной женщине, ведь так?

— Но мне все еще интересно драться на арене, — с совершенно серьезным видом ответил Армас, и я так и не понял до конца, подшучивает он надо мной или нет.

С людьми вроде него этого никогда не поймешь до конца, они всегда просто убийственно серьезны.

Ушедшие в загул Корень, Ломидзе и Дорчжи вернулись уже глубоко за полночь. Без цыган, зато с гитарой. Они грохотали по деревянному полу каблуками, а по коридору разливались трели струнных переливов. Наигрывал, конечно, картлиец, вряд ли Дорчжи умел так хорошо, а уж Корень был напрочь лишен музыкального слуха, и если затягивал распевную казацкую песню, то фальшивил настолько самозабвенно, что хотелось прикончить его на месте.

— Не для меня придет весна,— как по заказу запел Корень, отчаянно фальшивя.— Не для меня Днепр разойдется, и сердце радостно забьется в восторге чувств не для меня!

Однако продолжать не стал. Хлопнула дверь снятого мною для них номера, отрезав все звуки. Успокоенный тем, что загулявшие бойцы вернулись и теперь нормально переночуют, я повернулся на бок, замотался как следует в одеяло — ибо ночью уже было весьма свежо — и заснул.

Все мои крымские сны можно в той или иной мере назвать кошмарами, однако этот был даже среди них чем-то из ряда вон. Я плохо запомнил его — сон разбился на череду мелких эпизодов. Первым оставшимся в памяти была моя последняя встреча с Дерексом Лэйрдом. Он сидел верхом на отличном коне рядом с другими британскими офицерами, одетый в красный мундир с белой перевязью.

— Я думал, вы отправились домой сразу после нашего поединка,— заявил я, глядя на него снизу вверх.

Офицеры прибыли для последних переговоров перед атакой на Арабат. Условия они выдвигали те же самые, что и перед атакой Готских рыцарей, соглашаться на них я, конечно же, не собирался.

— Временный патент, будь он неладен,— буркнул Лэйрд,— теперь я обязан отработать весь его срок.

— Надо было внимательней читать контракт,— усмехнулся я, шутливо отдавая ему честь,— особенно когда имеешь дело с англичанами.

— Если вы окончили пикировку,— ледяным тоном бросил капитан Чэдлер, откинувший всю свою показную симпатию по отношению ко мне,— то мы откланяемся и атакуем вас ровно через четверть часа.

Британцы славились своей пунктуальностью — не подвели и на этот раз. Стоило мне захлопнуть крышку карманных часов и выглянуть из-за невысокого бруствера, как увидел первые шеренги наступающих. Точно в назначенное время. В первых рядах шагали ландскнехты, нанятые тем же принцем Альбертом для поддержки Готских рыцарей. Во время атаки всадников они то ли не успели, то ли не пожелали поддержать их, но теперь уверенно наступали впереди британских шеренг. Закованные в броню, лишь немногим уступающую рыцарской, с двуручными мечами на плечах и широкими тесаками за поясом, одетые богато и пестро, они демонстрировали нам свою силу, желая одним только видом сломить. За ними поднимался в небо целый лес пик и алебардных лезвий — это уже британская пехота. Солдаты ее шагали ровными рядами, будто на параде, стучат башмаки, и мне кажется, что я слышу поскрипывание кожи и позвякивание легких доспехов. Офицеры спешили, не желая получить шальную стрелу или болт. Выкатывают на позиции

баллисты и скорпионы люди лейтенанта Коупленда, минута — и в сторону Арабата летят первые снаряды.

Я спрятался обратно за бруствер, надежно защищающий меня от стрел и чугунных шаров. Те врезались в него, ломая густо понатыканные колья. Отвечать нам было на это нечем, оставалось просто переждать до тех пор, пока враг не приблизится настолько, что бомбардировать нас станет слишком опасно — можно и по своим попасть. До того мы сидели в неглубокой траншее за бруствером и ждали.

Наконец, бомбардировка прекратилась, и я тут же скомандовал своим егерям начать стрелять. Они ловко поднялись во весь рост, наплевав на возможную опасность, и дали слаженные залпы во врага. Каленые болты на коротком расстоянии легко пробивали броню уверенно шагающих ландскнехтов — прочные кирасы не спасали. Разодетые, будто на пир, а не на войну, наемники валялись на землю один за другим. Вот только неожиданным наш залп для них не стал. Оставшиеся в живых резво бросились к нашим позициям, вскидывая двуручные мечи. Шагающие следом солдаты в красных мундирах ускорили шаг.

Сам бой я почти не запомнил. Только какие-то отрывки — чьи-то перекошенные лица, блеск стали, кровь, боль... Сумбур полный. И вдруг лицо человека — знакомое до боли, но откуда, никак не могу вспомнить...

— Рад, что ты пережил Арабат, — улыбается человек с удивительно знакомым лицом, — и, что из плена вернулся, рад вдвойне.

Он хотел хлопнуть меня по плечу, но я, наверное, так скривился от предчувствия боли, что он тут же опустил руку.

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

— Прости, друг,— говорит он,— прости, я и забыл, что ты сильно ранен.

— Положим, ты этого не знал,— отвечаю я.

— Ну уж целехоньким бы тебя британцы в плен не взяли,— несколько натянуто смеется он.

И снова все обрывается...

Глава 4

ГРАФ ИГНАТЬЕВ

Пароходы — чудо нашего столетия, такое же удивительное, как и дирижабли. Благодаря силе паровых машин они бороздят моря и океаны, все больше торговых путей связывают нас с Колумбией и Америкой. Как ни странно, в России они распространялись едва ли не быстрее, чем в технически более продвинутой Европе. Ведь у нас имелись колоссальные, по меркам той же Европы, расстояния, пересекать которые проще всего было по воде. Рек в России хватало. Одна только Волга может дать фору Дунаю или Рейну, а то и им обоим сразу. На Волге как раз пароходостроение и развивалось активней всего. Здесь сошлись сразу несколько факторов. И близость заводов — как горнодобывающих, так и механических, и доступность леса, и конечно же коммерческая необходимость. Если в Европе предпочитали летать или, в крайнем случае, передвигаться по железной дороге, то у нас выбирали именно водный путь.

Искать графа Игнатьева в Астрахани не пришлось — каждый первый знал, где остановился он и

его многочисленный эскорт будущей русской миссии в Бухаре. Поэтому сразу же, сойдя с борта «Баяна», извозчиком отправились в лучшую гостиницу города, которую почти полностью занимали чиновники дипломатического ведомства и офицеры эскорта миссии. Многочисленным купцам, остановившимся по тем или иным делам в Астрахани, пришлось сильно потесниться.

У дверей гостиницы, стилизованной под каравансарай, скучала пара часовых при алебардах. Старший откровенно дремал, опираясь на свое оружие. Навык, между прочим, непростой и требующий определенной ловкости и большого опыта. Увидев, что мы выбираемся из коляски извозчика с явным намерением направиться в гостиницу, младший из часовых легонько толкнул локтем старшего, и тот мгновенно выпрямился, будто и не дремал только что.

— Прощения просим, господа,— произнес старший часовой,— но вам придется выбрать другую гостиницу. В этой мест нет.

— А ты здесь, значит, и за швейцара? — усмехнулся я.

— Мы тут — на посту,— с гордостью заявил часовой, как будто не прикорнул всего лишь минуту назад.

— У меня дело к графу Игнатьеву,— бросил я, предусмотрительно доставая документы.— Думаю, для меня и моей команды место найдется.

Протянул старшему часовому бумаги, выданные мне в доме на Николо-Песковской улице. Он изучал их долго и придирчиво, разглядывал подписи и даже ковырнул пальцем гербовую печать. Удовлетворившись осмотром, часовой вернул бумаги и посторонился, пропуская в гостиницу. Второй часовой также отошел на полшага, чтобы не мешать проходить моей команде.

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

— Располагайтесь пока тут,— махнул рукой своим бойцам,— а я поговорю с графом.

За деревянной стойкой скучал, ничуть не хуже часовых, молодой парень, на сей раз в гостиничной униформе, а не в зеленом мундире.

— Граф Игнатьев сейчас пребывают в гостиничной ресторации вместе с командиром эскорта ротмистром Обличинским,— ответил на мой вопрос парень.

Я поблагодарил его и отправился в ресторан, который находился в соседнем с гостиницей здании и был стилизован, соответственно, под харчевню — или как там это место называется на Востоке. Конечно, это оказался нормальный ресторан с вполне европейскими столиками и венскими стульями вокруг них, но стены его были разрисованы под глинобитные, даже кое-где со сколами, а потолок над головой — деревянный с торчащей тут и там соломой. Официанты все как один одеты в яркие длиннополые халаты и чалмы или тюбетейки, они ловко сновали между столиков с подносами в руках.

Графа с ротмистром я узнал сразу — оба выделялись среди остальных посетителей ресторации, да и последних было не очень уж много. Граф одевался несмотря на достаточно жаркую погоду в классический черный костюм, цилиндр его лежал на соседнем стуле. Ротмистр не изменил драгунскому мундиру, расставшись только с головным убором.

— Господа,— подошел я к их столику,— честь имею представиться, граф Остерман-Толстой, капитан команды игроков.

— Ну наконец-то, граф,— поднялся со стула Игнатьев,— а мы вас, признаться, уже жаждали.

— Придется двигаться в Бухару скорее, чем предполагалось,— заметил, также вставая, ротмистр

Обличинский,— чтобы успеть к началу празднеств в честь нового эмира.

— Это даже лучше, ротмистр,— кивнул ему Игнатьев,— чем скорее мы будем двигаться через эти степи, тем меньше вероятность подвергнуться нападению каких-нибудь бандитов-налетчиков, которыми она просто кишит.

— Ну это если верить книгам, которые читали, полковник,— усмехнулся Обличинский,— а в какие века они писаны-то?

— Вы считаете, что с тех веков здесь что-то сильно изменилось? — развел руками Игнатьев.

Похоже, спор, свидетелем очередного витка которого я невольно стал, длился между графом и ротмистром уже не первый день.

— Давайте присядем,— предложил Обличинский,— и позавтракаем, а уж после еды поговорим о делах.

Отказываться не стал, правда, и заказывать тоже ничего не захотел. Мы завтракали единственный раз по корабельному расписанию на борту «Баяна», а потому голоден я не был. Лишь попросил принести мне чашку кофе — всегда питал слабость к этому напитку, особенно в том виде, в каком его готовят здесь, на Востоке. Он такой густой, что ложку поставь — не упадет, пить его принято до крайности горячим и запивать ледяной водой. Именно такой мне и подали.

— Ждали мы на самом деле только вашего прибытия, граф,— сказал мне Игнатьев,— так что завтра уже можем покинуть город. С вашей стороны, надеюсь, задержки не будет?

— Нет,— покачал головой я, делая глоток обжигающего кофе и тут же запивая его водой.— Мы путеше-

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

ствуем налегке и ничего лишнего с собой не носим. Надобности просто нет.

— Тем лучше,— кивнул граф.— Ротмистр, надеюсь, в нашей экспедиции будут верблюды для графа и его команды?

— У нас достаточно верблюдов — всем хватит. Тем более мы же в Астрахани, тут купить верблюда проще некуда.

— Ваши драгуны, ротмистр, тоже будут верблюдов осваивать? — поинтересовался я.

— Нет,— рассмеялся Обличинский,— мы уж по старинке, на лошадях, не башибузуки ведь султанские.

— Те тоже на лошадях скакали,— произнес я, неожиданно вспомнив Крым совершенно не к месту.

— Вам довелось сталкиваться с ними? — быстро спросил у меня Игнатьев.

— Доводилось,— не стал отрицать я,— во время Крымской кампании. Мы больше, конечно, с европейскими солдатами воевали, но и с турком пару раз сойтись пришлось.

— Я тогда был еще подпоручиком,— произнес Обличинский,— и командовал десятком драгун на Малаховом кургане. С кем только не пришлось драться, однажды даже с чернокожими сингалезцами — зуавами. Вот уж кто не знает жалости ни к себе, ни к врагу. Дрались насмерть и в плен не сдавались.

— А после иных их походов,— усмехнулся граф Игнатьев,— говорят, в деревнях рождались чернокожие детишки.

На этом тема воспоминаний о Крымской кампании как-то сама собой была закрыта, и мы снова вернулись в день сегодняшний.

— В гостинице места вам найдутся,— заявил Игнатьев,— пару номеров по моему распоряжению для

Борис Сапожников. БОЛЬШАЯ ИГРА. Часть 2

вас оставили. Не лучшие, конечно, простите, но это ведь всего на одну ночь.

— Ничего,— отмахнулся я,— переживем. Но у меня к вам будет еще одно небольшое дело.

— Что угодно,— развел руками Игнатьев.

— Надо будет зачислить на счет товарищества «По Волге» вот эту сумму,— я подвинул к графу листок с написанной на нем цифрой,— это за ремонт палубы парохода, которым мы приплыли в Астрахань.

— Это что же вы такое делали на этом пароходе? — даже присвистнул Игнатьев, глянув на число, написанное мной.

— Тренировались,— лаконично ответил я.

Сумму, указанную мной и так сильно впечатлившую Игнатьева, я узнал от второго помощника капитана. Тот в последний день путешествия, когда руководил разбором выгородки, оценил ущерб, нанесенный тренировками палубному настилу «Баяна». Словам этого служаки мог вполне доверять, ведь он, даже дай я эти деньги ему наличными, не положил бы себе в карман ни единой копейки.

— Да уж, списать такую сумму на накладные расходы — это ж подумают, что ворую, да еще и нагло, и неумело. Ну да придумаем, не впервой.

Допив кофе и воду, я отправился к своей команде. Бойцы сидели, развалившись на мягких диванах, и ждали меня. Вахтанг снова вооружился гитарой и тихо перебирал струны, от чего в гостиничном вестибюле воцарилась какая-то совсем уж сонно умиротворенная обстановка.

— Сейчас заселяемся,— сказал им,— а после все свободны. Денег выделю на прогул больше, чем в Нижнем.

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

— Хорошая новость,— перестав наигрывать, произнес Ломидзе и поднялся с дивана, на что ему понадобилось больше усилий, чем он рассчитывал.

— Значит, после переходим на казарменное положение,— быстрее него понял, что я имел в виду на самом деле, Корень.

— Именно,— подтвердил я.— Во время экспедиции будем на положении гостей, но о дисциплине забывать не стоит, а в Бухаре вообще без моего ведома ни шагу. Никому.

— Отчего такая строгость? — удивился Ломидзе.— Мы ведь и раньше бывали на Востоке, знаем все, что там к чему.

— До того мы всегда были сами по себе,— ответил ему я,— а теперь входим в состав дипломатической миссии далеко не в самой дружественной стране. В Бухаре возможно всякое, поэтому, повторяю, без меня там никуда ни шагу.

— Рано страшась, командир,— усмехнулся Корень,— мы же еще из Астрахани не выехали.

— А это так, для пущей важности, чтобы запомнили лучше,— сказал я.— Ближе к Бухаре я вас еще и не так страшать стану.

Конечно, никаких тренировок в этот день не было. Покидав вещи в гостиничные номера, мы отправились в последний загул. В этот раз в нем приняли участие и я, и даже Армас. Ингерманландцу слишком скучно было сидеть одному в гостинице, и как бы он ни осуждал такие вот загулы, но счел в этом случае его меньшим из зол.

Мы таскались по кабакам и трактирам Астрахани до позднего вечера. И это был настоящий кутеж, какие любил Ломидзе. Швыряли бумажные деньги и

серебряные рубли музыкантам, заказывая самые разные песни. Где-то во второй половине дня за нами увязался целый цыганский табор — и Вахтанг важно вышагивал впереди нескольких усатых дядек, играя на гитаре, а те ловко подхватывали его аккорды на своих. Пестро разодетые женщины звенели монистами и били в небольшие бубны. Под ногами у нас крутились детишки обоего полу и самого разного возраста.

Такой вот процессией мы и вернулись в гостиницу, где у дверей цыган остановили часовые, отказавшиеся пускать их внутрь. Для пущей серьезности намерений оба часовых даже перехватили алебарды, словно собирались пустить их в дело. Цыгане спорить с вооруженными солдатами не стали и предпочли удалиться всей шумной толпой. Мы же поднялись в свои номера.

— И сколько денег потратили сегодня? — спросил у меня Армас, оставшийся самым трезвым из всех нас.

— Не считал, — отмахнулся я.

— А сколько ты взял с собой? — зашел с другой стороны хитрый ингерманландец.

Он отлично знал меня и мою привычку брать с собой в такие вот загулы определенную сумму, оставляя остальное в гостинице, чтобы не прогулять больше задуманного.

— Да неважно это, — вздохнул я, стягивая пропитавшуюся за этот день потом и духом десятка кабаков рубашку. — Для чего еще мы деньги зарабатываем на арене, как не для таких вот загулов. Копить их получается только у тебя.

— Очень надеюсь, что не развратите молодого человека, — осуждающим тоном произнес Армас. — В его возрасте вредны все эти, как вы говорите, загулы и вкус легких денег тоже.

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

— Ну уж какими-какими, а легкими наши деньги не назовешь,— невесело усмехнулся я, валясь на кровать,— и Дорчжи, думаю, очень скоро поймет это.

После таких вот загулов с кутежами мне на некоторое время перестают сниться крымские сны, и в свое время я злоупотреблял этим своеобразным лекарством. Однако постоянные кутежи слишком плохо сочетаются с карьерой игрока, особенно игрока профессионального, рискующего жизнью на аренах, и мне пришлось от них отказаться. Да и кто пойдет в команду к пьянице-капитану?

После Астрахани сны отбило напрочь, причем довольно надолго, и я был этому факту весьма рад.

На следующее утро чувствовал себя куда лучше, чем должен был, и моя довольная физиономия до крайности раздражала Вахтанга, всегда мучившегося сильным похмельем, и только начавшего пожинать плоды разгульной жизни Дорчжи. Корень же привык переносить все тягости с истинным стоицизмом, хотя вряд ли знал о существовании этого течения в древней философии, равно как и о самой философии в целом. Армас же был вчера, как обычно, умерен в винопитии и похмельем не маялся вовсе — за что удостаивался столь же мрачных взглядов от Ломидзе, что и я.

Во дворе гостиницы мы встретились с графом Игнатьевым и ротмистром Обличинским. Их сопровождали несколько драгун да многочисленная посольская челядь — какие-то чиновники с перепачканными чернилами пальцами, слуги, тащащие чемоданы, кофры и саквояжи. Выделялись среди них несколько человек в статском платье и один — в военно-морском кителе.

Я подошел к Игнатьеву с Обличинским и поздоровался с ними. Просить представить меня остальным важным для этой экспедиции людям не потребовалось. Пожилой человек, говоривший с заметным немецким акцентом, в старомодном костюме, больше походившем на какой-то вицмундир, оказался астрономом Струве, отправившимся в это путешествие, по его словам, для уточнения размеров и формы Земли. Штатский, помоложе годами — примерно мой ровесник, носил короткую опрятную бороду и одевался по английской моде, что несколько странно смотрелось на фоне астраханских пейзажей. Звали его Петр Иванович Лерх, и числился он переводчиком, так как ему не было равных в знании многочисленных языков народов Востока. Флотским же, чье лицо украшали отменные бакенбарды, был лейтенант Можайский. В экспедиции он со своей командой матросов должен был организовывать переправы или движение по воде, если это понадобится.

— Ну да пока нам придется иметь дело лишь с кораблями пустыни,— усмехнулся он, пожимая мне руку.— Я настаивал, чтобы экспедиция двигалась не сушей, в обход северного берега Каспия, а пересекала его и высадилась бы в Александровском форте, но, увы, это был глас вопиющего в пустыне.

— Мы уже обсудили ваше предложение, лейтенант,— ледяным тоном бросил ему Игнатьев, наградив при этом столь же холодным взглядом,— и коллегиально пришли к отрицательному решению.

Можайский только плечами пожал. Вступать в споры с графом было делом бесполезным и, хуже того, неблагодарным.

Погрузив весь багаж экспедиции на несколько здоровенных телег, мы двинулись к северо-восточной

окраине Астрахани. Графа сопровождал едва ли не весь цвет местного общества. Был тут и губернатор с семьей. Мужчины в мундирах или чиновничьих платьях, все украшены орденами и медалями, дамы — в платьях, которые тут еще считали вполне модными. Пожилой предводитель дворянства явился одетым в мундир времен едва ли не Революционных войн с семейством, не уступавшим численностью губернаторской свите. Были и еще какие-то люди помельче — прихлебатели при власть предержащих, старающиеся не отстать от своих покровителей или тех, к кому они набиваются.

Моя команда оказалась вне этого круга, чему я был только рад. Мы спокойно заскочили на телегу, покидали в нее же багаж и теперь наслаждались видами Астрахани. Хотя город, конечно, за вчера успели изучить весьма основательно, правда, лишь с определенной точки зрения.

Длинный кортеж, сопровождаемый драгунами Обличинского и местной полицией, а также зачем-то жандармами в начищенных до блеска стальных касках, медленно катился по улицам города. Впереди в губернаторской карете ехал граф Игнатьев. Ротмистр Обличинский — верхом впереди своих драгун. Можайский, Лерх и Струве заняли места в каретах семейства предводителя дворянства. А нам и на телеге удобно было.

Интересно, что бы подумали все эти чины и их прихлебатели, узнай они, что граф Остерман-Толстой едет в телеге, как простой крестьянин? Это стало бы поводом для пересудов не на один месяц уж точно.

На окраине города уже ждал духовой оркестр, при нашем появлении начавший играть какой-то бравурный марш. Смотрелся он, к слову, достаточно комично.

Все эти бравые ребята в парадной форме со сверкающими на солнце медными инструментами, дирижер, важно машущий длинной палочкой, повернувшись к оркестру спиной, чтобы не обидеть важных господ. Тут же длинная цепочка флегматичных верблюдов, мерно что-то жующих и то и дело плюющихся, да еще норовящих попасть как раз в раздражающих их громким шумом музыкантов.

Кортеж влиятельных лиц остановился на приличном удалении от цепочки верблюдов, и, пока градоначальник с предводителем дворянства произносили длинные речи, слуги споро грузили багаж на спины животным. Было видно, что люди это сплошь опытные и отлично знающие, как правильно обращаться с флегматичными бактрианами. Быстрых же и злых одnogорбых дромадеров в экспедиции не имелось — слишком уж своенравны они были.

Я понял, отчего мы начали сборы так поздно. Самую палящую жару переждали еще на окраине города под дающими тень навесами под звуки духового оркестра и велеречивые излияния местного градоначальства. Среди нас сновали шустрые ребяташки с холодными вином и водой, мы кидали им медяки и пили стакан за стаканом, понимая, что в путешествии будет введен строгий рацион и вволю уже не напьешься.

Когда солнце покраснело и начало клониться к закату, а удушающая жара потихоньку спадать, наша экспедиция покинула Астрахань. Оркестр бурно грянул бравурный марш — нам вслед дамы махали платочками, словно провожая на войну, хотя, может статься, путешествие это будет опаснее иных военных операций. Длинный караван верблюдов и лошадей двинулся в путь.

Я, Корень и Ломидзе отлично держались в седле, и нам выдали вполне сносных коней, хотя запорожца, конечно, они не устроили по всем статьям. На других рассчитывать не приходилось, надо довольствоваться теми, что получили. Корень первое время втихую клял свою послушную и спокойную кобылу, но я видел, что лошадка на самом деле его полностью устраивает. Армас уселся на тюках на спине могучего двугорбого верблюда. Дорчжи же удивил меня, отказавшись от лошади и также предпочтя ей бактриана.

— Они спокойней, — пожал плечами юноша. — Я лошадей с детства не люблю, кажется, меня одна не то лягнула, не то укусила, когда я был еще совсем маленьким, толком не помню. Поначалу боялся их, а теперь вот просто не люблю.

Мы ехали вдоль берега Каспийского моря, налетавший оттуда бриз делал путешествие даже где-то приятным. Солнце скрылось за горизонтом, и жара совсем спала. Но я знал, что комфортная температура продержится недолго, сменившись ледяным холодом пустыни. Не прошло и нескольких часов, как все начали заворачиваться в припасенные на этот случай одеяла, а ветер с Каспия казался уже вовсе не таким приятно бодрящим. Когда небо совсем почернело, и по нему рассыпались колючие звезды, Обличинский скомандовал остановку. Драгуны и слуги принялись ставить лагерь, поднимать палатки, вытаскивать походные печки. Часть народа под охраной драгун отправили собирать кизяки — именно это вонючее топливо придется нам использовать, потому что хвороста в этой местности днем с огнем не отыскать.

Перед тем как укладываться спать в выделенной моей команде палатке, я собрал всех на тренировку.

Из-за пронизывающего ночного холода все старались двигаться как можно быстрее, чтобы разогнать кровь по жилам. Да и спалось после такой тренировки хорошо — усталый организм просто не воспринимает такие мелочи, как твердая земля под ребрами и отсутствие привычного комфорта.

Самое скучное во всех путешествиях — это рутина. Можно с ума сойти от повторения одних и тех же событий каждый день, и так — недели напролет. Пейзаж вокруг не менялся с той поры, как отошли от берега Каспийского моря, и теперь со всех сторон нас окружала только пустыня. Бесконечные ряды барханов да натоптанный тысячами верблюжьих ног тракт, ведущий к Хиве, а оттуда — к цели нашей экспедиции, Бухаре.

Передвигался наш караван в утренние и вечерние часы, когда температура была хотя бы относительно сносной. Ближе к полудню солнце начинало жарить с такой силой, что пот высыхал, еще не успев выступить на коже, Обличинский отдал приказ остановиться. Полноценный лагерь днем не разбивали — отдыхали в тени спешно собранных больших навесов, растянувшись на коврах. Днем, конечно же, никаких тренировок на палящей жаре не было. Быть может, я и достаточно суровый капитан команды, но уж точно не изверг и не идиот, чтобы замаривать своих бойцов.

Общались мы в основном во время таких вот дневков, собираясь большими группами под дающими тень навесами.

— Зачем вы гоняете своих людей по ночам? — спросил у меня как-то Обличинский.

— Команде надо сыгрываться, — ответил я. — К тому же, насколько я знаю восточных правителей, большинство празднеств у них проходит как раз после за-

хода солнца, и нам лучше привыкать именно к такому режиму. А выспаться можно и днем,— я указал на своих людей, мирно дремлющих на коврах.

— Зря вы меня с моими моряками в это дело втравили,— встрял недовольный Можайский.— По вашему маршруту у нас будет всего одна переправа через Амударью, и та после Хивы. Если вы считаете, что мои ребята так же ловко управляют с кораблями пустыни, как с обычными, то вы сильно заблуждаетесь, ваше сиятельство.

Я понял, что лейтенант обращается с очередной жалобой к графу Игнатьеву, а вовсе не ко мне, и никак не отреагировал на его слова. Впрочем, как и тот, к кому Можайский обращался.

— Все может пойти совсем не так, как мы рассчитываем,— вместо Игнатьева ответил ему Обличинский.— Не исключаем такой возможности, что придется сплавляться по Амударье до самого Чарджуя и уже оттуда продолжать наш путь к Бухаре.

— Это же будет изрядный крюк,— присвистнул Можайский.— И от каких же это обстоятельств мы так сильно зависим, что будем вынуждены потерять столько времени?

— От Хивы,— коротко бросил Игнатьев,— и ее правителя Саид Мухаммеда.

— Я думал, мы едем напрямик в Бухару,— удивился я.

— Моя миссия несколько шире простого принесения даров и заверения в вечной дружбе правителя Бухары,— резко бросил граф.— Мы здесь для того, чтобы твердо обозначить русское присутствие в Средней Азии. И потому никак не можем миновать Хиву.

— Скверное для русского человека место, эта Хива,— заметил Обличинский.— Сколько народу угнали

в неволю в этот чертов город и продали на тамошнем рынке.

— Именно поэтому мы и должны навестить Хиву, — сказал ему Игнатьев. — Я располагаю значительными средствами для выкупа из рабства русских невольников там и в Бухаре.

— Скверное место, эта Хива, — вроде бы ни к селу ни к городу повторил Обличинский, и мне от его слов стало как-то не по себе.

Заметки на полях РАБОТОРГОВЛЯ

Наверное, почти все читали о рабских рынках и представляют себе нечто условно восточное, обязательно сопровождаемое щелканьем длинных кнутов и с непременными полуголыми девицами. Все эти фантазии далеки от реальности. Рабский рынок в Бухаре — место сугубо деловое и напоминает более конную ярмарку, только вместо породистых лошадей предметом торга выступают люди. Их поодиночке или небольшими группами выводят на помост, оглашается цена, и чинные господа или их слуги принимаются за самое любимое на Востоке дело — торговаться. Вот тут начинается настоящий базар, в самом прямом смысле этого слова, с криками, руганью, издевками и всем, чего душа пожелает. Сластолюбцы спорят за хорошеньких русских девушек или персиянок, приказчики бухарских или самаркандских купцов пытаются урвать группу силь-

ных мужчин подешевле, но так, чтобы она не ушла к конкуренту. Достоинства покупаемых людей хотят проверить тут же — и силачи поднимают пудовые или двухпудовые гири. А вот девушкам сложнее. Их уводят в специальное помещение, подальше от чужих глаз, и уже там дают потенциальным покупателям насладиться видом их прелестей. Как правило, двум-трем, назначившим самую лучшую цену.

И, заметьте, никаких побоев и плача — все сухо по-деловому. Ведь что может быть обыденнее на Востоке, чем торговля людьми?

Хива — удивительно чистый и опрятный город для центра работорговли. Казалось бы, он должен быть наполнен бараками, забитыми людьми до отказа, откуда их выводят на рынок и продают новым хозяевам. Однако бараков не было, а имелись большие длинные дома, похожие на конюшни, да людей внутри них находилось не так уж и много. Рабский рынок мы с Игнатьевым, конечно, обошли стороной, не желая наблюдать за скорбной судьбой наших соотечественников.

Вся экспедиция вынуждена была остановиться под стенами древнего города. Правитель его, Саид Мухаммед-хан, пускать нас внутрь отказался. Кроме того, вокруг лагеря быстро вырос еще один — часть войска Саид Мухаммеда вышла из Хивы и окружила нас, расставив палатки и шатры на каменистой земле. Вскоре они уже жарили шашлык и распевали песни на языках многих народов, населяющих Великую степь.

— Хорошенькие же песенки они поют, — невесело усмехнулся Лерх. — Все как одна о том, как они пустят кровь неверным урусам и насадят их головы на пики.

— Пускай себе поют,— отмахнулся Обличинский,— напасть не посмеют. Правители Хивы и Бухары слишком боятся гнева Белого царя¹. Их смелости хватает лишь на то, чтобы вторгаться в деревни и села по нашей южной границе, но уж посольство точно никто не тронет.

— Вы их рожи видали, ротмистр? — махнул рукой в сторону лагеря хивинцев Можайский.— Бандиты все до единого — таким наплевать на приказ правителя, для них убить, извините уж за тавтологию, раз плюнуть.

— Сразу видно, что вы никогда не бывали на Востоке,— заметил на это Лерх,— и совсем не разбираетесь в этих людях. Чтобы держать в узде бандитов вроде тех, что окружают нас, нужна воистину звериная жестокость и такая же преданность с их стороны. Правитель Хивы для них — все равно что вожак в волчьей стае. Власть его держится не на уважении, а на страхе. Хивинский хан просто решил поиграть на наших нервах, не более того, подобные издевки как раз в духе восточных правителей.

Меня это сборище бандитов нервировало до крайности, масла в огонь подливал еще и запрет графа Игнатьева тренироваться.

— Нечего махать оружием на виду у этих башибузуков,— заявил он мне.— Хивинский хан вполне может посчитать это провокацией и приказать им напасть на нас.

— Вы сами-то верите в то, что нечто в этом роде возможно? — пожал плечами я.

¹ *Белый царь* — так в Средней Азии называли российских императоров.

— Простите, граф,— ледяным тоном отрезал Игнатьев,— но я дипломат и вынужден дуть на воду.

Утром третьего дня нашего бестолкового торчания под стенами Хивы граф вызвал меня в свою палатку. Она у него была точно такой же, как и у остальных офицеров экспедиции,— уподобляться восточным правителям и заводить себе роскошный шатер Игнатьев не стал. Внутри палатки царил деловой порядок и воистину спартанский минимум: стол, пара складных стульев, сундук да походная кровать. До того, чтобы спать на голой земле, граф, конечно, не дошел.

Когда я появился в палатке по приглашению ее хозяина, то застал удивительную сцену. Пара слуг Игнатьева ставила в углу ростовое зеркало, извлеченное из сундука, а граф стоял перед ним в мундире с наградами на груди и приводил себя в порядок. Вокруг него суетились двое, наводя, что называется, последний лоск. Один проходил по спине мундира, второй же начищал до зеркального блеска сапоги.

— У вас есть приличный костюм, граф,— не оборачиваясь, бросил мне Игнатьев,— такой, чтобы не стыдно было появиться перед правителем Хивы?

— Найдется пара английских,— пожал плечами я.

— Тогда я сейчас же отправлю за ними слугу,— кивнул Игнатьев, и стоило ему только бровью повести, как человек со щеткой отложил ее и едва ли не бегом покинул палатку.— Их приведут в порядок минут за десять, и вы сами решите, в каком предстать пред светлы очи Саид Мухаммеда. К слову, вы ведь служили офицером в Крыму, быть может, у вас с тех пор остался мундир?

— Вы отлично знаете, граф,— процедил я, не на шутку задетый его словами,— что лишен чести и права носить заслуженные награды и мундир.

— Простите,— бросил он, ничуть не сконфуженный,— запомнил.

— А с какой вообще стати вы решили взять меня с собой к этому царьку? Зачем вам понадобился именно я, не могли пойти с Обличинским? Уж у ротмистра парадный мундир точно найдется.

— Обличинский нужен мне здесь,— отрезал Игнатьев, никоим образом не отреагировав на мой раздраженный и не слишком вежливый тон,— как бы то ни было, но наш лагерь окружен башибузуками хана, и я не хочу, чтобы командир драгун отсутствовал в нем сколь-нибудь продолжительное время. Вы, граф, понимаете, что аудиенция у Саид Мухаммеда продлится не пять минут. Можайский же всего лишь лейтенант, так что вы представляетесь мне наилучшим выбором при имеющихся обстоятельствах.

Несогласие Можайского с планами передвижения экспедиции вызвали у графа резкую к нему антипатию, а зря. Лейтенант — человек толковый, и к его словам лучше прислушаться или по крайней мере не отвергать с ходу, даже не выслушав до конца.

Слуга вернулся с моими костюмами, аккуратно уложенными в два свертка, и вместе с тем, кто занимался сапогами графа, принялся приводить их в порядок. Второй, конечно, прежде как следует вымыл перемазанные ваксой руки.

— Вкус у вас есть, граф,— кивнул Игнатьев, оценив беглым взглядом оба разложенных на столе костюма.

— Есть еще сценический,— буркнул я.

— Я думал насчет этого,— признался Игнатьев,— но отверг эту идею. Конечно, ваше присутствие как человека в прошлом военного и игрока, то есть борца, а

Глава 4. ГРАФ ИГНАТЬЕВ

их здесь принято уважать, украсит встречу, однако сценический костюм — это уже перебор.

— И все же, граф, для чего я вам нужен в качестве сопровождающего у хана?

— Это же Восток, — усмехнулся Игнатъев, вроде бы даже отчасти искренне. — Здесь все наполнено знаками. Кроме вас, во дворец отправится Струве — пожилой ученый, астроном. Так, с одной стороны, я покажу силу России — ее будете представлять вы, с другой же — мудрость.

— Считаете, это даст больше шансов на переговорах с Саид Мухаммедом?

— Не знаю, — честно ответил граф, — но это не повод для того, чтобы не играть в принятые здесь игры.

Я недолго выбирал костюмы, собственно говоря, было все равно. Взяв тот, что лежал ближе ко мне, принялся переодеваться.

— Смотрю, вы не из стеснительных, — заметил граф без тени иронии.

— Проведи вы с мое в казармах игроков, — ответил я в том же серьезном тоне, — привыкли бы переодеваться при других. Меня трудно смутить.

— Меня тоже.

Слуг он явно в расчет не брал. Скорее всего, это были его крепостные, которых он и за людей-то вряд ли считал.

Пожилой астроном Струве предпочел старомодный костюм, в котором я видел его еще в Астрахани. Тяготы путешествия никак не сказались на нем. Несмотря на довольно почтенный возраст, он легко переносил и дневную жару, и ночной холод, и путешествия верхом на верблюде — от конной поездки отказался по вполне понятным причинам, — и ночевки в

палатке. Вот и сейчас он бодро шагал рядом с нами, не отставая ни на шаг.

Такой вот троицей, если не считать идущей следом вереницы нагруженных подарками слуг, мы подошли к воротам Хивы. Стоявшие на страже воины хана в богато расшитых халатах, при саблях, луках с полными стрел колчанами и щитах с бронзовыми клепками опирались на длинные копья. Из-под тюрбанов свисали на лица кольчужные бармицы. Эта парочка не походила на тех разбойников, что окружали наш лагерь, однако вид их не мог бы обмануть и слепого. Лица были столь же хищными, как и у иных воинов хивинского хана, просто эти одеты и экипированы намного лучше. Они пропустили нас в город без единого слова, отворив калитку в массивных, явно выдержавших не одну осаду воротах. Правда, пришлось вскоре приоткрыть и сами ворота — ведь один из богатых подарков хану — роскошный белый, как снег, жеребец, в калитку бы не протиснулся.

С другой стороны крепостной стены нас уже ждала весьма внушительная встречающая делегация. Возглавлял ее не то визирь, не то еще какой высокий чин. Вел он себя без обычного на Востоке подобию страсти перед гостями, но и без показного высокомерия, как будто самым поведением своим подчеркивая — судьба наша еще не решена и находится в руках хана.

Мы расселись в ожидающие нас паланкины, довольно вместительные — в каждый влезло по пять человек. Так что своими ногами пошли во дворец лишь несколько слуг, ведущих на поводу жеребца, остальные же вместе с дарами отправились в достаточно комфортных условиях. Ехали вместе с визирем. Полуголые дюжие рабы подхватили наши паланкины и мерно зашагали ко дворцу.

— Заметьте, как плавно и ровно несут нас,— произнес визирь, очень хорошо говоривший по-русски, хотя и с заметным акцентом, делающим его слова резкими и звонкими, будто удары бича.— Их специально тренируют группами по четыре человека, и всю свою жизнь они проводят вместе, расставаясь лишь на весьма короткое время. Когда один из них умирает или становится по той или иной причине не способен больше носить паланкин, все они получают свободу.

— Что же тогда мешает им,— спросил я,— выбрать сразу одного, сговориться и покалечить его, чтобы стать свободными поскорее?

— А что им делать с этой свободой? — философски заявил визирь, разведя руками.— Они же ничего не умеют — только носить паланкины.

Во дворце хана нас встречали столь же ровно — без подобоострастия, но и без высокомерия. Показывали уважение к послам сильного соседа, однако намекали, что гости мы не самые желанные. Мы поднимались по бесконечным лестницам, шагали длинными коридорами, открывались многочисленные двери, тут же закрывающиеся за нашими спинами. И всюду, на каждой лестничной клетке, на каждом повороте коридора, с обеих сторон массивных дверей стояли воины в расшитых халатах и при полном наборе оружия степняка. Даже без дипломатического чутья графа Игнатьева я понимал — так хан демонстрирует нам свою силу.

Наконец вошли в просторный зал, пол которого был устлан мягкими коврами. В дальней стороне его стоял высокий деревянный трон, украшенный затейливой резьбой. По всей поверхности его разбегались перемежаемые цветочным орнаментом буквы восточной вязи. Какой именно это язык, понять я, конечно,

не мог, но был уверен, что это избранные цитаты из Корана.

По обе стороны от трона толпились люди — многочисленные придворные хана, среди которых снова-таки слуги с едой и напитками. Я обратил внимание, что последние имели славянскую внешность. Это были рабы из числа захваченных в наших приграничных деревнях. Еще один знак, но, что он выражает, я ответить затруднялся.

Аудиенция у хана длилась для меня невыносимо долго. Игнатьев говорил с Саид Мухаммедом на его языке, не вставив ни единого русского слова. Лишь когда он указал на меня, произнес несколько слов, я понял — граф представляет хану, и поклонился столь же низко, как и сам Игнатьев. Спина, как говорится, не переломится, а хуже уж точно не будет. После этого оставалось лишь стоять да разглядывать хана и его присных. В общем-то ничего особенно интересного или удивительного не увидел — и хивинский хан, и его приспешники выглядели именно такими, какими представляешь себе «восточных людей», конечно, со скидкой на богатство и статус. Хан был тучен, вальяжен, чувствовалось, что он тут хозяин, единственный и безоговорочный, и власть держит в стальном кулаке. Правой рукой он опирался на кривую саблю, поглаживая толстыми, униженными перстнями пальцами ее эфес. Левая же, как прикованная, покоилась на колене. Ради интереса какое-то время наблюдал за ней, однако мне это занятие наскучило прежде, чем хан шевельнул хотя бы пальцем. Даже чтобы погладить бороду, он отпускал эфес сабли, который тут же подхватывал находящийся рядом придворный. Последний не являлся рабом, что было видно по его одежде и

манере поведения. Видимо, занимаемая должность при дворе хана была достаточно престижной.

Все время аудиенции Игнатъев и мы со Струве почти не двигались. Лишь в середине хан остановил речь графа и произнес короткую фразу. После этого слуги внесли мягкое кресло, и пожилой астроном, которому было тяжело так долго находиться на ногах, опустился. Игнатъев поблагодарил Саид Мухаммеда от лица Струве и продолжил свою речь. Второй раз граф заставил хана отреагировать на свои слова, когда предложил ему дары. Слуги графа поставили перед тронем Саид Мухаммеда ларец с золотыми монетами и драгоценностями, положили перед ним несколько искусно сработанных сабель и конскую упряжь. Отдельно Игнатъев остановился на последнем подарке — рассказывал о достоинствах белоснежного жеребца. Хан одобрил дары, но ни к одному не прикоснулся и пальцем, велел унести их в сокровищницу. Этим процессом руководил расторопный визирь.

Наконец Саид Мухаммед вынес свой вердикт. Говорил он не слишком долго и, судя по не очень длинным фразам, без восточных витиеватостей. Он произнес несколько коротких фраз, прозвучавших как лязганье стали, и вскинул правую руку, указывая нам на дверь. Струве тут же поднялся с мягкого кресла, мы, все трое, снова низко поклонились хану и покинули его дворец.

Водили нас теми же коридорами, где через каждые десять шагов стояло по солдату. Впереди уверенно шагал визирь, отлично ориентирующийся во всех хитросплетениях дворца. Однако до ворот города провожать не стал. Уже без него погрузились в паланкины, и рабы медленно и плавно понесли нас к городской стене.

— Я так понимаю, аудиенция закончилась не в нашу пользу? — осторожно поинтересовался я у Игнатьева.

Тот всю дорогу хранил совершенно непроницаемое выражение лица, по которому никак не догадаешься, что же творится у графа на душе.

— Верно, — кивнул он. — Хан принял наши дары, но освободить рабов отказался и выкупить их тоже не дал. Заявил, что не хочет терять деньги, которые можно заработать на свободной продаже каждого по отдельности. Предложил мне остаться и принять участие в торжище. А кроме того потребовал, чтобы мы возвращались и не продолжали путь в Бухару. Намекал на то, что Якуб-бек узнал об экспедиции и обязательно нападет на нас.

— А кто такой этот Якуб-бек?

— Обыкновенный бандит, — с ненавистью в голосе ответил граф, — хотя талантливый, этого я не признать не могу, он наш давний враг в этой части света. Давно уже портит нам кровь, нападает на караваны и даже форты, несколько раз пытался отбить принадлежавший ему город Ак-Мечеть, но терпел поражение. К тому же у него счеты лично ко мне, на что особенно упирал Саид Мухаммед, предостерегая от продолжения путешествия.

— Но я так понимаю, вы этим советам не внимаете? — Сейчас вопрос задал Струве, лишь на секунду опередив меня.

— Есть цель, поставленная перед нами, и мы должны продолжать путь. Хивинский хан нам уж точно не указ.

На опасности графу, по всей видимости, было абсолютно наплевать — он видел перед собой лишь цель, остальное значения не имело.

Глава 5

ЯКУБ-БЕК

Мы свернули лагерь под стенами Хивы в тот же день, сразу после аудиенции у хана. Работали споро, хотя и постоянно оглядывались на солдат Саид Мухаммеда, окружавших нас. Однако те не проявляли никаких эмоций — собственный лагерь они сворачивать не собирались. Все так же разносились над шатрами и навесами для лошадей их песни под струнный перебор или наигрыш дудок. Шкворчали на шампурах куски мяса, а в котлах булькал шулюм. Мы со всей возможной скоростью двинулись в обход городских стен — пускать нас внутрь никто не собирался.

На то, чтобы обойти Хиву, ушел почти весь день — на этот раз Обличинский решил держать путь без остановок, пока мы не отойдем от города как можно дальше. Все с ним были полностью согласны. Никто не протестовал, даже втихомолку.

Наша экспедиция достаточно быстро продвигалась к Ургенчу — большому городу, расположенному примерно посередине между Хивой и берегами Амударьи. Здесь путь наш пролегал уже не через пустыню, а по вполне обжитым местам. Нам навстречу попадались небольшие караваны верблюдов и отдельные всадники. Пару раз видели длинные вереницы бредущих рабов, среди которых были и русские лица, но на них мы старались просто не обращать внимания. Нападать на рабские караваны себе дороже, их охраняли сильные отряды хивинского хана, одетые и вооруженные почти так же, как те, кого мы

видели во дворце Саид Мухаммеда. Неприятно было отводить глаза, чтобы не встречаться взглядом с соотечественниками, попавшими в рабство, и стократ хуже понимать — ты ничем не можешь помочь им.

Отъехав от стен Хивы, мы смогли наконец продолжить тренировки, однако их пришлось несколько сократить. В пути теперь больше времени, без дневных остановок. Я гонял своих людей до седьмого пота, и никто не сказал мне слова против — все понимали: скоро нам, возможно, придется сражаться, и вовсе не на арене. Мы сбивались плотной группой, плечом к плечу, прикрывая друг друга, каждый контролируя свое небольшое пространство. Я рубил секачом — преимущественно вертикально, чтобы не задеть товарищей, но иногда делал широкий замах, чтобы отпугнуть воображаемого врага, и тогда стоявшим рядом со мной приходилось пригибать головы. Корень сплетал двумя клинками смертоносную вязь. Он единственный, кто покидал наше построение, выбегая для быстрых атак и тут же возвращаясь. Армас с Вахтангом непрерывно стреляли, превращая мишени из мешков, расположенных на некотором удалении, в решето или подушечку для булавок. И лишь Дорчжи стоял на месте, почти не двигаясь, его главной задачей была оборона — не подпускать к стрелкам врага на расстояние удара саблей. В общем, обычная тактика для массовых сражений, а их частенько устраивали на Больших играх, чтобы отсеять часть команд, еще не успевших заслужить себе имя.

Как-то после тренировки растянувшись на ковре, кинутым прямо на нагретую солнцем землю, Корень неожиданно привлек мое внимание. Мы предпочитали ночевать вне палатки, где к утру становилось просто невыносимо душно, и спали на расстеленных коврах вокруг костра.

Не так далеко от нас точно так же валялись, кто на ковре, кто на попоне, драгуны Обличинского.

— Я знаю вон того драгуна,— кивнул мне Корень.— Долго приглядывался к нему и теперь точно говорю — знаю. Это сват моего кума из соседней деревни. Он приходил к сестре моей младшей с будущим кумом, сватался. Только тогда он казак был, не помню уже из какого полка, но наш — запорожец, точно говорю. Да и вон того,— он указал подбородком на сидящего у самого костра, протянув руки к пламени, пожилого драгуна,— я на свадьбе видал. Он тогда помоложе был, конечно, и тоже казак.

— Интересное дело,— задумчиво протянул я.— Завтра поговорю на этот счет с Обличинским. Так ты думаешь, что не всех казаков из армии турнули после роспуска казачьих войск?

— Что не всех — это ты не хуже моего знаешь, командир,— усмехнулся Корень, раскуривая трубку.— Уральский генерал-губернатор наплевал на царев указ и все казачьи полки переименовал в драгунские. Но я не слышал, чтобы еще кто-то так же сделал.

Я откинулся на ковер, заложив руки за голову. О казаках как-то совсем не думалось, как и о Якуб-беке. Интересно, приснятся ли в эту ночь крымские сны или они надолго оставили меня в покое?

Заметки на полях КАЗАЧЕСТВО

Самым позорным итогом нашего поражения в Крымской кампании стал роспуск казачьих войск — всех без исключения. Это был один из

самых тяжелых для России пунктов Парижского мирного договора, и, как бы ни бились над ним наши дипломаты, страны-победители настояли на нем. Уверен, не без помощи Ордена, результаты расследования которого стали главным обоснованием этого пункта.

Один из первых указов Александра II, взошедшего на престол после смерти отца, гласил о роспуске казачьих войск. Император стремился как можно скорее закончить тяжелую для России войну и решил согласиться на все требования Британии и Франции. Самым главным курьезом Парижского конгресса стало то, что представителей Турции на него даже не пригласили. В общем, конгресс и ставший его итогом мирный договор оказались, наверное, самым большим поражением российской дипломатии. Империя, конечно, не потеряла никаких земель, что уже не столь скверно, однако нам пришлось выплатить громадные контрибуции, опустошившие и без того не слишком полную после нескольких лет войны казну. Россия почти полностью потеряла контроль над Черным морем, хуже того, ей запретили держать там свой флот. Севастополь, почти до основания разрушенный многочисленными бомбардировками врага, нельзя было восстанавливать, так как флотские базы на берегах Черного моря нам также иметь запрещалось. Войска в Крыму ограничивались несколькими гарнизонами в ключевых городах. К тому же необходимо было платить за аренду построенной британцами узкоколейки из Балаклавы в пригород Севастополя, хотя никто ею, понятное дело, не пользовался.

И все равно главным ударом по России были не контрибуции, не вытеснение с Черноморского бассейна, а именно роспуск казачьих войск. Это ослабило нашу страну до крайности — особенно на границах, породило огромное количество озлобленного на власть, царя и само Отечество народу. Для замирения большей части станиц, превратившихся в одночасье в деревни, пришлось двигать проверенные Крымской войной полки. Многие казаки разбежались по лесам, став обыкновенными разбойниками,— только такими, которые очень хорошо умеют прятаться и нападать из засады.

Лишь у уральского генерал-губернатора хватило воли наплевать на царский указ, переименовав казачьи полки Яицкого войска в драгунские, а станицы — в воинские поселения. Так что там для казаков ничего не изменилось, даже мундиры остались прежними.

Но куда хуже обстояли дела в иных частях империи. Много где лилась казачья кровь — не за царя и Отечество, а ради былых привилегий и из-за нежелания вольного народа идти под ярмо крепостного права. Ведь помещики очень быстро оценили выгоду появления новых сел и деревень на месте казачьих станиц. Не желавших мириться со своей участью казаков сгоняли с земли, нередко при помощи войск. Землю эту тут же покупали местные помещики и быстро заселяли на них своих крепостных. Те же из казаков, кто хотел остаться при своем хозяйстве, вынуждены были признавать крепостными себя и свои семьи. Их презирали и ненавидели товарищи, зато защищали вла-

сти, а помещики часто набирали из таких нечто вроде личной гвардии, которой весьма гордились.

За пять лет, прошедших с Крымской кампании, ситуация более-менее успокоилась, крупные восстания подавлены, мелкие — тем более. И о казаках теперь старались просто не вспоминать.

На следующий же день я подъехал к ротмистру Обличинскому. Тот после совещания у графа то и дело ездил из начала колонны в конец и обратно, стараясь контролировать наше перемещение. Постоянно разговаривал с разведчиками и настоял, чтобы высылали передовое и тыловое охранение. Благодаря его усилиям наша экспедиция фактически перешла на военное положение. Поймать ротмистра оказалось не столь простой задачей, однако я справился с нею, перехватив его во время очередной прогулки из хвоста колонны в ее голову.

— Скажите, ротмистр,— аккуратно начал я разговор,— а откуда родом ваши драгуны?

— Оттуда же, откуда и ваш легкий боец,— усмехнулся Обличинский.— Его многие в эскадроне признали, земляки же.

— Так, выходит, у вас весь эскадрон из бывших казаков набран? — удивился я.

— А вы считаете, что все, кроме уральского генерал-губернатора Демидова-Антуфьева, идиоты,— еще веселей рассмеялся Обличинский.— Это на Дону и на Днепре идиотами оказались начальники. Сговорились с помещиками, чтобы наложить лапу на казацкие земли, а их самих закрепить, как простых крестьян. У нас же, на линии, без казаков не обойтись

никак. Вы представляете себе, граф, что случилось бы с русским Кавказом, если бы его станицы вспыхнули так же, как донские и запорожские, когда по указу императора распустили Сечь и область Войска Донского? Наше командование на Линии быстро сообразило, что к чему, и к первой же инспекции доложило о роспуске станиц, да к тому же предъявило проверяющим сразу несколько свежесформированных драгунских полков. Им присвоили номера и оставили на Линии. А после пришлось еще полдюжины полков формировать из беженцев с Дона и Днепра. Но уже не только драгунских — три полка были кавалерийскими, а еще три — пластунскими.

Слушал я Обличинского и диву давался. Выходит, с казаками вовсе не всюду поступили так же по-скотски, как это сделано было на Дону и Днепре. Но, с другой стороны, на Кавказе и Урале слишком близко граница, полно опасностей и никогда не знаешь, откуда придет очередная напасть, наверное, там к казакам относились куда серьезнее, чем в середине империи, где располагались область Войска Донского и Запорожская Сечь.

— В общем, мои ребята просили кланяться их куму, свату и бог знает кем он там кому еще приходится, — кивнул мне Обличинский, — что у вас легким бойцом теперь служит. Просили передать, что, если надоест, место в полку ему всегда найдется.

— Обязательно передам, — кивнул я.

Якуб-бек напал на нас через три дня после того, как экспедиция покинула Хиву. Так что меры, предпринятые Обличинским, стали далеко не лишними. Без них нас бы окружили, а мы поняли бы это слишком поздно, когда уже ничего не предпринять. Возможно, в

этом случае не было б и поединка с Якуб-беком — его банда, оказавшаяся весьма многочисленной, попросту вырезала бы экспедицию за четверть часа. Вряд ли этим башибузукам нужно существенно больше времени.

Однако благодаря охранениям, высланным ротмистром, вовремя узнали о готовящемся нападении, и, когда из-за невысоких холмов вылетели лихие всадники в длиннополых халатах с тугими луками в руках, экспедиция была готова к этому натиску. Нас атаковали сразу со всех сторон, и потому пришлось превратиться в некое подобие ежа, только вместо иголок были драгунские сабли. Было и сходство с дикобразом — стреляли во врага длинными иглами арбалетных болтов. Каждый драгун в эскадроне Обличинского был вооружен легким арбалетом, и управлялись солдаты с ними превосходно. Но чего еще ждать от бывших казачков, оставшихся служить на Кавказской линии?

Прежде чем налетчики успели натянуть тетивы своих луков, первые из разбойников уже вылетели из седел, пораженные арбалетными болтами. Второй залп драгун не заставил себя ждать. Враги пытались закрываться легкими щитами, но они и от стрел их луков-то защищали не слишком хорошо, а уж от болтов так и подавно. После третьего залпа атака бандитов захлебнулась. На щедро политой кровью траве остались лежать несколько десятков тел людей и коней, да еще столько же, наверное, животных остались неприкаянными бродить среди трупов. Иные были ранены болтами и страдали от этого — их жуткие, почти человеческие крики оглашали окрестности.

— Эх, животин-то почто мучаем? — протянул стоящий рядом со мной Корень. — Они-то ни в чем не виноваты!

Но никто ему не ответил. Смысла нет отвечать на риторические вопросы. Правда, вряд ли Корень знал о существовании таковых.

Новых атак, как ни странно, не последовало. Один раз получив серьезный отпор, налетчики предпочли затаиться. Быть может, командир их Якуб-бек решил, что мы расслабимся и спокойно продолжим путь, подставляясь под второй удар. Однако экспедиция и не думала двигаться с места. Мы стояли прежним порядком, ожидая нового набега.

Но его не случилось. Граф Игнатъев был полностью прав относительно Якуб-бека. Он выехал из-за гряды невысоких холмов в сопровождении ближнего круга таких же, как и он, бандитов, одетых куда лучше большинства атаковавших нас. Вслед за ними на небольшом удалении ехали остальные. Они сомкнулись вокруг нас в широкое кольцо. Ни один не переехал невидимую черту. Ту, за которой можно было поразить из арбалета.

Первый всадник — судя по богатству украшенного халата, обмотанному тюрбаном стальному шлему и самоцветам на кольцах, это и был Якуб-бек — остановил коня и громко обратился к нам. На каком языке говорил, не знаю, лично я не понял ни единого слова, однако насмешка в словах Якуб-бека чувствовалась.

Ответил ему граф Игнатъев. Он один выехал навстречу Якуб-беку и смотрелся весьма внушительно в мундире, при орденах и с правой рукой, спокойно лежавшей на эфесе сабли.

Они обменялись несколькими длинными фразами, и от каждой реплики графа лицо разбойника становилось все мрачнее и мрачнее. Уж не знаю, что там говорил Игнатъев, но слова его основательно цепляли Якуб-бека. Наконец тот вскинул руку, не дав графу

Но никто ему не ответил. Смысла нет отвечать на риторические вопросы. Правда, вряд ли Корень знал о существовании таковых.

Новых атак, как ни странно, не последовало. Один раз получив серьезный отпор, налетчики предпочли затаиться. Быть может, командир их Якуб-бек решил, что мы расслабимся и спокойно продолжим путь, подставляясь под второй удар. Однако экспедиция и не думала двигаться с места. Мы стояли прежним порядком, ожидая нового набега.

Но его не случилось. Граф Игнатьев был полностью прав относительно Якуб-бека. Он выехал из-за гряды невысоких холмов в сопровождении ближнего круга таких же, как и он, бандитов, одетых куда лучше большинства атаковавших нас. Вслед за ними на небольшом удалении ехали остальные. Они сомкнулись вокруг нас в широкое кольцо. Ни один не переехал невидимую черту. Ту, за которой можно было поразить из арбалета.

Первый всадник — судя по богатству украшенного халата, обмотанному тюрбаном стальному шлему и самоцветам на кольцах, это и был Якуб-бек — остановил коня и громко обратился к нам. На каком языке говорил, не знаю, лично я не понял ни единого слова, однако насмешка в словах Якуб-бека чувствовалась.

Ответил ему граф Игнатьев. Он один выехал на встречу Якуб-беку и смотрелся весьма внушительно в мундире, при орденах и с правой рукой, спокойно лежавшей на эфесе сабли.

Они обменялись несколькими длинными фразами, и от каждой реплики графа лицо разбойника становилось все мрачнее и мрачнее. Уж не знаю, что там говорил Игнатьев, но слова его основательно цепляли Якуб-бека. Наконец тот вскинул руку, не дав графу

договорить, махнул — мол, не желаю больше слушать. И тогда рассмеялся Игнатьев. Я ни разу ни до, ни после этого дня не слышал его смеха. Он хохотал, держась за бока, будто Якуб-бек отмочил такую шутку, лучше которой граф не слыхивал прежде.

И тогда Якуб-бек снова вскинул руку, но на сей раз в ней был зажат кривой кинжал. Он швырнул его под ноги игнатьевского коня — отлично обученное животное не переступило через холодное оружие копытами, как будто ничего и не произошло.

Я понял — графу удалось спровоцировать разбойничьего главаря на поединок. Что там говорил Игнатьев Якуб-беку, сейчас уже неважно, теперь осталось выяснить, когда именно будет сама схватка.

Граф возвращался к нам намеренно очень медленно. Для начала он, не спускаясь с седла, поднял кинжал Якуб-бека и сунул его за пояс. После распрощался с самим разбойничьим главарем и шагом направил лошадь обратно. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем Игнатьев спешился рядом со мной и моими бойцами. К нам тут же присоединились Обличинский с Можайским.

— И до чего вы договорились с Якуб-беком? — спросил я у графа, машинально покосившись на конные фигуры разбойников, оставшихся ждать неведомо чего.

— Он согласился драться не со мной лично, а с выбранным мной бойцом, — спокойно ответил тот, протягивая кинжал. — Это — кинжал вызова, — пояснил он, — вернете его Якуб-беку, когда выйдете биться с ним.

— Значит, вы хотите, чтобы именно я дрался вместо вас, — кивнул я — спрашивать тут уже было неуместно, да и глупо как-то.

— Именно,— подтвердил Игнатъев мои слова, хотя в этом и не было особой нужды.— Но, в общем, вы вольны выбрать любого бойца из своей команды. Якуб-бек станет сражаться саблей, так что, возможно, лучше выставить против него вашего казака.

— Стратегию и тактику поединка оставьте мне, граф,— отмахнулся я, но прежде чем взяться за чехол с секачом, неожиданно, в первую очередь для себя самого, задал Игнатъеву вопрос, мучивший меня последние десять минут: — Над чем вы так смеялись, граф? Что вызвало у вас тот приступ веселья?

— Якуб-бек обозвал меня трусом, когда я отказался драться с ним и сказал, что хочу выставить против него своего бойца. Я рассмеялся ему в лицо при его присных и спросил, он ли стоит один против отряда вооруженных до зубов воинов, готовых в любую секунду растерзать меня.

Да уж, как и многих восточных людей, Якуб-бека оказалось очень легко спровоцировать. А уж такому человеку, как граф Игнатъев, это не составило ни малейшего труда. Что ж, теперь, как говорится, мой выход.

— Погоди, командир,— перехватил меня Корень,— ты ж слышал, что граф говорит: этот бек будет драться саблей. Может, и правда лучше мне против него выйти?

— Он этого ждет,— ответил я.— Противника с саблей, такого же, как он, быстрого и ловкого. Он готов к такой схватке, а значит, у меня есть очень большое преимущество против него.

Мои слова не убедили Корня, но спорить он не стал — знал, что бесполезно. К тому же понимал: этим препирательством может уронить мой авторитет капитана команды.

Я закинул на плечо упакованный до поры в чехол тесак и размеренным шагом направился к Якуб-беку. Садиться в седло не стал намеренно — не хотел тратить время на это, а после на то, чтобы спешиться. Да и с секачом на плече делать это было не слишком сподручно. Пройдя расстояние, разделяющее нас и передовой отряд Якуб-бека, остановился, вынул из-за пояса кинжал, врученный мне Игнатьевым, и почти без замаха кинул его под ноги лошади бека. Скакун предводителя разбойников оказался столь же вышколен, как и игнатьевский. Он и ухом не повел, не то чтобы копытом дернуть.

Якуб-бек что-то сказал мне, но я в ответ лишь плечами пожал, давая понять, что не понимаю ни слова. Тогда бек спрыгнул с коня, швырнул за спину халат и шлем прямо вместе с тюрбаном, остался в просторной рубахе и под стать ей шароварам, на мгновение показавшись мне удивительно похожим на запорожца из гоголевского «Миргорода». Отказался Якуб-бек и от лука со щитом — в руках он держал только длинную кривую саблю с волнистым клинком. Не раз приходилось мне сталкиваться с таким оружием. Запрещенное в большинстве армий мира, оно было удивительно популярно на аренах. Как бы ни боролся с ним Олимпийский комитет во главе с самим бароном Кубертенем, все усилия пропадали втуне. Слишком эффектно и зрелищно смотрятся раны, нанесенные такой вот саблей с пламенеvidной заточкой, очень много крови фонтанами бьет на песок арен. Все это слишком сильно привлекает зрителей, чтобы отказываться от подобного оружия. Тут даже сам Кубертен бессилен. О ранах от таких вот волнистых клинков я предпочел сейчас не думать.

Якуб-бек отошел на несколько шагов от группы всадников, встал в позицию, какая принята на Востоке. Ничего общего с европейской фехтовальной традицией тут не было и близко. Он готов не к классическому поединку, а к кровавой схватке, к бою насмерть, в котором нет места правилам и честности. Высшей же честью будет победа — лишь она мерило всему. Левой рукой он сделал мне приглашающий жест и, широко улыбнувшись, как могут только на Востоке, прежде чем всадить пядь стали в живот, произнес несколько слов. Они были понятны безо всякого перевода.

Быстрым движением я сорвал с секача чехол, дав противнику всего несколько мгновений насладиться его жутким видом, и почти тут же атаковал. Со всей доступной мне скоростью. Якуб-бек успел в первые секунды оценить мое оружие. Он был не просто профессиональным бойцом — настоящим убийцей со стремительным взглядом. Уверен, что и мозги его работают очень быстро. Он должен был решить, что я вряд ли атакую его, — слишком тяжел и неповоротлив с виду секач. На том и строился мой расчет.

Парировать удар секача глупо — он пробьет любую защиту, веса для этого более чем достаточно. Якуб-бек отлично понимал это, а потому и пробовать не стал, а легко отпрыгнул в сторону. И тут же его клинок змеей метнулся в мою сторону. Уходить в защиту мой враг не стал, что говорило о нем многое. Я отвел клинок его сабли в сторону, поймав широким лезвием секача, ответил быстрым ударом, направив оружие почти параллельно земле. Снова Якуб-беку пришлось отпрыгивать назад, иначе секач просто развалил бы его надвое. Только ноги разбойничьего главаря коснулись земли, как он сразу же ринулся на меня.

Быстрый рубящий удар оказался финтом, обманкой, к счастью, я понял это вовремя и не поддался, приняв пламеневидный клинок на стальную рукоять секача. Дернул оружие вниз, попытавшись зажать клинок между лезвием секача и рукоятью. Тут его форма стала бы весьма серьезной помехой, мешающей освободить оружие. Якуб-бек разгадал мой маневр. Он резко дернул руку на себя, снова отскочил, разрывая дистанцию.

Я не стал дожидаться нового удара — атаковал сам, навстречу. Быстрый выпад широкой, столь же остро отточенной, как и режущая кромка, частью клинка заставил Якуб-бека отшатнуться, он даже прыгнуть не успел. Только это мне и было нужно. Я вывел его из равновесия. Всего на миг, но этого должно хватить. Переступив на месте, используя инерцию движения и вес оружия, провернулся, на мгновение подставив врагу спину. При этом она сразу покрылась холодным потом, но все обошлось. Мой расчет оказался верен. Хотя эти доли секунды, на которые я выпустил Якуб-бека из поля зрения, стоили мне не одного седого волоса. Могучий удар обрушился на саблю Якуб-бека — он успел только подставить под мой секач основание клинка. Выбить оружие из его рук мне не удалось, но силы удара хватило на то, чтобы отшвырнуть Якуб-бека на несколько шагов. Лишь чудом удалось ему удержать равновесие и не рухнуть навзничь. Я же рванул на него, развивая успех. Удар широкого лезвия моего секача был финтом, и Якуб-бек купился на него. То ли не привык к тому, что таким тяжелым оружием вообще можно финтить, то ли просто устал — схватка нам обоим давалась непросто. Сталь оглушительно звякнула о сталь — и сабля с пламеневидным клинком едва

не вылетела из рук Якуб-бека, а следующий, главный удар пришелся рукоятью секача по ребрам разбойника.

Якуб-бек задохнулся, переломился пополам, судорожно ловя воздух ртом, будто рыба, выброшенная на землю. Тут бы мне его и добить — возможность для этого была просто шикарная, да и вряд ли враг мой остановился бы, имея он даже тень подобной. Однако добивать Якуб-бека не стал. Вместо того чтобы обрушить на него лезвие секача, ударил ногой в живот, заставляя повалиться ничком на землю, можно сказать лицом в грязь. Тогда я опустил секач, но осторожно, чтобы не прикончить ненароком дернувшегося врага, приставил его остро отточенное лезвие к шее Якуб-бека.

— Сдаешься?! — произнес я достаточно громко, чтобы слышали присные главаря разбойников. Уж кто-нибудь из них точно русский понимать должен. — Сдаешься?! — повторил я. — Или мне отрубить тебе голову?! — Демонстрируя свой настрой, приподнял секач.

И пришедший в себя Якуб-бек не преминул воспользоваться этой возможностью. Не поднимаясь с земли, он ловко прокрутился на одной ноге, подтянув под себя вторую, стремительно подсек мне ноги. Наверное, я смешно смотрелся со стороны, когда, взмахнув руками и не удержав равновесия, рухнул навзничь рядом с Якуб-беком. Секач при этом я намеренно выпустил из рук. Сейчас он мне будет только мешать.

Главарь разбойников плавным рывком, как будто стелясь над землей, даже толком на ноги не поднимаясь, бросился к своей сабле. Я прыгнул следом. Наверное, в моем прыжке не было той звериной грации, однако главное — результат, мы тут не на публику работаем, не на арене. Я успел перехватить Якуб-бека, и

мы покатались прочь от его сабли. Он каким-то невероятным движением умудрился поджать ноги и резким толчком отбросил меня в сторону. Просто сделать ничего не сумел — так силен, а главное, неожидан был этот его маневр.

Прокатившись пару сажений, я вскочил на ноги. Якуб-бек уже стоял и, хуже того, в руках сжимал свою саблю. Веселая улыбка словно расколола его смуглое, заросшее бородой лицо. Он произнес несколько слов насмешливым тоном, я почти против воли усмехнулся в ответ. Правой рукой при этом быстро нашарил за спиной кинжал — кривой бебут, подарок Ломидзе.

Якуб-бек бросился на меня со всей стремительностью, какой только обладал. Его сабля мелькнула в воздухе, свистнув коротко и жутко. Я до последнего мгновения стоял недвижим — уж чего-чего, а терпения мне не занимать. Когда волнистое лезвие сабли было буквально на волосок от моей шеи, ушел в сторону так быстро, как только мог. Отклонился корпусом, припав на правую ногу. Клянусь, почувствовал кожей на виске ветерок от пронесшегося мимо пламеневидного клинка. Плавным движением я выхватил из ножен бебут, полоснул им, целя под мышку Якуб-беку. Белая рубашка его украсилась тут же темным пятном. Я шагнул вперед, выпрямляясь и перехватывая его правую руку. Поймал Якуб-бека в жесткий захват, заученный во время недолгих тренировок в Борцовской слободе у Зангиева, прижал к его шее бебут, словно хотел побрить остро отточенным лезвием кинжала.

— Брось саблю,— прошипел я ему в самое ухо,— или я тебе сейчас же горло вскрою. Бросай!

Якуб-бек разжал правую руку — сабля упала на землю.

— А теперь медленно идем со мной.

Спиной вперед я начал отступать к своим, Якуб-бек, лишенный возможности сопротивляться, ступал следом за мной — шаг в шаг. Оказавшись под защитой драгунских арбалетов, толкнул Якуб-бека на руки первому попавшемуся слуге. Под конец пути главарь разбойников уже с трудом переставлял ноги, левый рукав и подол рубашки пропитались кровью из раны. Однако, уверен, была в его слабости известная доля притворства.

Поглядеть на Якуб-бека собрались многие. В первые ряды легко пробилась моя команда, но думаю, что их больше интересовал я, чем плененный разбойник. Вот тут-то я обратил внимание на поведение Якуб-бека. Он заметил Дорчжи, а если быть точным, его золотой медальон. Молодой рукопашник снова забылся — и тот вынырнул у него из-под рубахи. Я мельком подумал, что Дорчжи стоило бы косоворотку купить. Лицо Якуб-бека, да и не только оно — все поведение главаря шайки разбойников, на миг стало весьма интересным. Он сбился с шага, на пару секунд выпрямил сторбленную спину, а взгляд его впился в золотую пластинку, висящую на шее у Дорчжи. Последний почувствовал этот взгляд и, нащупав медальон на груди, сразу же сунул его под рубашку. Якуб-бек же быстро опомнился, снова сгорбив спину, опустил глаза и потащился, едва переставляя ноги, повиснув на руках у слуг.

Разберусь позже. Сунув бебут обратно в ножны, направился к месту схватки. Подняв свой секач, подумал и подхватил еще и саблю Якуб-бека. Стоило бы и коня увести, конечно, но тот остался стоять среди всадников, а подходить к ним решительно не хотел.

— Ваш главарь у нас! — как можно громче крикнул я всадникам, присным Якуб-бека. — Убирайтесь! Я победил!

Странная вышла речь, но она подействовала на разбойников. Один из них, постарше других годами, с длинной седой бородой и в белом тюрбане, вскинул руку и что-то громко прокричал. Еще один, находившийся рядом с ним, энергично замахал обеими руками, делая знаки остальным бандитам, да еще и оглушительно засвистел. Как это вынес седобородый, даже не представляю.

Знаки были понятны разбойникам, — и уже через пару минут они умчались обратно в степь, откуда и прискакали. Однако ни у кого из нас не было сомнений. Этих ребят еще увидим.

В тот день, несмотря на все попытки ротмистра Обличинского продолжить путь, мы уже никуда не пошли. Встали лагерем и остаток дня, а также всю ночь до самого утра провели на военном положении. Вряд ли в ту ночь хоть кто-то сомкнул глаза — все лежали в своих палатках или у костров, прислушиваясь, не уловит ли ухо перестук множества копыт, и вздрагивая от всякого громкого звука.

Я и моя команда провели эту ночь иначе. Мы перехватили Якуб-бека в лазарете. Главаря разбойников, уже перевязанного, выводили из госпитальной палатки двое дюжих слуг Игнатьева. Я видел их не один раз при графе, однако они никогда не выполняли его распоряжений, обращенных к остальным слугам. Поначалу я принимал их за телохранителей, но, похоже, их обязанности были несколько шире.

— Стоять, — велел им я. — Куда это вы повели моего пленника?

— К графу,— коротко бросил один из слуг, крепко державший Якуб-бека.

— Мы забираем его,— заявил я.— Если он так нужен Игнатьеву, пускай сам приходит ко мне. Вместе мы решим судьбу Якуб-бека.

— Этот человек нужен графу,— с нажимом произнес слуга, как будто эти почти магические слова могли все решить.

Не тут-то было.

— Я вам все сказал,— отрезал я.— Дорчжи, Вахтанг, помогите пленнику добраться до нашей палатки.

Ломидзе с молодым рукопашником надвинулись на слуг графа, и те решили не развивать конфликт, а пошли на попятный. Мои ребята подхватили Якуб-бека и повели к нашей палатке.

— Граф узнает о вашем самоуправстве,— бросил нам в спину слуга, но на это я даже отвечать не стал.

Не успели мы довести Якуб-бека к себе, как к нам примчался сам Игнатьев. Он пребывал в высшей степени раздражения, можно сказать в ярости. Только она была какой-то замороженной, ледяной, потому что, чем яростнее был граф, тем спокойнее становилось его поведение. Многих это испугало бы, но уж точно не меня.

— Что вы себе позволяете?! — вспыхнул Игнатьев.

— Якуб-бек — мой пленник, и я буду распоряжаться его судьбой.

— Я начальник экспедиции, и ничего тут без моего ведома происходить не будет,— отрезал граф.— Немедленно передайте мне Якуб-бека!

— И как же, позвольте поинтересоваться, вы собираетесь поступить с ним?

— Так, как он заслуживает. Так, чтобы это стало назиданием для остальных разбойников.

— Иными словами, вы хотите его медленно и мучительно прикончить,— кивнул я.— Идея хороша, но вам не кажется, граф, что ваш разум застят эмоции? Если мы выставим голову Якуб-бека, насаженную на пику, или его самого посадим на кол и оставим тут же, он станет мучеником для своих людей. Знаменем, символом, который сплотит их в борьбе против нас. Вам ли не знать, какими фанатичными бывают восточные люди, дай им только повод. И вы им его хотите дать — самый лучший. Вы своими руками вложите идеальный расклад в руки врага.

— А вы хотите и дальше таскаться с ним? — спросил несколько поостывший и разумно внешнемоющий моим резонам граф.

— Пока да,— кивнул я,— а там видно будет. Но уж убивать его точно нельзя ни в коем случае. Едва ли не все воины Якуб-бека видели его поражение и сейчас, уверен, думают вовсе не о том, как вызволить его, а уже начали делить власть. Нельзя дать им в руки козырь в виде общего врага, а именно нас. Сами же не хуже моего понимаете — это самое плохое развитие событий, которое только может быть.

— Ладно,— махнул рукой граф.— Делайте с ним что хотите, но знайте, ответственность за пленника на вас.

— Я это отлично понимаю, граф,— ответил я.

— А вообще, зря вы его не прикончили сразу, вот что я вам скажу,— добавил на прощание Игнатъев.— Это решило бы разом кучу проблем.

В ответ я мог только пожать плечами.

Как только граф ушел, я смог сконцентрировать все усилия на Якуб-беке. Мы усадили его на складной стул, крепко связав руки за спиной, и я встал над ним, нависая.

— Значит, так,— сказал ему я.— В то, что ты не говоришь по-русски, я не поверю никогда. Я не стану тебе угрожать, скажу прямо. Если ты бесполезен для меня, отдам тебя графу Игнатьеву. Уверен, он найдет, как интересно провести время с тобой и сделать твою жизнь максимально разнообразной. Убивать, кстати, не станет, а вот насчет не калечить — не уверен.

Я перевел дух и отступил на полшага.

— Итак,— протянул я драматическую паузу,— будешь говорить?

Якуб-бек молчал, старательно делая вид, что не понял ни слова из моей тирады.

— Дорчжи,— кивнул я,— сходи к графу, передай его ребятам, чтобы забирали Якуб-бека. Он мне больше не нужен.

Однако стоило только спине Дорчжи скрыться из виду, как главарь разбойников заговорил.

— Не надо утруждать ребят Игнатьева,— произнес он с сильным акцентом, весело усмехнувшись.— Я хорошо знаком с его повадками, больше летать мне не хочется.

— Другое дело,— усмехнулся в ответ я.— Давай так, пока не вернулся мой парень, ты быстро отвечаешь, что такого особенного в золотой пластинке, которую он носит на шее. И не надо пытаться обмануть меня. Ты слишком сильно выдал себя, когда увидел ее.

— Аллах,— рассмеялся Якуб-бек,— если ты вырвал меня из лап Игнатьева только из-за этого, то я воистину Его любимец. Если вы едете в Бухару, то не стоит там показывать эту пайцзу, за нее вашего юного друга прикончат, не задумываясь. И не из-за золота — вовсе нет. Я знаю, что значит эта пайцза, и знаю, сколько это знание будет стоить в Кашгаре или даже

далеком Китае. Но тебе, урус, оно ни к чему, и я дарю его. Твой молодой друг, которого ты отправил к Игнатьеву, потомок самого Чингиза — великого хана Великой степи. Один из потомков, потому что за столько лет их накопилось достаточно, но в жилах его течет кровь Чингисхана. Вот о чем говорит эта пайцца.

Я потер подбородок. Да уж, сведения, полученные от Якуб-бека, не стоили и выеденного яйца. Кем бы ни был Дорчжи, он для меня в первую очередь рукопашный боец в команде, а все остальное совершенно неважно.

— Да уж,— кивнул я.— Ты прав, ничего интересно мне не рассказал, Якуб-бек.

— Теперь отдашь меня на растерзание Игнатьеву? — Вопреки жестокости слов разбойник широко улыбался, как будто перспектива мучительной смерти радовала его.

— Не для того я пошел на конфликт с графом, чтобы теперь отдавать так легко,— ответил я.— Вахтанг, накинь ему на голову мешок и свяжи ноги покрепче. Так он от нас никуда не денется.

Дорчжи вернулся ни с чем. Игнатьев демонстрировал показное равнодушие, сказал, что Якуб-бек ему больше не интересен и я могу делать с разбойником что захочу. На это и был мой расчет, я уязвил гордость графа, что весьма опасно, с одной стороны, но с другой — делает его в какой-то мере предсказуемым.

До самого утра Якуб-бек просидел рядом с нашей палаткой, связанный по рукам и ногам и с мешком на голове. Когда же экспедиция двинулась в путь, по настоянию ротмистра Обличинского с первыми лучами солнца, его, все так же надежно связанного, усадили на бактриана. Мешок сняли лишь для того, чтобы покормить перед отъездом. Тогда же ослабили путы на руках,

чтобы он смог сам держать миску и ложку. Никаких попыток сбежать Якуб-бек не предпринимал. То ли был слаб после схватки и ранения, то ли пока присматривался к нашей экспедиции, выбирая момент поудачней. Отчего-то я был уверен, что дело именно в выборе возможности для побега. Слишком уж быстро переводил взгляд Якуб-бек с одного на другого, особенно когда думал, будто его никто не видит. Но я-то не сводил с него глаз, и Якуб-бек вскоре заметил это. Он потупил взор и почти не отрывал его от тюков, на которых сидел. Вот только меня этим не обмануть, как и пару драгун, словно бы невзначай ехавших все время рядом с ним.

Глава 6

ЧЕРЕЗ УРГЕНЧ И ПО АМУДАРЬЕ

Теперь мы старались ехать как можно быстрее — погонщики из местных подстегивали неторопливых бактрианов, чтобы те шустрее переставляли ноги, но толку от этого было не много.

То и дело на горизонте мелькали фигурки всадников — разбойники Якуб-бека демонстрировали нам свое присутствие. Похоже, план Игнатьева не очень хорошо работал — никакого разлада в стане врага не наблюдалось, и разбойники продолжали преследовать экспедицию.

— Играют с нами, — произнес, опустив бинокль, Обличинский, — на нервах наших играют. Проверяют, крепкие они у нас или не очень.

— Как твои драгуны? — спросил у него я.

— Нормально, — махнул рукой он, — им не привыкать к таким штучкам, не первый год с восточными людьми дело имеют. А уж на линии ребята такие водятся, вроде того же Шамиля, что этим фору дадут. Так что за моих драгун переживать не стоит — выкрутимся.

— Спасибо, успокоили, — без тени иронии произнес я.

Дни тянулись длинной чередой. Казалось, наше продвижение замедлилось — так все стремились поскорее добраться до берегов Амударьи. Вот только непонятно, как мы будем сплавляться по ней, ведь никаких средств для этого у Можайского не имелось.

— А мы, как адмирал Ушаков завещал, — рассмеялся он в ответ на мой прямой вопрос насчет будущего сплава, — на месте флот построим. Тому ни холера в Севастополе, ни турецкие происки не помешали Черноморский флот построить, так и мы справимся.

Бодрый тон и показная шутовливость не успокоили меня. Крылось за ними что-то, но я не мог понять, что именно. Вряд ли Можайский не имел вовсе никаких идей насчет сплава по Амударье, скорее, он предпочитал держать их при себе. Его право, конечно, но легче от этого на душе не становилось.

Наконец, на горизонте вместо опостылевшей уже выжженной солнцем степи замаячили стены Ургенча. Город это был не слишком старый по здешним меркам. Ему едва перевалило за две сотни. Он был окружен глиняной стеной, над которой не возвышалась ни одна постройка. Ворота оказались заперты, и открывать их никто не собирался. Городской правитель — не знаю уж, как он звался, — посчитал нас военным отрядом,

собирающимся вторгнуться в Ургенч, и никакие уговоры графа не помогли. Ворота не открыли, более того, на стены вывели, наверное, всех воинов, что находились в городе, и теперь их зубцы украшал настоящий частокол копейных наконечников.

В общем, обогнули Ургенч и двинулись дальше. Запастись водой в городе, конечно же, не удалось, и паек урезали едва ли не вдвое. Вскоре мы еле тащились по степи, горбы верблюдов обвисли поникшими в штиль парусами, лошади начали спотыкаться от усталости и недостатка жидкости. Многие драгуны делились с верными скакунами своей и без того весьма скудной порцией питья. На третий день пути было принято решение выдавать людям разведенное вино, чтобы увеличить долю животным. Решение далеко не лучшее, потому что обессилевшие от жажды люди быстро хмелели и иные уже едва держались в седлах. Конечно, среди драгун таких не нашлось — все они были народом крепким, даже те, кто не из казаков родом.

Мои бойцы держались молодцами, даже Армас — человек северный и к подобному климату не привыкший. Хотя он уже столько помотался с командой по всей Европе и изрядной части Азии, что смена климата на него, как и на всех нас, почти не повлияла.

— Разбойники могут напасть на нас у Амударьи, — заявил Обличинский. — Надо не допустить хаоса, когда экспедиция доберется до ее берегов. И в этом я прошу вашей помощи, граф. Лейтенант Можайский со своими моряками уже обещал помочь.

— А может быть, как раз стоит допустить этот самый хаос? — неожиданно предложил я.

— Я, кажется, не совсем понимаю вас, граф, — удивился ротмистр. — Если на нас нападут, когда большая

часть obsługi ринется к воде, это будет крахом всей экспедиции. Нас просто растопчут.

— Если мы будем сдерживать рвущуюся к воде обслугу, то да, нам конец. А вот если враг увидит хаос в наших рядах и кинется нападать, то мы, не отвлекаясь, сможем отбить атаку. И с немалыми потерями для бандитов.

Ротмистр помолчал с полминуты, переваривая сказанное мной, а после выдал:

— Иного сложно ожидать от героя Арабата. Теперь я понимаю, как вы смогли сдерживать британцев и немцев так долго. Жаль, что после не пошли по военной лестнице, Россия потеряла отличного генерала.

— Генералов у нас хватает,— усмехнулся я,— найдутся и получше моего.

— Да уж,— согласился Обличинский,— в генералах у нас уж точно недостатка нет.

Заметки на полях СОКРАЩЕНИЕ АРМИИ

Еще одним позорным условием, выставленным России странами-победителями, было сокращение армии на треть. Фактически после этого во внутренних губерниях почти не осталось войск — все они были сосредоточены на границах. Из-за этого проблемы с донскими и запорожскими казаками решить удалось далеко не сразу, и стоило это очень большой крови.

Однако самым печальным в военной реформе и сокращении армии стало то, что генералов это

никоим образом не коснулось. Из армии увольняли офицеров, расформировывая целые полки, а то и распуская дивизии, но генералам, многие из которых никогда и близко не подбирались к районам боевых действий, всегда находили тепленькое местечко, часто просто выдумывая для них синекуры. В итоге, как показала ревизия, результаты которой каким-то образом просочились в газеты, расходы на армию выросли. И это при том, что общее число служивых сократилось больше чем на треть, как того требовали наши враги.

Так что в генералах недостатка русская армия уж точно не испытывала.

Амударья манила всех нас — даже верблюдов уже не надо было понукать, они почувствовали близость воды и быстрее шагали. Наутро перед последним переходом до реки лошадям раздали всю нашу воду, еще сильнее ужесточив норму для людей. Также в то утро никому не наливали вина.

Когда же Амударья появилась на горизонте, к ней рванули почти все. Погонщики буквально тащили за собой торопящихся изо всех сил верблюдов, прочая же обслуга бросилась к водной поверхности бегом. Драгуны и морская команда Можайского воцаряющегося хаосу никак не мешали, однако и присоединяться к бегущим к воде не спешили.

Игнатьев подлетел к нам — гнев лучился в его лице. К тому же тон разговора был ледяным и спокойным.

— Что это такое? — процедил он. — Вы должны поддерживать порядок в экспедиции, Обличинский, а

не манкировать обязанностями. Это уже похоже на предательство.

— Не разбрасывайтесь такими словами, граф,— отрезал ротмистр.— Не забывайте, что у меня есть шпага, и уж против меня вам точно не выставить другого бойца. Я отнюдь не пренебрегаю обязанностями, я как раз наоборот, занят делом.

— С вами я и сам сойду, если бросите мне вызов,— спокойно ответил Игнатьев, однако видно было, что гнев его несколько приутих.— Но, быть может, вы все же объяснитесь, ротмистр, раз уж не изволили поставить меня в известность о своих намерениях раньше.

Вместо ответа Обличинский указал на кромку горизонта — там уже отчетливо виднелись фигурки всадников и окутывающее их облако пыли.

— Если бы мои люди находились сейчас в толпе, пытаясь хоть как-то ее организовать, эти ребята растоптали бы нас через пять минут.

Он вскинул над головой руку с зажатым в ней палашиком и крикнул во всю мощь луженой глотки:

— Драгунство, стройся! Арбалеты готовы!

И вот уже от него меня и Игнатьева отрезает строй из более чем сотни всадников в зеленых мундирах. Через седло у каждого перекинут небольшой арбалет с узкими, но очень мощными плечами, снабженный специальной рукояткой и системой пружин для быстрого взвода. Опытный боец из такого делает по два-три выстрела в минуту, меткость, конечно, временами оставляет желать лучшего, но обычно этот недостаток компенсируется плотностью залпа.

Встав широким фронтом, колено к колену, всадники ждут следующей команды, и Обличинский не заставляет их медлить:

— Рысью, на шенкелях! Марш!

Приказ отдан — и теперь только от умения и выездки коня зависит плотность строя всадников. Однако ни один скакун не нарушает его, хотя все чувствуют свободу. Три ряда устремляются драгуны навстречу несущимся лавой разбойникам.

Те мчатся по степи, будто оживший кошмар Византии и Рима — всадники Аттилы Гунна, Бича Божьего. Развеваются грязные полы халатов и длинные лошадиные гривы. Ни о каком порядке и речи идти не может. Вскоре до нас доносятся их дикие вопли, какие на протяжении тысяч лет оглашали просторы Великой степи, предвещая смерть и разорение. Многие из всадников вскидывают луки, стреляют, казалось, целясь в небо, пускают стрелы по высокой дуге. От таких выстрелов толку почти нет — ни одна стрела не достигает цели, все вонзаются в землю далеко от копыт лошадей первых драгун. А вот ответный залп эскадрона страшен. Арбалеты бьют в лаву с удивительно большого расстояния. Длинные болты пробивают лихих разбойников, валя их с седел, поражают лошадей, и те кричат — страшно, почти как люди. За первым следует второй залп, а потом и третий, почти в упор. Он прореживает толпу бандитов, оставляя многих валяться в траве. Но для четвертого уже нет времени — и в дело идут палаши. Тяжелые драгунские палаши не чета легким разбойничьим сабелькам, они легко ломают их клинки, впиваются в тела, обагрят грязные халаты кровью, сокрушают ребра, рубят головы и конечности.

Кавалерийская рубка, быть может, самое страшное, что есть в сражении. Я ни разу не участвовал в ней, а сегодня впервые наблюдал ее с такого неболь-

шого расстояния. И мог только радоваться тому, что от схватки меня отделяют добрых полторы версты, если не больше.

Удар драгун Обличинского опрокинул ожидавших легкой добычи разбойников. Для них привычней налететь на караван или форт, собрать кровавую жатву и ринуться прочь, пока враг не восстановил силы, чтобы нанести ответный удар. Получая же отпор, степные всадники предпочитали сразу отступать, а уж когда атаквали их самих, то вовсе бежали быстро, как могли.

Вот так случилось и сейчас — не прошло и десяти минут, как схватка закончилась. Драгуны возвращались к Амударье, ведя в поводу оставшихся без седоков лошадей.

— Похоже, драгуны Обличинского отлично справились? — заметил граф, глядя на подъезжающих всадников. За все то время, что шел бой, он не изменил позы, сидя в седле ровно, с прямой спиной.

Я счел лишним отвечать на этот явно риторический вопрос.

Обличинский не получил в бою ни одной раны, на мундире его красовались лишь темные круги пота, да шею лошади пятнали следы крови, принадлежавшей не ей.

— Враг разбит, — отрапортовал ротмистр, — потери минимальны. Теперь они не скоро сунутся к нам — мы им в этот раз крепко по зубам врезали.

— Прошу извинить, — произнес предельно ровным тоном граф Игнатьев, и сразу стало ясно, чего стоили ему эти слова, — мою резкость, допущенную по отношению к вам, ротмистр.

— Извинения приняты, — кивнул Обличинский.

Вполне удовлетворенный граф обернулся к Можайскому. Тот как раз подъехал к нам. В седле лейтенант держался не слишком хорошо, стараясь по возможности передвигаться либо пешком, либо на спине бактриана.

— Как дела с подготовкой сплава по Амударье? — спросил у него Игнатьев.

Можайский вынул из кармана часы, щелкнул крышкой. Затем для чего-то глянул на небо, как будто так удобней ориентироваться.

— Задерживается немного, — выдал он. — Но, надеюсь, через четверть часа мы сможем отправиться вниз по реке.

— Что это за загадки вы нам тут загадываете, Можайский? — удивился Игнатьев. — Извольте доложить по форме, когда вашей командой будет организован сплав?

— Через четверть часа, ваше высокоблагородие, — выпалил, будто фельдфебель на плацу, Можайский.

Мы разбили временный лагерь на берегу Амударьи. Воды теперь вдоволь, и можно было не только пить, но даже купаться. Из палаток поставили только несколько госпитальных, где лечили раненных в недавнем бою драгун. Многочисленных же слуг отправили на поле сражения убирать трупы, чтобы не допустить распространения заразы.

Самым удивительным оказалось то, что морская команда Можайского не предпринимала ровным счетом никаких усилий для организации сплава экспедиции по Амударье. Вместе с драгунами матросы купались в реке и приводили в порядок одежду, как будто не подозревая о том, что их командир обещал нам через четверть часа организовать этот самый сплав.

Все решилось само собой куда раньше обозначенного Можайским времени. Над рекой раздался длинный гудок парохода, лишь ненамного опередивший появление самой машины. Стальной пароход с парой жутко чадающих труб и небольшими колесами. Он был похож на ходящий по Волге «Баян». Но, в отличие от него, идущий сейчас вниз по Амударье был вооружен четырьмя баллистами, по две на бортах, и катапультиой на носу, что, несомненно, придавало ему внушительный вид.

— Ваше сиятельство,— обратился к Игнатьеву Можайский, указывая на подходящий в берегу пароход,— наш сплав по Амударье. Прошу любить и жаловать — стальной пароход «Перовский».

— Как он тут оказался, лейтенант? — не стал скрывать удивления граф.

— Из Хивы в Казалы я отправил верного человека с сообщением, что в скором времени экспедиции понадобится пароход для сплава по Амударье,— объяснил Можайский.— Моей команды хватит только для навешивания переправы, но никак не для организации сплава, для этого у меня людей слишком мало, да и материала просто нет.

— Сообщение в Казалы вы отправили от моего имени,— тон графа стал ледяным,— но меня при этом не поставили в известность?

— Сообщение капитану Бутакову отправил от своего имени,— ответил Можайский,— потому что все касаемое дел морских относится к моей компетенции. Вас же, ваше сиятельство, в известность не поставил по той причине, что я просто делаю свою работу. Вы мне задали задачу организовать сплав, а уж средства для этого я избираю сам, не так ли?

— Иногда мне кажется,— процедил граф, глядя на ротмистра и лейтенанта,— что я тут и не начальник экспедиции вовсе. У всякого есть свои планы, и их со мной не то что не согласуют — даже делиться не изволят.

— Простите, ваше сиятельство, но не обо всем же вам докладывать,— пожал плечами Обличинский.

Игнатьев в ответ лишь махнул рукой и отъехал на некоторое расстояние, сделав вид, будто следит за тем, как причаливает пароход.

— Зря вы затеяли эту игру,— покачал головой я, проводив взглядом графа.— Вы можете нажить весьма опасного врага.

— У Игнатьева после Хивы просто нервы сдают,— ответил Обличинский.— Он, конечно, человек жесткий, но другому бы и не доверили миссию. Ему не стоит так уж закручивать гайки. В нашей экспедиции каждый отвечает за свое дело, и раньше граф не лез в чужую работу. Теперь же, когда все пошло не так, как он рассчитывал, Игнатьев пытается понять, где допустил ошибку, а потому хватается разом за все, хочет всех контролировать. Вот мы его слегка с небес на землю и опустили.

— И все же зря вы это затеяли,— снова покачал я головой.

— В сложившихся обстоятельствах так будет лучше,— отмахнулся Обличинский, и на этом наш разговор угас как-то сам собой.

Погрузка на корабль много времени не заняла — в этом сильно помогли матросы из команды Можайского. Не прошло и часа, как лошадей и верблюдов завели в объемный трюм парохода, драгун же вместе с экспедиционной обслугой разместили прямо на палубе.

Разумеется, палатки разбивать не разрешили. Не вбивать же колышки прямо в палубный настил, этого уж точно не позволит ни один капитан. Но навесы соорудить получилось приличные. От сильного дождя такие не спасут, а вот от палящего солнца они защищали неплохо. Графу Игнатьеву, офицерам, сопровождавшим экспедицию ученым и моей команде, конечно, выделили более удобные места. Каюта на «Перовском» была всего одна и досталась Игнатьеву. Остальным же пришлось довольствоваться просторными кубриками на несколько человек. Команде парохода пришлось сильно потесниться.

Когда все поднялись на борт и «Перовский» был готов отчалить, к Можайскому подошел молоденький мичман, лицо которого украшали тонкие усы. Он отдал честь старшему по званию.

— Докладывайте, Панин,— кивнул ему Можайский.

— По приказу капитана Бутакова,— отчеканил молодой мичман,— передаю вам командование над пароходом на время вашего присутствия на борту.— И снова отдал честь — четким, отточенным движением, будто на параде.

— Командование принимаю,— ответил Можайский, столь же торжественно салютуя в ответ.

Так начался наш короткий, но оказавшийся весьма насыщенным сплав вниз по Амударье.

В первую же ночь короткого путешествия произошло то, чего так опасался граф Игнатьев,— Якуббек умудрился сбежать. Места в кубрике главарю разбойников никто выделять не собирался, поэтому его устроили на палубе вместе с драгунами. Казалось бы, оттуда он уж точно не сбежит, окруженный врагами, связанный по рукам и ногам. Даже чтобы поесть или

сходить в нужник, его не освобождали полностью, а лишь ослабляли путы. Однако, как оказалась, этого было недостаточно, чтобы остановить Якуб-бека. Утром первого дня плавания по Амударье драгуны обнаружили одного из своих задушенным, а вот Якуб-бека не нашли. По всей видимости, он дождался, когда все крепко уснут, умудрился каким-то образом, не разбудив никого, задушить драгуна, используя как удавку собственные путы, а после, разрезав их, прыгнул в воду. За шумом гребных колес, постоянно шлепающих плицами по воде, этого никто не услышал.

Игнатьев с утра был в ярости. Он замер над мертвым драгуном, как будто хотел лично еще раз прикончить его или кого-нибудь, лишь бы хоть как-то умерить свой гнев.

— Граф,— обратился он ко мне,— Якуб-бек был на вашем попечении, и он сбежал.

— Очевидный факт,— кивнул я.— Однако, заметьте, я в это время спал вместе с командой в нашем кубрике. Предлагал поселить Якуб-бека вместе с нами, но мне в этом было отказано. Не вы ли, граф, вчера весьма резко высказались по этому поводу?

Тут ему крыть было нечем. Сам высказался против того, чтобы главаря разбойников я забрал в свой кубрик. Даже непонятно почему: как мне показалось в тот момент, чтобы показать свою власть хоть в чем-то или же это была такая мелкая месть. Но в последнее я отказывался верить — слишком уж скверно выглядел в таком случае наш посланник в Бухару. А вот насчет показать власть — более реально, ведь это подтверждало слова Обличинского.

— Ротмистр, ваши драгуны проспали врага,— тут же напустился на Обличинского Игнатьев.

— Кого следующего вы обвините в побеге Якуб-бека? Кого захотите повесить, чтобы сорвать злость? Я ведь отлично знаю историю Раимского укрепления, откуда в прошлый раз бежал Якуб-бек.

Я был удивлен, даже больше — ошарашен резкими словами и тоном Обличинского. Никогда прежде тот не позволял себе разговаривать с начальником экспедиции подобным образом.

— Оттуда сбежал не он один, — отрезал Игнатьев, а гнев его, казалось, рос на глазах. — Вы не знаете и десятой части произошедшего в форте, лишь поэтому я прощу вам эту дерзость. А виновный в побеге Якуб-бека — вот он, — Игнатьев указал на задушенного драгуна, которого уже накрыли куском белой ткани, — и он уже получил по заслугам.

В тот день, до самого вечера, граф не покидал капитанской каюты.

За исключением этого досадного происшествия, первый день нашего сплава вниз по Амударье прошел спокойно. «Перовский» мерно хлопал плечами по воде, мимо проплывали уже привычные глазу пейзажи. Если по правому борту раскинулась покрытая зелено-желтым ковром травы степь, то по левому — снова вступала в свои права пустыня, и уже ближе к полуночи каменистая земля сменилась барханами, тянущимися от горизонта до горизонта. А уже на следующее утро пустыня раскинулась по обоим берегам.

В тот же день нам на глаза показался Якуб-бек. Ранним утром вахтенные заметили всадников, лихо выехавших прямо на берег Амударьи. Первым среди них был Якуб-бек — это и без бинокля хорошо видно. Он снова оделся в роскошный халат, надел на голову стальной шлем с тюрбаном и перепоясался саблей. Ею

он и грозил нам, потрясая в воздухе обнаженным клинком и выкрикивая какие-то угрозы. Их и слышно-то не было, что уж говорить о понимании.

— Смотреть по сторонам! — прокричал вахтенный офицер, тот самый мичман Панин, что сдал Можайскому командование пароходом. — Внимательней быть!

Даже мне, проведенному в этих краях не столь много времени, было понятно, что сейчас глядеть надо куда угодно, но только не на машущего саблей и испускающего пронзительные вопли Якуб-бека. Опасность явно придет вовсе не от него. И точно, не прошло и минуты, как с мачты раздался крик впередсмотрящего:

— Две шлюпки прямо по курсу! В каждой — до взвода бойцов!

А следом его поддержал товарищ, еще один матрос из вахтенных.

— Справа по борту — вражеские баллисты! Три единицы! Готовятся к залпу!

— Расчеты к баллистам! — тут же скомандовал Панин, не дожидаясь Можайского, — сейчас пароход был полностью под его ответственностью, пока капитан снова не примет командование. — Всем отойти от бортов! Драгуны, готовиться принять стрелковый бой!

— Есть! — отсалютовал ему ротмистр Обличинский. Пускай он был и выше чином, но отлично понимал, чьи команды сейчас лучше выполнять. — Против кого нам лучше драться?

— Вы нам понадобятся, — на палубе появился Можайский, и тут же власть на «Перовском» перешла к нему без лишних докладов и церемоний, не до них сейчас, — если пароход начнут обстреливать с берега.

Тогда надо будет отвечать, а пока пускай ваши люди залягут, так будет лучше всего.

Почти следом за Можайским на палубе появился Игнатьев, он лишь на пару минут отстал от капитана корабля.

— Нас атакуют? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Почти сразу заметил баллисты и идущие против течения на веслах и под косыми парусами шлюпки, полные людей. — Какие меры вы предпринимаете для отражения атаки? — тут же поинтересовался он у Можайского.

— Сейчас вы все увидите, ваше сиятельство, — заверил его тот и обернулся ко мне: — Вам и вашей команде лучше всего укрыться в кубрике, скоро на палубе станет жарко.

— Мы тут не кисейные барышни, Можайский, — отмахнулся я, — и сидеть вместе с экспедиционной прислугой в кубрике не станем. При abordage может быть больше толку от моих бойцов, чем от драгун.

— Ну уж abordage, будьте покойны, точно не будет, — усмехнулся Можайский, — но гнать вас с палубы насильно никто не собирается. Ваш риск — ваше дело. А вот вас, ваше сиятельство, я бы настоятельно просил удалиться в каюту. Рисковать вашей персоной мы не можем.

От такого вежливого, но весьма категоричного предложения убираться и никому не мешать Игнатьев сперва побледнел как полотно, однако возразить ему было нечего. И он откланялся, метнув на Можайского злой взгляд.

Как только граф удалился, я покачал головой и сказал лейтенанту:

— Зря вы продолжаете конфликт с графом — так недолго и смертельного врага в его лице нажить.

— Сейчас я вовсе не хотел оскорблять его, — ответил тот. — Просто во время боя может произойти всякое — случайная стрела, обломок палубного настила, да просто удар, в результате которого Игнатьев вместе с нами полетит за борт. А кому потом возглавлять нашу миссию в Бухаре? Жизнь графа слишком важна, чтобы рисковать ею попусту, надеюсь, он вскоре поймет это.

Словно иллюстрируя его слова, в воду плюхнулось первое копьё, выпущенное из вражеской баллисты. За ним последовало второе и не медлило третье. Но все мимо. Оно и понятно. Враг пристреливался, и теперь только от качества подготовки расчетов зависело, как быстро мы получим первое попадание.

Но и баллистарии с «Перовского» не дремали. Пара мощных орудий, установленных на его правом борту, одновременно швырнула во врага тяжелые чугунные ядра. Первое пролетело над головами разбойников, стоявших у осадных машин, второе же упало в воду с изрядным недолетом. И почти не отстала от них установленная на носу парохода катапульта — ее снаряд упал удачнее всех, но даже я понимал, что это слепой случай, не более того. Да и существенного урона врагу он не нанес, больше напугав, хотя и это весьма неплохо.

— Вы про лодки не забыли? — спросил у Можайского ротмистр. — Они идут полным ходом, скоро оттуда по нам стрелять из луков начнут.

Он как раз опустил бинокль, через линзы которого всматривался в приближающихся по речной глади врагов.

— Да не беспокойтесь вы о них,— отмахнулся Можайский.— Эти самоубийцы меня волнуют в последнюю очередь.

— Но приближаются они очень быстро,— покачал головой Обличинский.

— Чем выше их скорость, тем лучше для нас,— усмехнулся лейтенант и откинул крышку переговорной трубы.— Машинное, это капитан! — рывкнул он.— Самый полный вперед! — после чего обернулся к тут же стоявшему с невозмутимым видом рулевому, уверенно державшему штурвал: — Правь прямо на эти шлюпки.

— Есть править на шлюпки,— ответил тот и не пошевелился — мы и так шли прямо на них.

— На «Перовском» разве есть таран? — удивился Обличинский.

— Таран нужен был бы против равноценного врага, а для этой шелупони хватит и стального корпуса. Снаряды на них тратить я уж точно не собираюсь.

Пароход бодрее зашлепал плицами по воде, набирая скорость. В этом ему помогало и течение Аму-дарьи. Вон он уже мчится на всех парах, белыми барашками пенятся небольшие волны вокруг него. Враги в лодках осознают свою ошибку, видят, насколько утлы их суденышки в сравнении с громадой парохода. Они вскидывают луки, принимаются осыпать палубу стрелами, но это уже жест отчаяния, воины в обеих лодках понимают, что мертвы, и пытаются хоть как-то бороться с накатывающим ужасом. Кто-то кидается за борт, но большая часть не успевает сделать и этого — стальной нос «Перовского» буквально разрубает первую лодку, раздаются жуткий треск дерева и крики людей. Вторая успевает отвер-

нуть в последний момент, и ей достается по касательной, но и этого хватает. Сила удара такова, что лодка начинает разваливаться на куски. Выжившие при столкновении разбойники во всю прыть плывут к берегу.

Оттуда по нам снова бьют баллисты — одна, вторая, третья. Длинные копья ложатся уже куда ближе к цели, как и летящие в ответ чугунные ядра.

— Знаешь, что самое неприятное в капитанских обязанностях во время сражения? — неожиданно произнес Можайский, непонятно к кому обращаясь, и сам же ответил на свой вопрос: — Сейчас мне абсолютно нечего делать — команда отлично справляется сама. Машина работает как часы, рулевой уверенно держит курс, баллистарии бьют по врагу, а вот капитан, отдав команды, остается не у дел. Я даже не успею вовремя отреагировать на что-то, и делать это придется нижним чинам. Уверен, они отлично справятся, ну а мне остается лишь стоять тут с вами и ждать, чем же все закончится. По сути сейчас я такой же пассажир, как и вы.

Он поднес к глазам бинокль, всматриваясь в берег. Оттуда в «Перовского» уже летели новые снаряды — и одно из трех длинных копий врезалось в стальной борт. Пробить не пробило, но заставило пароход содрогнуться.

— Доложить о повреждениях! — скомандовал Можайский, и тут же какой-то ловкий и отчаянный матрос высунулся за борт, чтобы осмотреть его.

Уже через минуту капитану сообщили, что обшив-ка не повреждена, есть только вмятина.

— Ерунда, — отмахнулся Можайский. — Врежьте по ним напоследок, чтобы знали, с кем дело имеют!

Наши баллисты выстрелили еще раз в сторону берега — залп этот оказался удачней всех предыдущих. Пара чугунных ядер разнесла в щепу два вражеских орудия, прикончив нескольких человек. Третье же пришлось по расчетам оставшейся баллисты разбойников, оставив валяться на песке окровавленные тела и их части.

— Молодцы, баллистарии! — крикнул Можайский. — Всем по чарке от меня будет в Казалах!

Его мало кто слышал — лишь мы с Обличинским да рулевой, но это не имело значения, потому что сказано было не для красного словца, и я уверен, в Казалах Можайский свое слово сдержит.

— На том берегу Якуб-бек нас в покое не оставит, — заметил Обличинский, — и уж точно не купится больше на уловки Игнатьева. Вот тогда нас ждет уже настоящий бой.

— Бойтесь его? — напрямик спросил я у ротмистра.

— Опасаюсь, — не стал юлить тот. — В лоб Якуб-бек больше не попрет — сам видел результат встречной схватки, а значит, постарается нас застать врасплох и захватить.

— Осталась мелочь, — усмехнулся Можайский, — не дать им сделать этого.

Из капитанской каюты на палубу снова вышел граф Игнатьев. Был он мрачнее тучи, несмотря на то что опасность миновала и из боя «Перовский» вышел, как ни крути, победителем.

— Вы отлично справились, — произнес он, ни на кого конкретно не глядя. — Идея протаранить разбойничьи баркасы была хоть и рискованной, но оправдала себя полностью.

— Спасибо, ваше сиятельство,— кивнул ему лейтенант.— Как вы считаете, Якуб-бек оставит экспедицию в покое на другом берегу Амударьи?

— Вряд ли,— покачал головой Игнатьев,— мы слишком сильно задели его. За живое, можно сказать. Да и мое присутствие подливает масла в огонь ненависти Якуб-бека, у нас с ним очень старые счеты, еще с форта Раим.

И сразу после этих слов Игнатьева в палубу вонзилась первая стрела.

Несколько десятков человек — наверное, все уцелевшие из банды Якуб-бека — вскочили на ноги, выстроившись вдоль берега. До того они укрывались за барханами, теперь же покинули свои убежища, чтобы обстрелять нас.

На палубу «Перовского» пролился настоящий дождь из стрел. Стальные наконечники рвали навесы, защищавшие только от солнечных лучей. На палубу повалились несколько драгун, зажимая кровавые раны. Все только начали приходить в себя после первого обстрела, и явно именно на это и рассчитывал Якуб-бек.

— Зажигательные снаряды товсь! — тут же выпалил Можайский.

Но его команда на несколько секунд запаздывает, и мы своими глазами видим иллюстрацию слов лейтенанта о том, что во время боя он самый бесполезный человек на всем пароходе. Командиры баллистариёв уже заряжают полые глиняные снаряды — при ударе они разлетятся на сотни осколков, а из нутра их прольется легковоспламеняющаяся жидкость. Две баллисты дают залп, и почти следом за ними стреляет носовая катапульта. Только вместо чугунного ядра

или глиняного шара она швыряет объятый пламенем снаряд. Он падает на берегу прямо в лужу разлитой огненной смеси, и весь берег вспыхивает в единый миг.

Нас перестают обстреливать — люди Якуб-бека носятся на берегу, прыгают в воду, чтобы спастись от пламени. Но она не помогает им от пожирающего одежду и тела огня. Те, кого смертоносное пламя не затронуло, спешат как можно скорее покинуть ставший слишком опасным берег.

— Я с вашего позволения, господа,— обратился к нам Обличинский,— отправлюсь к своим драгунам.

И, не услышав ответа, который ему не очень-то нужен был, ротмистр ушел.

— Теперь уж вряд ли стоит ждать нападения Якуб-бека на том берегу,— усмехнулся Можайский.— Мы славно проредили его банду за эти дни.

— Там,— махнул рукой в сторону правого берега Игнатьев,— вряд ли было много людей самого Якуб-бека.

— А кто же это были? — удивился я.

— Скорее всего, воины из Ургенча,— ответил граф.— У Якуб-бека точно не может быть баллист, ими он мог разжиться лишь в Ургенче, как и баркасами, на которых поднимались против течения воины. Да, сегодня многие из его людей сложили головы, но отказаться от мести это его точно не заставит.

Мне очень не понравились его слова, потому что на следующий день наше путешествие по Амударье заканчивалось и экспедиция снова вступала в пески, чтобы пройти последний отрезок пути до Бухары. Что-то мне подсказывало — именно он окажется для нас самым трудным.

Глава 7

НАПАДАЮТ ВРАСПЛОХ

Всем, наверное, отлично знакома картина популярного в последние годы художника Верещагина «Нападают врасплох». Та самая, на которой солдаты, одетые в белые «туркестанские» гимнастерки и кирасы, стоят, сбившись в плотное каре, ошетилившееся бердышами и пиками. К ним сломя голову бегут еще несколько человек, а из-за их спин несется в клубах пыли вал легкой кавалерии. Всадники ничуть не изменились за прошедшие века — легкие кольчуги, разноцветные халаты, стальные шлемы под тюрбанами, короткие кавалерийские пики и кривые сабли. Их куда больше, и они способны растоптать неверных, попирающих их землю, а солдаты в плотном строю готовятся дать им отпор и, скорее всего, умереть. На их лицах написана решимость и какая-то отрешенность — мне не раз доводилось видеть подобное в Крыму, а если быть точным, в Арабате, где принимали неравный бой, из которого никто не надеялся выйти живым.

Не знаю уж, каким именно эпизодом покорения Туркестана впечатлился художник, но в одном дневном переходе от Бухары, когда казалось, что уже миновала опасность и завтра мы наконец увидим стены этого древнего города, на нас напали именно так, как это весьма метко отображено на холсте — врасплох. Дозорные едва успели сообщить о приближающейся лаве вражеских всадников — по всему лагерю, только-

только начавшему пробуждаться утренней порой, за-
трубили горны.

Драгуны выскакивают из палаток, на ходу помогая друг другу застегивать кирасы и нахлобучивать стальные ерихонки¹. До стреноженных на ночь коней уже никому не добраться, а потому унтера строят солдат как можно плотнее — плечом к плечу. В руках у всех арбалеты, кое у кого даже изготовленные к стрельбе, как будто они спят с заряженным оружием в обнимку. Первый ряд опускается на колено, вскидывает арбалеты, точно так же поступает и второй, третий же готовится к рукопашной схватке. Экспедиционная прислуга тащит связанные в небольшие пучки колья — хоть какая-то защита от несущихся всадников. Выставив их, люди, не горящие желанием принимать участие в кровопролитной схватке, бегут к палаткам.

— Армас, Вахтанг, к стрелкам,— скомандовал я своим бойцам.— Дорчжи, туда же.

— Командир? — удивился парень.

— Не спорь,— оборвал его я.— Мне нужен боец из команды при наших стрелках. Я должен быть уверен, что их защищает боевой товарищ, а не просто драгун.

Больше Дорчжи ничего не говорит — ему надо спешить за Мишиным и Ломидзе.

— Решил побережь парня,— усмехается, подкручивая длинный ус, Корень.

¹ *Ерихонка*, или *ерихонская шапка*,— тип шлема. Состоит из железной или стальной тульи с остроконечным верхом, снабженной элементами для защиты ушей, плоским козырьком, скользящим наносником (узкая железная полоска, защищавшая лицо от поперечных ударов), нередко — пластинчатым назатыльником. Науши и назатыльник крепились к тулье посредством кожаных ремней или, реже, цепочек.

— Пусть лучше там побудет,— кивнул я в ответ,— да мне и правда куда спокойнее, когда мой человек прикрывает стрелков.

Мы подошли к Обличинскому, замершему на правом фланге выстроенного драгунами квадрата.

— Будете при мне,— решил ротмистр,— все равно толку от вас в строю никакого.

— Что верно, то верно,— кивнул я, скидывая с плеча секач и упирая его концом лезвия в землю.

Корень же только поглаживал рукоятки сабли и кривого кинжала, не спеша обнажать оружие. Враг был еще на приличном расстоянии от нас.

Как только всадники пересекли видимую одному лишь Обличинскому линию, он выхватил саблю — клинок ее вспыхнул серебром в свете солнечных лучей.

— Первая линия, пли! — скомандовал он.— Вторая линия, пли! Заряжай!

Воздух наполнился непередаваемым звуком — свистом нескольких десятков стрел. Больше всего он походит на гудение рассерженного пчелиного улья, вот только жалят эти пчелы куда страшнее. Стальные наконечники болтов легко пробивают кольчуги всадников, выбивая их из седел. Достается и лошадям. Бедные животные сбиваются с шага, длинные ноги их подламываются — и они летят на землю, издавая настолько похожие на человеческие крики, что аж внутри все леденеет.

— Первая линия, пли! — снова командует Обличинский.— Вторая линия, пли! Заряжай!

Но в этот раз слитные залпы не могут остановить врага. Разбойников больше, чем во время прошлого нападения в степи, они полны решимости, которой

недоставало тогда. Теперь они мчатся на нас, чтобы пустить кровь, втоптать в землю, чтобы и памяти не осталось о русской миссии, направляющейся в Бухару, о тех, кто дерзнул бросить вызов бесстрашному Якуб-беку. Он, наверное, несется в первых рядах, показывая всем свою удачу, — иначе тут нельзя, не поймут, примут за слабака, а слабаку можно ночью и горло перерезать, пока спит. Быть может, он уже убит метким болтом и по его трупам не раз протоптались копыта лошадей боевых товарищей, но это уже неважно, потому что даже смерть лидера не может остановить мчащуюся на нас, распаленную жаждой крови ораву.

— Бить по возможности! — командует Обличинский, сам уже готовясь к рукопашной.

Корень вынимает из ножен оба клинка и становится в позицию — чуть присогнув колени, оружие пока опущено, чтобы руки не уставали до поры. Следом и я вскидываю секач, потому что еще секунда-другая — и начнется рукопашная схватка, которую так не люблю, всей душой ненавижу со времен Арабата.

— Арбалеты прочь! — отдает приказ Обличинский. — К рукопашной товесь!

И почти тут же нас накрывает вал вражеской конницы.

С первым врагом я проделал тот же трюк, что и с Готским рыцарем на арене лондиниумского Колизея, только в этот раз без театральщины. Одним могучим ударом я срубил голову его коню, а самого буквально смел с седла — я не пытался эффектным ударом снести голову разбойника, он и со вскрытой грудиной вряд ли долго протянет. Следующему отсек руку с саблей — он пытался закрыться ею от удара, но легкий клинок не мог противостоять широкому лезвию

секача. А после я почти не разбираю врагов — подрубал ноги лошадям, чтобы Корень мог без труда прикончить всадников. Широкими взмахами отбивался от наседающих разбойников, выбивая их из седел, отрубая головы и конечности. Кожаный нагрудник, надетый поверх старого костюма для арены, все же не лучшая защита, и потому я полагался на свою силу и мощностъ ударов, предпочитая бить первым или уклоняться от широких взмахов вражеских сабель и тычков их коротких копий.

Долго боя бандиты не выдержали. Как обычно, они откатились на версту, а то и на две от нашего лагеря. Однако отступать не стали, перестраиваясь для новой атаки. Но это же дало и драгунам время, необходимое, чтобы снова сомкнуть строй и взяться за арбалеты.

— Плотнее строй! — командует рядом со мной Обличинский — минуту назад ему бинтовали голову, и вот он уже снова в строю и готов отдавать приказы, пускай на белых бинтах перевязки выступают злоеющие багровые пятна. — Арбалеты подбирай! К залпу готовься!

Я отмахнулся от санитаря, попытавшегося забинтовать мне легкую рану на руке.

— После боя перевязут уже нормально, — сказал я ему. — Сейчас займись теми, кому твоя помощь нужнее.

Он спорить не стал, благо уж чего-чего, а работы санитарам и добровольным помощникам из числа слуг хватало.

— Минуты не пройдет, как они снова на нас попрут, — произнес Обличинский, стирая выбегающую из-под перевязки струйку крови.

— Мы их хорошо потрепали,— сказал я,— но решимости у них побольше прежнего. Даже непонятно, откуда она у них взялась.

— Черное знамя видите? — произнес рядом знакомый голос, мы с Обличинским обернулись и увидели графа Игнатьева.— Это знамя джихада, священной войны у мусульман, если объяснять самыми простыми словами. Якуб-бек поднял его против нас и кинул клич. Скорее всего, к нему присоединились не только окрестные разбойники, но и солдаты по распоряжению правителя Ургенча.

— Ваше сиятельство,— заявил ротмистр Обличинский,— покиньте нашу позицию, здесь скоро снова будет бой, а я не имею права допустить угрозы вашей жизни.

— Бросьте,— отмахнулся Игнатьев, вынимая из ножен саблю,— теперь всюду угроза. Здесь ли, в лагере — не все ли равно. Если вас сомнут, то мне уж точно не спастись. К тому же не забывайте, что я не только граф и дипломат, но и полковник российской императорской армии, умею не только языком молоть.

Обличинский лишь плечами пожал — спорить с графом не счел нужным. Тем более что сейчас ему было чем заняться. Разбойники перегруппировались и готовились к новой атаке.

— Арбалеты к бою! — выкрикивает команды Обличинский.— Бить тремя рядами!

Первый ряд драгун опускается на колено, упирая приклады арбалетов в землю. Второй ряд горбит спины, чтобы не мешать самым рослым товарищам, стоящим в третьем ряду. Тяжелые болты готовы — лежат в выемках деревянных лож, тетивы натянуты туго, до

звона. Смерть готова сорваться в полет по первому же приказу, но приказа нет. Враги уже перестроились и несутся в атаку, горяча коней. Взгляд ротмистра прикован к той же невидимой линии на песке — пока разбойники не пересекли ее, он не отдаст приказ стрелять.

— К залпу готовься! — выкрикивает ротмистр, и драгуны единым слаженным движением вскидывают арбалетные приклады к плечу. Всадники, наконец, пересекают линию, видимую одному лишь Обличинскому, и он командует: — Первый ряд, пли! Второй ряд, пли! Третий ряд, пли! Заряжай! — Струйка крови течет уже по виску и щеке, но он не обращает на нее внимания.

Болты снова выбивают из седел несущихся на нас разбойников, убивают под ними лошадей. В какое-то мгновение мне кажется, что атака вовсе захлебнется, особенно после второго сокрушительного залпа, который драгуны дали в упор. Но нет, снова летят на песок арбалеты, и бойцы берутся за палаши.

В этот раз разбойники налетели на нас как-то сразу — не выделишь, где первый противник, а где остальные. Я широко махнул секачом, скорее для того, чтобы не дать разбойникам сбить меня с ног и растоптать лошадьми. Но вышло удачней, чем мог надеяться. Остро отточенное, не затупившееся за время первой схватки лезвие секача легко отрубило ногу бандиту в черном тюрбане — даже не знаю, кто громче кричал, он или его лошадь, на боку которой осталась жуткая кровавая зарубка. Обратным движением отбил саблю другого бандита далеко в сторону, едва вовсе не оставив его без оружия. Справившись с инерцией тяжелого секача, я быстро ткнул им вперед,

словно коротким копьём, попал ошеломленному разбойнику в лицо, превратив его в кровавое месиво.

А после уже толком не помню, что и было,— взмахи секачом, наливающиеся свинцом руки, кровь, много крови, мускулы, разрывающиеся от боли. Болит перетруженная спина, рук я и вовсе почти не чувствую, как не ощущаю и боли от ран, которые, несомненно, есть, но, как много их, не знаю, потом врачи сочтут. Я трудился, словно мясник на базаре, рубил, рубил и рубил. Секач с каждым взмахом как будто наполнялся жидким свинцом, с каждым мгновением становясь все тяжелее и тяжелее. Скрипя зубами, я поднимаю его снова и снова, размахиваю уже совсем бестолково, лишь бы попасть по врагу, потому что ни легкие сабли, ни легкие кольчуги от секача не спасают.

И вот, когда, казалось, силы вот-вот оставят меня, все закончилось. Просто врагов больше не было. Кто-то из них скакал прочь, желая остаться в живых, понимая, что сражение проиграно и теперь каждый сам за себя. Черное знамя было повержено и валялось на песке, превратившись в рваную тряпку,— столько по ней протопталось ног и копыт. Драгуны — как же мало осталось их! — все еще стояли, сбившись плотной, но такой немногочисленной группой. Ранены были все, и те, кто сильнее, помогал держаться на ногах слабым или ослабевшим.

Я опустил секач, уткнув его лезвие в песок и навалившись на него всем весом, иначе стоять бы просто не смог. Рядом Корень опустился прямо на бархан, выбрав место между трупами людей и коней. Наплевав на приличия, граф Игнатьев сел возле него.

— Неужели мы сделали это,— произнес он хриплым голосом,— неужели смогли?

— Наш солдат куда крепче этих бандитов,— усмехнулся через силу Обличинский. Выглядел ротмистр жутко. Повязка на голове размоталась, грязные бинты закрывали его лицо и лежали на плечах, будто у ожившей египетской мумии.— Вставайте, ваше сиятельство, надо сейчас же собрать лагерь и двигаться дальше — к Бухаре.

Я бросил взгляд на солнце, прежде чем подать руку встающему графу,— оказывается, оно еще не добралось даже до зенита.

Поднялся с земли Корень, и я окинул поле боя новым взглядом. Теперь пытался высмотреть других бойцов своей команды, но не находил их. Внутри меня все похолодело, я представил себе убитых Армаса, Вахтанга и Дорчжи, лежащих рядом с такими же мертвыми телами драгун и разбойников.

— Армас! — выкрикнул я.— Вахтанг! Дорчжи!

Корень, видимо тоже высматривавший товарищей по команде, присоединился ко мне.

— Чего надрываетесь? — раздался вдруг хриплый голос.

Я ни за что не узнал бы в этот момент Мишина, хромого к нам вместе с Ломидзе и Дорчжи. Да и никого из троицы было не узнать. Костюмы порваны во многих местах, на лицах и телах кровь, не понять чья — их или врагов, шагают тяжело, переваливаясь, будто ноги вот-вот откажут.

— Вы выглядите не лучше,— заверил меня Вахтанг, сверкнув белой улыбкой с почерневшего от усталости лица.— Мы все целы и почти невредимы, мелкие раны не в счет.

— А Дорчжи показал себя молодцом,— поддержал его Армас, положив парню руку на плечо,— сам

Дорчжи молчал, тяжело дыша, будто кузнечные меха раздувались.— Знал бы ты, что он проделывает с сабл-ей,— я таких трюков не видал и на лучших аренах.

— На тренировке покажешь,— кивнул я Дорчжи, и тот махнул головой в ответ — похоже, парень все никак не мог отдышаться после сражения.

Что же он такое выделывал, чем так поразил столь бывалого игрока, как Армас, мне в самом деле стало интересно. Но все потом, когда доберемся до Бухары, где начнутся усиленные тренировки перед играми.

— Правильно,— кивнул граф Игнатьев.— Сейчас нам надо как можно скорее убраться отсюда.

Тут никто оспаривать его решение не стал. Собрав тела драгун и похоронив их, при этом Обличинский вместо попа на правах старшего офицера прочел над ними короткую молитву, мы принялись собирать лагерь. Трупы разбойников так и остались лежать на песке — к ним никто не подходил, и даже глядеть в их сторону старались как можно реже. Тем более валялись они в стороне от лагеря, до самих палаток никто из разбойников так и не добрался. Последней убрали госпитальную палатку, в которой наш врач с санитарями и добровольными помощниками работали до самого конца. Пришлось даже отложить отъезд почти на час, чтобы дать им завершить все дела. Раненых драгун, не способных сесть в седло, погрузили на носилки, закрепленные между парой верблюдов. Размеренная поступь этих неторопливых животных не должна была растряссти их.

Не прошло и отведенного часа, как лагерь был собран и мы двинулись в путь. Слуги старались погонять верблюдов, да и сами неторопливые обычно бактрия-ны шагали быстрее, чтобы как можно скорее убраться

подальше от уже начавших вонять на жаре трупов. Несмотря на то что все смертельно устали после жестокой схватки, Обличинский выслал передовой и арьергардный дозоры, и никто не стал с этим спорить, хоть драгуны его едва держались в седлах.

В этот раз решено было не разбивать лагерь на ночь, продолжив путь в темноте. Рассвет следующего дня встретили в седлах, притом что кони начали уже спотыкаться от усталости. Мы, конечно, собрали, сколько смогли, разбойничьих лошадей, используя их как заводных, но те были основательно приморены быстрой скачкой, многие ранены в сражении, да и сильно уступали драгунским скакунам. Так что они нам, конечно, помогли, но не настолько, как бы нам того хотелось.

На рассвете все почему-то ждали новой атаки бандитов, но ее не последовало. Однако никто в экспедиции и не думал хоть чуть-чуть передохнуть.

— Хотят, чтобы мы расслабились, сволочи,— поговаривали бывалые драгуны,— а как мы бдительность-то подрастеряем, вот тогда они тут как тут.

Я был полностью согласен с ними.

Но правы оказались те, кто считал, что враг слишком крепко получил от нас по зубам и больше не рискнет сунуться.

— Да мы этого их Якуб-бека прикончили не в первую атаку, так во вторую точно,— говорили они,— потому бандиты и отступили. А теперь уж и подавно не полезут. Знают, какая мы сила!

Первые только пожимали плечами — всем очень хотелось верить в эти удалые слова, но жизненный опыт подсказывал обратное.

И, лишь когда на горизонте замаячили стены древней Бухары, все поняли — новой атаки уже не будет.

Дорчжи молчал, тяжело дыша, будто кузнечные меха раздувались.— Знал бы ты, что он проделывает с сабл-лей,— я таких трюков не видал и на лучших аренах.

— На тренировке покажешь,— кивнул я Дорчжи, и тот махнул головой в ответ — похоже, парень все никак не мог отдышаться после сражения.

Что же он такое выделывал, чем так поразил столь бывалого игрока, как Армас, мне в самом деле стало интересно. Но все потом, когда доберемся до Бухары, где начнутся усиленные тренировки перед играми.

— Правильно,— кивнул граф Игнатьев.— Сейчас нам надо как можно скорее убираться отсюда.

Тут никто оспаривать его решение не стал. Собрав тела драгун и похоронив их, при этом Обличинский вместо попа на правах старшего офицера прочел над ними короткую молитву, мы принялись собирать лагерь. Трупы разбойников так и остались лежать на песке — к ним никто не подходил, и даже глядеть в их сторону старались как можно реже. Тем более валялись они в стороне от лагеря, до самих палаток никто из разбойников так и не добрался. Последней убрали госпитальную палатку, в которой наш врач с санитарами и добровольными помощниками работали до самого конца. Пришлось даже отложить отъезд почти на час, чтобы дать им завершить все дела. Раненых драгун, не способных сесть в седло, погрузили на носилки, закрепленные между парой верблюдов. Размеренная поступь этих неторопливых животных не должна была растряссти их.

Не прошло и отведенного часа, как лагерь был собран и мы двинулись в путь. Слуги старались погонять верблюдов, да и сами неторопливые обычно бактрианы шагали быстрее, чтобы как можно скорее убираться

подальше от уже начавших вонять на жаре трупов. Несмотря на то что все смертельно устали после жестокой схватки, Обличинский выслал передовой и арьергардный дозоры, и никто не стал с этим спорить, хоть драгуны его едва держались в седлах.

В этот раз решено было не разбивать лагерь на ночь, продолжив путь в темноте. Рассвет следующего дня встретили в седлах, притом что кони начали уже спотыкаться от усталости. Мы, конечно, собрали, сколько смогли, разбойничьих лошадей, используя их как заводных, но те были основательно приморены быстрой скачкой, многие ранены в сражении, да и сильно уступали драгунским скакунам. Так что они нам, конечно, помогли, но не настолько, как бы нам того хотелось.

На рассвете все почему-то ждали новой атаки бандитов, но ее не последовало. Однако никто в экспедиции и не думал хоть чуть-чуть передохнуть.

— Хотят, чтобы мы расслабились, сволочи, — поговаривали бывалые драгуны, — а как мы бдительность-то подрастеряем, вот тогда они тут как тут.

Я был полностью согласен с ними.

Но правы оказались те, кто считал, что враг слишком крепко получил от нас по зубам и больше не рискнет сунуться.

— Да мы этого их Якуб-бека прикончили не в первую атаку, так во вторую точно, — говорили они, — потому бандиты и отступили. А теперь уж и подавно не полезут. Знают, какая мы сила!

Первые только пожимали плечами — всем очень хотелось верить в эти удалые слова, но жизненный опыт подсказывал обратное.

И, лишь когда на горизонте замаячили стены древней Бухары, все поняли — новой атаки уже не будет.

В непосредственной близости от города ни Якуб-бек и никто другой на нас нападать уже не рискнут. Подтверждением тому стали несколько сильных отрядов всадников, проехавших мимо нас. Они от тех же бандитов отличались лишь чистотой халатов и доспехами лучшего качества, да еще над ними реяло зеленое знамя Бухарского эмирата — с золотой рукой, месяцем, звездой и какими-то строчками, наверное цитатами из Корана.

— Ну вот мы и прибыли,— произнес граф, глядя на возвышающиеся стены древнего города,— теперь начинается самое сложное.

И как бы то ни было, что бы нам ни пришлось пережить по пути из Астрахани, я был склонен согласиться с ним. Самое сложное нас ждало впереди.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Восток — дело тонкое

Глава 1

СТАРЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Если вы представите город, словно сошедший со страниц восточных сказок, то он точно будет похож на Бухару. Потому что сложно представить место, вместившее больше восточной культуры, чем это. Пускай глава его называет себя ханом, но ведь правит-то он эмиратом, и, наверное, правильное было бы именовать его эмиром. Однако здесь Восток — такое место, где ничто не зовется так, как должно бы, ни одно понятие не соответствует своему же содержанию.

Прежде чем вступить в Бухару, наше посольство остановилось примерно в паре часов от его стен. Пришло время позаботиться о внешнем виде, чем все и занялись почти с маниакальным упорством. Животных вычистили, обтерли им бока заготовленной драгунами ветошью — ее вполне хватило и на трофейных коней. После пришел черед амуниции. Драгуны натирали песком — благо его хватало — пряжки ремней и накладки на ножнах до ослепительного блеска. Отдельно уделили время кирасам и ерихонкам со сверкающими золотом бронзовыми кокардами. Обличинский переоделся в парадный мундир, не забыв и про верную

кирасу со шлемом, украшенным кожаным султанчиком. Рядом с ним гарцевал на трофейной тонконогой кобылке граф Игнатьев, сменивший повседневную одежду на знакомый мне по Хиве полковничий мундир.

— А вы, гляжу, решили одеться как на представление,— усмехнулся граф, глядя на меня и моих людей.

Мы переоделись в игровые костюмы, те самые, в которых выйдем на арену, ничего лучше ни у кого из нас не было. Да положение в миссии сразу становилось понятно. Здесь Восток — надо показывать себя с наилучшей стороны, чтобы поскорее заслужить почтение. Хотя настоящее уважение мы получим только во время игр — после первых смертельных поединков.

— Как, по-вашему, нам стоило бы одеться? — спросил я у него.— В повседневных костюмах мы бы не слишком смотрелись верхом.

— Да уж,— усмехнулся граф,— комично бы выглядели, а этим здесь славы уж точно не снискать. Но я бы не хотел сразу раскрывать все наши карты, показывая, что в миссии есть команда игроков.

— Бросьте, граф,— отмахнулся я.— Нашим конкурентам — я едва не сказал врагам — понятно, что в миссии будут игроки. Куда же без нас на Востоке. Вы сами говорили не раз, что здесь уважают только силу. Армию вы привезти с собой не могли, а вот игроков — вполне. Если уж я, от дипломатических игр человек далекий, до этого вывода дошел, то уж ваши противники и подавно.

— Вы зря не пошли по дипломатической стезе,— заметил Игнатьев,— возможно, наше министерство потеряло не самого плохого сотрудника.

— Неделью назад мне предлагали стать генералом,— рассмеялся я, кивнув на улыбнувшегося Обли-

чинского, — а теперь вот вы прочтите дипломатическую карьеру. Этак у меня *mania grandiosa* разовьется.

— Ну вот, — поддержал шутку Игнатьев, — вы просто прирожденный дипломат, граф, уже вставляете в речь латинские словечки. — Однако тут же сбросил с себя несерьезность и обернулся к Обличинскому: — Все готово, ротмистр? — Тот вместо ответа коротко кивнул. — Тогда командуйте — мы уже и так слишком задержались у стен Бухары.

— Драгунство! — выхватив саблю, вскинул ее над головой Обличинский. — На шенкелях! Палаши — вон! Строем — вперед! Шагом — марш!

И двойной ряд сильно поредевшего эскадрона начинает движение. Драгуны скачут, сопровождая верблюдов, которых, конечно, тоже привели в порядок, украсили сбрую длинными кистями, а спины покрыли расшитыми попонами. Мы, не торопясь и с достоинством, приближаемся к воротам Бухары. Перед ними скачут, опираясь на длинные копыя, несколько стражников, руководит которыми, как это не удивительно, офицер вполне европейского вида, одетый в неприятно знакомый мне красный мундир.

— Так, господа, — выдал он на английском, ни к кому конкретно не обращаясь, — с кем имею честь говорить?

— Русская миссия к правителю Бухары Музаффархану, — ответил ему на столь же безупречном языке родных офицеру островов граф Игнатьев. — А с кем мы имеем честь?

— Уоррент-офицер первого класса Симс, — щелкнул каблуками британец, — имею честь представлять в этой дыре миссию ее величества. Правитель города так проникся нашей армией, что попросил у руководителя миссии офицеров для обучения его войска.

— Теперь,— с плохо скрываемым нетерпением в голосе произнес Игнатьев,— когда мы представились друг другу, вы откроете нам ворота?

— Конечно-конечно,— закивал Симс и обернулся к стражникам: — Шевелитесь, ленивые собаки! — заорал он на них, надсаживая горло.— Открывайте ворота этим джентльменам! Не заставляйте их ждать! — И снова, повернувшись к нам, зачем-то пояснил: — Они тут сущие звери: английских слов, конечно, не знают, зато отлично понимают тон, которым эти слова говорят.

И точно, стражники послушались его, но вряд ли поняли хотя бы слово из сказанного Симсом. Не прошло и пары минут, как ворота Бухары отворились перед нами и мы, наконец, въехали в этот древний город.

Перед воротами британский офицер устроил глупый спектакль, потому что по другую их сторону нас ждала настоящая делегация. Возглавлял ее визирь или не менее важный чин бухарского эмира, поджарый воин с ястребиным выражением лица и короткой черной бородкой. Особенно мне запомнился его взгляд — настоящего убийцы, оценивающий. Всякого мозг его воспринимал как возможного врага и тут же прикидывал, как сподручней будет драться. Из-за внешности и манеры поведения, словно сошедших со страниц сказок Шехерезады, я про себя окрестил его Джафаром — ведь именно так обычно в них звали злых визирей. Сопровождала его весьма внушительная свита, не уступавшая в численности нашей экспедиции, в основном она состояла из воинов в расшитых халатах и отличных доспехах под ними. Музаффар сразу демонстрировал нам свою силу.

Визирь выслушал длинное, по-восточному витиеватое приветствие Игнатьева, кивнул в ответ и разразился

столь же длинной речью. Конечно, я не понял ни слова из того, что говорили граф с визирем, однако оценил манеру речи Джафара. Общался тот отрывисто, короткими, лающими фразами, как будто отдавал приказы на поле боя, хотя обстановка и, уверен, содержание его речей этому вовсе не соответствовали.

После обмена приветствиями наша миссия двинулась через весь город в сторону дворца эмира. Ехали по длинной прямой улице, рассекавшей всю Бухару. Дважды миновали шумные базары, где жизнь замирала на время и на нас глазели сотни человек, до того азартно торговавшихся друг с другом. О нашем приближении оповещали звуки труб, в которые через каждые пять минут дули дюжие ребята, одетые лишь в широкие шаровары. Над нашей длинной колонной развевались знамена — черно-желто-белое Российской империи и зеленое с ладонью, полумесяцем и цитатами из Корана Бухарского эмирата.

Мы неспешно миновали без малого весь город, подъехали почти к самому дворцу. Тут колонна остановилась, и чиновники эмира принялись что-то объяснять Игнатьеву и находившемуся при нем Лерху. Как вскоре стало понятно, большую часть экспедиции, а именно драгун и слуг, поселят в большом караван-сарае, находящемся на территории дворца. Он как раз и был выстроен для таких вот случаев, ведь на Востоке не принято прибывать небольшими отрядами, а лишь в сопровождении толп слуг и рабов и, конечно, сильных отрядов воинов — никогда же не знаешь, какая напасть ждет по пути.

— Нас с графом, — объяснил нам с Обличинским Лерх, — поселят во дворце, как и старика Струве. К пожилым ученым, особенно астрономам, тут относятся с

большим уважением. Ну и я погреюсь в его лучах,— усмехнулся наш переводчик.— Кстати, граф, Игнатьев настоял на том, чтобы и вас поселить во дворце.

— А моя команда?

— Насчет нее ничего не говорилось,— пожал плечами Лерх,— так что тут уж у самого Игнатьева уточняйте.

Я кинул взгляд на графа, находящегося в голове колонны и уже о чем-то беседующего с визирем, и решил пока его этим не беспокоить. Зачем влезать с нашими внутренними делами в дипломатическую игру, которую, я уверен, уже ведет глава миссии.

Караван-сарай не имел ничего общего с представлениями о подобном месте. Внутри эмирского дворца располагался целый комплекс разнообразных служб — в основном это были здания, построенные из желтого кирпича, украшенные затейливой росписью. Одним из них и был тот самый караван-сарай, где поселили большую часть нашей миссии. Дома, конюшни, загоны для верблюдов — все, как говорится, по первому разряду, никакой грязной соломы на полу и продавленных тюфяков. Внутри домов обстановка была непривычной, но по-своему уютной. Обличинскому выделили отдельный домик, унтера обитали в одном общем, такой же достался и моей команде. Драгун же со слугами разместили в длинной казарме, даже когда все туда заселились, она оставалась пустой почти наполовину, и это притом, что таких на территории караван-сарая было пять штук.

— С размахом тут привыкли жить,— усмехнулся Мишин, оглядывая казармы.— Там можно не меньше тысячи человек разместить.

— А ты думал как,— ответил ему Ломидзе,— здесь без гарема, наложниц, евнухов и оравы рабов ни один

приличный человек не путешествует. Ну по крайней мере такой, чтобы его допустили во дворец к эмиру.

Тут в домик, выделенный моей командой, буквально вбежал слуга Игнатьева.

— Ваше сиятельство, — задыхаясь, выпалил он, — вас господин граф просят.

— Ну, раз просят, — усмехнулся я, — веди.

Понял, что отдохнуть мне сегодня придется весьма не скоро, если вообще доведется.

Игнатьев пребывал в раздраженном нетерпении — это было видно по всему его поведению, по взглядам, которые он бросал по сторонам, по нервному постукиванию каблуком, по тому, как он похлопывал себя перчатками по бедру.

— Толстой, — впервые позволил себе обратиться ко мне не по титулу Игнатьев, что говорило о крайней степени раздражения, и ясно было, что именно я причина такового, — где вы пропали? Мы не в европах, где принято опаздывать на пять минут минимум, показывая пригласившему свою значимость. Здесь это могут расценить как неуважение и, хуже того, оскорбление.

— Я вас решительно не понимаю, граф, — ответил нарочито официальным тоном, чем немного сбил с него спесивое раздражение.

— Через четверть часа состоится пир по случаю прибытия нашей миссии, — снизошел до объяснений Игнатьев, — и вы будете присутствовать на нем, как и Обличинский, и Лерх, и Струве. Мы должны показать себя с наилучшей стороны, и опоздание в это ни в коем случае не входит.

— Я не очень понимаю, зачем мне идти на этот пир? — пожал плечами я.

— А я понимаю,— отрезал граф,— и резоны сейчас излагать времени нет. Хорошо, что вы не успели сменить костюм, все уже готовы.

Я поглядел на двор караван-сарая и увидел всех названных Игнатьевым людей. Не хватало только лейтенанта Можайского, но тот покинул нас еще на Амударье, оставшись на борту «Перовского». Его работа, после того как мы сошли на берег, закончилась.

Спорить с графом я не стал — понимал, что без толку потрачу силы и время, которым сейчас все мы не слишком располагаем, а потому заскочил в седло приведенного слугой свежего коня и направился вслед за графом. Снова нашу сильно уменьшившуюся числом кавалькаду возглавлял визирь с ястребиным взглядом. Он внимательно оглядел каждого, кого Игнатьев выбрал себе в спутники на пир, особенно уделив внимание мне и Обличинскому. Проехали в седлах недолго — уже через пять минут оказались перед парадной лестницей дворца, где слуги придержали наших коней, давая нам спешиться.

По длинной лестнице спускался сам эмир бухарский Музаффар в окружении целой толпы слуг, воинов и рабов. Он шагал нарочито медленно, каждой ступеньке уделяя никак не меньше десятка секунд. Длинный халат его стелился за спиной, свободные одежды текут шелком, пальцы были унизаны золотыми перстнями, на голове — тюрбан со сверкающим алмазом на лбу, на поясе — сабля в роскошных ножнах.

Но вовсе не он привлек мое внимание в первую очередь, а группа британских офицеров, каким-то чудом затесавшаяся в его свиту. Особенно же возглавлявший ее высокий джентльмен в красной форме с роскошными бакенбардами и нагловатой ухмылкой этакого «хо-

заяина жизни». Я был отлично знаком с ним еще по Крымской войне, звали его Гарри Пэджет Флэшмен, сам он предпочитал короткое Флэши, и был это самый отъявленный сукин сын, какого только рождала земля Британских островов. Последний человек, которого я хотел бы видеть где бы то ни было. И, похоже, граф Игнатьев придерживался того же мнения.

Музаффар первым обратился к графу, разразившись столь длинной речью, что казалось, ей не будет конца. Игнатьев не ударил в грязь лицом и ответил речью ничуть не короче, расцвеченной широкими жестами и парой глубоких поклонов. Лерх переводил нам слова и эмира, и графа, но все они сливались в единый поток словоблудия и заверения в вечной дружбе и любви между правителями России и Бухары. Ну а после нас проводили в большую пиршественную залу, где мы расселись за длинными столами, расставленными на разной высоте. В зависимости от ранга гостя его сажали на соответствующий стул. Конечно же, Игнатьеву досталось место рядом с самим Музаффаром, как и старику Струве, видимо благодаря его почтенному возрасту и профессии. Но и нас с Обличинским и Лерхом не стали сажать совсем уж далеко. Главным и единственным неудобством оказалось соседство с британскими офицерами.

Во время пира мы не столько ели или пили, сколько смотрели. Расположившись на подушках — стульев тут не держали — глядели во все глаза на представление, состоящее из номеров множества разных актеров. Тут и акробаты, и танцовщицы, чьи одежды скорее подчеркивали, нежели скрывали их прелести, и чернокожие бойцы, обменивающиеся стремительными ударами, правда, опытный взгляд легко выявлял

постановочность их схваток, и жонглеры, державшие в воздухе до десятка предметов разного вида. Одни сменяли других, каждый старался произвести на эмира неизгладимое впечатление. Лерх поначалу еще переводил нам слова распорядителя, представлявшего очередных актеров и их номер, однако на втором десятке это надоело и ему, и нам. Ближе же к третьему даже самые замысловатые номера стали откровенно скучны. Интересно, как только эмир терпит это бесконечное представление или оно для него лишь фон, на который он привычно не обращает внимания?

Глянув в сторону самого высокого стола, я увидел, как Музаффар о чем-то негромко переговаривается с Игнатьевым и даже не смотрит на помост, где танцуют высокие чернокожие женщины, на которых почти нет одежды.

Оказывается, мой взгляд перехватил Флэшмен, а может, просто так сложилось — и мы оба одновременно глянули в одну и ту же сторону. Это британский офицер решил использовать в качестве повода для начала беседы.

— Здравствуйте, граф,— улыбнулся он мне самой притворной улыбкой, какую я только видел,— не ожидал увидеть вас здесь. Да еще и в таком качестве.

— А я вот, признаться, даже ждал встречи с вами, мистер Флэшмен,— нагло соврал я, глядя ему в глаза.— Смотрю, вы за четыре года не слишком продвинулись в чине, просто удивительно для вас.

— Я покидал военную службу на какое-то время,— ответил он,— но когда труба снова позвала меня, да еще и на Восток, который я так хорошо знаю, не мог отказаться.

Конечно, не мог — такой проходимец, как Флэши, ни за что не отправился бы через полмира, так далеко

от родных берегов, если бы мог отказаться от этого путешествия. Я слишком хорошо узнал этого джентльмена во время нашего недолгого знакомства в Арабате, где он попал к нам в плен и обстоятельства этого были весьма нелепы.

— А в каком качестве вы здесь, полковник? — спросил я у него.

— Военного наблюдателя, а если переговоры главы нашей миссии, лорда Кадогана, пройдут удачно, то консультанта при армии здешнего правителя. Он, знаете ли, желает себе приличное войско взамен того дерьма, что есть у него сейчас. Видимо, опасается чего-то.

И Флэши этак по-дружески подмигнул мне — мол, понятно же, кого именно опасается Музаффар.

— Восток — вообще опасное место, полковник, — ответил ему я в том же духе, — здесь каждый хочет иметь лучшую армию, чем его враг, а уж врагов у эмира хватает.

— Я слышал, у вас были неприятности с моим старинным знакомцем Якуб-беком по дороге сюда. Удивительно, как вам удалось отбиться от него. Говорят, он собрал малый джихад против графа Игнатьева. Его здесь, знаете ли, очень сильно недолюбливают — и это, как вы понимаете, мягко сказано.

И тут в разговор вторгся доселе не узнанный мной офицер. Он носил синий мундир, но не выглядел белой вороной на фоне британцев, одетых в традиционный красный. Да и не приглядывался я особенно к нашим соседям по столу, а зря. Потому что в наш с Флэшменом диалог вмешался не кто иной, как маркиз Лафайет, и сделал это он настолько непринужденно, что невежливым его поведение назвать язык как-то не поворачивался.

— Однако это может выйти боком вашему приятелю, Флэшмен,— заметил, оборачиваясь к нам, маркиз.— Вы же должны помнить, в какую ярость пришел Музаффар, узнав о нападении на русскую миссию и о джихаде, на который Якуб-бек подбил нескольких данников эмира. Теперь беку лучше не появляться в окрестностях Бухары — иначе его голова быстро окажется на пике. Музаффар не граф Игнатъев, он возиться долго не станет и уж подавно не будет суды рядить. Оттяпает Якуб-беку голову при первой же возможности. И никакое родство и свойство его уже не спасет.

— Маркиз,— удивился я,— а вас-то каким ветром сюда занесло?

— Расследование,— улыбнулся мой знакомец по приключениям в Уайтчепеле.— Орден теперь набирает силу, нам поставляют рекрутов из армии ее величества, Мэлори колесит по Европе, договаривается об открытии миссий в разных странах, так сказать, на самом высоком уровне. Мне же поручили разбираться в том, откуда в Уайтчепел попадали люди для чудовищных экспериментов доктора Моро.

— А что говорит сам Моро?

Я был весьма удивлен тем фактом, что маркиз столь открыто сообщает о вещах, происходивших в Уайтчепеле, да еще и упоминает имя Моро. Хотя скрывать произошедшее в одном из районов Лондиниума было бы глупо, слухи о тех событиях давно уже разошлись по всему миру. А уж причастность Моро к вивисекторским экспериментам над людьми и животными никому и доказывать не надо после предыдущего разоблачения зловещего доктора.

— Да много всего,— произнес неопределенную фразу Лафайет.— Вот, к примеру, выдал, откуда к

нему люди попадали. Ему ведь нужны были сильные мужчины, и не только негры. С теми проблем нет, в Африке вожди племен открыто торгуют собственными людьми с Карфагеном и не только с ним. Однако доктору необходимы были представители и иных рас, и именно из этого региона он получал индоевропейцев.

— У этих ребят все так же просто, как и у ниггеров,— рассмеялся Флэшмен.— Вы видели, какой тут рынок рабов? Можно купить себе кого угодно — хоть ниггера, хоть славянина.

— Именно этим и пользовались поставщики Моро,— как ни в чем не бывало кивнул Лафайет.

— А вы теперь ищите здесь концы,— покачал головой я,— неблагоприятное занятие, маркиз.

Тот лишь плечами пожал. Мол, что поделать.

— Вы едва не опоздали на игры в честь начала правления Музаффара,— снова встрял неугомонный Флэши.— Они начнутся со дня на день. К слову, уже работает несколько тотализаторов, хотите узнать, каковы ставки на вас?

— Нет,— покачал головой я.— Тотализатор редко отражает истинное положение дел. Вы были на Играх в честь юбилея принца Альберта?

— Конечно же,— резко помрачнел Флэши,— у меня и семьи были лучшие места. Пришлось, конечно, выдержать настоящую баталию с супругой, чтобы взять с собой еще и сына, однако я ее выиграл. Юному Гарри полезно поглядеть на кровь, что бы там ни говорили все эти святоши.

— И вы точно не отказались сделать ставку,— усмехнулся я,— так что должны помнить, какие суммы были на мою команду тогда.

— Наверное, кое-кто сорвал на этом неплохой куш,— сделал хорошую мину при скверной игре Флэши.— Но в этот раз я буду умней и точно поставлю на вашу команду. Хотя здесь имеется самая настоящая темная лошадка, с которой не ясно абсолютно ничего.

— Это вы про карфагенян? — спросил у него Лафайет и, не дожидаясь кивка, продолжил: — Действительно, очень интересно. Дело в том, что эмир нанял команду в самом Карфагене, но в городе присутствует только ее владелец. Вон он, сидит за столом,— украдкой указал на него маркиз,— тот, кто пялится на танцовщиц так, будто сожрать их хочет.

Я проследил за его взглядом и уже думал, что увижу очередного знакомого по Лондиниуму — Магарбала, но карфагенянин был другой. Конечно, все они похожи друг на друга смуглыми лицами и густыми умощенными бородами, однако этот оказался старше Магарбала и вряд ли когда-то сам был игроком. Под пластами жира на его теле не угадывались даже воспоминания о мышцах. Он был торговцем, а не ланистой.

— Его игроков никто не видел,— продолжил Лафайет, не глядя на разъяренного его неучтивым поведением Флэшмена,— они живут в одном из каравансараев за стенами Бухары, туда никого не допускают, а вокруг него стоит сутками караул эмирских гвардейцев. Все попытки лорда Кадогана отправить шпионов, чтобы хоть одним глазком заглянули, провалились с треском.

— Так что вам,— снова встрял Флэши,— не советую повторять наших ошибок. Они стоили лорду Кадогану хороших денег.

— Спасибо за предостережение,— усмехнулся я,— обязательно передам графу Игнатьеву.

Мне было очень приятно видеть, как изменилось лицо Флэши, когда он услышал фамилию графа. Одна беда. Толком не мог понять, откуда знаю о знакомстве Флэши с графом и их взаимной неприязни. Ведь я был уверен, что он с Игнатьевым уж точно не был знаком прежде. Хотя с моей дырявой памятью возможно все — она и не такие шутки со мной откалывала.

— А кто будет выступать от Британии на играх? — поинтересовался я, больше чтобы сменить тему.

— Капитан Джеймс Эбернети, — полуобернувшись к другому офицеру, представил его Флэши, — корпус Королевской морской пехоты. К слову, как и мы с вами, граф, он воевал в Крыму.

— Я участвовал в Восточной войне, — поправил его капитан с истинно британской педантичностью, — но в Крыму не был. Я тогда служил только лейтенантом и командовал взводом морских пехотинцев при штурме крепости Бомарсунд, что на Аландских островах.

— Ветеран, в общем, как и мы с вами, — закивал Флэши. — И команда у него под стать — все морские пехотинцы, прошедшие горнило Восточной войны.

— Там их главными врагами были холод, — неожиданно криво ухмыльнулся Эбернети, — и болезни. Последние выкосили больше людей, чем русские казаки.

— И каковы ставки на мистера Эбернети? — любопытствовал я.

— Не интересовался, — соврал Флэши, и глазом не моргнув, уж в этом-то он был большой мастер, — сами понимаете, граф, это неэтично.

— Прошу прощения, — машинально ответил я. — Кстати, полковник, вы ведь быстро становитесь знатоком всех влиятельных особ там, куда попадаете, да и сами — персона не из последних, что вы можете сказать о

том, кто сидит за столом эмира через двух людей от нашего посла?

Флэшмен глянул на указанного мной человека, а это был тот самый визирь с ястребиным выражением лица, и кивнул самому себе. Он явно знал, кто это, а возможно, был с ним знаком лично.

— Это распорядитель эмирской арены,— объяснил он,— а заодно и кто-то вроде министра иностранных дел и еще много всего. О нем вообще мало что известно, только имя Сохрэб, которым он очень гордится.

— И есть чем,— подтвердил Лерх, до того не вмешивавшийся в нашу беседу,— потому что оно означает «яркий, блистающий».

Пир затянулся до глубокой ночи. У меня давно уже рябило в глазах от разноцветных одежд актеров, выступающих перед Музаффаром. Отведали-таки вкуснейших блюд, что выставляли перед нами на стол слуги, потому что голод одолел всех. Мы продолжали беседу, но текла она столь вяло и была настолько скучна, что я толком и не запомнил ничего, после того как узнал имя встречавшего нас визиря.

Когда же наконец пир окончился, у меня почти не осталось сил. Распроставшись с британцами и маркизом, торжественно поклонившись уходящему эмиру, отправились в наш караван-сарай. Там я повалился на кровать и мгновенно уснул.

Скорее всего, появление Флэши спровоцировало возвращение моих крымских снов — ведь именно в Крыму я свел знакомство с этим негодяем. Кроме того, и сам сон был именно об этом человеке.

Отлично помнил тот рейд. Отправиться в него меня уговорил сам генерал Врангель, сославшись на то, что

корпус слишком долго торчит в Арабате и офицерам стоило бы развеяться. А что может лучше остального поднять тонус, как не хорошая скачка по мерзлой степи? Я не был с ним согласен в этом вопросе, однако спорить не стал — находиться среди арабатских мазанок надоело до скрежета зубовного, а так хоть какое-то, пускай и сомнительное, но развлечение.

Накинув поверх мундира теплую, пахнущую овчиной бурку, я вскочил на коня и отправился в тот самый рейд во главе взвода казаков. Конечно, для них я был только формальным командиром — их благородием, которого они слушались по долгу службы, подчинялись же безоговорочно взводному дядьке, седоусому уряднику по фамилии Лихопой. На каждый мой приказ они оборачивались и выполняли его лишь после короткого кивка их начальника. Меня это не сильно волновало — до определенного момента.

Ехали размашистой рысью по мерзлой степи и должны были через стрелку и дамбу проехать от Арабата до Геническа. То и дело ветер доносил до нас вонь Гнилого моря, и каждый раз я диву давался, как тут могут жить люди. Если зимой так несет с Сиваша, то что должно твориться летом?

— Летом тут сущий ад, — ответил на мой вопрос, заданный больше от скуки, Лихопой. — Комарья тучи, людей жрут по всей форме, поговаривают, за ночь здешний гнус может живого человека до костей обглодать.

Подобные байки я частенько слышал, но не стал разубеждать старого казака — что дурного в том, что он верит в эту чушь. Да и вступи я с ним в спор, вряд ли смог бы уговорить поверить мне. Мы жили совсем в разных мирах.

— Вашбродь! — вдруг выпалил молодой казак не то с говорящей фамилией Глазатый, не то с прозвищем, которое пристало к нему так, что и имени не вспомнишь. — Там сани! К стрелке едут!

Мы с Лихопоем повернулись в указанном направлении. Я увидел только какие-то неясные фигуры, на довольно большой скорости движущиеся в сторону дамбы.

— За ними! — тут же скомандовал я, разворачивая коня, и для выполнения этой команды подтверждения в виде кивка старшего урядника не понадобилось.

С неторопливой рыси кони сорвались в галоп. Мы неслись по промерзшей, заснеженной степи, быстро нагоняя сани. Седоки в них принялись погонять тройку усталых лошадей и делали это столь неумело, что казаков разрывало от праведного негодования.

— Да что ж они там творят?! — рычал, глотая окончания слов, Лихопой. — Угробят ведь животин ни за грош!

Я человек далекий от искусства правильного обращения с лошадьми, всегда доверял их своему денщику или слугам. Но сейчас видел, что неумелым управлением люди в саних не только не разрывают с нами расстояние. Из-за них кони бегут все медленнее, без толку выбиваясь из сил.

Тут один из пассажиров саней встал в полный рост, держа в руках какой-то сверток. До самого последнего момента я не понимал, что же это такое. Пассажир швырнул его в нашу сторону — пара шкур, судя по размеру, медвежьих, полетела в разные стороны, а в снег упала белая фигура.

— Бабу в снег швырнул, ирод! — выпалил кто-то из казаков, кажется, это был Глазатый.

Мы подскакали к месту, куда упала белая фигура, и я действительно увидел лежащую в снегу молодую женщину. Она пребывала в беспамятстве, глаза закрыты, на губах блаженная улыбка. Спрыгнул с коня, быстро замотал ее, продрогшую, в свою бурку.

— Шкуры соберите! — велел я казакам, и они снова послушались, даже не глянув на Лихопоя, а тот и не возражал.

Беспамятство женщины показалось мне весьма странным, и я приблизил свое лицо к ее губам. От них исходил явственный запах коньяка, смешанного с лауданумом. Тут ко мне подошла пара казаков со шкурами, в которые и была завернута женщина.

— Мокроватые они, вашбродь, — произнес казак, — но все же лучше, чем ничего.

— Берите ее, — велел я, поднимаясь с женщиной на руках, — и возвращайтесь в Арабат. Рысью! Лихопой, бери двух казаков. Головой за нее отвечаешь.

— Как можно! — развел могучими руками урядник. — По всей форме все будет!

Казаки быстро приняли у меня с рук бесчувственную женщину, завернули ее в шкуры, и сам Лихопой усадил ее перед собой в седло. Двое казаков поддерживали ее, чтобы не свалилась ненароком с конской спины.

— Остальные, за мной! — скомандовал я, буквально взлетая в седло.

И помчались вслед за санями. Теперь неслись будто черти — из-под копыт наших коней летели комья снега и промерзлой земли. Мы горячили коней шенкелями и каблуками, по примеру казаков я не надел шпор, чтобы не ранить лошадиные бока. Летели сквозь темень, рискуя каждый миг сломать себе шею.

Оступись любой из коней, попадись под копыто ямка или небольшой камень — и можно прощаться с жизнью. Вместе со скакуном полетишь на землю, и даже самый глубокий снег вряд ли спасет от увечий. Но нам было наплевать. Все видели впереди цель — сани с двумя людьми, один из которых, кажется тот самый, что выкинул женщину, постоянно оборачивался. Наверное, прикидывал сокращающуюся дистанцию.

И тут Господь отвернулся от тех, кого мы преследовали, а ведь так и должно было произойти — не может Он быть на стороне мужчин, выкидывающих женщин для собственного спасения. Скорее всего, их сани наехали полозом на камень и в единый миг оказались на боку, проехав по инерции еще пару саженей. При этом, конечно же, полопались поводья и с треском разломались оглобли. Один из пассажиров саней вылетел из них, рухнув в снег, второму же повезло куда меньше — он оказался наполовину погребен под кузовом. Выбраться у него не было ни единого шанса. Первый довольно резво побежал к нему, что особенно странно для человека, только что вылетевшего из саней. Но, похоже, глубокий снег хорошенько смягчил его приземление. Он попытался сдвинуть сани, однако ничего из этого не вышло, как ни тужился. Тогда он бросил это безнадежное дело и пустился вслед за недалеко убежавшими конями.

Вот такие нам попались беглецы. Сначала женщину из саней выкинули, а после один другого бросил. Хорошо еще не прикончил товарища, чтобы тот нам в руки не попался.

Когда подъехали к перевернутым саням, погребенный под ними человек, одетый удивительно легко для зимы, закричал о том, что он сдается, на нескольких

языках попеременно, нещадно коверкая все слова, кроме английских.

Именно при таких обстоятельствах я познакомился с мистером Гарри Пэджетом Флэшменом — полковником британской армии и проходимцем, каких свет не видывал.

Глава 2

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Разбудили меня еще затемно. Я проснулся от того, что Корень положил мне руку на плечо и едва слышно прошептал одно слово: «Командир». Еще с Крымской кампании этого было достаточно, чтобы я открыл глаза и правой рукой машинально нащупал рукоять секача.

— Опасности нет, командир, — быстро добавил Корень, видя, как мои пальцы уверенно сжались на стальной рукояти.

— Тогда в чем дело?

— Поймали тут одного, точнее, Дорчжи поймал. Местный, он у Дорчжи амулет тот золотой стащить хотел, вроде уже лапы свои загребушие тянул к нему, когда наш парень его за руку схватил. Теперь этот плетет что-то, а стоит только Дорчжи на него глянуть — тут же бухается лбом об землю и вдвое быстрее лопотать начинает.

— Приведи Лерха, — велел я, — скажи, что дело у нас неотложное, но, если встретишь кого из слуг, ни гугу.

— Обижаешь, командир,— улыбнулся Корень, состроив такое лицо, будто я и вправду его сейчас обидел.

Быстро натянув штаны прямо на ночную сорочку — не до приличий сейчас, я вышел из нашего домика на двор, где застал преинтереснейшую картину. На полу распростерся местный в не слишком чистом халате и полуразмотанном тюрбане, над ним стоял Дорчжи, сжимая в левом кулаке свою золоту пластинку и глядя на местного с недоумением. Тут же были и Армас с Ломидзе — оба при оружии, для уверенности нацеленном в спину местного.

— Ты понимаешь, что он лопочет? — спросил я у Дорчжи.

Местный продолжал еще что-то неразборчиво бормотать — говори он и по-русски, его вряд ли бы кто понял.

— С пятого на десятое,— пожал плечами парень,— да и то не уверен, что правильно понимаю.

— Ну а все же? — решил настоять я, видел же, он что-то недоговаривает.

— Насчет его друзей,— протянул Дорчжи,— и преданности... Вроде клянется в вечном рабстве за себя и за друзей этих... Вроде бы,— он задержал дыхание на секунду, но все же добавил,— мне...

Что ж, меня откровенно порадовал его ответ — Дорчжи был честен со мной. Теперь осталось дожидаться Лерха. Востоковед не заставил себя долго ждать, хотя, уверен, в этом известная заслуга принадлежит Корню. Бывший казак может быть весьма убедителен. На лице Лерха было написано глухое неудовольствие, а уж когда он увидел нас, к этому чувству добавилось еще и недоумение.

— Этот человек сказал, что меня вызывает к себе граф,— произнес Лерх.

— И вы подумали, что речь идет об Игнатьеве,— усмехнулся я, глянув на хитро ухмыляющегося за спиной востоковеда Корня,— но забыли, что и я также потомок древнего графского рода, верно?

— Признаться, да,— сконфузился Лерх, поняв, что сейчас едва не оскорбил меня.

— Ничего страшного,— отмахнулся я.— Сейчас мне весьма важны ваши знания в местных языках. Дело в том, что вот этот человек,— я указал на распростертого на полу местного,— пробрался в дом и хотел обокрасть нас. Точнее, так мы думали сначала, однако теперь он несет какую-то ахиною, а мы ее и не понимаем. Можете перевести ему мои вопросы ну и его ответы, конечно.

— Если он поднимется на ноги и перестанет бурчать нечто неразборчивое в пол, тогда я смогу помочь вам.

— Так велите ему сделать это,— пожал плечами я.— Вас он поймет быстрее нашего. Мы ведь с ним изъясняться можем разве что пинками да зуботычинами.

В итоге без пинков не обошлось — ими пришлось стимулировать местного почти ко всем действиям. Пока Ломидзе не двинул ему как следует сапогом по крестцу, он даже подниматься на ноги отказывался. Лерх скривился от этого проявления насилия, претившего ему, как и всякому интеллигентному человеку, однако предпочел оставить наши действия без комментариев.

Разговор с местным не клеился с самого начала. Он постоянно глядел на Дорчжи, как будто угроза не оружием и не зуботычинами, которыми награждал его Вахтанг, когда он медлил с ответом, побуждали его говорить, а одно только присутствие Дорчжи.

— Он говорит, что состоит в некоем Ордене,— переводил нам Лерх,— да, именно это слово подходит лучше всего. В Ордене кроме него состоят еще достаточно людей, и все они ждут возвращения Чингисхана. Точнее, не его самого, а его сына. Тут стоит уточнить, господа, что под сыном он, скорее всего, понимает всякого потомка мужского пола. Все, кто состоит в этом Ордене, считают себя рабами Чингисхана. Руководят там носители четырех подков. Они верят, что это подковы того самого жеребца, верхом на котором Чингисхан въехал в соборную мечеть Бухары. Когда многие из знати предали веру, перейдя в мусульманство, а позже и став вассалами местных владык, верные ушли в подполье, создав этот Орден. Я так понимаю, что в этом юноше,— он кивнул в сторону Дорчжи,— они каким-то образом опознали потомка Чингисхана.

— Спросите его, как именно опознали? — тут же поинтересовался я.

— Он говорит,— после диалога, занявшего никак не меньше десяти минут, поведал мне Лерх,— что люди из Ордена есть не только в Бухаре, но и в Хиве, и в Ургенче. Когда Якуб-бек призвал людей на джихад против нашей миссии, в его банде оказалось достаточно посвященных Ордена, они-то и сообщили о сыне Чингисхана в Бухару.

А уж откуда узнали они, я понимал отлично — вряд ли Якуб-бек станет помалкивать об этом. Ему никакого резона нет, наоборот даже, так он смог больше людей призвать на джихад. Насколько я помню из уроков истории, что давал мне домашний учитель, Чингисхан был проклят мусульманами как раз за то, что имел обыкновение въезжать в мечети, не слезая с седла.

— Я бы попросил вас оставить все услышанное здесь при себе, Петр Иванович,— произнес я на прощание, крепко пожимая руку востоковеду, возможно, несколько крепче, чем предписывали правила приличия.— Это касается только моей команды и не имеет отношения к цели нашей миссии в Бухаре. Вы ведь понимаете меня, Петр Иванович? — с нажимом добавил я, глядя ему прямо в глаза.

— Да, понимаю,— несколько стушевался тот. Видно было, что Лерх — человек не робкого десятка, однако, как и всякий ученый, не привык к подобному обращению и слабо представлял себе, что делать в сложившейся ситуации.

— Отлично,— сказал я, отпуская его руку.— Спасибо вам большое за помощь и за понимание.

— Да-да,— быстро кивнул Лерх, спиной вперед отступая к выходу из нашего домика.— Обращайтесь еще, если понадобится моя помощь.

— Всенепременно,— кивнул ему на прощание.

Я обернулся к Дорчжи. Местный продолжал глядеть на него будто на воплощение божества, хотя, наверное, таковым и считал моего рукопашника.

— Объясни ему,— велел я Дорчжи,— что он должен привести для переговоров кого-нибудь, наделенного властью и говорящего по-русски. Хотя бы так, чтобы мы могли понимать его. Знаком будет подкова.

Парень долго объяснялся с местным. Видно, тот не мог понять, почему кто-то отдает приказы потомку Чингисхана. Прошло никак не меньше трех минут, прежде чем он мелко закивал и выбежал из нашего домика.

— До чего договорились в итоге? — спросил я у Дорчжи, проводившего взглядом спину в грязном халате.

— На закате придет один из носителей подковы,— сообщил он,— тот, кто сносно изъясняется на русском. Но какое у тебя к нему дело, командир?

— Пока никакого,— не слишком весело усмехнулся я,— будем для начала контакты налаживать, почву прощупывать. Но что-то мне подсказывает, что к закату у нас уже будет что сказать этому человеку.

Я глянул в окно и увидел, как местный, быстро-быстро семенящий прочь из нашего караван-сарая, разминутся с презрительно глянувшим на него ливрейным слугой. Последний уверенно направлялся к нашему домику, и я мог с точностью сказать, что знаю, кто его отправил.

Так оно и оказалось. Слуга, едва переступив порог нашего домика, тут же нашел меня взглядом и обратился с невыносимой чопорностью. Такая обычно присуща английским слугам, а точнее тем, кто весьма старательно копирует их, считая неким эталоном.

— Ваше сиятельство,— надменно, будто это он был титулованной особой, а я слугой, произнес он,— мой хозяин, граф Игнатьев, просят вас к себе.

— Обождите минут десять,— кивнул я.— Мне надо привести себя в порядок, и я полностью в распоряжении его сиятельства.

Я вышел во двор караван-сарая вместе с Корнем. Да и остальные игроки моей команды предпочли покинуть дом, чтобы, как и я, освежиться приятной прохладной водой из колодца, а уж после переодеться в тренировочные костюмы. Мне же пришлось одеться поприличней, ведь отправлялся не просто к графу, а на территорию эмирского дворца. Игровому костюму я после недолгого размышления предпочел классическую тройку и котелок. Наверное, они смотрелись

смешно на фоне восточного колорита, царящего вокруг, но в этот раз я не имел никакого желания демонстрировать свою воинственность или выставять напоказ принадлежность к игрокам.

Я отправился во дворец вслед за слугой Игнатьева. Он провел меня мимо стражи, которая и не глянула в нашу сторону. Мы поднялись на второй этаж, пройдя по роскошной лестнице, устланной мягким ковром с длинным, будто трава, ворсом. Игнатьев занимал сразу несколько комнат, обставленных с истинно восточной роскошью, кроме той, которую выбрал для рабочего кабинета. И скорее всего, большую часть времени он проводил именно в ней.

— Спасибо, что прибыли так быстро,— произнес он вместо приветствия, поднимаясь со стула.— Извините, на политесы времени нет. Присаживайтесь,— пригласил он меня, указывая на стул напротив, и коротко кивнул слуге, даже не взглянув в его сторону, тому этого вполне хватило, чтобы покинуть кабинет и затворить за собой двери поплотнее.— Очень жаль, что вы отказались жить со мной во дворце. Пара слуг — недостаточная защита от возможного нападения. С вами я бы чувствовал себя намного уверенней.

— Вы сказали, что времени у нас на политесы нет,— ответил я,— а теперь решили потратить его на непонятные не то намеки, не то упреки в мой адрес. Не находите это странным, граф? Я, в первую очередь, капитан команды игроков и должен находиться с ними, а не быть вашим телохранителем. Не сегодня-завтра начнутся игры, а я даже примерно не представляю, с кем столкнусь тут, хотя уверен, что нам придется тяжело. Я понимаю, что вам действует на нервы одно присутствие этого чертова сукина сына Флэши, однако вы

хотя бы знаете, кто будет играть против вас, что уж он-то точно не будет придерживаться никаких правил и от него можно ждать всякой подлости.

— А вы откуда знаете Флэшмена? — неподдельно удивился Игнатьев. — Вам что же, приходилось сталкиваться с ним по роду занятий?

— У вас скверная память на лица, — усмехнулся я, не став уточнять, что этот эпизод Крымской войны припомнил лишь нынешней ночью. — Я был тем самым офицером, что взял Флэшмена в плен на Арабатской стрелке, и тем, кто спорил с вами из-за запоротого на смерть дезертира. Скажу больше, я до сих пор не понимаю этого, граф. Предать человека мучительной смерти лишь для того, чтобы произвести впечатление на пленного офицера, — это было...

Я едва сдержался от того, чтобы сказать «низко», но в последний момент решил многозначительно промолчать. Ссориться с таким человеком, как Игнатьев, у меня не было ни малейшего желания, а уж оскорблять его — и подавно.

— Так это вы были тем самым капитаном, что отказался пожимать мне руку, — кивнул больше самому себе Игнатьев. — Хотя, конечно, графов в нашей империи не так уж много, мог бы и узнать вас сразу. Но это сейчас значения не имеет, по большому счету. Хорошо, что вы знаете Флэшмена, мне не надо будет вводить вас в курс дела. Он на самом деле опасный враг, готовый на любую низость. Вчера он, несомненно, попытался произвести на вас впечатление человека, вполне уверенного в том, что нам тут делать уже нечего и всем фактически владеют британцы. Ведь их унтера уже служат в армии эмира инструкторами. Это большая победа британцев, но не окончательная.

— И нам есть чем ответить на это? — спросил я. — Кроме триумфа на играх, конечно.

— Да, есть, — кивнул Игнатъев. — Моими агентами в Бухаре давно ведется активная работа. К примеру, используем против британцев Якуб-бека. Тот сейчас явно не в фаворе у Музаффера. Я стану давить на то, что Якуб-бек — давний друг британцев. Ни в чем обвинять напрямую лорда Кадогана, конечно, нельзя. Он легко разобьет все наши укоры, однако это Восток. Тут намеки часто куда важнее прямых нареканий и влекут куда больше последствий. Флэши же вряд ли станут активно действовать при дворе эмира. Он, конечно, любитель блистать, но не в этот раз, и двор не его масштаба. Ему ближе королевские, лучше всего — правящих домов Европы.

— А что же он будет, по-вашему, делать тут?

— Скорее всего, постарается каким-то образом повлиять на Игры, мои агенты докладывают, что его несколько раз видели вместе с Сохрэбом, эмирским визирем.

— Уже знаю, чем занимается этот Сохрэб, — кивнул я. — Но тут мы можем ответить только усиленными тренировками. Путешествие уже достаточно сплотило команду, однако подлинной проверкой нам будут игры. Я постараюсь как можно правильной организовать их, но, сами понимаете, ко всему подготовиться невозможно.

— Понимаю, — покачал головой, поднимаясь со стула, Игнатъев. Он прошелся по кабинету, откинул занавеску и глянул на город, раскинувшийся внизу. — Игры давно уже стали продолжением политики, верно, граф? Вы же почувствовали это в Лондиниуме на праздновании юбилея принца Альберта, не так ли?

Я кивнул, также вставая со своего стула. Времени было мало. До начала игр надо провести еще хотя бы пару тренировок, и самое скверное — я даже не знаю точно, когда они начнутся. Это Восток, вся жизнь здесь определяется велением владыки и ничем более. Разве что религия еще может наложить отпечаток, да и то воля правителя часто оказывается сильнее.

— Тогда, в Арабате, думал, что больше не увижу Флэши, когда вы увезли его,— сказал я зачем-то.

— Надо было тогда же обезглавить его за побег,— по тону Игнатьева понял, что он усмехается, но не особо весело.— Ведь это он сорвал весь мой план по вторжению в Британскую Индию.

— Во время Крымской войны у нас могли быть столь грандиозные планы? — опешил я.

— Знаете, у вас, граф, сейчас такое выражение лица... — Игнатьев сделал вполне красноречивую паузу.— Даже не представляю, каким оно станет, если вы узнаете, что и для нас, и для британцев все эти топтания в Крыму были только отвлечением внимания. Они готовили десант на Санкт-Петербург, а мы — удар по Индии, главному источнику доходов британской короны. И реализовать наш план помешал именно Флэшмен, не без помощи Якуб-бека, конечно, но уверен, что стоял за всем этим именно он. Поэтому нападение Якуб-бека на нашу экспедицию я склонен напрямую связывать с появлением в Бухаре Флэшмена. Это не может быть простым совпадением.

— Возможно, это и так,— пожал плечами я,— сейчас это уже не столь важно. Спасибо за предупреждение, граф, я должен откланяться. Сколько времени осталось до начала игр, неизвестно, а потому провести его надо с максимальной пользой.

— Конечно, — кивнул мне на прощание Игнатьев, — я вас надолго не задержу. Я хотел лишь передать вам, что эмир вчера на пиру сообщил мне, что хочет увидеть схватку русской и британской команд. И что он уже дал на этот счет указания Сохрэбу.

— Знать своего врага перед боем всегда хорошо, — покачал головой я, — пускай это и противоречит правилам, установленным де Кубертенем.

В тот день я смог наконец устроить нормальную тренировку, можно сказать даже усиленную. Собравшиеся поглазеть на нас драгуны примерно к ее середине не стеснялись уже довольно громко комментировать происходящее. В предыдущих сражениях они не могли как следует разглядеть нашу работу — сами были заняты, а теперь не уставали поражаться тому, что может проделывать слаженная, пускай и далекая в этом от идеала, команда игроков. Знакомцы и кумовья Корня то и дело толкали друг друга или просто стоящих рядом товарищей локтями, громко кичась знакомством с таким «гарным лыцарем», как он. Похоже, скрывать свое явно запорожское происхождение они считали излишним. Хотя от кого его тут таить, собственно говоря, если кругом все свои — за исключением врагов, конечно.

Во время одного из перерывов на тренировке, когда я отдал Дорчжи на растерзание моим стрелкам — у него с противостоянием им все еще были серьезные проблемы, ко мне подошел Корень, протянул влажное полотенце, чтобы утереть с лица пот. Я кивком поблагодарил его, однако просто так запорожец не подошел бы, и я ждал, когда он заговорит.

— Ты чего хочешь от этих местных, которые с подковой придут? — спросил он у меня. — Конечно, если придут.

— Есть одно дело,— ответил я.— Все зависит от того, имеется ли у них достаточно людей для помощи нам.

— А ты так уверен, что они станут помогать за просто так?

— Вот это мы сегодня и узнаем,— усмехнулся я.

Они пришли, как и обещали, на закате, когда солнце окрасило небо в зловещий красный цвет. Их было трое. Первый — тот самый местный, что валялся в пыли у ног Дорчжи. Второй — воин, хотя и одет очень просто, почти как нищий. Вот только под грязным халатом позвякивала не особо хорошо укрытая кольчуга, а из-под полы торчала длинная рукоять кинжала. Третий же был как раз тем человеком, чье присутствие для меня было важнее всего. Халат он носил такой же потрепанный, как и остальные, но чистый, тюрбан был аккуратно намотан на чисто выбритую голову, и вообще в целом вид он имел достаточно ухоженный. Такого с первого взгляда точно не примешь за нищего. Сперва он низко поклонился Дорчжи и вынул из-под халата стальную подкову, висящую на достаточно толстой, отливающей серебром цепи.

— Мой человек сказал,— произнес он по-русски с сильным акцентом, обращаясь к Дорчжи,— что у тебя на шее висит золотая пайцза Великого кагана. Я не смею не верить тебе, но глаза могли обмануть моего человека, ибо он глуп и ничтожен.

Словно в подтверждение его слов местный, что валялся в ногах у Дорчжи, тут же снова рухнул на пол, не смея голову поднять.

Ничего не говоря в ответ, Дорчжи вынул из-за пазухи золотую пластинку и протянул ее человеку с подковой на шее. Тот шагнул ближе, почти носом уткнув-

шись в пластинку, близоруко прищутив глаза. С мину-
ту, если не дольше, он изучал вычеканенное на ней, а
после отступил на пару шагов и повалился ниц рядом
с первым местным. Воин в кольчуге и при длинном
кинжале тут же последовал за ним.

— Прощу милости у тебя, о сын Великого кагана! —
выпалил, не поднимая головы, человек с подковой на
шее. — Не имел твой раб и в мыслях не доверять тебе!
Владей им и всеми прочими рабами своими, что носят
подковы на шее, и их рабами и слугами. Плоть наша и
души наши твоими были и твоими пребудут вовеки!

— Вели ему встать и назвать свое имя, — сказал я
Дорчжи так тихо, чтобы услышать меня смог только он.

— Встань и назовись, — коротко бросил парень,
убирая пайцзу обратно под одежду.

— Твоего раба, носящего подкову, зовут Туменбаа-
тар, — представился человек с подковой на шее. Он так-
же поднялся на ноги и спрятал свой странный амулет за
пазуху. — Что ты хочешь приказать ему? Твоя воля для
него закон, превыше всякой иной, как и для его рабов и
слуг, и для всех, носящих подковы, и их рабов и слуг.

— Отлично, — решил вступить в игру я. — Мое имя
Иван, и я наставник и командир этого юноши по име-
ни Дорчжи. Он призвал вас сюда по моей просьбе.

— Наставник сына Великого кагана, внука Тенгри,
свят для нас, — заверил меня Туменбаатар, отвесив
поклон, пускай и не такой глубокий, как первый, кото-
рым он наградил Дорчжи. — И твоя воля для нас —
это воля внука Тенгри.

— Давайте сядем, и я все расскажу вам по поряд-
ку, — сказал я, — и да, пускай эти двое встанут, не-
удобно как-то разговаривать, когда у тебя под ногами
валяются два человека.

Туменбаатар бросил и не думавшим подниматься с пола воину и человеку в грязном халате пару слов, и они встали. Однако глаза поднимать на Дорчжи не смели, изучая его украдкой, короткими взглядами, издаваемыми как бы исподволь.

— Я капитан команды игроков, в которую входит и Дорчжи,— начал я, усевшись на стуле напротив Туменбаатара,— и мы примем участие в играх в честь восшествия на престол эмира Музаффара. Но я знаю, что против моей команды уже плетутся интриги и в центре их некий полковник Флэшмен. Он явно попытается повлиять на визиря Сохрэба, который ведает играми.

— Все это известно мне,— кивнул Туменбаатар, со мной он держался куда с большим достоинством и не думая раболепствовать, как перед Дорчжи.— И также я знаю, что игры начнутся после первой молитвы, когда солнце поднимется на высоту копыя. Об этом глашатаи эмира объявят завтра на рассвете, до первой молитвы.

Что ж, хорошая новость. У меня есть еще один день для тренировок, хотя я был уверен, что потрачу его вовсе не на них.

— Еще мне известно, что переодетый таджиком к визирю Сохрэбу прошлой ночью приходил британец. Они надолго заперлись в комнате, которую гость покинул довольный, будто кот, сметаны объевшийся, но без увесистой сумки, с которой пришел. Настроение же визиря было куда хуже. Он был в гневе, ударил любимую жену и не отправился в гарем. Вместо этого велел рабам принести в его комнату кальян и несколько кувшинов хмельного и не покидал ее до самого рассвета.

— Странное дело,— покачал головой я,— если британец подкупил Сохрэба, то отчего он пришел в

ярость после его ухода? Ему что же, заплатили меньше, чем он рассчитывал?

— Визирь эмира — не алчный мелкий чиновник, желающий хапнуть побольше, — возразил мне Туменбаатар. — Сохрэб — отпрыск древнего рода, его предки веками служили правителям Бухары верой и правдой. Но Сохрэб всегда слишком тяготел к бритцам, привечая у себя агентов их Компании из Афганистана и Индии, и ему весьма не по душе, что Музаффар, как и его покойный отец, смотрит в сторону России. К тому же ходят слухи, что он принимал не только агентов Компании, но и Якуб-бека, давая ему укрытие в Бухаре. Сейчас, когда Музаффар объявил Якуб-бека своим врагом, это может стать серьезной угрозой карьере Сохрэба.

— Слухами земля полнится, — пожал плечами я, — и их не всегда довольно для того, чтобы испортить карьеру эмирского визиря.

— Бритцы имели дело с самим Якуб-беком, — усмехнулся Туменбаатар, — и уж они-то точно смогут преподнести Музаффару эти слухи так, что карьера Сохрэба рухнет в одночасье. А быть может, и сам он лишится не только места у престола, но и головы. Иначе он бы просто схватил переодетого бритца и прикончил у себя в доме, а после нашли бы лишь изуродованный до неузнаваемости труп.

Значит, тут я уже опоздал — хотел сам попытаться предотвратить давление на Сохрэба, но теперь поздно предпринимать подобные попытки.

— Я так понимаю, что у вас весьма развитая сеть шпионов...

— Не шпионов, — мягко, но уверенно перебил меня Туменбаатар, — а верных людей. Сейчас их куда меньше, нежели раньше, и многие работают на нас за деньги,

а не из верности, но это не делает их неверными, не равняет с теми, кто предал свою веру, продавшись лжепророку и забыв Отца-Небо.

— Верных людей,— предпочел я не обращать внимания на явную грубость.— И эти верные люди подбирались, наверное, к караван-сарая, где держат странных участников будущих игр.

— Подбирались,— не стал отрицать мой собеседник,— но его стерегут люди с черными телами и черными душами. Всех, кто пытался проникнуть в тот караван-сарай, прикончили, а головы их выставили на пиках в назидание остальным.

Что ж, кто-то весьма серьезно относится к сохранению тайны этих бойцов, что наводило меня на неприятные мысли. Однако их я решил оставить при себе.

— Я больше не буду задерживать тебя, Туменбаатар,— произнес я, вставая.— Остались ли у тебя еще дела в этом доме?

— Осталось одно, наставник внука Тенгри,— также поднявшись на ноги, поклонился мне Туменбаатар.— Я желал бы поговорить с нашим повелителем наедине, если эта просьба не оскорбит тебя.

— Не оскорбит,— покачал головой я.— Мы с командой оставим дом в вашем полном распоряжении. Скажу сразу, что спрошу у Дорчжи, о чем вы говорили, но выпытывать не стану. Мне довольно будет и того ответа, который он мне даст.

Я сделал знак команде, и мои бойцы вышли вслед за мной из дома. Людям Туменбаатара не понадобилось даже этого. Они отлично осознавали, что нужно их господину, хотя вряд ли поняли хоть слово из нашей беседы.

Простояли мы на улице достаточно долго, почти до полуночи, наверное. Воин и местный в грязном халате

молчали и нарочито не глядели в нашу сторону. Мы же коротко обсудили услышанное от Туменбаатара.

— Если оправдаются худшие мои подозрения, то нам придется весьма туго на этих играх. Армас, готовь к бою дискомет, в этот раз ты выйдешь на бой с ним.

— Это оружие ведь запрещено? — удивился Армас настолько, что даже заговорил с заметным акцентом.

— В Европе — да, а здесь нет ничего запрещенного, — ответил я. — И раз уж против нас применяют нечестную игру заранее, то я должен быть готов к ответным шагам. Конечно, если нашим врагом на арене окажется британская команда, это может несколько ухудшить положение. Однако нас все равно считают жестокими варварами, и если уж не гуннами, то их потомками точно. Это пойдет даже на пользу нашей репутации, да и если игры получатся кровавыми и жестокими, мы скорее завоюем расположение Музаффара для нашей миссии.

— Граф Игнатьев тоже не равнодушен к крови, особенно британской, — ухмыльнулся, подкрутив ус, Корень.

Но что-то мне подсказывало, что после визита Флэшмена к Сохрэбу драться мы будем вовсе не с британской командой, какими бы ни были на этот счет планы эмира.

Луна уже поднялась высоко и по небу рассыпались звезды, когда Туменбаатар вышел наконец из нашего дома. Давно уже стало достаточно зябко, мы поглядывали на спокойно стоящих местных, которым, казалось, ни жара, ни холод нипочем, а потому и сами старались не ежиться. Однако ближе к полуночи держать лицо таким образом оказалось весьма непросто.

— Я прошу простить меня за то, что заставил вас стоять на улице, — отвесил мне очередной церемонный

поклон Туменбаатар.— И напоследок хотел бы предупредить о том, что тот же бритец, что ходил ночью к Сохрэбу, сговаривается о чем-то с волками.

Час от часу не легче!

Меня продрал такой озноб, что я не удержался-таки и поежился, нервно поведя плечами. Корень при этих словах оскалился, будто сам был волком.

— Но вряд ли это имеет отношение к вам,— добавил Туменбаатар,— иначе я сразу сказал бы об этом. Он пытается сговориться с ними с самого первого дня, а тогда по Бухаре ходили упорные слухи о гибели русской миссии в Черных песках.

Мне после этого осталось лишь проводить взглядом удаляющиеся спины.

Что ни говори, а мы были рады вернуться в тепло дома. Тут же подкинули несколько небольших полешек в печку, чтобы добавить еще тепла и выгнать ночной холод из тел. Корень занялся приготовлением чая, благо все нужное для этого у нас имелось.

— И о чем же вы беседовали с Туменбаатаром так долго? — спросил я у Дорчжи.

— Да много о чем,— пожал тот плечами,— а можно сказать, что и ни о чем. Ни о чем конкретном точно. Но знаешь, командир, ты прости меня, но я должен уйти. После игр, конечно, если жив останусь. Это мой народ, и здесь мой дом. Мама говорила мне, когда надевала пайцзу, что я должен найти своих или они найдут меня. А когда это произойдет, то я должен быть с ними, сколько бы добра ни увидел от русских.

— Понимаю тебя, Дорчжи,— положил я ему руку на плечо,— и уважаю это твое решение. Тем более насильно в команде никого не держу. И спасибо тебе за то, что ты решил остаться с нами на этих играх. Нам

придется тут очень туго, вполне возможно, никто из нас не переживет первого же боя.

— Если ты его так уговариваешь остаться, — рассмеялся Ломидзе, — то скажу тебе, командир, подход у тебя неправильный.

Но никто его шутку не поддержал.

— А о каких таких волках говорил этот с подковой на шее? — решил сменить тему Вахтанг.

— Тех самых, — ответил, не оборачиваясь, Корень, — кого в европах вырождаками зовут. И если он с ними сговориться пытается не против нас, то против кого тогда?

— В Бухаре сейчас маркиз Лафайет, — сказал я, — он из Ордена, и если не против нас Флэши сговаривается с этими самыми волками, то, скорее всего, против него.

— Но какие дела могут связывать этого твоего Флэши с Лафайетом и волками? — удивился Мишин.

Я только плечами пожал — не слишком хотелось высказывать товарищам по команде свои предположения по этому поводу. Хотя завтра это надо будет обсудить с Корнем, только с ним одним — никого больше это не касалось.

Глава 3

ИГРЫ ПО-ВОСТОЧНОМУ

Что ж, в чем нельзя отказать восточным правителям, так это в умении устраивать празднества. Если уж пир, так воистину на весь мир, если игры, то такие,

что уступят, наверное, лишь Олимпийским. Бухару украсили живыми цветами — не знаю, где их набрали в таком количестве. Улицы заполнили множество нарядно одетых людей, и пускай облачение собравшихся было откровенно бедным, но по одному их виду становилось ясно — радуются они вовсе не по приказу. Среди этих толп выступали жонглеры и факиры, устраивающие головокружительные представления с танцами, сверканием кривых клинков и, конечно, струями, а то и целыми столбами пламени. На каждом углу на углях жарилась баранина, которую раздавали всем, не требуя денег — все оплачено из казны эмира. В каждой кофейне первую кружку наливали за счет щедрого правителя, а частенько можно было из-под полы угоститься еще и хмельным.

Вот по такому нарядному и праздничному городу мы перемещались. Не шли, не ехали, а именно перемещались. Утром к нашему караван-сараю прибыла целая процессия паланкинов, окруженных внушительным конным эскортом. Каждый из них предназначался для определенного круга людей. К примеру, мне все же пришлось ехать отдельно от команды, вместе с Лерхом и Струве, потому что с обычными воинами в паланкине пребывать было уже не по чину. Скрепя сердце я согласился, тем более что выбора возглавлявший нашу процессию визирь Сохрэб мне не оставил.

Двигались паланкины на плечах дюжих рабов, ни один из которых и отдаленно не походил на славянина, плавно, но очень медленно из-за размеренного шага носильщиков и из-за толп, заполнявших улицы и площади Бухары. Даже эмирским гвардейцам было строго запрещено прокладывать себе дорогу плетями и пинками — в такой день народ Бухары должен пре-

бывать в радости и чтить своего правителя. Все это я узнал из переведенной Лерхом короткой речи, произнесенной Сохрэбом.

Ехать нам пришлось почти через весь город к сооруженной специально для этих игр большой деревянной арене. Обычно бои в Бухаре происходили в ямах за городом, но уважающие себя игроки никогда не стали бы сражаться там, среди застарелой вони крови и страха. Дрались в этих ямах обычно натасканные рабы, которые вовсе не ровня нам. Поэтому для больших игр в честь своего восшествия на престол Музаффар повелел выстроить отдельную арену с высокими деревянными трибунами, способными вместить несколько тысяч человек, и большим круглым полем. Трибуны были разделены на несколько секторов, каждый из которых предназначался для определенной категории людей. Лучшие места достались, конечно же, эмиру и его двору, к ним присоединились главы русской и британской миссий, а также спортивные корреспонденты нескольких газет, рискнувшие приехать в такую даль, чтобы осветить доселе не виданные игры. Чуть хуже места были у владельцев команд, участвующих в играх. Остальные же делились сугубо по ценовому признаку, и, стоит сказать, что никого из городской бедноты, да что там — даже зажиточных ремесленников, на арене было не увидеть. Билеты тут не продавались, их получали в виде взяток, отдавали нужным людям, на некоторое время они стали в Бухаре чем-то вроде валюты.

Все это рассказывал нам со Струве Лерх. Петр Иванович говорил с таким упоением, будто сам лично строил арену и присутствовал при каждой сделке, где вместо золота или рабов расплачивались билетами на игры.

— Помилуйте, батенька,— не выдержал, наконец, старик Струве,— да откуда ж вам столько известно-то? Вы как будто сами по городу гуляли, да не один день.

— Я беседовал,— поднял указательный палец Лерх.— Со слугами, что работают в нашем караван-сараяе. С солдатами, что охраняют нас. С их друзьями и родственниками, что забегают к ним по делу и без, навещают на посту. Тут ведь к караульной службе относятся куда проще, и на посту не возбраняется потрепать языком. Жалуются особенно на британских офицеров, что те строгости наводят и вольности урезают. Ну и вообще они тут любят поболтать даже с человеком не слишком знакомым, конечно, если правильный подход найти.

— Да вы просто прирожденный шпион,— рассмеялся Струве, а я подумал про себя, что, возможно, старик не так уж далек от истины. Лерх обладал отличными познаниями в местных языках и наречиях, если уж умел находить подход к людям, то и выведать информацию ему не стоило особых усилий.

Наконец наши паланкины остановились. Я с удовольствием выпрыгнул из своего, не воспользовавшись помощью раба. Лерх поступил так же, хотя и едва не упал, не рассчитав высоту, на которую нас подняли. А вот Струве пришлось буквально вынимать из паланкина — его и посадили-то туда с трудом, и выбраться без посторонней помощи он бы точно не смог. Рабам даже пришлось опуститься на колени, что они проделали с потрясающей синхронностью. Я отчего-то вспомнил Хиву и рассуждение сопровождавшего нас визиря о рабах-носильщиках.

Сохрэб обратился ко мне с несколькими фразами и, прежде чем Лерх перевел их мне, а тем более я успел

ответить, развернулся и направился прочь. Не слишком-то вежливо с его стороны.

— Слуги проводят вас и команду в помещения, где будете ждать своего выхода на арену,— перевел мне Лерх слова удалившегося уже Сохрэба.

Действительно нас ждали несколько человек в длиннополых халатах с широкими рукавами. Оба склонились в глубоком, подобострастном поклоне, и один как бы невзначай слишком сильно вытянул руку, продемонстрировав нам небольшую татуировку в виде подковы. Они проводили нас в одно из помещений, располагавшихся под трибунами. По сути это были неглубокие землянки, укрепленные бревнами, достаточно просторные, чтобы в них могли одновременно переодеться сразу пять человек. Здесь же стояли и небольшие тазы, в которых можно умыться и ополоснуть тело, перед тем как одеваться в костюм. После дороги внутри паланкина я бы предпочел полноценный душ, однако и тазу с холодной водой был рад. Тем более что в помещении из-за того, что оно было вырыто в земле, царила приятная прохлада.

Мы достаточно быстро переоделись в костюмы для боя и расселись на лавки. Корень привычно грыз трубку. Курить в подземном помещении было глупо, он и сам понимал, что я бы этого ему не разрешил, а выйдем мы отсюда только на арену. Армас держал в руках массивный дискомет — оружие, не слишком ему привычное. Надеюсь, с ним он нас не подведет. Ломидзе то и дело проходилась пальцами по оперению болтов к своим арбалетам, как будто пересчитывал их раз за разом. Дорчжи же непроизвольно сгибал и медленно разгибал стальную руку, словно заново привыкая к ее тяжести. Я расчехлил секач, по обыкновению провел

по его клинку тряпицей, хотя надобности в полировке не было ровным счетом никакой.

— А кого, ты думаешь, против нас выпустят, ко-мандир? — спросил у меня Армас, положив дискомет себе на колени.

— Не хочу загадывать, — покачал головой я, очень надеясь, что опасения мои не оправдаются.

Наконец отворились двери, ведущие на арену. Мы поднялись на ноги и размеренным шагом прошли по короткому, уходящему вверх коридору. И вот под нашими ногами заскрипел песок, в глаза ударили солнечные лучи, заставляя щуриться после полумрака, царившего в помещении для ожидания. А когда зрение прояснилось, увидели наших врагов, и я понял — худшие мои опасения полностью оправдались.

Заметки на полях

ХТОНИКИ

Нет существ более отвратительных, чем хтоники — твари, созданные воистину темным гением карфагенских ученых. И чудовищ, более ненавистных всем игрокам со времен первых и последних для Карфагена Олимпийских игр 1850 года. Тогда прибывший на игры правитель этого государства с огромной гордостью сам представил мировому сообществу и лично барону де Кубертену хтоники — идеальных воинов и игроков. Первую же схватку с их участием не лезущие за словом в карман газетчики назвали Хтонической резней, и тут уж никто не мог упрекнуть их в

страсти к преувеличению. Французская команда игроков погибла в полном составе, не сумев ничего противопоставить этим безумным тварям, жаждавшим лишь крови и убийства. Хтоники не обращали внимания на самые тяжкие ранения и отказывались умирать, даже получив несколько смертельных для обычного человека ран.

После Хтонической резни барон де Кубертен навсегда запретил Карфагену участвовать в Олимпийских играх. И до последнего времени команды с Пиренейского полуострова редко можно было встретить на играх в Европе. Французское же королевство и вовсе объявило Карфагену торговую войну, к которой присоединился ряд ведущих европейских держав. Продержалась она, кстати, вплоть до начала Крымской кампании.

Они стояли на противоположной стороне арены. Саженого роста твари, закованные в темную сталь массивных доспехов, вооруженные внушительного вида оружием. Движения их были обманчиво неторопливы, но всем игрокам отлично известно, какими быстрыми могут быть при желании хтоники. Назвать их людьми язык не повернулся даже у самого невзыскательного к роду человеческого наблюдателя. Пускай у них по две руки, две ноги, одна голова, и даже пропорции, в общем, совпадали с человеческими, но было в них что-то неправильное, отталкивающее, не дающее признать хтоников людьми, пускай и особенными. Быть может, дело в пергаментном оттенке кожи или странных доспехах, не похожих ни на какие другие, или таком же необычном оружии — прихоти карфагенцев. А возможно, в чем-то совсем необъяснимом,

кроющемся в тех же уголках нашего сознания, где гнездятся ночные кошмары и непонятные до конца нам самим суеверия.

— Так вот из-за чего ты меня вчера гонял до седьмого пота с дискометом,— кивнул Армас, перехватывая поудобнее свое оружие.— Да, тут обычный карабин погоды не сделает.

Да что там не сделает, усмехнулся про себя я, от обычного оружия моего стрелка тут толку бы не было ровным счетом никакого. Его пули не то что доспех хтоников не пробьют — они даже синяков им оставить не смогут.

Мы замерли, ожидая первого хода от врага, но и хтоники медлили. Их предводитель, самый высокий — в нем, наверное, сажени полторы было, никак не меньше,— вскинул над головой в глухом шлеме свой кривой двуручный меч с невероятно широким клинком и жутковатым крюком на конце. Он взревел громко и хрипло, и остальные твари ответили ему синхронным криком. Они потрясали оружием, словно дикари. У одного это были парные топоры на коротких для его размеров рукоятках. У другого — щит, из-за которого только шлем торчит и массивная булава. Ею он колотил по щиту с такой силой, будто разбить хотел. У третьего — арбалет с туго согнутыми двумя дугами и парой длинных болтов на тетивах, чьи зазубренные наконечники не сулили ничего хорошего. Рукопашник же хтоников щеголял открытым торсом, который, будь он человеком, привел бы в восторг многих женщин, а вот руки его закрывали покрытые длинными шипами сплошные пластины доспехов. Он раз за разом хлопал сжатыми кулаками, лязгая ими с неприятно громким звоном.

— Советов давать не буду,— бросил я своей командой.— На мне тяжелый боец — в нашу драку не лезть. Остальных разбирайте себе.

— Прорвемся, командир,— успел усмехнуться Корень,— где наша не пропадала?

И тут хтоники бросились на нас. Не было привычного разбега, когда начинают с быстрого шага и лишь после переходят на бег. Нет, хтоники рванули с места в карьер, как застоявшиеся жеребцы. И мы тут же ринулись им навстречу. Но прежде я успел кинуть взгляд на эмирскую ложу. Музаффар пребывал в негодовании, Игнатьев вскочил на ноги, наплевав на все приличия, Сохрэб глубокими глотками пил что-то из массивной золотой чаши, лицо подлеца Флэши врезалось мне в память — столько самодовольства было на нем написано.

А после мне стало не до того, чтобы глядеть по сторонам.

Хтоники попытались смять нас сокрушительным первым натиском — они неслись с таким грохотом, что земля под ногами дрожала.

Здоровенный боец с широким мечом широко замахнулся им, будто хотел смести меня одним могучим ударом, но я уже видел, что это ловкий финт. Такого вроде не ожидаешь от хтоника. При их комплекции кажется, что умом они блистать уж точно не должны, но это лишь расхожее заблуждение. Быть может, философами или математиками никто из них стать, и в самом деле, не смог бы, зато в том, что касается боя, они многим могли дать сто очков форы.

Ну да и я не лыком шит. Отлично понимая, что враг рассчитывает, что удар не приму и постараюсь уклониться от него, поступил с точностью до наоборот.

Подставил секач под широкий клинок вражеского меча. На мое счастье, хтоник перехватил меч одной рукой, чтобы быстрее отреагировать на мой возможный уход в сторону, — держи он его обеими, вбил бы меня в землю по пояс, будто былинного богатыря. Вот только я не уверен, что смог бы выбраться так же лихо, как он. А так в песок мои ноги ушли лишь по щиколотки, и сила вражеского удара, помноженная на весьма внушительный вес оружия, отдалась взрывом боли в плечах. Я увел секач в сторону, позволяя клинку меча соскользнуть вниз, увлекая за собой хтоника. Тот быстро справился с инерцией, не дав уронить себя. Но я тут же врезал ему концом рукояти в забрало — удар скорее болезненно обидный, нежели наносящий урон. Хтоник снова взревел раненым кабаном и двинул в наплечником в грудь. Я едва успел попятиться, да только это не спасло. Ребра буквально взорвались болью, воздух разом вылетел из легких. Я зашелся в надсадном кашле, едва не выронив из рук секач. А хтоник уже тут как тут.

Теперь он держал свой жуткий меч обеими руками, и я понимал, что удар отразить не сумею — банально сил не хватит для этого. Отпрыгнул назад, перекатившись через плечо со всей доступной мне сейчас ловкостью. Хтоник же пер в мою сторону буром, крестя воздух удивительно быстрыми для его комплекции и размеров оружия взмахами. Цель его проста — не дать подняться на ноги и покончить со мной парой ударов.

Я же лишь слегка приподнялся, опершись на локоть левой руки и правое колено — нелучшая позиция, но выбора нет. Особенно когда практически над головой свистит жуткий клинок. Я ударил наотмашь, не целясь, знал, что поражу врага, — по такой громадине не

промажешь и длины моего оружия вполне хватит. Попал не слишком удачно — не клинком, а рукояткой, но и это оказалось для врага чувствительно. Мне же оставалось только порадоваться, что не сменил этот стальной лом, который называется рукояткой секача, на более легкую, деревянную. Она бы точно сломалась о закованную в броню ногу хтоника. А так он споткнулся и даже припал на колено, что не помешало ему нанести очередной могучий удар.

И я снова пошел на риск — принял его на клинок секача. Меня во второй раз вдавило в песок, руки полыхнули болью, но я усилием воли загнал ее поглубже — сейчас не время. После боя будет болеть все тело, и это вполне справедливая плата за то, что сейчас я могу сосредоточиться совсем на других вещах. Я снова свел клинок вражеского меча в сторону, и в этот раз он зарылся концом в песок. После я резко перекатился через плечо, вскочив как раз вовремя, чтобы отразить новый удар хтоника и тут же удивить его ответным выпадом.

Все же мой секач — удивительное оружие, и если научиться им пользоваться, то можно преподнести врагу много весьма неприятных сюрпризов. Я сделал короткий выпад, перехватив рукоять обеими руками как можно крепче, и мой противник насадил себя на широкое лезвие секача, разворачиваясь для нового могучего замаха. Будь на его месте обычный человек, клинок сокрушил бы ему ребра, но моим противником стал хтоник, закованный в весьма прочную броню. Широкий конец клинка уперся в нагрудник, заскрежетал по нему, рассыпая искры, но все же пробил и вошел в тело врага. Я расслышал весьма громкий треск, и почти тут же клинок уперся во что-то твердое. Молясь

про себя, чтобы лезвие не застряло, изо всех сил рванул рукоять в сторону и снова перекатился, вырывая оружие из раны. Хтоник даже руку к ней не приложил, хотя по темной броне его густо струилась кровь.

Мы обменялись несколькими быстрыми ударами, для отражения каждого мне приходилось напрягать все силы и платить за это волнами обжигающей боли, проходящими уже по всему телу. Я отступил на полшага, выдернув клинок секача из-под удара в последний момент — быть может, удастся таким ловким трюком вывести противника из равновесия. Но не тут-то было — хтоник оказался слишком опытным бойцом, чтобы купиться на это. Он сумел справиться с инерцией своего тяжелого оружия и даже сделал быстрый выпад в мою сторону загнутым концом клинка. Мне пришлось отпрыгнуть еще на полшага. Я в долгу не остался, изо всех сил ударив по оружию врага. Хтоник оттолкнул меня, и я, использовав силу его толчка, сделал плавный пируэт, оказавшись сбоку от врага, на самой выгодной позиции с начала нашей схватки.

Риск был велик, но я пошел на него — и сделал еще один пируэт, усиливая удар разворотом корпуса. Иначе, наверное, и броню бы хтонику не пробил, разве что поцарапал. Удар пришелся крайне удачно, в ту часть доспеха, которую я уже повредил предыдущим выпадом, и в этот раз клинок куда легче прорубил вражескую броню — и ребра хтоника затрещали намного сильнее. Он взревел раненым кабаном, и мне стало страшно — ничего человеческого в его крике не было вообще.

Хтоник ринулся на меня, хотя кровь уже хлестала из раны на боку. Даже самый сильный человек давно бы свалился замертво, однако к хтонику это не относилось. Я отбил первый удар, уклонился от второго и

снова убрал меч, пытаясь лишить противника равновесия. И в этот раз мне удалось — хтоник оказался слишком разъярен, он голову потерял от боли и ярости. А мне только того и надо было.

Удар моего врага был столь силен, что он едва кубарем не покатился, лишь в последнее мгновение со владык с собственным телом. Но было поздно — клинок секача уже опустился на его шею сзади, раздался лязг стали, а следом и треск, во все стороны снопами брызнули искры. Хтоник рухнул на колено, уперевшись в песок кулаком левой руки, чтобы совсем уж не растянуться. Я перехватил секач за конец рукояти, занес оружие над головой в максимально широком замахе и обрушил его на голову врага. Тварь не спасли ни прочный шлем, ни толстый череп.

Клинок секача засел в голове хтоника, он начал заваливаться вперед, и мне пришлось упереться ему ногой в спину, будто в мясницкую колоду, чтобы оружие не вырвалось из рук. Я изо всех сил дернул рукоять на себя, и она с жутким треском вышла из раны. Хтоник же окончательно завалился вперед и признаков жизни уже не подавал.

Все же, прежде чем окинуть взглядом поле боя, чтобы понять, где я сейчас буду нужнее всего, отступил от противника на безопасное расстояние. Кто ж знает этих тварей — быть может, она сейчас придет в себя и снова бросится в атаку. Однако делать этого хтоник вроде не собирался. Тогда я выдохнул спокойно и смог оглядеться по сторонам.

Картина схватки меня совсем не радовала. Армас стоял на одном колене и пытался как можно быстрее перезарядить дискомет, но я видел, что он не успевает сделать это. На него несли хтоник с двумя топорами,

уже занесший свое оружие для смертельного удара. Я ринулся на помощь ингерманландцу, хотя и отлично понимал, опередить мчащегося громадными прыжками хтоника не успею ни я, никто другой. Дорчжи прикрывал возящегося с арбалетами Ломидзе от щитоносца, прущего на них с неотвратимой размеренностью осадной башни. А из-за спины его вражеский стрелок так и норовил пустить в моих бойцов длинный болт. Корень же буквально плясал, отбиваясь от хтоника-рукопашника, молотящего кулаками с невероятной для его комплекции скоростью. О силе его ударов лучше и не задумываться.

Вот тогда-то все мы и стали свидетелями приема, с легкой руки какого-то из присутствовавших на играх журналистов получившего название «прыжок Ломидзе, или прыжок смерти».

Внезапно Дорчжи припал на колено, подставляя спину Князю. Тот шагнул прямо на него, и тут наш рукопашник с силой выпрямился, направляя Ломидзе вперед и вверх. Князь оттолкнулся от его спины, прыгнул прямо на щит хтоника, оттолкнулся уже от него — и буквально взвился в воздухе. Вращаясь, будто акробат на арене цирка, он пролетел пару сажень и, все еще оставаясь в воздухе, начал стрелять. Одна стрела, почти сразу — другая. Первая попадает хтонику с двумя топорами под мышку, пробивая кольчугу и с хрустом впиваясь в тело, вторая входит в шею сзади, точно в тот момент, когда шлем и верхняя часть наспинного доспеха расходятся от движения буквально на пядь. Еще один оборот — и Князь стреляет еще дважды. Третий болт вонзается в локоть твари с внутренней, не так хорошо защищенной броней стороны. Четвертый же врежется в пах, и эта рана должна быть

смертельной почти для любого живого существа — сильно уж уязвимая эта область, слишком важные артерии проходят там.

Для любого, но только не для хтоника. Вместо того чтобы рухнуть замертво, тварь стремительно обернулась к новой опасности и встретила ее во всеоружии. Хтоник вскинул топор, буквально насадив на него еще находящегося в воздухе Ломидзе. Лезвие глубоко вошло в тело Князя, с жутким хрустом сокрушив его ребра. Он закричал, но голос его был почти не слышен из-за хохота твари. Хтоник оглушительно смеялся, и не было в этом ничего от человеческого веселья, и от каждого смешка продирало, будто наждаком по позвоночнику. Оглушительно хохоча, хтоник легко подбросил Князя, соскользнувшего с лезвия его топора, и тут же с плеча рубанул вторым. Удар был страшен и невероятно силен — он буквально развалил несчастного Ломидзе надвое. Ребра крошились с треском, будто прутья, позвоночник не выдержал, переломился пополам, на песок водопадом хлынула кровь.

Публика на трибунах взревела в экстазе, и было в этом крике нечто весьма схожее с воплями хтоников, как будто люди при виде крови отринули все человеческое, снова обратившись в примитивных животных.

Никто, включая увлекшегося убийством хтоника, не заметил, что Мишин успел зарядить свое оружие. Диск сорвался с направляющих и по короткой, убийственной дуге устремился к горлу врага. Зазубренная кромка буквально вскрыла его, разрывая прочную плоть. Кровь ударила фонтанами из нескольких перерезанных артерий. И в эту-то рану, открывшуюся на горле хтоника, будто второй рот, я направил удар секача, вложив все силы, всю ненависть и все горе от

гибели боевого товарища. Одним ударом я отрубил твари голову — та пролетела по широкой дуге пару аршин и упала на песок. Обезглавленное же тело хтоника рухнуло на колени, а после повалилось ничком. Песок под ним пропитывался кровью.

— Заряжай тремя,— практически на бегу бросил я Мишину, и тот послушался без единого возражения. Оба мы знали, что заряжать оружие сразу тремя дисками очень опасная игра — может не выдержать механизм и смертоносные снаряды полетят во все стороны по случайным траекториям. У стрелка при этом выжить шансов почти нет.

Я же пробежал мимо Армаса и ринулся прямо на упорно наседающего на Дорчжи хтоника со щитом. Он уверенно теснил им парня, из-за широкой спины его надежно защищенный арбалетчик так и норовил пустить стрелу. Дорчжи пока уклонялся от снарядов, однако, как скоро ему изменит удача, я проверять не хотел. Логичней было бы атаковать стрелка, и потому я кинулся на него, по неширокой дуге пытаюсь обегать щитоносца. Однако для того прикрыть товарища было делом плевым — лишь развернись на полшага так, чтобы не подставиться и под удар Дорчжи. Именно этого я и ждал и очень надеялся, что и мой рукопашник разгадает нехитрый в общем-то трюк.

Я изо всех сил врезал секачом по щиту еще не успевшего закончить разворот врага — это лишь сбilo его с шага, но Дорчжи вполне хватило. Он поймал пальцами свободной от стали руки край щита и рванул его на себя, еще сильнее выбивая противника из равновесия. На многочисленных наших тренировках я успел убедиться в том, что парень просто феноменально физически одарен — не развит, а именно одарен.

Зангиеву удалось развить то, чем щедро наделила Дорчжи природа. Конечно, уронить тяжелого хтоника на песок ему не удалось, однако враг раскрылся достаточно, чтобы Дорчжи нанес могучий удар стальной рукой ему прямо в забрало. Металл смялся под напором стали, превратив, наверное, лицо хтоника в кровавое месиво, но на боевых рефлексах его это никак не сказалось. Он ловко взмахнул булавой, едва не задев успевшего вовремя отпрыгнуть Дорчжи, но я тут же рубанул его секачом по руке. Вышло не слишком удачно — клинок попал по прочному наручу брони, оставив на нем глубокую зарубку. Никаких других повреждений нанести врагу мне не удалось, в отличие от Армаса. Тот ловко выскочил из-за моей спины и тут же надавил на спусковую скобу дикомета. Загудело магнитное поле — или что там разгоняет снаряды в этом оружии — и три диска один за другим сорвались с направляющих в считанные секунды. На наше счастье, выстрел прошел без сюрпризов, более того, все три снаряда угодили точно в цель.

Первый начисто срезал хтонику кисть с зажатой в ней рукоятью булавы — на таком мизерном расстоянии от вращающегося с безумной скоростью зазубренного диска никакая броня не спасет. Второй глубоко вошел в бок твари, почти полностью скрывшись под доспехом. Третий же вонзился в смятое ударом стального кулака Дорчжи забрало.

Здоровенный, пускай и самый приземистый из тварей — только его рост недотягивал пол-аршина до сажени — хтоник покачнулся, упасть ему не давал лишь стиснутый в левой руке щит. Но вот ноги подкосились, не выдержав веса, и он рухнул на колени, словно признавая свое поражение.

Публика на трибунах зашлась воплем, приветствуя нас.

Однако падением товарища воспользовался стрелок — хтоник с арбалетом ловко перекатился через плечо, что, наверное, было непросто сделать в его массивных доспехах, и спустил тетиву. Длинные болты устремились в нашу сторону. Дорчжи вскинул стальную руку и широким взмахом попытался отбить сразу оба — чертовски самонадеянно! У него ничего не вышло, и, что самое страшное, он помешал мне отразить второй болт. Первый задел стальную руку парня, врезавшись в нее с такой силой, что его закрутило на месте и швырнуло на песок. К счастью, болт прошел по касательной, не повредив парню, — по крайней мере крови я не увидел. Но слишком широкий замах Дорчжи не дал мне нормально взметнуть секачом, и я лишь краем задел второй снаряд. Он закрутился в воздухе — наконечник прочертил глубокую царапину на моем нагруднике, а вот оказавшемуся слишком близко ко мне Армасу повезло меньше. Стальное древко врезалось ему в плечо, сокрушая кости. Его словно ломом приложили — мой стрелок задохнулся от боли и повалился на песок рядом с вражеским щитоносцем.

Но думать об этом сейчас у меня не было никакой возможности. Хтоник очень быстро, не поднимаясь с земли, перезаряжал арбалет. Он, наверное, и стрелять собирался лежа, но я опередил его. Хтоник как раз накладывал стрелу, когда я обрушил секач на его плечо. Тяжелой брони он там носить не мог точно — та слишком сковывала бы движения рук, не давая быстро справляться с оружием. И потому серьезным препятствием для клинка секача оплечье не стало. Он с хрустом вошел в тело врага. Я навалился на рукоять всем весом, по-

глубже вгоняя клинок, а после уперся ногой в бедро хтоника и вырвал оружие из раны. Тут ко мне подскочил Дорчжи и обрушил на вражеского стрелка град ударов стальной рукой. Я оставил юного рукопашника разбираться с хтоником, а сам кинулся к последнему врагу.

Корню не надо было давать каких-либо знаков — он всегда умел одним глазом следить за схваткой. Вот и теперь, стоило мне только приблизиться к нему, еще секунду назад, казалось бы, отчаянно отбивавшемуся от хтоника-рукопашника, как запорожец вдруг, словно по мановению волшебной палочки, оказался у врага за спиной. Быстрый взмах кривого кинжала, заточенного с обеих сторон,— и на горле врага открывается второй рот, багровый, сочащийся кровью. Практически в то же мгновение из обнаженного торса хтоника, где-то в районе печени, вышел почти аршин стали, и выдергивать оружие казак не спешил. Я подлетел к сцепившимся противникам, не останавливаясь, со всего замаха нанес могучий удар в живот хтоника. Он был столь силен, что даже эта тварь переломилась пополам.

Напрягая все силы — вот уж воистину мышцы на разрыв! — я приподнял тварь в воздух на пару вершков и, используя рукоять секача как рычаг, швырнул ее на песок. Корень вовремя успел освободить саблю и отскочил на полшага, чтобы я не задел его клинком секача. Я же перехватил оружие за самый конец рукояти и обрушил его на врага, будто цеп. Раз, другой, третий! Даже не целился особо, сокрушая тело хтоника ударами, усиленными немалым весом секача.

Публика на трибунах неистовствовала. Кровавое зрелище нынче удалось на славу!

Глава 4

СЫН АВИЦЕННЫ

Я был удивлен, узнав, что в Бухаре имеется православное кладбище, пускай и совсем небольшое. Хорошили там в основном вольноотпущенников из славян, отказавшихся принять ислам. Но все же оно было, и Ломидзе придется лежать хоть и в чужой земле, но зато освященной православным священником. Последний тоже был в Бухаре, правда, ни миссии, ни часовни не держал и, как выяснилось, приехал сюда еще во времена эмира Насруллы, когда тот стремился заключить торговые договоры с Россией и дал согласие на освящение русского кладбища. Предыдущая миссия покинула Бухару, а вот отец Сергей остался, не пожелав уехать из безбожного города, где, оказалось, есть достаточно много православных. Да и прочие христиане не брезговали зайти к нему, и святой отец привлекал всех, не делая между ними различий.

Он оказался удивительно молодым человеком с короткой, совсем не идущей ему бородой, делающей отца Сергия больше похожим на потешного сатира. И, что самое интересное, он это понимал и сам не прочь был пройтись по своей непрезентабельной внешности в разговоре.

— Я не был на богомерзких игрищах,— сказал он нам,— но ведаю, что сей человек совершил подвиг во имя Отечества, но не ради злата. Верно ли это?

— Верно, отче,— кивнул я ему.— Мы здесь защищаем честь Родины, а не пытаемся добыть себе пустой славы на арене.

— Да, — усмехнулся на это отец Сергей, — здесь славы не добудешь. Землицу я для вашего человека нынче же освящу. Когда его хоронить будут?

— Драгуны гроб уже сколотили, — сказал я, — так что только вас ждем.

— Дайте мне десять минут облачиться и идемте.

Отец Сергей был пунктуальным человеком. Он вышел из домика, в котором обитал, спустя ровно десять минут. И мы все вместе отправились на кладбище. Мы — это я, Корень и Дорчжи. Армас в это время лежал без памяти в нашем домике в караван-сараяе. Ему не стало лучше от лекарств, выданных личными врачами эмира. Те долго осматривали руку Мишина и почти через час выдали совместное решение. Если состояние конечности не изменится в лучшую сторону в течение трех дней, то придется ее ампутировать. И это был приговор для Армаса как для игрока — переучиваться на рукопашника уже поздно, а на протез, достаточно искусно сделанный, чтобы мой боец и дальше мог управляться с такой сложной машинерией, как электромагнитный карабин или дискомет, у меня просто не хватит денег. Эта мысль мучила меня тогда, наверное, не меньше, чем гибель Ломидзе. Терять сразу двух бойцов в команде — и это при условии, что еще Дорчжи покинет нас, — равносильно ее гибели. Да и просто по-человечески нельзя было оставлять Армаса инвалидом, несмотря на то что уж он-то как раз себе старость обеспечил. В этом я был уверен после нашего с ним короткого разговора в гостинице. Вот только старость эта будет одинокой. Кто ж пойдет за однорукого инвалида? Вряд ли Армас скопил достаточно денег, чтобы стать завидным женихом даже при таком раскладе.

Мы шагали по притихшей после вчерашних громких игр Бухаре. Улицы ее в столь поздний час были почти пусты, лишь шагали по ним хмурые патрули городской стражи. Те, кому не повезло оказаться на службе после вчерашних безумных часов, когда на этих самых улицах было не протолкнуться от веселящегося народу, который приказано было не трогать и вмешиваться, только если совсем уж забудется.

Кладбище располагалось за городской стеной, но не очень далеко от нее. Все путешествие заняло не больше получаса. Там нас уже ждала едва ли не вся наша миссия. Наверное, в караван-сараях остались лишь несколько караульных. Даже простые драгуны, плечом к плечу с которыми мы переносили все тяготы длительного путешествия в Бухару, пришли проститься с Ломидзе. Однако не уверен, что многие из них знали его по имени или хотя бы по прозвищу — Князь.

Я не удивился, увидев в некотором отдалении группу людей в скромной, но добротной одежде, окруженную небольшой свитой, в которой, без сомнений, было достаточно воинов, скрывающих под длинными полами халатов сабли и кривые кинжалы.

— Пришли поглядеть на тебя, — кивнул я в их сторону, обращаясь к Дорчжи.

— Туменбаатар хотел, чтобы я покинул Бухару сразу после игр, — ответил он, — но я задержусь, пока не будет предан земле Вахтанг и не решится судьба Армаса.

— Спасибо, — положил я ему на плечо руку.

Мы выстроились вокруг могилы, сняв головные уборы, отец Сергей долго читал отходную молитву, а после перекрестил вырытую драгунами еще с утра яму. И это стало знаком для двух дюжих солдат —

они медленно опустили в нее сколоченный накануне гроб. Мы прошли мимо, кидая на его крышку горсти земли. Я вспоминал свое первое знакомство с Вахтангом. Лихой стрелок выступал против нас на арене в небольшом немецком городе. Я тогда еще только начинал, и у меня из всей команды был лишь верный Корень. Мы не могли и подумать о том, чтобы участвовать в играх, ведь для этого нужен полный состав — пять человек. Князь лихо сражался с нами обоими, обстреливая из своих арбалетов тупыми стрелами — драться насмерть никто не желал. А после схватки, когда гонорар был честно разделен, я предложил Ломидзе присоединиться к моей команде. И он, недолго думая, согласился. И вот теперь лежит в чужой, хоть и освященной православным священником, земле. И хоронить его пришлось в закрытом гробу из-за чудовищных ран, нанесенных топорами хтоника.

— Солдаты, на караул! — скомандовал Обличинский драгунам, и те тут же выпрямились.

Я только сейчас заметил, что, отходя от могилы, они выстроились в две шеренги.

— Тройной виват погибшему за Отечество Вахтангу Ломидзе!

И строй драгун хором грянул:

— Виват! Виват! ВИВАТ!

Последний «виват» был столь оглушительным, что у меня чуть уши не заложило, и я не сразу понял, что присоединился к выкрику, как стоящие рядом со мной Корень с Дорчжи.

— Поверьте, я искренне соболезную вам, граф, — произнес Игнатьев, пока мы наблюдали за тем, как драгуны споро закидывают землей свежую могилу, — но в Бухаре осталось еще очень много дел.

— Они подождут, граф,— отрезал я,— пока не разберусь с проблемами моей команды.

— Вы ставите собственные интересы выше интересов Отечества,— губы Игнатьева и без того тонкие вытянулись в одну линию, не толще нити.

— Гляньте туда,— кивнул я в сторону могилы, над которой вырос уже небольшой холмик земли,— и вы еще говорите, что я ставлю свои интересы выше интересов Отечества? А за что тогда, позвольте спросить, погиб Вахтанг Ломидзе не далее как вчера днем?

— Я уже принес вам свои соболезнования...

— Да плевать я на них хотел, граф,— сквозь зубы выдавил я, стараясь не крикнуть это.— Я уже достаточно отдал Отечеству, чтобы один день посвятить своей команде и решению ее проблем.

— Это весьма опасные рассуждения,— одарил меня ледяным взглядом Игнатьев,— такие до добра не доводят, несмотря ни на какие заслуги.

— Вот только давайте обойдемся без угроз, граф,— тяжело вздохнул я, на душе стало как-то совсем пусто.— Меня они давно уже не страшат. Я слишком часто имею дело со смертельным риском.

Как раз в этот момент драгуны опустили лопаты, а после закинули их на плечи, и все потянулись прочь с кладбища. Находиться в этом мрачном месте сверх необходимого ни у кого особого желания не было.

По дороге Корень с Дорчжи как-то незаметно, но весьма настойчиво оттеснили от меня Игнатьева. Тот вроде бы хотел продолжить наш не слишком задавшийся с самого начала диалог, однако мои товарищи по команде сделать этого ему не дали, и я был им за это весьма благодарен. Ведь на кладбище я еще как-то сдерживал себя, но, когда Игнатьев принялся почти

открыто угрожать мне, владеть собой было уже очень тяжело. И каковы будут последствия моей несдержанности даже в словах, я и думать не хотел. Ведь это здесь мне все сходит с рук, но рассудком я отлично понимал — за каждое неосторожное слово, а уж тем более дело придется держать ответ в Москве, в доме на Николо-Песковской улице, в кабинете с плотно зашторенными окнами.

Я с облегчением вздохнул, когда граф не отправился вслед за нами в караван-сарай, а сел в паланкин и на плечах дюжих рабов убрался обратно в эмирский дворец. Однако в караван-сараяе нас уже ждали люди, разговор с которыми грозил стать более тяжелым, нежели выяснение отношений с Игнатьевым.

Четверо в скромном, но добротном одеянии замерли на пороге нашего дома, среди них я без труда узнал Туменбаатара. Даже не удивился, как они проникли на территорию караван-сарая, минуя драгунские караулы. Если в их распоряжении имеется достаточный штат агентов среди обслуживающих нас слуг и рабов, то это не составит особого труда.

Как только мы подошли к дому, все четверо как по команде повалились ниц, распластавшись в пыли перед ногами Дорчжи.

— Встаньте, верные,— бросил им мой рукопашник,— и скажите, с чем пришли вы ко мне?

В голосе его уже начали звучать повелительные ноты.

— Ты велел нам найти врача, который может спасти руку твоему товарищу, о внук Тенгри,— обратился к нему Туменбаатар — из уважения к нам заговорил он на русском,— в Бухаре есть лишь один такой человек.

— Кто он? — тут же шагнул вперед я, едва удерживаясь от того, чтобы не схватить носителя подковы за

грудки. Слишком взвинчен был, я просто не мог дальше выносить все эти восточные церемонии.

— Его называют сыном самого Ибн Сины,— ответил остающийся совершенно спокойным Туменбаатар,— я не знаю его настоящего имени, ведь под этим он известен всей Бухаре. Он на две головы превосходит всех лекарей самого эмира, как бы те ни кичились своими знаниями. Ведь такое прозвище, как носит он, весьма сложно заслужить.

— Тогда веди его к нам или нас к нему — неважно,— взмахнул рукой я,— только поскорее.

— Я вижу, что разум твой, наставник внука Тенгри, застит беспокойство за судьбу воина из твоей команды,— вздохнул Туменбаатар,— и потому я выполняю твою просьбу. Рабы сейчас же отнесут твоего воина к сыну Авиценны на носилках. Но дорогой мы спокойно все обсудим с тобою и внуком Тенгри, когда он отправится с нами.

— Благодарю тебя, Туменбаатар,— я сумел-таки выжать из себя слова, хотя в этот момент больше всего хотелось, чтобы рабы или слуги носителя подковы как можно скорее несли Армаса к этому чудо-врачу.— По пути мы обязательно обсудим все. Обещаю, что не стану давить на моего бойца, и решение будет только его, и ничье больше.

Туменбаатар вместо ответа низко поклонился мне, и его примеру последовали остальные носители подковы, хотя не уверен, что кто-то из них понял, о чем именно мы говорили.

Не прошло и десяти минут, как снова шагали по улицам Бухары, но на сей раз куда более длинной процессией, в центре которой находились рабы, несущие носилки с Армасом. Мишину предварительно вкололи

хорошую дозу морфия, и он отключился на несколько часов, как заверил меня врач русской миссии. К слову, он также расписался в своей беспомощности помочь моему стрелку чем-либо, кроме обезболивающего.

— Ему могут помочь в хорошей клинике в Питере или Москве, а еще лучше — где-нибудь в Двуетидной монархии, уж там в этом деле руку доктора набили. Ну а я кто? Всего-то чуть больше, чем простой костоправ, умею латать бойцов после сражения и делать так, чтобы они дотянули до госпиталя. Большого от меня никто не ждет.

Однако от неприятных воспоминаний меня отвлек Туменбаатар, который жаждал как можно скорее расставить все точки над «и».

— Ты обещал не чинить препятствий, если внук Тенгри решит покинуть твою команду и отправиться с нами, — произнес он.

— И я не изменил своему слову, Туменбаатар, — ответил я. — Выбор был за Дорчжи, и он сделал его.

— Я уйду, — вмешался в только начавшийся разговор Дорчжи, — но лишь после того, как узнаю, что с моим товарищем по команде все в порядке.

— Но ведь и искусство врача, прозванного сыном Ибн Сины, несовершенно, — заметил Туменбаатар, — и он может вслед за докторами эмира сказать, что твой боевой товарищ лишится руки, чтобы можно было спасти его жизнь.

— Я отправлюсь с тобой и носящими подковы и всеми верными, если ты хочешь это услышать, Туменбаатар, — ледяным тоном произнес Дорчжи, — как только узнаю, какая судьба ждет моего товарища по команде. Теперь тебе понятны мои слова или мне растолковать их, будто передо мной не взрослый человек, а слабоумный ребенок?

Туменбаатар дернулся от таких слов, будто получил увесистую оплеуху, однако стерпел это почти прямое оскорбление. И дальше промолчал всю дорогу до самого дома врача — меня, как и Дорчжи, это вполне устраивало.

Проживал врач, носящий столь громкое прозвище, не в самом фешенебельном районе Бухары, скорее всего, из-за того, что он не был беем или представителем местной аристократии или чиновничества, а потому просто не имел права жить среди знати, поблизости от эмирского дворца. Однако дом у него был вполне крепкий, добротный, стены его украшала затейливая роспись, состоящая из цветочных узоров, сплетающихся в цитаты из Корана. Никаких вывесок над дверью не имелось — по всей видимости, кто приходил к врачу, точно знал, куда надо идти.

Я постучал кулаком в дверь — раз, другой, третий. Подождал какое-то время и хотел было уже пнуть ее, чтобы внутри уж точно услышали, но она отворилась раньше. Мне оставалось лишь порадоваться, что я не успел занести ногу для пинка, иначе выглядел бы просто смешно. На пороге стоял не старый еще человек в длиннополом халате и тюрбане, смуглое лицо его украшала недлинная борода.

— Салам,— произнес он и добавил еще несколько слов на местном языке, которых я, конечно же, не понял.

Тут к нам подошел Туменбаатар и заговорил с врачом. Один раз он обернулся к носилкам, которые рабы не спешили опускать на пыльную землю, и указал на лежащего на них Армаса.

— Для меня будет честью принимать у себя столь прославленных воинов,— произнес врач на русском, в

словах его был заметный акцент, однако говорил он даже правильней, чем Туменбаатар.— Пускай твои люди несут раненого в операционную, они знают, где это, а мне надо подготовиться.

— Я могу присутствовать при операции? — спросил я, в тот момент приняв как должное, что врач говорит по-русски.

— Я бы даже настоял на этом,— улыбнулся тот,— мне нужен слушатель, и слушатель благодарный, который станет внимать всему, что я буду говорить во время операции. Это мой способ успокоить нервы.

— А что делать остальным? — спросил я.

— Кто хочет, пускай подождет на первом этаже,— отступил в сторону, давая пройти в дом, врач.

— Я должен снова поговорить с внуком Тенгри,— решил настоять на своем Туменбаатар.

— Я этому не препятствую,— отмахнулся я.

Сейчас меня куда больше волновала судьба Армаса. Наверное, с Дорчжи я попрощался в душе уже в тот момент, когда он сказал о своем желании покинуть команду.

— Но прежде можно я скажу пару слов тебе, командир? — спросил Дорчжи.— На прощание.

— Сколько угодно,— усмехнулся я.

Пропустив вперед носилки с лежащим на них Армасом, мы вошли-таки в дом врача. Сам эскулап отправился в одну из комнат, где менял повседневную одежду на ту, в которой привык оперировать. Удивительно для здешних мест, однако хозяин этого дома, похоже, в самом деле необыкновенен. Тогда я еще не знал насколько.

Большую часть первого этажа занимало нечто вроде гостиной, оформленной в здешних традициях.

Ковер с толстым ворсом на полу и мягкие диваны вдоль стен. Внутри вошли лишь четверо носящих подкову, мы с Корнем и Дорчжи. Многочисленная челядь и охрана остались ждать снаружи, а вскоре к ним присоединились и рабы, вышедшие из дома с пустыми носилками.

— Командир, теперь я должен уйти,— сказал мне Дорчжи.— Все, зависящее от меня, я сделал.

— Не надо искать себе оправданий, Дорчжи,— усмехнулся я.— Ты сделал все, что мог, и даже больше. Я понимаю, что ты должен уйти, и не держу. В конце концов, я не рабовладелец и никто из бойцов мне не принадлежит. Оставь себе стальную руку, думаю, она еще пригодится.

— А что ты скажешь учителю? — Он запнулся на секунду и тут же уточнил: — Зангиеву.

— Правду,— пожал плечами я,— что ты выбрал свой путь в жизни.

— Хорошо,— кивнул Дорчжи.— Не хотелось бы, чтобы он посчитал меня предателем.

— Игрокам свойственно переходить из одной команды в другую, а после даже сражаться против бывших товарищей,— пожал плечами я,— так что слово «предательство» для многих из нас вовсе пустой звук.

Дорчжи помолчал несколько секунд, собираясь с силами для последнего прощания. Тогда я решил взять инициативу в свои руки и протянул ему ладонь.

— Прощай, Дорчжи,— сказал я,— ты был мне верным товарищем и другом. Быть может, нас еще сведет судьба, и я буду этому рад.

— Прощай, командир,— ответил парень, крепко сжимая мою ладонь.— Я тоже буду рад нашей встрече, если ей суждено состояться.

Корень же неожиданно для меня и, скорее всего, для Дорчжи крепко обнял его на прощание.

— Что ж мы будем теперь руки друг другу жать, будто господа какие,— сказал он, стискивая Дорчжи в крепких объятиях.— Бывай, парень, авось и правда доведется свидеться когда еще.

— Я благодарю тебя, наставник внука Тенгри,— поклонился мне Туменбаатар, а вслед за ним и остальные носящие подкову, вместе с Дорчжи они стали выходить из дома врача.

Я провожал их спины взглядом до тех пор, пока за ними не закрылась дверь.

— Распрощались? — спросил у меня врач, вышедший из комнаты. Он успел сменить халат на больничный и даже шелковые перчатки натянул.— Тогда идемте за мной. Ваш друг тоже может, в операционной места хватит.

— Ну уж нет,— покачал головой Корень.— Я тут подожду, на диване. Мне, конечно, людей резать не впервой, но, когда это при мне происходит, всякий раз не по себе становится.

— Не думал, что казаку может стать не по себе от вида чужой крови,— усмехнулся врач, однако Корень на эту явную подначку никак не отреагировал, лишь плечами пожал.

Вслед за врачом я прошел в операционную. Она оказалась просто удивительным местом, куда больше подходящим хорошей клинике в любой из европейских столиц, нежели дому врача в Бухаре. И оборудование тут стояло, вряд ли сильно уступающее тому, что имелось в лаборатории доктора Моро.

— Удивлены, наверное, не меньше, чем тому, что я свободно говорю по-русски,— усмехнулся врач.—

Могу разом ответить на оба ваших вопроса, которые вы еще не задали. Я получил образование в Сорбонне и вернулся сюда, чтобы продолжить практику отца, который меня туда и отправил. Там же я выучил и основные европейские языки.

— Не многие причисляют к ним русский,— зачем-то сказал я.

— В Сорбонне тоже удивились этому моему желанию,— усмехнулся врач,— но меня там вообще считали изрядным чудачком и чем-то вроде диковинки. Восточного человека в этом старинном университете редко можно встретить.

— Но с таким образованием и оборудованием вы вполне могли быть личным врачом самого эмира,— удивился я.

— Одним из врачей,— поправил меня доктор.— Здесь не принято доверять свою жизнь и здоровье одному человеку, ведь его могут купить враги и он начнет сознательно травить правителя — такое уже не раз случалось. Да и оборудование во дворце имеется, вот только им никто не стремится пользоваться, разве что самым простым, да и то не сильно ему доверяя.

— А быть одним из — это не для вас,— кивнул я с понимающей усмешкой.

— Совершенно верно,— кивнул он.— А теперь дайте мне заняться вашим человеком.

— Что нужно от меня?

— Просто стоять рядом и слушать.

Слово «молча» врач опустил, чтобы ненароком не оскорбить меня, однако оно само подразумевалось.

— Серьезный случай,— произнес он,— весьма серьезный. Пожалуй, в моей практике столь сложного еще не было. Пациента накачали морфием, чтобы он

не пришел в себя во время поездки ко мне. Быть может, и нехудшее решение, но я такого одобрить не могу,— он поднял руку, чтобы провести ладонью по бороде, однако вовремя остановился.— Во-первых, человеческий организм может вынести лишь определенную, не слишком большую, дозу этого препарата, а во-вторых, ваш человек вполне может прийти в себя во время операции, чего, по понятным причинам, лучше избежать. Но придется рискнуть, так как я не знаю, сколько уже морфия ввели ему, а потому следующий укол лучше сделать лишь в критической ситуации.

Он обошел стол, на котором лежал Мишин, и склонился над его рукой, основательно распухшей в месте страшного перелома. Никто из осматривавших его не решился ничего сделать с ней.

— Придется вскрывать и собирать кости по кусочкам,— резюмировал врач,— работа долгая и муторная,— он тяжело вздохнул.— А там, где невозможно собрать кости, буду использовать стальные заменители,— врач выпрямился и отошел от стола.— Работы тут на несколько часов, да еще и мою болтовню придется терпеть. Так что присаживайтесь вон на тот стул, я его специально для слушателей здесь держу. Это мне надо все время на ногах пребывать, а вам вовсе не обязательно. Да и увидите поменьше, что тоже неплохо бывает в определенной ситуации. Быть может, вы и привыкли кромсать людей, но порой от моей работы даже таким бывалым рубакам, как вы, становится не по себе. Вон товарищ ваш даже идти сюда отказался, и весьма правильно поступил. Если в своих силах духовных не уверен, то всяко лучше в операционную не соваться.

Врач отошел от стола и направился к умывальнику, стоящему в углу операционной. Там он снял перчатки,

небрежно кинув их в корзину, и принялся мыть руки. Из стены, как оказалось, торчал самый настоящий медный кран, и, судя по пару, поднимающемуся над медной же раковиной, из него лилась не только холодная вода.

— У меня тут водопровод проведен прямо из дворца,— не оборачиваясь, заметил врач.— Будьте добры, помогите мне надеть перчатки для операции и закройте кран. Только предварительно руки вымойте как следует. Думаю, вам не надо объяснять значение слова «инфекция».

Я выполнил его инструкции, а после, надев такие же тонкие шелковые перчатки, помог принести поддон с жуткого вида инструментарием хирурга и поставил его на стол рядом с операционным.

— Вот здесь у меня металлические заменители осколков кости,— врач откинул в сторону кусок сложенной в несколько раз марли, открыв моему взору разложенные в непонятном порядке кусочки металла.— Но их я буду использовать лишь в самом крайнем случае.

Он помолчал секунду, а после, глубоко вздохнув, произнес:

— Начинаем.

Взял с поддона скальпель и сделал первый глубокий разрез.

Я всегда поражался работе хирургов. Все-таки в бою, когда думаешь лишь о собственной жизни, убивать и калечить людей проще некуда. Руби себе, помня — либо ты, либо тебя. Иного выбора нет. Не остается для него ни времени, ни места. А так, как сейчас врач, с хирургической точностью делать надрезы, глядя, как течет кровь и расходятся волокна мышц, а

после обнажаются кости,— это уже совсем другое дело. Тут нужно истинное хладнокровие, быть может, именно поэтому так мало людей выбирает себе стезю врача, а уж хирурга — так и еще меньше.

Врач, имени которого я так и не спросил с самого начала нашей встречи, зная его под прозвищем сына Ибн Сины, работал уверенно и размеренно. В какой-то момент, несмотря на его почти не смолкающую болтовню, мне показалось, что передо мной не человек вовсе, а некий хитрый автомат, который разговаривает лишь для того, чтобы скрыть свою искусственную природу. Слишком уж выверенными были движения врача, даже после нескольких часов непрерывной, весьма кропотливой работы. Он резал, растягивал края разрезов, ставил какие-то хитрые зажимы и расширители, давал стечь накопившейся крови из разорванных сосудов — та бежала по каналам в операционном столе. И вскоре добрался-таки до раздробленных костей — вот когда, по его словам, началась настоящая тяжелая работа.

Я не видел разницы, однако полностью доверял его словам. Врач пинцетом вынимал из разрезов осколки костей, складывая их до поры на поднос, рядом с металлическими кусочками. Когда же эта часть работы была окончена, он начал в прямом смысле собирать сустав Армаса.

— Это почти как мозаику собирать,— делился он со мной,— только с одним важным исключением — все части ее одинакового цвета, подбирать приходится только по размеру и форме.

Вот этим-то он и занялся. Со своего места я не видел, как именно он это делает, но у меня и не было особого желания подходить поближе, чтобы стать

свидетелем подробностей. Хватило и без них. Врач брал один за другим кусочки кости, погружал их в открытую рану и либо возвращал на поддон, либо оставлял в ней. Иногда составлял целые панно, соединяя осколки, прежде чем поставить их на место, крошечными стальными хомутиками. Да уж, тут и ювелиру делать нечего — такая работа ни с какой не сравнится.

Не знаю, сколько прошло времени. Окон в операционной не было, она освещалась несколькими мощными электрическими лампами. Я молча наблюдал за работой хирурга, не смея ни единым словом нарушить его концентрацию внимания. Наверное, сам он и не заметил, как замолчал, продолжая оперировать в почти полной тишине.

И потому настойчивый стук в дверь показался едва ли не кощунством. Я тут же вскочил на ноги, машинально нашарив под одеждой рукоять ножа. Громкий звук почти всегда предвещал опасность. Конечно, сейчас при мне не было — зачем его таскать к врачу. Сейчас я об этом пожалел.

Врач же и не дернулся, продолжая работать.

— Узнайте, что там такое, — бросил он, не оборачиваясь.

Я открыл дверь — на пороге операционной стоял Корень.

— Что стряслось? — спросил у него я.

— Тут этот, из Ордена, в дверь стучит, — ответил он. — Его волки гонят.

Не дослушав, я буквально вытолкнул Корня из операционной и вышел сам. Разбираться времени не было. Вместе мы проскочили через гостиную, я на ходу сдернул с рук шелковые перчатки, без зазрения совести швырнув их под ноги. По ходу отметил, что солнце уже

начало клониться к горизонту — выходит, врач оперировал Армаса уже почти восемь часов.

Распахнув дверь, я увидел на пороге маркиза Лафайета — выглядел он ничуть не лучше, чем после нашего рейда в Уайтчепеле. Мундир порван во многих местах и покрыт темными пятнами крови, лицо осунулось, скулы сильно заострились, плечи заметно ссутулились, будто под тяжестью невидимого груза. В руках он держал знакомый еще по Лондиниуму тяжелый арбалет со стальными дугами, украшенный цитатами из Писания, и, судя по тому, как дрожали его руки, натягивать тетиву маркизу приходилось не раз и не два.

А на улице, между домов и в тени, появившейся уже в узких переулках, мелькали зловещие сутулые фигуры в серых халатах. Они почти припадали к земле при движении, что делало их больше похожими на животных, чем на людей. Да и были это самые настоящие звери в человеческом обличье. Те, кого звали волками. Волками, живущими среди людей.

Маркиз Лафайет вскинул оружие, целясь в приближающихся врагов, но я остановил его, положив руку на плечо.

— Положитесь на моего человека, — спокойно сказал я. — Он в состоянии справиться с этими тварями.

Я обернулся к Корню, но, прежде чем успел и рот открыть, тот процедил прямо мне в лицо:

— Ради этого я и пальцем не шевельну. Они нашего брата изводили сколько лет — обвиняли черт знает в чем, а я теперь ради него на целую волчью стаю идти должен? Уволь, командир, не чихну, даже когда его рвать на куски будут.

— Неволить не стану, — пожал плечами я. — Хочешь, сам вытолкай Лафайета за дверь, на поживу

волкам. Но я думаю, мы многое сможем узнать у него, и, умри он сегодня, завтра придется туго уже нам. Сам же видел, какая игра тут идет против нас. Визиря и того не пожалели, хотя он для британцев был, думаю, весьма ценным человеком при дворе эмира.

С самого утра голова Сохрэба торчала на колу над стеной эмирского дворца — она была самой свежей из тех, что украшали колья. Музаффар не простил визирю нарушения порядка игр в свою честь, за которые тот отвечал. И поплатился в прямом смысле головой.

— Волки сюда не сунутся,— заявил Корень,— видимо, тоже уважают врача, иначе давно бы уже были здесь. Меня они еще точно не почуяли, а то вели бы себя по-другому.

— Они подняли Лафайета, как зверя,— покачал головой я,— и, раз не убрались совсем, значит, только ждут чего-то, чтобы напасть. А может, просто храбрости набираются.

— Тогда это уже не волки, а трусливые псы,— скривился, оскалив зубы, Корень,— и они точно не полезут в дом, как только почуют мой дух.

Неожиданно для меня он шагнул вперед, толкнув плечом Лафайета, будто не заметил его. На ходу Корень скинул пиджак, небрежно швырнув его за спину, и, едва не попав в лицо маркизу, двинулся навстречу серым фигурам, медленно закатывая рукава рубашки.

— Что он делает? — поразился Лафайет, не заметивший намеренной грубости моего бойца.

— Справляется с вашими неприятностями, маркиз,— усмехнулся я, хотя и не совсем понимал мотивы, побудившие Корня к внезапному действию.

Запорожец отдалился от дома врача, однако не слишком сильно, и остановился посреди улицы. Сутулые

фигуры в серых халатах отпрянули при его появлении, отступили глубже в тень домов и переулков. Корень рывкнул громко, на всю улицу. Но понять его было невозможно, потому что звуки, им изданные, ничего общего с человеческой речью не имели.

— Погодите,— снова вскинул арбалет маркиз,— так что же, ваш человек сам из...

— Не стоит произносить этого слова,— перебил его я,— у Корня весьма чувствительный слух в такие моменты, и нрав становится почти волчьим. Он вполне может не сдержаться.

— Но, граф...

— Вам все объяснят позднее, а сейчас просто стойте и смотрите, большего от вас не требуется.

Лафайету мои слова не пришлись по душе, однако спорить он не стал.

Корень же тем временем рывкнул снова, заставляя серых отступить еще глубже. И тут один из них выпрямился и шагнул навстречу запорожцу. Не сутулясь, он оказался довольно высок — почти на полголовы выше бывшего казака. В правильных чертах лица его было что-то звериное, отличающее от других людей. Он подошел почти вплотную к Корню и рывкнул в ответ, почти что плюнув запорожцу в лицо. Тот схватил его правой рукой за горло и легко приподнял над землей, так что носки туфель серого не доставали до нее пару вершков. Корень медленно, но верно сдавливал стальные тиски пальцев — серый бился в захвате, но ничего поделать не мог. Он снова рывкнул на Корня, тот в ответ лишь усилил хватку, заставив серого обеими руками схватиться за запястье бывшего казака. Не помогло — Корень продолжал душить его.

Он не видел подкрадывающегося к нему со спины другого серого — тот продолжал сильно сутулиться, почти стелясь по земле, полы халата так и мели пыль под ногами. Он выскочил из сгустившейся тени зданий так быстро, что я никак не успел отреагировать на его появление. Теперь тварь мчалась к Корню, выхватив правой рукой из-под халата длинный, кривой, будто звериный клык, кинжал. Я едва успел выдернуть из потайных ножен свой нож, чтобы метнуть его в серого, — пускай и вряд ли попаду, но уж отвлечь-то сумею точно. А там и крикну — предупрежу Корня. Но меня опередил Лафайет. С характерным звуком выстрелил его мощный арбалет, отправляя болт в короткий смертоносный полет. Тяжелый снаряд сбил кинувшегося на Корня сзади серого, заставив того перекувыркнуться в воздухе, а после проехать еще несколько аршин по пыли. Подняться после этого тварь уже не смогла, хотя и подергивалась слегка — скорее всего, в предсмертных конвульсиях.

Корень кинул взгляд в ту сторону, но тут же снова повернулся к висящему у него на руке врагу. Последний почти перестал подавать признаки жизни, лицо его побелело, глаза закатились. Корень встряхнул его, словно беспомощную добычу, и одним коротким движением сломал-таки шею. Еще раз встряхнув уже мертвого серого, он с силой швырнул его в самое большое скопление подобных ему. Труп пролетел разделяющее их расстояние и упал на землю, подняв тучу пыли. Серые тут же подхватили его на руки и утащили прочь. Стоило рассеяться самой большой группе, и остальные серые так же скоро растворились в сгущающемся сумраке грядущей ночи.

Корень рывкнул на прощание и вернулся к нам, равнодушно повернувшись спиной к улицам и переулкам,

откуда, уверен, за ним все еще следили внимательные и очень злые взгляды.

Я увидел, что Лафайет дрожащими от напряжения руками взводит арбалет, и снова положил ему руку на плечо.

— Уж будьте последовательны, маркиз,— усмехнулся я,— раз уж спасли жизнь Корню, не стоит нацеливать на него оружие.

Лафайет глянул на меня с явным сомнением, однако отпустил тетиву и закинул арбалет на плечо.

Корень вернулся в дом, снова нарочито толкнув маркиза и громко захлопнув дверь.

— Я ему, между прочим, жизнь спас,— заметил Лафайет, которому надоело поведение бывшего казака.

— Но любить ему вас не за что все равно,— ответил я.— Давайте присядем на диван, и я расскажу, в чем дело. И где именно Орден неправ.

— Вы так непреклонно утверждаете, что Орден неправ,— пожал плечами маркиз,— что я готов вас слушать хоть всю ночь.

— Много времени мой рассказ точно не займет.

Заметки на полях ПОДЛИННЫЕ ВЫРОДКИ

Самой главной опасностью смешивания крови людей со звериной было появление выроdkов — и вовсе не людей, обладающих превосходящими дру-гих рефlekсами или силой и быстротой реакции, но животных, вместе с долей человеческой крови получивших частичку человеческого разума. Они

собирали вокруг себя целые стаи других хищников — ведь с травоядными никто свою кровь смешивать и не думал — даже те, кто в природе к этому никогда склонен не был. Выродки превосходили остальных зверей, легко становясь вожаками, а после, будто какой-нибудь завоеватель, подминая под себя и другие стаи.

Вот когда люди столкнулись с ними, подлинными выродками, детьми бездумного поведения самих же людей. Громадные волчьи стаи, ведомые крупными, а главное, умными и почти человечески хитрыми и изворотливыми вожаками, нападали даже на хорошо защищенные деревни и села. Их встречали огнем и стрелами, но звери уже не боялись — они кидались в атаку и, даже умирая, рвали своих врагов. Безжалостные медведи устраивали засады на целые караваны ради человеческого и конского мяса. Лисы легко обходили все ловушки. Пробираясь в дома, душили детей, чтобы насладиться их сладкой кровью, которая не идет ни в какое сравнение с куриной. Прежние, проверенные средства обороны уже не спасали. И тогда еще больше людей стали смешивать свою кровь со звериной, не понимая, что в этом-то и кроется причина новых бедствий, постигших их.

Так начался новый виток развития выродков, подлинных врагов человечества, которых люди сами же и породили. В крови зверей оказалось еще больше примеси человеческой, и вот уже первые полумразумные хищники смогли обращаться в людей. Это стало настоящим бичом для всех. Звери, обратившиеся в людей, входили в города и

деревни. Так же легко, как в своих стаях, они становились главарями преступных сообществ, живущих фактически по звериным законам. Вот только никакие нормы морали, прививаемые людям с детства, хищников не сдерживали.

Только тогда человечество поняло, с какой опасностью столкнулось, только тогда начало бороться с нею. И первыми встали на защиту людей те, в чьих жилах текла звериная кровь, ибо они всегда могли взять верх над зверьми, принявшими облик людей. Они же настояли на том, чтобы навсегда отказаться смешивать человеческую и звериную кровь, дабы не плодить новых выроdkов.

Выслушав меня, маркиз долго молчал — минуты две, наверное. Откинувшись на спинку дивана, Лафайет глядел в потолок и обдумывал сказанное мной. Наконец, он выпрямился и прямо спросил у меня:

— Откуда вам это известно?

— От Корня, конечно,— честно ответил я.— Мы с ним не разлей вода еще с самого Крыма, где я был в плену и меня допрашивал в том числе и один из рыцарей, сэр Галахад. Я и до того слышал о тех, кого вы зовете выроdkами, но считал это лишь легендой, на которой паразитирует Орден. Когда же война закончилась, и я вернулся из плена, то поделился с Корнем историей с допросом. Вот тогда-то он и рассказал мне очень много интересного.

— Но как я могу быть уверен в том, что все вами сказанное правда?

— Правды в моих словах, наверное, меньше половины, потому что большая часть — это пересказ

чужих слов и преданий тех, кого вы называете вырожденками. Так что отделить правду от домыслов сейчас уже вовсе не представляется возможным.

— Да даже без этого хватает в ваших словах такого, от чего основы переворачиваются, граф! — вскричал Лафайет — всю усталость с него как рукой сняло. — Вы хоть это понимаете?

— Понимаю, — пожал плечами я, — но толку с этого? Орден, думаю, в прежние времена боролся именно с длинными вырожденками, хищниками в человеческом обличье, но их становилось все меньше, и в какой-то момент истина забылась, началась борьба уже с ненастоящим врагом. А может, имел место какой-то конфликт в прошлом, о котором вы узнаете, если пороетесь в архивах как следует, после чего приоритеты Ордена несколько сместились. Хотя это уже мои домыслы, конечно, не стоит их принимать за нечто большее. Да это и неважно, потому что способности, подобные тем, которыми наделен Корень, проявляются все реже, ведь давно уже никто не смешивает свою кровь со звериной. Еще одно-два поколения — и такие люди перестанут рождаться вовсе. Зверей же в человеческом обличье давно перебили в Европе, да и в России они если где и остались, то только на дальних рубежах, вроде границы с Сибирью. Легенды же о вырожденках стали удобным политическим инструментом, как и ваш Орден.

— Может, и так, — не стал спорить с достаточно неприятным утверждением маркиз, — но все изменилось после Уайтчепела, вы не находите? Какой бы не была правда, ученые вроде Моро возродили эту легенду в совершенно ином, можно сказать, новом виде.

Тут уже я спорить не стал, потому что это глупо — спорить с очевидным.

— Из-за чего на вас напали волки? — решил я переменить тему.

— Конечно, из-за расследования, которое я тут веду,— усмехнулся Лафайет, он еще пребывал под впечатлением от услышанного и, так сказать, переваривал полученную информацию, давая ей усвоиться.— Я почти вывел на чистую воду Флэшмена, он как-то замешан в деле с отправкой рабов доктору Моро и не только ему. Оказывается, люди уходили не только в Лондиниум через Компанию, но и в другие города, видимо, коллегам Моро из иных стран. Я решил проследить и эти каналы, для чего должен был встретиться с одним человеком после заката. Однако на месте встречи его не оказалось, на меня накнулись эти ребята в серых халатах. Первым делом они швырнули в меня оторванной головой человека, с которым я должен был встретиться.

— Вполне в стиле волков,— кивнул я.— Так вы считаете, что Флэши завязан в этой афере с рабами? Что ж, а это как раз в его стиле.

— На пиру у Музаффара вы разговаривали будто старые знакомые,— заметил маркиз.— Я так понимаю, что вы свели это знакомство в Крыму, верно?

— Верно,— согласился я.— Я взял его в плен на Арабатской стрелке, но после его забрал граф Игнатьев, нынешний глава нашей миссии. Однако поведение Флэшмена при его пленении свидетельствует о том, что он мог быть замешан в самой отвратительной истории. И отправка рабов отсюда разного рода вивисекторам вроде Моро вполне в его духе.

— Воистину мир наш удивительно тесен,— рассмеялся почти через силу Лафайет,— никуда не деться от знакомых и знакомых знакомых.

— Чего это он смеется? — с недоверием глянул на маркиза Корень, не понимающий ни слова из нашей беседы.

— Мир наш очень уж тесен, вот и смеется над этим,— ответил я.

— Да что мир, что станица,— пожал плечами Корень, и снова отвернулся,— один черт, земляка всюду встретишь.

Я снова обернулся к Лафайету.

— У меня есть информация из источника, заслуживающего доверие, о том, что именно Флэши сговорился с волками, и, скорее всего, именно он натравил их на вас.

— Тогда пришла пора поговорить с ним по душам,— хищно усмехнулся Лафайет,— хотя это будет и не так уж просто. Он же у нас герой Британии — ему так просто обвинения в лицо не кинешь. Орден набрал еще недостаточно сил, чтобы тягаться с его славой.

— Тогда, может быть, нам навестить его этой ночью,— предложил я,— с неофициальным визитом.

— Вы хотите помогать мне и дальше? — удивился Лафайет.— Но ради чего?

— Хотя бы ради того, чтобы увидеть лицо Флэши, когда мы поднимем его из постели посреди ночи,— усмехнулся я.— Но прежде мне надо дождаться окончания операции. Сами понимаете, судьба моего боевого товарища на первом месте.

Маркиз кивнул и откинулся на спинку дивана — адреналин схлынул, и на него навалилась усталость. Он выпустил приклад арбалета, руки бессильно повисли вдоль тела, голова все вернее клонилась на грудь.

— Слабоват,— кивнул на него Корень,— и как только в столице своей продержался столько?

— Наверное, ему тут тяжелей пришлось,— пожал плечами я, встал на ноги и коротко изложил запорожцу план наших дальнейших действий.

— А этот выдержит? — с сомнением глянул он на задремавшего маркиза.— Спать-то он, гляжу, силен, а вот насчет остального... — Он покачал головой.

— Ему это больше всех надо, так что уж он-то постарается выдержать.

— Ты не забывай, командир, что игры еще не кончились,— напомнил мне Корень.

— А что нам до них — команды у нас нет уже, на арену выводить некого. Мы, может, и славно сражались и одолели чертовых хтоники, но игры для нас закончились, Корень.

— Как знать, командир,— снова покачал головой бывший казак,— как знать.

— Поживем — увидим,— философски заметил я, садясь обратно на диван.

Присел и Корень — теперь нам осталось лишь дожидаться, когда врач выйдет из операционной.

Глава 5

ТЕМНЫ НОЧИ В БУХАРЕ

Проснулся я от того, что Корень легко тронул меня за плечо. Я и сам не заметил, как задремал. Вроде еще секунду назад твердо противился желанию сомкнуть веки — и вот меня уже выдергивают из объятий Морфея. Корень указал на дверь операционной,

откуда вышел врач. Он еще вытирал руки полотенцем, а значит, покинул ее только что. Я кинул взгляд за окно — там чернела глубокая ночь, видимо, не так уж много времени прошло с тех пор, как мы отогнали волков от дома врача и прикончили их вожака.

Не без труда поднявшись на ноги, я кивнул врачу и тут же поинтересовался:

— Как Мишин?

— Если вы о пациенте,— усмехнулся врач,— которого мне не представили, то он в норме. Состояние его далеко от хорошего, конечно, однако я могу гарантировать, руку он сохранит. При должном уходе, естественно. Сейчас действие морфия закончилось, и я напоил его кое-какими местными отварами, благодаря им он проспит около суток, а после его можно будет транспортировать. Это время он, конечно, проведет на моем попечении. Слуги присмотрят за ним, пока не очнется.

— И сколько я должен вам за лечение?

— Ровным счетом ничего,— покачал он головой,— все оплатил важный господин с серебряной подковой на шее. Когда же ваш боевой товарищ придет в себя, мои слуги отнесут его в караван-сарай, который вы занимаете.

— Вы знаете, где он находится? — удивился я.

— А что тут такого,— рассмеялся врач,— это знает вся Бухара.

Врач потянулся и откровенно зевнул, не утруждая себя прикрыть рот.

— Сейчас же, простите меня, господа, я отправляюсь спать. Усталость просто с ног валит. Гостевыми комнатами в доме можете располагать в полной мере, их три, и все они расположены на первом этаже. Если же решите

покинуть мой дом прежде, чем проснутся слуги, захлопните дверь — замок на ней современный, британский.

— Простите, что задерживаю вас,— произнес я,— но как-то невежливо выходит. Вы спасли моего друга, а я даже имени вашего не знаю.

— О, уж имя-то у меня самое тривиальное,— снова, несмотря на усталость, рассмеялся врач,— меня зовут Али,— и, поднявшись по лестнице на второй этаж, скрылся в одной из комнат.

— Он известная личность в Бухаре,— заметил маркиз, проводив взглядом врача,— его называют сыном Авиценны,— Лафайет произнес имя врача древности на европейский манер,— и, говорят, даже волки остерегаются подходить к его дому. Я потому и прибежал сюда, чтобы спастись от них.

— А откуда вы узнали, где именно живет врач? — спросил я у него.

— Я же говорю, что он очень известная личность в городе. Однажды мне пришлось уже воспользоваться его помощью, когда врач из нашей миссии оказался бессилен.

— Что же случилось? — решил настоять я, хотя отлично видел, насколько неприятна эта тема Лафайету.

— Я отравился местной пищей, и наш врач ничем не смог мне помочь. В итоге от его способов лечения я ослабел настолько, что едва ноги волочил, и тогда какой-то слуга из местных меня едва ли не на себе к этому доктору притащил. Тот в два счета поставил меня на ноги, хотя после лорду Кадогану пришлось хорошенько раскошелиться, чтобы оплатить счет.

— Прошу простить, что заставил вас припомнить эту неприятную историю,— извинился я не особенно искренне.

— Да нет,— усмехнулся Лафайет,— мне доставило истинное удовольствие вспомнить кислую мину лорда, когда тот получил счет от местного врача. Наверное, после он с нашего коновала три шкуры спустил.

— И какие теперь у вас планы? — поинтересовался я у маркиза.— Желаете воспользоваться своим новым положением?

— Считаете, Флэши уверен, будто меня нет в живых,— проницательно заметил тот,— весьма заманчиво, скажу я вам. Но одному мне все равно не справиться, не являться же, в самом деле, во дворец со своими обвинениями. Да меня и слушать никто не станет. Я не на столь хорошем счету у лорда Кадогана, чтобы он внимал моим обвинениям в адрес героя Британии.

— Можете, как минимум, рассчитывать на нашу с Корнем помощь,— без лишних сомнений предложил я.

— Откуда такое желание бескорыстно помочь? — прищурил глаза Лафайет.— Я ведь видел, как вам пришлось улаживать вашего человека, чтобы он помог мне с волками. И, как мне показалось, уломать до конца его вам не удалось.

— Но ведь он помог,— пожал плечами я,— а мотивы этого мой друг предпочитает оставлять при себе. Да и кто говорит о бескорыстной помощи. Для начала у меня с Флэши старые счета — еще с Крыма, да и, вполне возможно, мне весьма пригодятся сведения, полученные от него. Я был в Уайтчепеле, не забыли еще, и отлично помню ту резню. Не будет лишним, если я узнаю кое-что новое о ней, не правда ли?

— Так вы работаете на разведку?! — буркнул Лафайет.

— Как и все игроки, маркиз, и не стоит притворяться, будто вы не в курсе этого.

— Тогда ответьте мне на один вопрос,— попросил он, и я кивнул, предлагая ему и задать его,— что вы сделали с той частью бумаг, которые вытащили из логова доктора Моро?

— Мы сожгли все записи, что забрали из его лаборатории,— ответил я, глядя маркизу прямо в глаза.

Несколько секунд играли таким образом в гляделки, но первым взгляд отвел все же Лафайет. Быть может, это и не убедило его в моей правдивости, однако ничего больше по этому поводу он говорить не стал.

— Хорошо,— кивнул он,— я приму вашу помощь. Но в чем именно она будет заключаться? У нас нет четкого плана действий. Или вы успели уже продумать его?

— Плана у меня нет,— покачал головой я,— придется импровизировать на ходу. Одно я знаю точно. Нам надо выманить Флэши из дворца эмира, и сделать это лучше всего прямо сейчас. Я готов заплатить любую цену, чтобы глянуть на его лицо, когда мы поднимем его среди ночи.

— Он вряд ли еще спит,— заметил Лафайет,— покер в офицерском клубе. Так офицеры нашей миссии называют одну из комнат во дворце — обычно заканчивается далеко за полночь. Думаю, сейчас турнир в самом разгаре.

— Тогда нам стоит поторопиться во дворец,— усмехнулся я,— чтобы застать Флэшмена до того, как он уляжется спать. Либо поднять, как только он делает это.

— Вы рискнете отправиться через полгорода без оружия? — В голосе Лафайета звучало неподдельное удивление.

— Думаю, волки разогнали обычных грабителей и те не скоро рискнут нос из своих нор высунуть. А самих

волков нам нечего бояться. Корень преподавал им отличный урок.

Мои слова не слишком убедили маркиза, да и говорил я куда уверенней, нежели чувствовал себя. Так или иначе, возражать он не стал, и мы отправились в эмирский дворец, плотно закрыв дверь дома врача. Та в самом деле звонко щелкнула, как это делают лишь британские замки самой современной модели. Наверное, один из таких же стоял в доме на Николо-Песковской улице, по крайней мере щелкал он очень похоже.

Удивительно, но во дворец эмира мы попали без особых проблем. На воротах дежурил знакомый мне по первому дню в Бухаре уоррент-офицер Симс, который также признал во мне капитана русской команды игроков.

— Да вы рискованый человек, сэр,— усмехнулся он, велел своим подчиненным из местных пропустить нас.— Неужели явились в клуб к нашим офицерам?

— Верно,— кивнул я,— в нашем караван-сараяе не с кем толком перекинуться в карты, а у вас, как сказал мне маркиз, идут настоящие сражения в покер.

— Рискованый вы человек, сэр,— повторил Симс,— отправляться ночью почти через весь город в сопровождении одного лишь телохранителя.

Он покачал головой.

— Не забывайте, что могу за себя постоять,— заметил я ледяным тоном, заставив Симса поежиться, к моему явному удовольствию.

— Я видел вас на арене, сэр,— кивнул он,— и никак не могу поспорить с этим утверждением.

— Быть может, хватит уже болтать,— Лафайет кинул на Симса взгляд, полный такой спеси, что тот даже поморщился,— и вы дадите нам пройти в клуб?

У меня нет желания провести остаток ночи здесь, пока вы ведете светскую беседу с графом.

Симс преувеличенно учтиво, будто на приеме, раскланялся перед маркизом и уступил ему дорогу. Посторонились и стражи из местных. Несмотря на зверские рожи, стальные кольчуги и кривые сабли, они выполняли приказы уоррент-офицера не только словесные, но и в виде жестов.

— Попросите кого-нибудь из слуг в клубе пригласить Флэши на улицу для беседы,— сказал я маркизу, когда мы отошли на достаточное расстояние от поста,— там мы его и возьмем, как говорится, тепленьким.

— Флэши, конечно, пройдоха до мозга костей, но все же он может оказаться крепким орешком. Вытянуть из него информацию будет не так просто, как кажется.

— Когда вопрос встанет о жизни и смерти самого Флэшмена, он легко согласится на все, лишь бы сохранить себе жизнь.

— Вы собираетесь угрожать смертью британскому офицеру буквально под окнами комнаты, набитой его товарищами? — обернулся ко мне маркиз, остановившись от удивления.

— Конечно,— кивнул я, даже шагу не замедлив,— буду пытаться его и прикончу, если придется. Без зазрения совести. Сведения, которые мы можем получить от него, слишком важны, чтобы размениваться на такие вещи, как мораль.

— Я не об этом,— усмехнулся, нагоняя меня, Лафайет.— Все же прав относительно вас этот офицерик, что стоял у ворот дворца,— вы исключительно рискованный человек.

— Выйдите пару раз на арену хотя бы против обычной команды, я уж не говорю о тварях вроде тех, что

убили одного моего бойца и едва не сделали калекой другого, тогда и поговорим с вами о риске.

В ответ маркиз лишь головой покачал.

Мы остановились у того крыла дворца, которое занимали британские офицеры, дальше Лафайет отправился один. Вернулся он довольно быстро, отступив в тень от стены дворца рядом с нами. Еще спустя минут десять двери отворились снова, на пороге показалась высокая тень. На человеке был распахнутый мундир, от мужчины явственно несло вином, а рубашку под мундиром «украшали» несколько больших пятен этого алкогольного напитка. Похоже, Флэши — если это был он — не столько играл в карты, сколько пил этой ночью.

— Маркиз? — раздался знакомый мне еще с крымских времен голос.— Что за чертовщина, маркиз? Вы решили разыграть меня? Или это чертов слуга хочет так подшутить надо мной. Я ведь знаю, что вас уже не должно быть на этом свете. Я уже выпил за упокой вашей мятежной души.

Флэши вышел из дверного проема и, стараясь держаться на свету, благо того хватало от окон, сделал пару шагов.

Я кивнул Корню, и тот метнулся к Флэшмену. Я же быстро шагнул к двери и плотно притворил ее. Флэши был сильно пьян и совсем не готов к нападению. Корень легко припер его к темной стене дворца в том месте, где не падал ни единый лучик света, приставил к его горлу нож, намеренно надавив чуть сильнее, чем следовало, чтобы по шее Флэши сбежала тонкая струйка крови.

— Доброй ночи, мистер Флэшмен,— шагнул я к нему почти одновременно с Лафайетом.

Я увидел, как Флэшмен изменился в лице. Побледнел — ни кровинки не осталось, в глазах читался страх.

— Господа,— голос подвел Флэши, он заметно дрожал и срывался,— быть может, поговорим в более спокойной обстановке?

— Сейчас у нас самая лучшая обстановка для душевной беседы,— покачал головой я,— особенно после невольного признания. Маркиз, надеюсь, у вас больше не осталось сомнений относительно участия Флэши в покушении на вас.

— Их не было с самого начала,— заявил Лафайет.

— Тем более,— кивнул я.— А теперь, Флэши, я тебе вкратце опишу нашу дальнейшую беседу. Ты рассказываешь все без утайки, и если услышанное нас с маркизом устроит, то остаешься в живых. Если же попытаешься юлить или играть с нами, то... Ты достаточно хорошо знаешь русский, чтобы понять слово «убей» — его одного хватит моему человеку, чтобы перерезать тебе горло.

— Блефуете, господа,— попытался усмехнуться Флэшмен, однако взгляд его предательски косил на лезвие ножа в руке Корня.— Вы не рискнете убить британского офицера посреди дворца.

— Перекинуть труп через ограду труда не составит,— отмахнулся я,— а с той стороны дежурят мои люди, и тело найдут в городе. Никого это не удивит, ведь тебе не впервой покидать дворец среди ночи. А сегодня она очень опасная, волки вышли на охоту.

Флэши побледнел еще сильнее, хотя, казалось, это просто невозможно.

— Ты не понял, что пришла твоя очередь говорить, Флэши? — как можно более вкрадчивым тоном поинтересовался я у него.— Тогда мой человек живо тебе об этом напомнит.

Я уже поднял руку, чтобы сделать неопределенный жест, надеясь, что Корень правильно поймет его, однако Флэшмен заговорил раньше:

— Меня прижали, и прижали крепко. Думаете, было особое желание снова вернуться сюда? Я терпеть не могу Восток и все, что с ним связано. Господь свидетель. Я всеми силами стремился избежать этой поездки, если бы не чертов Мориарти, будь он трижды проклят. Я был замешан в одном не самом красивом дельце несколько лет тому назад, как раз когда сбежал из русского плена и уничтожил два ваших корабля в форте Раим. В тот раз не обошлось без Мориарти. У меня возникли определенные финансовые затруднения, а тот через полковника Морана — тоже тот еще пройдоха и весьма опасный сукин сын! — предложил мне поучаствовать в деле с перевозкой рабов. Я имею определенный вес как в Британской Индии, так и в соседних землях, есть у меня связи в Компании, и дельце было весьма прибыльное и вроде бы непыльное. Вот я и согласился не раздумывая. Все прошло как по маслу. Ниггеры ушли по назначению — кто в Лондиниум, кто в Лютецию, а кто и в ваш Москов. Я даже запомнил имя человека, которому они в Москове предназначались, — профессор Преображенский. Оно звучит точно так же, как название вашего первого гвардейского полка, я про него слышал еще в Рагби. Ну и нашего доктора Моро тоже запомнил, про него в газетах много писали в свое время. Не думал, что он остался в Лондиниуме после всех тех публикаций.

Флэшмен замолчал, видимо, чтобы перевести дух, однако Корень на это отреагировал по-своему. Он встряхнул его, будто охотничий пес добычу, и еще крепче прижал остро отточенное лезвие ножа к горлу

Флэши. По шее того снова потекла кровь. Это заставило его говорить быстрее и уже без передышек:

— Мориарти объявился снова, как раз перед тем, как правительство решило отправить миссию в Бухару на коронацию нового эмира. Меня приглашали, но я нашел удобный предлог, чтобы остаться на родине, однако на следующий день мне в клубе отставных офицеров повстречался полковник Моран. Мы с ним в паре обыграли каких-то старых олухов, служивших, наверное, еще во времена Революционных войн, а после отправились выпить. Тогда-то меня и встретил Мориарти. Моран притащил меня на какую-то съемную квартиру, якобы желая угостить превосходным бордо или еще какой-то подобной чепухой, но ничего я не получил. Этот дьявол Мориарти выложил передо мной на стол газеты с завтрашней датой, в них карандашом были обведены статьи обо мне разоблачительного характера. Быть может, я и не агнец Божий и на моем счету довольно грехов, но они были выставлены в таком виде, что глаза на лоб полезли. Это был бы полный крах. Меня не то что в обществе не приняли б, да никто и руки даже после этих статей не подал бы!

Тут голос Флэши сорвался снова, однако дух переводить он не стал — заговорил почти сразу, косясь на лезвие ножа, прижатое к горлу.

— Мориарти уверил меня, что газеты выйдут завтра утром, если я не соглашусь отправиться в Бухару, чтобы проверить, как идут поставки ниггеров для его организации. А заодно велел мне покончить с вами, маркиз, так что я ничего против вас не имею, просто спасал свою репутацию. И, заметьте, не только свою. Ведь представьте, какой урон был бы нанесен Британии, окажись эти статьи в печати?! Первый герой страны

оказывается не просто развенчан, но и заклеймен позором. Это был бы страшный удар по престижу моей родины, я просто не мог этого допустить.

— А заодно распрощаться с «уютным» положением в обществе и лаврами, к которым так привык за эти годы,— поддержал его Лафайет самым ироничным тоном.

— Я был бы уничтожен,— ответил Флэшмен,— и да, в первую очередь я всегда думаю о себе. Но что в этом дурного? Быть может, я просто честнее всех остальных, раз могу себе признаться в этом, а?

— Мне нужны имена людей, с которыми работает в Бухаре Мориарти,— насел на него маркиз,— всех до единого. И не надо врать, будто не знаешь их, ведь ты сам налаживал с ними контакты для Мориарти, верно? И не только здесь, но и в Британской Индии — оттуда ведь тоже рабы отправлялись по разным странам.

Флэши начал говорить, называя имена работоторговцев — как здешних, так и находящихся на других территориях. Но они меня не интересовали вовсе — это уже забота маркиза. Мне не давало покоя лишь одно имя, услышанное от Флэшмена несколько раньше. Профессор Преображенский. Я был точно уверен, что зовут этого человека Филипп Филиппович. Филипп Филиппович Преображенский, он держит частную практику в Москве, я даже адрес вспомнить могу, дом вспомнил. Он не хуже того, что стоит на Николо-Песковской. Именно этот человек в моих снах о прошлом — единственное, что осталось от него, склоняется надо мною в руке со шприцем, полным крови.

Отойдя от отвлеченных размышлений, я заметил, что Лафайет держит почти у самого лица Флэшмена коробочку с большой портсигар размером, под крыш-

кой ее находилось сложное устройство со множеством шестеренок и электрической катушкой, слегка потрескивающей током и поблескивающей редкими искрами. Скорее всего, предназначалось оно для записи звука. О таких ходили слухи да писали не раз в бульварных листках, грешащих различными теориями заговора и прочей чепухой. Однако я был уверен, что нечто подобное на самом деле существует, и вовсе не удивился этой коробочке в руках маркиза.

Наконец Флэши замолчал, видимо закончились имена. Я не сомневался, что назвал он сейчас всех, кого вспомнил. Этот пройдоха слишком дорожил своими жизнью и здоровьем, чтобы лгать в подобной ситуации. Корень уже хотел было его снова встряхнуть, заставив говорить, но я остановил его.

— Хватит,— махнул я рукой бывшему казаку,— он все сказал, вряд ли ему есть сейчас что добавить.

Корень лишь сильнее прижал Флэшмена спиной к стене дворца, однако давить на рукоять ножа, чтобы снова пустить кровь нашему пленнику, уже не стал.

— Что будем делать с ним? — спросил я у Лафайета, нарочито обратившись с таким видом, будто Флэшмена тут уже не было вовсе.

— Можно было бы и прикончить,— с тем же нарочитым равнодушием пожал плечами маркиз,— но с этим будет слишком много проблем, даже если свалить убийство на волков. Пускай живет, он теперь у меня на крепком крючке сидит, верно, Флэши? — Он усмехнулся, кинув на бледного как смерть Флэшмена веселый взгляд.— На этой пленке,— Лафайет намеренно громко щелкнул крышкой коробочки,— хватит твоих излияний на то, чтобы стереть в порошок всю славу первого героя Британии. И, кстати, я подданный фран-

цузского короля, и на честь твоего острова, его королевы и немецкого принца, который вами правит, мне наплевать совершенно. Просто имей это в виду, Флэши, если решишь снова устроить покушение на меня. Знай, несколько расшифровок записи с нее отправятся разными путями в штаб-квартиру Ордена в Лондиниуме.

— Мне не с руки играть против Ордена, сэр,— сумел выдавить из себя нечто вроде приятной улыбки Флэшмен.

— Отлично,— кивнул со столь же фальшивой улыбкой Лафайет.— Надеюсь, вы понимаете, что, если на вас снова выйдут люди Мориарти, вы первым делом побежите к нам за помощью.

— Я безмерно рад, что получаю защиту Ордена от этого дьявола в черных очках.

И отчего-то мне показалось, что в этот раз Флэши не совсем кривил душой.

— Отпусти его, Корень,— велел я запорожцу.

— Я думал, мы пришли прикончить его,— ответил тот, продолжая держать Флэшмена, глядя на него самым зверским взглядом, на какой был только способен.

— Он нам все рассказал, и Лафайет решил пощадить его,— объяснил я.

— Жаль все-таки, что нельзя пустить ему кровь.

И Корень напоследок, хорошенько приложив Флэшмена о стену дворца, отпустил его. Удивительно, но британский полковник сумел удержаться на ногах.

— Всего хорошего, мистер Флэшмен,— с почти придворной учтивостью раскланялся с ним маркиз.

— Доброй ночи, господа,— решил попрощаться со всеми нами разом Флэши и как можно скорее нырнул обратно в дверь.

— Не остерегаетесь его? — спросил я у маркиза. — Каким бы трусом ни был Флэшмен, но он все же довольно опасный человек, способный на любую низость и подлость, особенно когда дело касается его жизни и здоровья.

— Когда дело идет о репутации, как видите, он щепетилен ничуть не меньше, — усмехнулся Лафайет. — Уверен, он сидит у Ордена на крепком крючке и уже не соскочит с него. Ему нужна защита от этого таинственного Мориарти, кем бы тот ни был.

— А вы не думаете, что Флэшмен просто выдумал его, чтобы было на кого свалить вину?

— Сомнительно, хотя и в духе Флэши. Но для чего ему самому ввязываться в столь масштабную аферу с отправкой рабов ученым в самые разные города? Да он же просто не знал большинства из тех, кому посылал людей. Быть может, он и способен совершить подобную аферу, но для этого ему нужно стоять во главе серьезной преступной организации, а вот это как раз не совсем в духе Флэшмена.

Я лишь плечами пожал в ответ. Флэши был невероятно везучим сукиным сыном, скользким, будто уж, способным вывернуться из любых неприятностей, что и подтвердил только что. Он вполне мог бы возглавлять какой-нибудь преступный синдикат, но меня лично это волновало не слишком сильно. Пускай об этом голова болит у маркиза и его товарищей по Ордену, ну и еще у господина из дома на Николо-Песковской, меня дела такого масштаба не касаются.

— Скоро утро уже, — покосился на светлеющий горизонт Лафайет, — вы будете в вашем караван-сараяе лишь к рассвету. Не желаете заночевать у меня? Место в выделенных покоях вполне хватит на всех.

— Нет,— после короткого раздумья отверг я предложение маркиза,— лучше отправлюсь в русское крыло дворца. Думаю, граф Игнатьев не откажет нам в гостеприимстве.

— Как хотите,— не стал настаивать маркиз.

Мы распрощались с ним, и я вместе с Корнем отправился ко входу в то крыло дворца, где поселили графа Игнатьева. К счастью, довольно быстро встретили слугу и смогли втолковать ему, куда нам надо. Иначе точно заблудились бы и проплутали не то что до рассвета — до полудня точно. Слуга же быстро провел нас в покои, занимаемые графом. Как ни странно, Игнатьев не спал, хотя объяснение этому нашлось достаточно простое, можно сказать очевидное. Час был уже не столько поздний, сколько ранний — и граф поднялся с постели и даже приступил к какой-то бумажной работе.

— Только не говорите мне, что не ложились вовсе этой ночью,— произнес он вместо приветствия, как всегда решив им пренебречь.

— Хорошо,— пожал плечами я,— не стану вам этого говорить. Думаю, этот факт очевиден.

— Это безответственно с вашей стороны! — ткнул меня пальцем в грудь Игнатьев, кажется, мое поведение настолько сильно раздражило его, что он позволил себе позабыть об элементарных нормах приличия.

— У меня был тяжелый день, граф,— усталым голосом произнес я,— который я провел рядом с операционным столом, где врач собирал по кусочкам сустав руки моего бойца. Он работал до глубокой ночи, а я стоял рядом с ним и слушал, как рассказ о каждом его действии. Лишь когда я убедился, что с моим человеком все будет хорошо и руку отнимать не придется, смог отправиться на отдых. Не я виноват в том, что Армасу раз-

мозжило конечность во время схватки с хтониками, и нет моей вины в том, что врач почти до самого утра собирал ему сустав по кусочкам в прямом смысле слова.

Свою эскападу с волками, маркизом Лафайетом и Флэшменом я решил опустить — незачем о ней знать графу.

— Теперь нам с Корнем нужен лишь отдых, полноценные часы сна.

— Их у вас будет не так много, как вам бы хотелось, граф,— с мрачным видом сообщил мне Игнатьев.

— В чем же дело?

— В играх третьего дня не был выявлен победитель,— объяснил Игнатьев,— и эмир решил, что завершить их должна дуэль капитанов лучших, по его мнению, команд. Она состоится вечером уже сегодняшнего дня, за два часа до заката. Так что сегодня, боюсь, вас ждет еще более тяжелый день, нежели вчерашний. Я хотел рассказать вам об этом после похорон, но вы отказались слушать и ответили в столь оскорбительном тоне, что позволил себе пустить дело на самотек.

Граф оперся рукой на край стола и потер ладонью другой руки лицо, будто отгоняя некое наваждение.

— Прошу прощения,— выдавил из себя я,— видимо, после похорон был несколько не в себе и не мог полноценно воспринимать ваши слова относительно дел в Бухаре.

— Дело прошлое,— отмахнулся Игнатьев.— Оба мы тогда повели себя ненадлежащим образом, и я также приношу вам свои извинения. Сейчас не время, чтобы ворошить даже столь недавние события. От этой дуэли зависит слишком многое. Простите уж, но не только ваша жизнь и вознаграждение команды. Судьба всех переговоров нашей миссии висит, можно сказать, на волоске.

Сейчас вы — главный дипломат Российской империи, — усмехнулся, правда не слишком весело, граф.

— Неужели будущие переговоры настолько важны? — пожал плечами я. — Какое дело России до этих земель? Они же чертовски далеко от наших столиц.

— От Лондиниума они еще дальше, однако Британия проявляет к ним повышенный интерес. Очень скоро здесь может пройти сухопутная граница между нашими империями, и чем сильнее мы отодвинем ее от наших нынешних рубежей, тем лучше для нас, как вы понимаете. Сегодня вы льете кровь на арене, чтобы завтра ее не проливали наши солдаты в этих песках.

— Очень красиво сказано, — заметил с усталой иронией я. — С таких красивых слов обычно начинаются не самые красивые дела.

Игнатьев поджал губы, явно уязвленный моими словами и тоном, каким они были сказаны, однако отвечать ничего не стал. Решил просто свернуть наш не слишком удачный разговор:

— Слуги устроят вас с товарищем на отдых. Скажите, в котором часу вас разбудить?

— А сколько сейчас?

— Я поднимаюсь в четыре утра, значит, сейчас около половины пятого. С часами во дворце не слишком хорошо, а карманные я оставил на столе, поэтому могу сказать время лишь приблизительно.

Иногда граф бывал просто удивительно дотошен в деталях, что раздражало.

— Разбудите нас за час до начала дуэли, — решил я, — и распорядитесь, чтобы мой костюм и оружие доставили сюда.

— Конечно, — кивнул Игнатьев. — Слуги проводят вас в ваши комнаты.

Я направился к выходу, но граф остановил меня, бросив:

— Помните мои слова насчет главного дипломата. Я не шучу!

Ничего отвечать я не стал.

Не прошло и пяти минут, как я без сил упал на застеленную мягким ковром и заваленную множеством подушек тахту, тут же провалившись в глубокий сон без лишних сновидений.

Глава 6

КАРФАГЕНСКАЯ ДУЭЛЬ

Заметки на полях

КАПИТАНСКАЯ ДУЭЛЬ

Дуэли капитанов проходили по определенному регламенту в том случае, если на играх, длящихся несколько дней, во всех командах, добравшихся до финала или вышедших в следующий тур, осталось слишком мало бойцов, чтобы продолжать участие дальше.

Дуэль капитанов не была частым явлением, лишь на Больших играх могли устроить таковую ради определения победителя. Также дуэль капитанов происходила, если на победу в турнире той или иной команды были сделаны весьма крупные ставки, и никто из вложивших деньги не желал лишиться законного выигрыша, даже в итоге и

оставшись при них. А потому победитель должен был быть определен однозначно. Конечно, барон де Кубертен и возглавляемый им Олимпийский комитет были резко негативно настроены по отношению к тотализатору, поэтому и на Олимпийских играх, в частности, никогда не проводились дуэли капитанов, даже если ради престижа той или иной страны требовалось определить безоговорочного победителя.

Из сна меня снова выдернул Корень, но на этот раз я ему был только благодарен — слишком уж тревожным стало его содержание. Оказалось, я покрылся холодным потом, хотя во дворце эмира было достаточно тепло — ночами здесь топили. Я соскочил с тахты, уверенно встав обеими ногами на пол, потряс головой, стараясь избавиться от последних обрывков сна, как будто прилипших к моей голове.

— Командир, ты в порядке? — спросил у меня Корень. — А то будто сам не свой, да и стонал во сне будь здоров. Я уж думал, что горячка у тебя.

— Знаешь, бывают у меня дурные сны, — покачал головой я. — Вот такой и накрыл.

Корень лишь плечами пожал.

— Оружие и костюм доставили сюда, — доложил он, — так что можешь облачаться и поедем.

Для начала я привел себя в порядок. Пока умывался и скоблил подбородок одолженной у графского цирюльника бритвой, прислушивался к своим ощущениям. Отдых, конечно, пошел мне на пользу, но был все же слишком коротким. Я уже не в том возрасте, чтобы столь быстро восстанавливать силы после бессонной ночи, которой предшествовал по-настоящему безумный день.

Но ничего не подделаешь, сегодня снова драться. За честь Родины или за деньги, что я получу, или за выполнение обещания, данного мне хозяином дома на Николо-Песковской улице,— не столь важно. Здесь и сейчас имеет значение лишь то, что придется сойтись в поединке с капитаном команды, опытным и очень опасным бойцом. И не представляю, чего от него ожидать. Да, я не знаю, кто это будет. Хотя кое-какие подозрения на этот счет у меня, конечно, имелись.

Сразу во дворце переоделся в костюм для игры, который успели починить и привести в более-менее божеский вид слуги графа. Ну да, мне в нем не на бал идти. С трибун все эти зашитые прорехи и застиранные на скорую руку пятна все равно не будет видно.

В этот раз до арены придется ехать в отдельном паланкине, будто настоящему вельможе. Даже Корень не имеет права находиться рядом со мной до тех пор, пока не покину арену тем или иным способом, как говорится, на щите или со щитом. Я закинул внутрь паланкина секач, до поры упрятанный в чехол, но сам следом заскакивать в него не спешил.

— Ну, друже,— сказал я Корню,— если что, не поминай лихом. Если я не вернусь с арены, ты знаешь, что делать и куда идти.

Запорожец был отлично осведомлен о делах в доме на Николо-Песковской и в случае моей гибели сам должен был явиться туда с этим известием.

— Не зови ее,— бросил мне, мрачно глянув исподлобья, бывший казак, и я отлично понял, о ком он говорит, не называя имени.

Я лишь крепко пожал ему руку и уже собирался запрыгнуть в паланкин, как меня перехватил граф Игнатьев.

— Как вы ощущаете себя? — спросил он, заглянув мне в глаза, как будто одним взглядом хотел узнать ответ на этот вопрос.

— Немного отдыха не помешало бы, — честно ответил я, — но перехвачу четверть часа в паланкине, и еще, быть может, окажется немного времени до выхода на арену.

— Дуэль должна стать кульминацией игр, — кивнул граф, — так что прежде будут сражаться со зверьем и еще вроде какие-то карлики на свиньях и собаках, — он сделал неопределенный жест. — Ну, вы понимаете, на Востоке любят подобную потеху. Стало быть, да, еще какое-то время на отдых у вас будет.

— Тем лучше, — ответил я и крепко пожал поданную Игнатьевым руку, как бы то ни было, но уважал этого человека.

Наконец я забрался-таки в паланкин и действительно задремал, растянувшись на мягких подушках. Однако полноценно поспать не удалось — проснулся от того, что мы остановились. Тут же слуга распахнул занавеску, чтобы я знал, куда именно выпрыгивать. Покинул паланкин и вынул из него чехол с секачом, закинув оружие на плечи. За тем же слугой отправился в помещение под ареной, где мне предстоит ждать своего выхода.

В прохладной и тихой комнате, явно рассчитанной на большее количество человек, присел на длинную лавку, откинувшись спиной на стену. Секач пристроил рядом. И почти сразу задремал. Все-таки времени поспать мне в этих сутках катастрофически не хватало.

Этот сон не был похож ни на один из других. Его нельзя отнести к крымским, ибо в этот раз из глубин моей памяти поднялось нечто такое, о чем я, честно

говоря, и не подозревал. И события эти явно происходили раньше Крымской кампании.

Два человека стояли передо мной. Обоих я знал очень хорошо и давно. Первый — среднего роста, крепкий. Сколько помню его, он всегда боролся с полнотой, изнуряя себя упражнениями, конечно, в то время, когда не пил, не шастал по балам и не волочился за юбками. Потому и борьба с лишним весом шла с переменным успехом. Однако так или иначе, но он держал себя в форме, очаровывая дам и барышень не только редким для русского человека нордическим лицом и пшеничной шевелюрой, но и крепкой мускулатурой. Второй же был выше него ростом, но заметно тоньше в кости, лицо у него было столь благородное, а манеры так аристократичны, что сразу становилось понятно — перед вами жулик первого разряда. Но какой жулик! Человек, способный обмануть аристократов старым как мир трюком, прикинувшись не кем иным, как графом Калиостро, тайно вернувшимся в Россию. А уж его вечная присказка «я лишь исправляю ошибки Фортуны» чего стоит! Но сегодня он даже не улыбался, хотя это было свойственно ему в самых сложных ситуациях. Вот только назвать таковой нашу было бы попросту смешно.

— Мы впутались в весьма некрасивую историю, — заявил аристократичный и мрачный Шуленин, — еще немного, и до нас доберутся.

— А кто именно доберется, — обыкновенная веселость изменила и Анненскому, который то и дело проводил нервным жестом по пшеничным усам, которыми гордился бы любой прусский юнкер, — те или эти?

— Кто бы ни добрался, нам несдобровать, — отмахнулся Шуленин. — Живыми мы доставим слишком много хлопот.

— Значит, пришла пора разбежаться,— вздохнул Анненский.— Предпочту не знать, куда отправитесь вы, господа, и вам ничего не скажу,— он помолчал секунду, а после задал мне вопрос: — Но какого дьявола вам понадобилось оставлять ту розу на теле? Я понимаю, визитная карточка и все в этом духе, ты бы никогда не получал столько за контракты без этого, но в этот-то раз можно было воздержаться. Твое тщеславие нам слишком дорого обошлось.

— Это было условием нашего общего нанимателя,— пожал плечами я, снова про себя подивившись тому, как почти незнакомо звучит мой голос, интонации совсем другие.— Да и не знал я, пока нас Шуленин не собрал вместе, во что именно ввязаться угораздило.

— Значит, пора и вправду позабыть имена друг друга и отправиться куда подальше,— кивнул Шуленин.— С вами приятно было работать, друзья, желаю вам удачи, чтобы не добрались ни те ни эти.

— Барин! — раздался крик пожилого человека.— Едут сюда!

Мы обернулись на голос, у окна дома стоял пожилой дядька, воспитатель Анненского, продолжающий присматривать за своим великовозрастным дитятей, он указывал на улицу. С высокого второго этажа гостиницы нам было отлично видно съезжающие к главному входу черные кареты, запряженные вороными. Лишь одно весьма солидное заведение имело привычку отправлять по городу такие вот экипажи.

— Приплыли, господа,— резюмировал Анненский.— Нестор, тащи сюда оружие, прорываться будем. С музыкой.

Да уж, с музыкой — это уж точно, подумал тогда я, а ладонь словно сама собой нащупала рукоять сабли.

Из сна меня выдернул поток света, ударивший в глаза. Я резко выпрямился на лавке, пальцы сами собой нашли чехол с секачом. Оказывается, я даже его не снял, что достаточно опрометчиво с моей стороны. Быстро освободив оружие, поспешил на арену и вполне закономерно оказался последним. Оба противника уже стояли на песке, дожидаясь меня и внимательно приглядываясь друг к другу. Я, стараясь двигаться как можно быстрее, но без суеты, прошел к своему месту, замыкая треугольник.

Наша дуэль капитанов будет весьма необычной — такие редки даже на Больших играх, и называют их отчего-то Карфагенскими. Вроде бы термин пришел из колумбийских колоний этого государства, но утверждать не стану — не силен в терминологии. Схватка двух противников, примерно равных в силе, это уже достаточно сложно, а когда их трое, то она превращается в настоящую рулетку, где на результат не может положиться никто, даже сам Господь Бог.

Пока шагал по скрипящему под сапогами песку, внимательно глядел на будущих противников. В том, кто будет первым, я почти не сомневался — вот только считал, что драться придется лишь с ним одним. Знакомый мне еще по пиру в наш первый день в Бухаре капитан Джеймс Эбернети щеголял новеньким, с иголки, красным мундиром. Не удивлюсь, если он на каждый бой надевает свежий, раз финансы позволяют. Мундир дополнял стандартный набор кожаной брони со стальными накладками и капеллину с полузабралом. На плече капитана лежал тяжелый двуручный меч.

А вот второй враг был куда интересней. Я бы не взялся определить национальную принадлежность, потому что длинная и тощая на вид фигура его была

замотана в черный балахон с головы до самых пят, и, пока он не двигался, даже ног было не увидеть. Голову скрывал низко надвинутый на лицо капюшон, поэтому его и нельзя было разглядеть. Но куда больше лица и ног взгляд привлекало его оружие — пара египетских хопешей, такие я видел у Яхмоса ап Фта. Даже беглый взгляд позволял понять — оружие это отменного качества. Да и боец не хуже.

Стоило мне занять свое место, как трубы пропели начало схватки. Ни один из нас, конечно же, не ринулся в атаку. Мы с Эбернети перехватили свое оружие для боя, но продолжали стоять, будто вросли в песок арены. Черный же даже не поднял рук — лишь раздался короткий металлический звон. Раз, другой, третий. Только после пятого я понял, что это черный неуловимыми короткими движениями звякает клинками хопешей друг о друга. Эти звуки выводили из равновесия, не давали сосредоточиться на схватке и, что самое неприятное, были неритмичными. Я не знал, когда раздастся следующий звякающий удар — через мгновение, меньше секунды или же когда капля пота сползет по моему виску почти до самой челюсти. Я сжал зубы до скрипа, стараясь не поддаться на эту простую, но столь эффективную провокацию. Слишком хорошо знал главное правило Карфагенской дуэли — всегда гибнет атаковавший первым.

Я старался глядеть Эбернети прямо в глаза, которые хорошо было видно не в слишком узких прорезях полузабрала. Он не отводил взгляда с моего лица. Теперь все решает выдержка. Кто первый поддастся на провокацию черного, тому и лежать на кровавом песке.

Нервы не выдержали у британца — я поймал быстрый взгляд в сторону черного. Лишь на мгновение он

выпустил меня из поля зрения, и я не дал ему второго шанса. Стремительный выпад секача с короткого подшага — ложный, легко читаемый в обычном поединке финт. Однако сейчас все иначе. Клинок свистит, пролетая мимо легко уклоняющегося противника, заставляя его сместиться к черному, подойти на те же самые полшага. И тот смог достать Эбернети — чем, конечно же, не преминул воспользоваться. Стремительно поднялись полы одеяния — темная фигура метнулась по песку, вскидывая оба хопеша. Как оказалось, не для атаки, а чтобы принять на их лезвия тяжелый клинок двуручного меча. Эбернети решил атаковать, он полагался больше на силу и вес своего оружия, считая, что тощий на вид, вооруженный лишь легкими хопешами враг не сумеет отбить его могучий удар. Однако смог.

Черный поймал тяжелый клинок в захват и, зажав лезвиями хопешей, пускай не без труда используя инерцию вражеского замаха и вес его оружия, свел его в сторону. Эбернети резво отпрыгнул назад, плавным движением освобождая меч. Тут бы мне его и атаковать, но он ждал именно этого, а потому я лихо, с плеча, рубанул черного. Подставить оба хопеша тот уже не успевал, предпочтя разорвать дистанцию. Он ушел из-под удара плавным движением, больше всего напомнившим танцевальное па. И почти тут же мне пришлось парировать быстрый выпад Эбернети, но я был готов к этому, даже ждал его атаки. Наши клинки скрестились, породив целый сноп искр. Эбернети атаковал снова с прежней яростью, ничуть не сказавшейся на его мастерстве. Я отбил и второй выпад, но это стоило мне известных усилий. А вот на третьем я резко шагнул вперед, не дав противнику как следует замахнуться, и сам нанес быстрый удар по основанию

клинком своим секачом. Эбернети был готов к такому повороту событий, но вот толчка стальной рукояткой под ребра явно не ожидал. Кожаная броня, конечно, частично сдержала мой удар, но я был достаточно близко, чтобы услышать треск костей.

Развить успех не удалось — на меня летел черный с хопешами, уже занесенными для смертельного удара. Я прыгнул вперед, перекачиваясь через правое плечо, и тут же вскинул секач, защищаясь от возможной атаки. Однако оказалось, что я не совсем верно оценил намерения черного. Он целил не в меня, а в Эбернети. Британец сумел каким-то чудом отбить один хопеш, приняв его на широкий клинок своего меча, однако второй в тот же миг глубоко вошел ему в правый бок. Остро отточенное лезвие вспороло брюшину. Черный почти тут же освободил оружие. Из раны на боку Эбернети хлестал поток темной крови. Она выливалась мощными толчками, что не оставляло сомнений — рана смертельная.

Сейчас нас с черным разделял лишь умирающий британец, и я решил, что не воспользоваться такой возможностью глупо. Смертельно глупо! Не поднимаясь с колена, прыгнул на врага. Однако даже секач для удара заносить не стал — моей целью было уже мертвое тело Эбернети. Я врезался в него плечом, толкнув изо всех сил на черного. Тот отскочил назад, чтобы не попасть под падающий труп, но правая рука его оказалась слишком далеко от тела — это было единственным выходом из сложившейся для него ситуации, ведь зажатый в ней хопеш все еще был скован вражеским клинком. Тяжелый двуручник, выпавший из стремительно слабеющих рук Эбернети, так и норовил увлечь за собой и зацепившееся за него оружие черного. Продолжением движения я сделал глубокий выпад се-

качом — ведь им можно не только рубить, но весьма эффективно колоть.

Острый угол клинка распорол руку черного — на темной ткани его плаща появился сначала длинный разрез, а после показалась и кровь. Я умудрился достать до подмышки, судя по тому, как рука черного повисла плетью, а рукоять хопеша выпала из пальцев.

И почти тут же он кинулся в стремительную атаку. Черный бил быстро, в этом ему не откажешь. Атака его была расчетливой, а отнюдь не отчаянной. Я не успел бы отразить ее мечом или иным оружием, но у меня в руках был мой секач, и вряд ли черный мог предвидеть, что против него выйдут с чем-то таким. До схватки с Лэйрдом мне не доводилось сталкиваться ни с чем подобным. Видимо, как и черному. Я принял удар его хопеша на стальную рукоять секача и тут же рванул его к себе, зажимая вражеский клинок между нею и обратной стороной моего клинка. И тут же, используя инерцию собственного движения, сделал короткий выпад. Широкий конец клинка врезался в живот черного, заставляя того переломиться почти пополам. Он вошел в тело глубоко, почти не встречая сопротивления. Я тут же шагнул назад, рывком попытавшись обезоружить врага, и мне это удалось. Хопеш вырвался из пальцев черного и упал к моим ногам. Почти одновременно с ним на песок арены опустился и сам черный, поникнув прикрытой капюшоном головой. Левую руку он прижимал к глубокой смертельной ране на животе.

Я замер на несколько мгновений, отчетливо слыша за спиной скрип кожаной брони бьющегося в последних судорогах агонии Эбернети, шелест песка, загребаемого сапогами. Черный же не издавал ни звука, он

за всю схватку не проронил ни слова, не было ни единого боевого клича или стога боли. Даже плащ его «говорил» больше — хлопал при стремительных движениях одетого в него человека. Черный и сейчас стоял передо мной на коленях молча, склонив голову в капюшоне, признавая поражение. Только на играх в Бухаре это может означать одно — смерть. Никакого иного исхода эмир не примет — это я понимал со всей отчетливостью.

Нет, не испытывал никаких угрызений совести по поводу убийства беззащитного уже противника. Он был врагом и должен умереть — таков закон для всех вышедших на арену. Непреложный закон для любого игрока. Если ты не готов принять его, то тебе нечего делать в нашей профессии, жестокой и кровавой. А самое главное, не терпящей сляктяев и любителей порассуждать о ценности всякой человеческой жизни.

В этот момент я просто тянул паузу — чисто театральный эффект, без них в нашем деле тоже никак. Убивать и умирать надо уметь красиво, и черный это отлично понимал. Я эффектно взмахнул секачом и опустил его на левое плечо черного, разрубив его почти до середины груди. Уверен, он умер мгновенно. В отличие от капитана Эбернети, добивать которого не стал, а просто перешагнул через конвульсивно подергивающееся тело и направился к ближайшему выходу с арены.

Лишь когда сделал третий шаг, публика на трибунах разразилась овацией. И это стало мне лучшей наградой.

Эпилог

— А он у вас крепкий парень,— вместо приветствия сказал Али, когда мы с Корнем на следующий день вернулись в его дом.

— Как он? — спросил я, также решив обойтись без словесной шелухи. Сын Авиценны был не из тех, кому важны светские условности, в то время как забота о пациенте была для него близка и понятна.

— Неплохо, никаких следов заражения. Даже удивительно, учитывая какие травмы он получил. Теперь ему главное не тревожить руку примерно три-четыре месяца и наведываться к докторам. Ну а после уже можно будет разрабатывать ее снова.

— И я буду стрелять? — неожиданно раздался голос Армаса.

Мишин лежал на носилках, которые осторожно несли двое слуг. Очевидно, лекарь видел, что мы прибыли к его дому на просторном паланкине, и отдал распоряжение принести нашего друга еще до того, как спустился к нам. Из-за кровопотери стрелок выглядел очень бледным, с темными кругами под глазами. Перевязанная рука его была заключена в конструкцию из шин, крепив-

шихся к телу, так что Армас не смог бы ей пошевелить при всем желании. В обычном непроницаемо спокойном голосе Мишина сейчас слышались отчаянные, просящие нотки. Он не был готов закончить свою карьеру игрока, сколько бы денег ни скопил на разных счетах.

— Ничуть не хуже прежнего,— заверил его Али,— но лишь при условии, что первые месяцы будете беречь руку. Плечевой сустав у вас держится на моем честном слове.

Отчего-то я не сомневался, что честное слово доктора Али по прозвищу Сын Ибн Сины весьма и весьма крепко.

— Я сам прослежу, чтобы Армас берег руку,— заверил врача, стискивая его ладонь.— Вы спасли мне бойца, и я ценю это. Знайте, что теперь я у вас в долгу.

— Не попадайте ко мне на стол,— решил отшутиться Али,— это будет вполне достаточной благодарностью.

— Обещать не могу,— в том же тоне ответил я.— К вам, конечно, вряд ли, но в моей профессии без ран и травм редко обходится.

Слуги лекаря отнесли носилки с Армасом во двор к паланкину, и рабы понесли его к караван-сарая. Мы же решили проделать этот путь пешком. Хоть таким образом отодвинуть время перед возвращением во дворец и необходимостью проводить вечер на очередном пиру.

Вчера на выходе с арены меня перехватили граф Игнатьев с ротмистром Обличинским, лишь немного не обогнав крайне обрадованного тем, что я жив, Корня. Граф сиял будто новенький империал. Он заверил меня, что миссия наша полностью удалась, и мы отлично утерли британцам нос, и что на грядущем пиру он лично будет беседовать с Музаффаром о нормальном посольстве в Бухару. А следом обрадовал меня тем, что эмир желает видеть игроков немедленно. Встреча эта, к счастью, оказалась короткой, и я смог

наконец нормально отдохнуть. Прямо во дворце я завалился на знакомую тахту и провалился в сон.

Теперь же нужно было идти на упомянутый графом пир, в очередной раз олицетворяя военную мощь Российской империи. Ей-богу, чувствую себя свадебным генералом или китайским болванчиком.

Отсрочку в этом вопросе нам подарил маркиз Лафайет. Он появился на улице перед домом доктора Али, как раз когда мы прощались с врачом. Не сказать что в этот раз я был рад видеть рыцаря, и виной тому был очередной крымский сон. Усталость стала причиной или пережитое во время схватки напряжение, но вчера я узнал о себе нечто по-настоящему важное. Особенно в свете моих отношений с Орденом.

— Завтра я покидаю Бухару,— сообщил нам маркиз,— и хочу поблагодарить вас за свое спасение и то, что помогли мне в моей миссии здесь.

— Разве вы не будете сегодня на пиру?

— Нет. Скажу по секрету, британцы весьма раздосадованы итогами переговоров, и только опасение оскорбить Музаффера отказом вынуждает их явиться на это мероприятие. Мне же предстоит как следует подготовиться к обратному пути. Теперь у Ордена имеются серьезные доказательства против ученых, проводящих незаконные эксперименты. А еще мне предстоит серьезный разговор с магистром относительно истинных выроdkов. Тех, кто напал на меня ночью.

Я кивнул. Если маркизу удастся убедить магистра в опасности истинных выроdkов и таким образом сместить внимание с товарищей Корня, то мы все будем у него в неоплатном долгу. Не говоря об Уайтчепельской бойне. Будь политика Ордена иной, гибели многих женщин, детей и стариков удалось бы избежать.

— А каким образом Флэшмен вообще сумел натравить волков на нас?

— Несмотря на свою трусость, он довольно опасный человек, имеющий связи на Востоке с самыми неожиданными людьми. И не только людьми. Чем и заинтересовал, видимо, профессора Мориарти, кем бы он ни был.

— У меня к вам одна небольшая просьба, маркиз.

— Для вас, граф, что угодно,— вполне искренне заявил Лафайет.

— Не начинайте работу по ученым, информацию о которых вы получили от Флэши, с профессора Преображенского. У меня к нему есть одно дело.

— Надеюсь, он переживет встречу с вами... — приподнял левую бровь маркиз.

— Я ничего не имею против него лично,— покачал головой я, стараясь, чтобы голос мой звучал ровно.— Мне нужно переговорить с ним, не более того.

— Это я могу обещать вам с чистой совестью,— кивнул Лафайет. Он поднялся на ноги, протянул мне на прощание руку.— Рад знакомству с вами, граф,— сказал он.— Быть может, наши дороги еще пересекутся.

На этих словах маркиз изобразил неглубокий поклон и развернулся, направившись в сторону дворца. Я же еще несколько секунд провожал его взглядом, потирая саднящую с самого утра шею. Искренне надеюсь, что высказанное маркизом Лафайетом пожелание никогда не исполнится.

Уже скоро я вернусь в Москов и первым делом отправлюсь вовсе не на Николо-Песковскую улицу и даже не в Борцовскую слободу, чтобы сообщить Зангиеву о необычной судьбе его ученика. Нет, меня манила Пречистенка — хороший доходный дом за номером двадцать четыре, где в большой квартире живет и ста-

вит свои опыты один из коллег доктора Моро — профессор Филипп Филиппович Преображенский. У меня в голове роилось слишком много вопросов, и я должен был найти ответы на них, чего бы мне это ни стоило.

Бородатый профессор был ниже меня ростом, однако в этот раз он глядел на меня сверху вниз, как и его долговязый ассистент с легкомысленными усиками. Оба уже успели облачиться в белые халаты и укрыть волосы под шапочками. Я припомнил, что профессор, представленный мне как Филипп Филиппович, сообщил при первой встрече, что поддерживает все новые тенденции в медицине, а потому готов принять белые халаты, лишь недавно вошедшие во врачебный обиход. Кажется, тогда я еще как-то глуповато и вяло пошутил, но насчет чего именно — уже не упомню. Тогда меня куда больше интересовало, возьмется ли профессор помочь мне или же откажет. Ведь как ни крути, а мое предложение было форменной авантюрой, да еще и не совсем чистой с точки зрения закона и медицинской этики. Однако азарт исследователя победил — и профессор согласился, хотя видно было, что это не слишком нравится ему. А уж ассистент его так и вовсе кривил лицо, пока я посвящал их в суть дела. Однако решение, конечно же, принимал профессор, а вовсе не ассистент.

— Что ж, граф,— произнес профессор, беря с серебряного подноса большой шприц, наполненный кровью,— сейчас доктор Борменталь зафиксирует вас в кресле, чтобы во время реакции вы не нанесли себе травм ненароком, и мы начнем. У вас еще есть возможность отказаться. Я прошу вас прямо сейчас, прежде чем доктор приступит, еще раз подумать и дать мне взвешенный ответ. Не стану вас ни уговари-

вать, ни отговаривать, лишь напомним, что после реакции вы станете другим человеком и сколь-нибудь серьезно прогнозировать результаты не в моих силах.

— Профессор,— ответил я, и голос прозвучал действительно каким-то совсем чужим, не было в нем обычно этой нарочитой, наигранной насмешливости,— это и называется отговаривать. Я принял решение задолго до того, как отправился на первую встречу с вами. Да, я не врач и чаще калечу людей и отправляю их на тот свет, но образование-то получил и осознаю риск, которому подвергаю себя. Пускай ваш ассистент начинает.

Филипп Филиппович зачем-то положил взятый в руки шприц обратно на серебристый поднос и кивнул доктору с немецкой фамилией Борменталь. Тот принялся застегивать кожаные ремни, надежно закрепившие меня в кресле. Последний зафиксировал голову, от чего тут же нещадно разболелась шея, но я старался не подавать вида.

— Ну-с, начинаем,— произнес профессор, снова беря в руки шприц.

Он открыл было рот, чтобы сказать еще что-то, но решил, что слова будут лишними — все уже сказано и не по одному разу.

Доктор Борменталь прошелся по моей шее комком мокрой ваты, сильно пахнущей спиртом,— знакомый по госпиталям Крыма аромат. И следом Филипп Филиппович вонзил в меня длинную иглу шприца. Я почти не почувствовал боли, хотя ощутил, насколько глубоко ушла в шею игла. Профессор надавил на поршень, вливая в меня кровь.

Конец

Октябрь 2014 — март 2015 года

Оглавление

Часть первая. Месть принца Альберта

<i>Глава 1. Лондиниумский Колизей</i>	5
<i>Заметки на полях. Крымские сны</i>	27
<i>Глава 2. В гостях у Ордена</i>	44
<i>Заметки на полях. Выродки</i>	57
<i>Глава 3. Уайтчепельская бойня</i>	68
<i>Заметки на полях. Снова крымские сны</i>	74
<i>Глава 4. Месть принца Альберта</i>	105
<i>Заметки на полях. Большая игра</i>	111

Часть вторая. Довольно-таки средняя Азия

<i>Глава 1. В немилости</i>	135
<i>Заметки на полях. Команда</i>	138
<i>Глава 2. Красный циклон</i>	159
<i>Заметки на полях. Влияние игроков на дуэльный кодекс</i>	174
<i>Глава 3. В Бухару</i>	188
<i>Заметки на полях. Средняя Азия</i>	199
<i>Глава 4. Граф Игнатьев</i>	209
<i>Заметки на полях. Работоторговля</i>	224
<i>Глава 5. Якуб-бек</i>	235
<i>Заметки на полях. Казачество</i>	237
<i>Глава 6. Через Ургенч и по Амударье</i>	257
<i>Заметки на полях. Сокращение армии</i>	260
<i>Глава 7. Нападают врасспех</i>	279

Часть третья. Восток — дело тонкое

<i>Глава 1. Старые знакомцы</i>	293
<i>Глава 2. Новые знакомства</i>	313
<i>Глава 3. Игры по-восточному</i>	331
<i>Заметки на полях. Хтоники</i>	336
<i>Глава 4. Сын Авиценны</i>	350
<i>Заметки на полях. Подлинные выродки</i>	371
<i>Глава 5. Темны ночи в Бухаре</i>	377
<i>Глава 6. Карфагенская дуэль</i>	395
<i>Заметки на полях. Капитанская дуэль</i>	395
<i>Эпилог</i>	407

Литературно-художественное издание

16+

Борис Владимирович Сапожников

БОЛЬШАЯ ИГРА

Ведущий редактор *Екатерина Серебрякова*

Ответственный редактор *Филипп Бастиан*

Художественный редактор *Юлия Межова*

Технический редактор *Валентина Беляева*

Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*

Корректор *Валентина Леснова*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар,

д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

